

СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 0136-0425

М.Я.ОСТРОГОРСКИЙ О ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Д.В. Показов

Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра прикладной социологии
E-mail: Pokatov.DV@yandex.ru

In the article peculiarities of sociological views of M.Ya. Ostrogorsky, one of the originators of scientific sociology, concerning political elite issue are considered. Special attention is drawn to his interpretation of mechanisms of political elite forming, selection of political figures, and also analysis of the factors, which determine these processes.

M.Ya. Ostrogorsky about the Political Elite Issue

D.V. Pokatov

In the article peculiarities of sociological views of M.Ya. Ostrogorsky, one of the originators of scientific sociology, concerning political elite issue are considered. Special attention is drawn to his interpretation of mechanisms of political elite forming, selection of political figures, and also analysis of the factors, which determine these processes.

М.Я. Острогорский является одним из видных представителей российской социологии и политологии. Окончив Гродненскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета, он слушал в Париже лекции по философии и политическим наукам. В ходе своих многолетних поездок по Европе и США он изучал особенности функционирования их политических систем, место и роль политических партий в общественной жизни названных выше стран¹. Итогом стал фундаментальный труд «Демократия и политические партии», изданный впервые в Париже в 1898 г. и переведенный в 1927 и 1930 гг. на русский язык. Именно в этом произведении были изложены взгляды на происхождение и роль такого института, как политическая партия, архаизированный механизм управления ею.

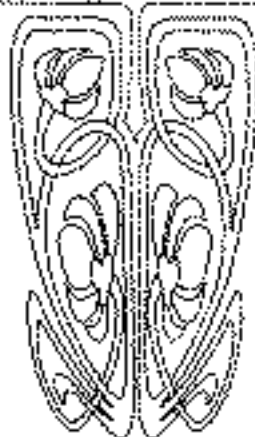
Создавая свою теорию партий, М.Я.Острогорский обращается к проблеме сущности и роли политической элиты в условиях зарождающегося партийного формирования и роста пассивности со стороны уравниваемых масс.

Ряд современных исследователей рассматривают М.Я. Острогорского только как политолога, создателя современной политологии партий или рационализатора политической социологии². Как вылетел из этого круга нуждается в корректировке. Используемый М.Я. Острогорским богатейший эмпирический материал, стремление к созданию научно обоснованной концепции, попытки выявить механизмы происхождения и эволюции ряда политических институтов и отдельных субъектов политической и общественной жизни, а также рекомендации, направленные на преодоление негативных тенденций их развития, позволяют говорить о близости позиций М.Я. Острогорского и других представителей позитивистской социологии.

Как и другие представители теории элиты, М.Я. Острогорский был убежден, что в реальности базованность населения никогда не будет способна к управлению. Даже если обречь массы «люди привычки народной инициативы, непосредственного зажиточательства и испо-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

средствального управления, фактически управлять будет всегда меньшинство¹. Это характерно, не только именно, как для демократии, так и для самодержавия.

Идеалом для мыслителя, как можно судить из его работы, является таи дитя, в котором представлены перцептивные действия, обладающие интуитивом, основанным на их моральных, этических, умственных качествах, которые ориентированы на существо дела, а не условности форм². По его мнению, достигнуть такой степени политической дитя может быть достигнуто только тогда, когда в обществе имеется образованное большинство, выступившее в качестве ведущей силы, оказавшей влияние на часть. В этой связи ученый отмечает: «У распространяемого или базисного элемента власти можно быть умеренно боязливым, что в один прекрасный день перед, обремененный в своих интересах или в своих правах, имеет демократизацию...»³. Для того чтобы представители политической власти сохранили свой потенциал, как считает М.Я. Острогорский, они должны всегда находиться вне удержания, и как ртуть формируя массу как человек не в под, чтобы управлять, а в том, чтобы «запутывать управителей»⁴.

В отличие от некоторых западных и отечественных идеологов, считавших наиболее идеальным типом слон, сформировавшихся в условиях демократического общества, М.Я. Острогорский был убежден, что некоторые демократические режимы порождают посредственных руководителей, при этих режимах сильно влияние демократов и популистов. По его мнению, наиболее боязливыми являются те граждане, которые обладают политической мечтой. Они лишены от первого встречного; их судьба находится в руках человека с усами. Они старательно прячутся, упираясь до него; до тех пор как они увидят не знают его чужака, то на близком расстоянии они не расхохотались возможно ниже и при необходимости к этому⁵.

Значит с тем, несмотря на давнюю негативную репутацию демократия, как и любое другое общество, в представления М.Я. Острогорского, нуждается в покаянии, но они могут явиться и выполнять свои функции лишь при условии, если в этом удержанном обществе существует естественной силой руководящей группы⁶. Однако пока механизмы такого выбора в современном обществе еще не создан, поскольку этому препятствует ряд субъективных и объективных факторов. К основным субъективным факторам он относит низкий интеллектуальный и моральный потенциал масс, их немотивированность, отсутствие активности. Он отмечает, что основным затруднением temporarily политического положения является то, что еще слабо образованные и недостаточно информированные массы недостаточно запугивают политиков⁷.

Это положение, высказанное мыслителем в конце XIX века, весьма созвучно оценке совре-

менной массе и демократическим преобразованиям, которую высказал известный русский философ и правовед П.И. Новгородцев, отмечавший, что «то существу своему "... демократия есть самодержавие народа; но для того чтобы это самодержавие не было пустой функцией, надо чтобы народ выработал свои формы организации. Это должна быть народ, созрелый для управления самим собой, сознающий свои права и обязанности, умеющий свои обязанности и способный к самоограничению»⁸. Однако не только отсутствие «необходимых личностей» препятствует у удержанного большинства массам созданию «фактически механизма естественного выбора лучшей политической организации в общественной. Но и более важным (но уже объективным фактором) является политический формализм, который подталкивает «кредитование человека на человека внешним критерием», уменьшающим значение индивидов, обладающих характером и знаниями»⁹.

Неоспоримой заслугой М.Я. Острогорского является анализ механизма «персонализма» данного общественное явление. Среди этих явлений типичные имеет характер и направленность процесса управления и деятельности такого индивида, как политическое партии.

Рассматривая процесс управления, ученый выделял две его разновидности – «персональную» и «механическую». Управление персональное и ответственное в том случае, если «человеческая личность обладает сознанием своих прав и обязанностей» (о чем говорил впоследствии П.И. Новгородцев), если удерживается «персональный момент и больше становится яни, у которых он может развиваться»¹⁰. Второй тип – «механический» – возникает в том случае и там, где большинство граждан не способны утвердить своей индивидуальности, где политическая дитя распадаются яни по своему усмотрению, как маршкетками. Существующая при таком типе управления власть, как отмечает ученый, является «грубой персональной властью, которая на общепотребительном маркетом коротко обозначается выражением «личная власть», болтушным распространение в качестве «одного из способов абсолютизма»¹¹. Именно такой тип управления складывается впоследствии в ряде авторитарных и тоталитарных общества, а также там, где в качестве правящей дитя утверждается технократия, обращающая значительное внимание на организационно-процедурные вопросы и мало внимания уделяющая социальным потребностям населения.

Возникновение такого «механического» типа управления связано, как считал М.Я. Острогорский, с рядом особенностей демократического процесса, прежде всего, с изобилием и распространением представительного режима удержанном партийной системы. Этот процесс усугубил рассматриваемый типичным образом на материал

функционализация американской и британской политических систем. Используя богатый фактический материал, предоставляемый американской и британской дефегандистскими, он приходит к выводу, что главный парадокс демократии заключается в том, что первоначально возникшая с целью предоставления большему числу возможностей для политического участия населения система представительства, включающая в себя и деятельность партий, становится постепенно главным препятствием на этом пути.

Мыслитель подробно рассматривал, как с радикальным избирательного корпуса в ходе реформ в Великобритании 1832, 1867, 1884 гг. происходила эволюция всей политической системы. Важнейшим результатом было появление и развитие таких политических организаций, как партии, которые, возникнув первоначально как временные организации, имелись целью организационно масс для проведения выборов, приобрели затем устойчивый характер¹⁴.

Необходимость проведения предвыборной агитации и привлечение сторонников последенно привели к появлению специально организованной структуры, в качестве которой выступал так называемый Кокус. Хотя эта категория достигла уже давно используется в западной социологии и политологии, а с 90-х гг. XX века и в российской социологической науке, смысл её остается еще не определенным.

Сам М.Я. Острогорский связывает происхождение термина с английским политическим деятелем лордом Байклиффом, который, «изливая на противников своей сарказм, бросил по адресу новой организации кличку «Кокус», которая в истории американских партий давно связывается с представлением о манерах и условиях беззастенчивых избирательных действий и политической коррупции»¹⁵. Как отмечает ученый, «однажды кличка «Кокус» стала сразу приобретать права гражданства в Англии и превратилась в обязательное название новой либеральной организации»¹⁶.

Исследователи творчества М.Я. Острогорского А.Н. Медушевский в своей статье не только углубляет представление о сущности этого явления. Он отмечает, что по мнению одних термин заимствован из языка пиджана Севериной Америки и означает нечто вроде «созвездия». Согласно другой гипотезе в его основе лежит древнееврейское ассирийское слово «китидо» или «клуб». В современной социологии и политологии его используют для обозначения избирательных комитетов, предназначенных для организации избирательной¹⁷. Известный советский востоковед П.К. Аким рассматривает Кокус как орган, обеспечивающий господство партийной элиты¹⁸. Каждая из этих трактовок отмечает важные особенности данного явления с точки зрения политическая партий, однако они нуждаются в некоторых уточнениях.

В работе самого М.Я. Острогорского Кокус рассматривается как многофункциональная система комитетов, действующая в центре и на местах и выполняющая политические, организационные, идеологические и контрольные функции. На местах главной задачей Кокуса становится мобилизация избирателей в целях выдвижения для участия в парламентских выборах¹⁹. Главной комитет или совет призван «управлять или влиять на сторонников партии, «консультат с ее политикой, знакомит с ней избирателей, ведет и, наконец, избирает кандидатов и депутаты, из которых члены партии обязаны голосовать в день выборов»²⁰. Как отмечает мыслитель, все важнейшие выше функции осуществляются Главным комитетом только в теории, поскольку на практике вся власть принадлежит некому комитету, ведущие дела. Они в котором занимает генеральный секретарь и президент ассоциации. При этом более важной и реально действующей фигурой является генеральный секретарь, «концентрирующий в своих руках все сведения, происходящие от секретарей и членов партийных ячеек, составляющий всю службу комитету информации и информирующей депутаты или кандидата, с которым поддерживает постоянную связь»²¹. В описанной автором структуре и функциях партий, действующих в Британской и американской политической системах, можно, по наш взгляд, увидеть ряд признаков, закрепившихся впоследствии в СССР в деятельности КПСС.

Постепенно укореняясь многих важнейших функций партийными лидерами в США была не случайна и волею ряд социальных оснований, связанных с составом и социальной базой Кокуса. Первоначально Кокус объединил ряд переломных и радикально настроенных представителей рабочего движения, отличавшихся уравновешенностью, хладнокровием и пристрастием к компромиссам. Однако впоследствии социальная база Кокуса расширялась за счет активных членов слесарно-ремесленных, торговых служб и квалифицированных ремесленников. Как правило и здесь нельзя не согласиться с ученым, они не отличались образованностью, их политический кругозор достаточно узок²². В своем большинстве данные предельно образуют две группы, участвующие в деятельности партии «многосторонних борцов», которые «никогда не сумели действовать, развить и реализовать и бороться, и сумираторства, приносящих в партию «своим» от цербольной разнородности»²³. Все вышесказанное выше олоя Кокус привлекает во ряду причин, в том числе возможностью получения власти и должностей, общения с выдающимися политическими деятелями и удовлетворение своих амбиций. Также немаловажным является и финансовая сторона, связанная с увеличением своего материального благосостояния²⁴.

Ряд сходных черт М.Я. Острогорский обнаруживает в структуре и социальной базе партий, действующих в США. Он отмечает, что всех политиков, действующих в американской

политической «элиты», можно разделить на три категории: простых партийных работников (миллионы) выполняющих всю повседневную работу, слушателей, подполковная «лейтенантши» и парламентскими боссами, чьи полномочия зависят от положения их влиятельных и самых богатых, влиятельных руководителем структурных подразделений партий. Как отмечает мыслитель, американские политики формируются из «элитной среды, в значительности обстоятельств и личных вкусов и не всегда отличаются какими-либо выдающимися способностями»²¹.

Ведущие позиции в американских партиях, как и в английских, занимают руководители различных уровней, боссы кварталов, городов, штатов. Однако и здесь имеется своя иерархия, на вершине которой во объективности обстоятельствах оказывается для типа боссов: босс городов и босс штата.

Несмотря на некоторое различие в происхождении (боссы штата являются обычно американцами, а города - вынужден по иммигрантской среде) оба босса не отличаются высокой образованностью. Они не являются ораторами и интеллигентны. Для них характерны оппортунизм, эгоизм, самодовольство, отсутствие амбиций. Данный тип партийного лидера, по мнению М.Я. Острогорского, более адекватен для корпоративных сфер, где создается объективная закрытость и контроль, и совершенно непригоден для открытого демократического общества, в котором требуется поддерживать личиантшу и творчество масс.

Таким образом, процесс развития партий все более свидетельствует об их преобразении в иерархические, закрытые организации, президентскому типу президентии политический и общественной деятельности влиятельных паразитов масс.

Сделанный М.Я. Острогорским вывод о предельности был дополнен в разном одним из родоначальников элитологии Р. Михальсом в книге «К социологии партий в современном демократии» (1911). В ней он указывает на необходимость существования политическим лидерства без ответственности или политической власти²².

По его мнению, даже в том случае, если хотя-либо недовольным массам удается занять господствующий класс его власти, то в среде самих масс с необходимостью появится новое организованное меньшинство, которое возьмет на себя функции господствующего класса²³. Р. Михальс считает, что объективные внешние факторы, связанные, в том числе, с необходимостью поддержания структуры, реализацией функций социализации интересов, неизбежно приводят к образованию в обществе и отдельной организации особого правящего слоя - олигархии, что и выражает суть «железного закона» олигархии. Анализируя данный процесс социализации олигархических структур, Р. Михальс приходит к

выводу, что демократия представляет собой самую «слабую форму» из всех «буржуазных правлений» и создание её первоначальных основ невозможно в принципе²⁴.

В этом смысле демократия по мнению Р. Михальса и М.Я. Острогорского расщепляется. Хотя в представлении последнего деятельность лиц, образующих Кому, и порождает политический формализм, апатии и нежелание избирателей и простых граждан участвовать и повлиять, что не должно, по его мнению, привести к отказу от демократических принципов, нужно опираться в некоторой трансформации. Для того чтобы привнести новую жизнь демократии и сформировать полноценную политическую элиту, М.Я. Острогорский предлагает провести ряд инновационных изменений. В прохитическом плане он считает необходимым способствовать развитию общественных движений и альтернативных партий, откатиться от выдвигания кандидатов от определенных партий, больше внимания обращать на индивидуальную ответственность кандидатов, депутатов и представителей исполнительных властей, поощрять «народную инициативу» участие населения в референдумах²⁵.

По его мнению, «задача, которую надо выполнить, заключается: надо вернуть гражданину власть над государством в восстановлении действительные цели этого государства; надо уничтожить разделение между обществом и политической жизнью и аннулировать разрыв между политикой и моралью; нужно, чтобы гражданская индифферентность уступила место бодрому и бдительному общественному сознанию; нужно, чтобы сознание граждан было освобождено от формализма, который его парализует, чтобы избиратели и влиятельные обладатели власти восприняли свою политическую деятельность существом дела, а не усвоенности фраз; нужно, чтобы преобладающий характер и ума, шлово говоря, наступило управление лидеров, вытесненное политическим мажоритаризмом. Было необходимо в своем праве возникнуть своей управлению республике; в политическом обществе необходимо восстановить авторитет так же, как и свободу, у деградированную дождем, которые торгуют общественным благом вид флотов партии и именем демократии»²⁶.

Приведенный М.Я. Острогорским анализ сущности и сути, механизмов формирования политической элиты в обществе, позволяет считать с нем как об одном из революционных социальных инноваций, который сумел синтезировать научные принципы анализа и гуманистический подход в исследовании структуры сложного общественного феномена, каким является элитная социальная группа.

Применяя научную ориентацию исследования М.Я. Острогорского во многом сближает его подход и методологию представителей классического политологии и социологии.

Примечания

- 1. См. также работы Нурма Юлиана, Ленинград, В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 453.
- 2. *Валленротт В.В.* М.Я. Цетровский о проблеме политических партий // Российская социология: Между об. / Под ред. А.С. Бергмана. СПб., 1993. С. 72. *Мотушицкий А.П.* История русской социологии. М., 1983. С. 225-240.
- 3. *Цетровский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1997. С. 553.
- 4. Там же. С. 538, 539.
- 5. Там же. С. 540.
- 6. Там же. С. 552.
- 7. Там же. С. 555-556.
- 8. Там же. С. 560.
- 9. Там же. С. 552.
- 10. *Николаевский Н.И.* Демократия на пути к развитию // Об общественном сознании. М., 1991. С. 548.
- 11. *Цетровский М.Я.* Указ. соч. С. 506.
- 12. Там же. С. 501.

- 13. *Цетровский М.Я.* Указ. соч. С. 563.
- 14. *Мотушицкий А.П.* Указ. соч. С. 128.
- 15. *Цетровский М.Я.* Указ. соч. С. 99.
- 16. *Мотушицкий А.П.* Указ. соч. С. 132, 226.
- 17. *Лыба Г.А.* Демократия. М., 2005. С. 138.
- 18. *Цетровский М.Я.* Указ. соч. С. 104.
- 19. Там же. С. 170.
- 20. Там же. С. 173.
- 21. Там же. С. 171-174.
- 22. Там же.
- 23. Там же. С. 176-177.
- 24. Там же. С. 428.
- 25. *Михалев С.* Демократия и желтый флаг социализма // Диалог. 1991. № 3. С. 44. За это см. Р. Мичалев «Социализм политической партии и русский демократизм».
- 26. Там же.
- 27. Там же. С. 43.
- 28. *Цетровский М.Я.* Указ. соч. С. 572-574.
- 29. Там же. С. 518.

УДК 316:478+579

**ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ**

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории и истории социологии
E-mail: Rovnova@yandex.ru

Статья посвящена весьма важному и актуальному вопросу о месте и роли принципа социального детерминизма в истории отечественной социологии. Рассматривается, главным образом, развитие принципа применительно к отечественной социологической мысли на разных этапах ее развития.

The Principle of Social Determinism in Russian Sociology

S.A. Rovnova

The paper is focused on important problem of place and role of principle of social determinism in the history of Russian sociology. The meaning of the principle is examined in regard to sociological theory on different stages of its development.

Социальный детерминизм имеет сложную и особенную реализацию в различных культурах и национальных особенностях социологов XIX - XX столетий. Белье проанализировать происхождение данного принципа в истории отечественной социологии, но не только сложной и пестрой картины. Частично анализ с реализацией принципа социального детерминизма в рамках натуралистической школы. Обратимся в данном контексте к такому направлению в отечественной социологии XIX века, как географический детерминизм.

Географический детерминизм - один из разновидностей натуралистических учений, в которых переставленная роль и развитие общества и марсов принимается их географическому положению и природным условиям. Географический детерминизм строится на принципе полной обусловленности деятельности человека естественной средой. При этом абсолютизируется значение географической среды - климата, рек, флоры, фауны, минеральных богатств - и не учитывается сложность взаимодействия человеческого деятельности со средой обитания. Вопросы о влиянии географической среды на быт, нравы, образ управления и общественно-политические процессы рассматривались еще античными авторами. Дальнейшее развитие они получили в эпоху становления капитализма. Наиболее развинутой социологической теорией в рамках географического детерминизма оказался в XIX веке

Теория географического детерминизма многовариантна от традиционных составителей общества и природы и специальному изучению влияния различных факторов географической среды на конкретные общественные процессы и явления. Для этих теорий характерна персонификация

Примечания

1. См. также: Юмв.Россиа. Энцикл. № 2 т. М., 2006. У 1 К. 457

2. *Востряков В.В.* М.Я. Острогорский и проблема национальных партий // Развитие социологии. Между сб. / Наурев, А.С. Иерусалим. СТИС, 1993. С. 72. *Мотушицкий Л.П.* История русской социологии. М., 1983. С. 225–240.

3. *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М., 1897. С. 551.

4. Там же. С. 538–539.

5. Там же. С. 549.

6. Там же. С. 552.

7. Там же. С. 555–556.

8. Там же. С. 560.

9. Там же. С. 552.

10. *Николаев Н.И.* Демократия на заре пути // Об общественном идеале. М., 1891. С. 548.

11. *Острогорский М.Я.* Указ. соч. С. 566.

12. Там же. С. 565.

13. *Острогорский М.Я.* Указ. соч. С. 563.

14. *Медведевич А.И.* Указ. соч. С. 128.

15. *Острогорский М.Я.* Указ. соч. С. 90.

16. *Медведевич А.И.* Указ. соч. С. 252, 229.

17. *Лыба Г.А.* Эволюцион. М., 2005. С. 138.

18. *Острогорский М.Я.* Указ. соч. С. 104.

19. Там же. С. 170.

20. Там же. С. 173.

21. Там же. С. 173–174.

22. Там же.

23. Там же. С. 176–177.

24. Там же. С. 428.

25. *Михалев С.* Демократия и желтый флаг социария // Вестник 1991. № 3. С. 14. За работу Р. Мишеля «Создание и развитие политической партии и условия демократии».

26. Там же.

27. Там же. С. 45.

28. *Острогорский М.Я.* Указ. соч. С. 572–574.

29. Там же. С. 575.

УДК 316.470+576

ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.А. Ровнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Oubna@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о месте и роли принципа социального детерминизма в истории отечественной социологии. Рассматривается становление данного принципа социологией и отечественной социологической мысли на различных этапах ее развития.

The Principle of Social Determinism in Russian Sociology

S.A. Rovnova

The paper is devoted to important problem of place and role of principle of social determinism in the history of Russian sociology. The making of this principle is examined in regard to sociological theory on different stages of its development.

Социальный детерминизм имеет сложную и особенную реализацию в различных школах и направлениях отечественной социологии XIX–XX столетий. Если проанализировать произведения данного принципа в истории отечественной социологии, то возникает сложная и пестрая картина. Частым явлением с реализацией принципа социального детерминизма в рамках натуралистической школы. Обращаемся в данном контексте к такому направлению в отечественной социологии XIX века, как географический детерминизм.

Географический детерминизм – одна из ранних форм натуралистической школы, в которой первостепенная роль в развитии общества и народов принадлежит не географическому положению и природным условиям. Географический детерминизм строится на тезисе о полной обусловленности деятельности человека естественной средой. При этом абсолютизируется значение географической среды – климата, рек, флоры, фауны, минеральных богатств – а не учитывается сложность взаимодействия человеческой деятельности со средой обитания. Вопросы о влиянии географической среды на общество, нравы, образ правления и общественно-исторические процессы рассматривались единственными авторами. Дальнейшее развитие это получили в эпоху становления капитализма. Наиболее развернуто географическая теория в рамках географического детерминизма развивается в XIX веке.

Теория географического детерминизма абсолютизирует от глобальных взаимодействий общества и природы в становлению и развитии различных факторов географической среды на конкретные общественные процессы и явления. Для этих теорий характерна несомненная

масштабы исторической деятельности человека по преобразованию природной среды в культуру; в потугах на изменения, заложенные во внутреннем взаимодействии социальных и духовных факторов.

Частный географический детерминизм редок, чаще он переплетается с детерминизмом культурным, биологическим и т.д. Географический детерминизм в известной мере связан с социгеографией – социологической дисциплиной, которая анализирует географический аспект социальной жизни конкретных общественных групп, их территориальную дифференциацию, пространственное распределение, влияние деятельности человека на природу, окружающую среду.

К данному направлению детерминизма тесно примыкает органическая школа в отечественной социологии. Это направление развивалось в конце XIX – начале XX века; оно отождествляет общество с организмом и связывает явления социальной жизни с биологическими закономерностями.

В истоках социальной мысли пореволюционное место занимает демографический детерминизм. Наряду с экологическим фактором важнейшим условием жизнедеятельности общества является народонаселение. Демографически позитивно регулируемое и гигиенически здоровое население – важный фактор социального развития. Социальные теории, исследующие численность и качество народонаселения как важнейшую проблему социального развития, являются концепциями демографического детерминизма.

Современные сторонники демографического детерминизма правмерно ставят вопрос о необходимости сбалансированного роста народонаселения и соответствующих материальных ресурсов, значительного улучшения качества народонаселения при надлежащем социальном и медицинском контроле.

Далее можно говорить о детерминизме культурном, согласно которому явления духовной культуры играют определяющую роль в развитии общества; культура рассматривается как относительно автономное образование, независимое от других сфер общественной жизни.

Перейдем теперь к другой разновидности детерминизма – детерминизму технологическому, связывающему решающую роль в общественно-экономическом развитии технологическим изменениям современного крупнокорпоративного производства. Технологический детерминизм предполагает, что любое достигнутое масштабы технико-технологическое изменение влечет за собой определенное социальное изменение.

В большой или меньшей степени технологический детерминизм привнес теориям социальных изменений, теориям культурного

отставания, объективному конфликту, производя реальность тем, что социокультурные организации не способны за технологическими изменениями. Это концепция индустриального, постиндустриального, технократического и технократного общества, в которых контроль проблемы социального развития становится управлением, регулированием, контролем над технологическими изменениями.

Наибольшее распространение в спекулятивно-политиче различные варианты теории технологического детерминизма, в которых рост науки и техники представляется как причина нескончаемого прогресса человеческого общества, его экономического развития.

Примерно вести речь и об экономическом детерминизме. Географическая среда является необходимым условием и всеобщим средством труда, а также сырьевой основой общественного производства. Без сырьевых ресурсов, которые человек получает в процессе познания и использования бесконечного разнообразия свойств географической среды, никакое общество – ни общественное, ни индивидуальное – не было бы возможно.

Взаимодействуя с географической средой, человек не только оказывает воздействие на землю и воду, реки и моря, на растительный и животный мир, на рельеф местности, воздушные скопления, атмосферу, космос, но и сам испытывает на себе их постоянное влияние. Если человек не считаться с требованиями объективных законов экологии (экологической средой), не учитывает возможное влияние своей общественно-производственной деятельности на географическую среду, нарушает экологическое равновесие, то все эти его «социальные» действия могут привести не только к нежелательным, но и к необратимым воздействиям для человека и общества.

Экономический детерминизм предполагает собой экономическую интерпретацию историче, вулгарно-материалистическую концепцию, согласно которой общественно-историческое развитие вообще определяется действием экономического фактора. Политическая, идеологическая, моральная и другие сферы социальной жизни предстают лишь как следствие действия экономического фактора, являющиеся своей самостоятельности и способности активно воздействовать на ход истории.

В экономическом детерминизме не производственных сил и производственных отношений механически выносятся все остальные явления общественной жизни, при этом лишь выступают лишь как персонализаторы экономических категорий.

Экономический детерминизм основывается на абсолютизации роли экономического фактора в функционировании и развитии общества. Согласно этой концепции, историческая идеологическая,

моральная и другие сферы общества тесного зависят от экономического фактора, по существу, лишены своей самостоятельности в способности воздействовать на ход истории.

Принцип принципа детерминизма в социальных науках означает признание объективного характера детерминированности социальных процессов, наличие исторической необходимости, т.е. такой связи явлений, в которой проявляется доминирующая тенденция. В процессе исторического развития каждая последующая посылка людей действует в условиях, унаследованных от предыдущей. Преемственность поколений определяет общее направление истории, которое не может быть произвольно изменено.

Идея, вдохновляющие людей на сознательные действия, порождается условиями общественного бытия, и от степени их соответствия этим условиям зависит возможность их реализации. Детерминированность общественной жизни является основой научного предвидения социальных явлений. Историческая необходимость не исключает всего богатства явлений, а выражает только самые общие направления их развития. Индивидуальный характер и многогранность каждого конкретного социального явления — результат множества действующих факторов.

В социальных науках детерминизм в рамках системного подхода означает признание неизвестности образующих социальные системы элементов, а в рамках статистического подхода выстраивается иным содержанием в совокупностях социальных явлений отыскивается статистическая закономерность, или тенденция развития, подчеркивается значение случайности и выявляются причины отклонений от предполагаемого хода событий на основе анализа статистических распределений.

Но одно из оснований детерминизма не отрицает значение сознательной, целенаправленной человеческой деятельности, поскольку социальные законы — это законы деятельности людей. Поэтому так важна субъективная сторона этой реальности — те цели, которые ставят перед собой общество в каждый отдельный момент. Многообразие форм социальной детерминации, сложной характер взаимодействия различных тенденций в обществе, наличие многих вариантов и случайных теорий событий, а также тот факт, что историческая закономерность дает о себе знать только на длительном историческом отрезке времени, не означают признания псевдетерминизма или отрицание ответственности личности за результаты своей общественной деятельности.

Если выйти из общества с позиций всеобщей закономерности его взаимодействия в человеке, экономический и социальный факторы, в соответствующий теория может быть названа теорией социально-исторического детерми-

низма, или «социально-исторической теорией общества».

Детерминизм означает, что все события, совершающиеся в мире, происходят при определенных условиях, что вне этих условий они произойти не могут. Исходный принцип детерминизма звучит так: все вещи и события окружающего мира находятся в самых различных связях и отношениях. Взадействие этого детерминизм не сводится только к причинно-следственным связям. Принцип детерминизма приводит к некачественному представлению о человеке как о пассивной фигурке, отдающей во власть непреодолимых сил — или природы, или общества.

Согласно этой версии детерминизма, свобода в значительной степени иллюзорна, поскольку она понимается только как отрицательная величина, т.е. как отсутствие связей. Это «свобода от», а не «свобода для», активная и, в конечном счете, сознательно программируемая самодетерминация. Однако как только признается во внимание самодетерминация, как только люди начинают осознавать, что ничто не является исключительным следствием внешних условий, какими бы важными они ни были, возникает элемент волюнтаризма.

Свобода в этом случае рассматривается как положительная величина, т.е. как активное стремление достичь самодетерминации. Фатализм оказывается «слепым снам, ибо никто не может рассматриваться как неизбежное следствие или предельный явлений, направляющих события по определенному пути, или существующая причина, действующая ab extrinseco, или действительности материальной и духовной деятельности человека»¹.

Помимо причинно-следственных связей есть и другие формы детерминации — связи случайные и необходимые, возможные и действительные, прямые и косвенные, связи функциональные и связи детерминативные.

Социально-исторический детерминизм выражает специфику конкретно-исторического бытия общества. Общество представляет собой такую социальную целостность, которая существует, функционирует и развивается через посредство человека и его деятельности.

Как общество производит человека, так и человек производит общество. В производстве человек является главным и высшего продуктом своей собственной духовной и материальной деятельности. Человек — не только объект, но и субъект социального действия. Экономические, социальные, политические и идеологические отношения людей в каждом исторически определенном обществе существуют объективно, независимо от воли и сознания человека. Каждая система этих отношений определяет волю людей, которая, в свою очередь, направляется на создание новой системы общественных отношений.

Социальная детерминированность деятельности и поведения людей может быть двоякого рода. Во-первых, это строгая детерминация одного социального действия другим, например, детерминация экономических отношений производственными силами, структуры гражданского общества – экономическими отношениями и т.д. Конечно, реализация названных закономерностей социально-экономического развития общества осуществляется посредством деятельности людей. Однако здесь на первый план выдвигается детерминированность, связанная с принятием решения и, соответственно, с применением динамических законов, определяющих переход от одного его состояния к другому.

Во-вторых, понятие детерминизма относится к характеристике некоторых свойств или качеств, присущих не отдельному объекту, а классу объектов в целом. Причем содержание и характер поведения данного класса объектов рассматривается не как случайные, а как детерминированные определенной системой условий, свойств и качеств, включенных в эту систему объектов. Так, в качестве существенного фактора и источника развития могут выступать системные качества данного класса объектов, их организация, структура и т.д.

Содержание и характер поведения данного класса объектов, в свою очередь, зависит и от внешних по отношению к нему объективных и субъективных факторов, и от их различных сочетаний в конкретных условиях. Таким образом, речь идет о вероятностном характере социального детерминизма и о статистических (стохастических) закономерностях, свойственных данному классу объектов, поведение которых осуществляется в конкретных условиях места и времени. Социальный детерминизм дает вероятностное мнение о том, что конкретное поведение данного класса объектов (данной) от их свойств и качеств, а также от условий, в пределах которых это поведение имеет место.

Главная особенность социально-исторического детерминизма состоит в том, что его объектом является деятельность людей, которые в то же время выступают субъектом деятельности. Таким образом, социальные законы, будь то законы динамические или статистические, – это законы практической деятельности людей, образующих общество, законы их собственных социальных действий.

Итак, социальный детерминизм отражает специфику социальной формы движения материи, в связи с чем каждое историческое явление или событие обусловлено конкретными причинами. Также понимание социального детерминизма способствует осмыслению закономерностей общественного развития, соотношению в нем необходимости и случайности, выявления движущих сил, определяющих его содержание и направление, мотивов человеческой деятельности¹.

Социальный детерминизм рассматривает вопросы законов природы, взаимодействия природы и общества, движущих сил общественного развития, воздействия общества и отдельных его подсистем на искусство, науку, мораль. Центральным здесь является вопрос о существовании и действии закона.

Признание законов, по существу, означает возможность научного познания природы и общества, возможностей науки в ее классическом понимании, научно-ориентированной деятельности человека к различным процессам. Отрицание законов стигматизировало взгляд на природу и общество как на процессы, полностью неуправляемые и непредсказуемые. Применительно к обществу такой взгляд часто возникал при попытках выявить специфику социальных процессов, сравняя их с природными.

К проблеме социальных, а частности, социологических законов в контексте признания социального детерминизма обращались многие отечественные ученые. В 70-е гг. XX века А.К. Уладов выпустил книгу², в которой предложил свое видение проблемы. Этой проблеме также касается в той или иной мере все историки, пишущие о социологии, ее объекте и предмете.

Еще раз подчеркнем, что учение о детерминизме формировалось в течение многих столетий в рамках различных наук и с появлением в середине XIX столетия социологии оно заняло в ней свое особое место.

Примечания

- ¹ Боксе М. Причинность. М., 1962. С. 125.
- ² Социология. Основы общей теории / Под ред. Г.В. Осипова и Д.В. Максимова. М., 2002. С. 114.
- ³ Уладов А.К. Социологические законы. М., 1975. С. 78.

УДК 316.01470+571

ОТНОШЕНИЕ К ИДЕЕ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РАЗЛИЧНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИОДЫ

О.С. Антонова

Саратовский государственный университет,
институт прикладной социологии,
Почта: svyatoslav@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты осознания процесса и истоков мировой цивилизационной мысли, а также в отечественной гуманитарной науке, среде общего сознания.

**Attitude Towards the Idea of Orientation of
Social Development in Different Historical Periods**

O.S. Antonova

The paper is focused on some aspects of social progress in the history of world social thought and Russian humanistic science, mainly in sociology.

Хотя о прогрессе человечества говорят и спорят с давних времен, становление идеи прогрессивной направленности общественного развития в общественных науках или сфере культуры и в социальной мысли. На протяжении веков развивались пять школ философии, ученые в философии в той или иной степени разрабатывали эту идею как в противостоящую ей, причем вера в прогресс была доминирующей. Последняя предполагает, что человечество улучшает свое состояние в прошлом, продолжает двигаться в этом направлении сейчас и будет двигаться дальше в обозримом будущем без состояния дилеммы – к вариантам цивилизации). Идея прогресса – это взгляд прошлого и предвзвешивание будущего.

Но что означает цивилизация или переход от «дикости» к «цивилизации» в историческом смысле? Начиная с древних времен и до настоящего время существуют две различные, хотя и тесно взаимосвязанные, точки зрения. Первую разработал Гегель и Протасер, Лукреций и Свифт, Сп. Августин и его последователи, а также такие великие прогрессисты, как Сен-Симон, Конт, Герцль, Маркс, Э. Спенсер. Они убеждены, что сама природа Земли содержит в себе идею совершенства, улучшения и совершенствования. Происходит постепенное и непрерывное развитие мира, воплощающееся в искусствах и науках, в многообразных способах, непосредственных человеком для решения проблем, которые ставит перед ним природа или общество.

Вторая точка зрения по праву угла ставит цивилизацию в дурное положение человека, его счастье, свободу от страданий, достигаются приростом и обществом. Достижение этих духовных

и моральных добродетелей можно привести к совершенству человеческой природы. Странники этой позиции считают, что существует обратное пропорциональное отношение между счастьем и знанием.

В современном мире идея прогресса в своей распространённой форме относится не столько к какому-то определенному народу или стране, сколько к человеческому роду и целом. Кондорсе, Конт, Спенсер и другие мыслители, конструируя романтизм своей теории прогресса в XVIII-XIX веках, считали, что прогресс человечества в целом характеризуется независимо от того, что происходит с отдельным народом и его культурой.

Именно христианство наиболее систематически и последовательно выдвигало на первый план идею единства человечества, объединенного и обладающего способностью к развитию и прогрессу. Эта концепция характерна для западной цивилизации, и она оформилась приблизительно к 200 г. Именно тогда христианские теологи развивали тему всеобщего характера Церкви и ее доступности для всех, независимо от семейного положения, места проживания, принадлежности к определенному этносу или культуре и утверждали идею власти Бога над всеми народами на земле.

В начале XIX века христианская идея прогресса переживает расцвет. Причем развивается обе концепции: с одной стороны, представляется о постоянном накоплении культурных достижений по мере движения из глубин прошлого в отдаленному будущему, с другой стороны, вера в золотой век морали и духовности, который может наступить на Земле в будущем. Эпохи XII-XIII веков отмечалась новизной в средневековой мысли. Интеллектуальное движение Средних веков вошло время рассматривалось в философском контексте. Однако в результате исследований, проведенных в XX веке, обнаружилось, что до уровня своих интеллектуальных и культурных свершений Средневековье принадлежало к эпохе величайших эпох мировой истории. Это касалось естественных наук и гуманитарных наук, но в развитии науки в целом.

В культуре Средних веков можно обнаружить все главные признаки, указывающие на присутствие веры в прогресс человечества на Земле. Наблюдается глубокий интерес к экономическим, политическим и общественным вопросам, к проблемам будущего. Ученые того

времени (Н. Макиавелли, Ф. Бэкон, Т. Гоббс) увидели в будущем том же времени, функционирующем на научных достижениях, когда корабли будут ходить без парусов и вёсел, когда повозки будут передвигаться с большой скоростью и без помощи животных, когда даже небо будет рассекать электрические молнии.

Упоминание прогресса как исторической идеи или концепции, отсутствующей на протяжении всей эпохи Возрождения. Объясняется это, в первую очередь, тем, что для средневековья теория прогресса необходимо увязывалась с пронаисмом и его принятием. Важной основой идеи прогресса является принадлежность исторический непрерывности, которая отсутствовала в средневековом мышлении. Античность провала воспринималась, но отрицала её средневековье, так как в ренессансном сознании существовал образ гаснущего верховного света, интеллектуального бессилия, познания себя в полустертом грядущем миге и изрытой бурями Гуманности Ренессанса считали, что тотный разрыв с прошлым является к метафизическому началу нового века и истории.

Таким образом, античная теория прогресса была чужда Ренессансу. Мыслители Возрождения, начиная с итальянского гуманиста XV-XVI веков и кончая Фредериком Бэконом, в своем большинстве воспринимали историю не как однонаправленный процесс, но как нечто непрерывное и нарастающее, и, прежде всего, как состоящую из множества доверий то восходящего, то нисходящего движения по кругу как следствие наличия в природе человека постоянных элементов добра и зла.

С XVIII по XIX век идея прогресса в западной мысли развивалась и достигла зенита. Она стала даже не одной из важных идей Запада, а доминирующей идеей. Особенность и ключевая роль понятия прогресса состояла в том, что именно он становился критерием для развития остальных идей. Свобода, равенство, суверенитет народа – все это становилось еще более желанным, побуждало к грезам и пробуждало надежды, но каждая из этих идей, будучи помещенной в контекст идеи прогресса, могла представлять как нечто не просто желанное, но и исторически необходимое, как неизбежное конечное достижение. Стало возможным продемонстрировать, что все историч. можно рассматривать как медленное и постепенное, но при этом непрерывное и необходимое восхождение к некоей определенной цели.

Следует сделать еще одно общее замечание о роли идеи прогресса в конце XVIII-XIX веков. Существовала очень близкая сходство между идеей и прогрессом и идеей экономического роста. В XIX веке существовали, конечно, и противники этой точки зрения. Но нередко можно обнаружить, основываясь на вере в прогресс человечества в явном виде на том или ином физическом, биологическом, экономическом, технологическом, религиозном или метафизическом принципе, она была практически

всеобщей среди образованных и передовых людей в период от 1750 г. до середины XX века.

Особенно необходимо отметить, что Стен-Симон, Конг, Фурье, Спэнсер, Маркс были убеждены в том, что прогресс – не результат случайных стечений обстоятельств, либо запланированных событий. Они видели в нем некое качество, характеризующее определенность. Речь шла о том ряде возможностей, которую находили физики при выводе, открытии своих законов. Основной идеей ученых XIX века как верующих, так и неверующих, было то, что и природа, и общество функционирует по неизменным законам порядка и развития.

Еще более выражены идеи прогресса как власти – расизм, т.е. убеждение, что человеческий прогресс вытекает из исторически существовавших определенных расовых ветвей, которые продвигают прогресс в своей собственной истории и истории является необходимыми атрибутами успеха прогресса человечества в целом. Упомянутые расовые различия и расового превосходства, разумности, очисти, стали. Вера в откровенных взглядах свободной воле сами народ с длиной историей и достижениями, какими бы старыми они ни были. Мы встречаем их у китайцев, евреев, греков, римлян и других этносов. Идея расовой основы цивилизации существовала и существует вплоть до сегодняшнего дня. Точкой все более несправедливым классификация народов был дан в период, последовавший за XVI веком, повзвращая в то время политическим в теориями происхождения человечества. Некоторое время в XVIII веке интерес к проблеме расовых различий несколько угас. Сейчас нет никаких в той или иной степени о том, что идея прогресса вчерашняя себя в XIX веке и наоборот является Первой мировой войной.

Однако, что бы ни происходило, ситуация стало совершенно ясно: техническая мысль такова, что весь человеческий рас может быть удобно расчленен, взят и захоронен. Появилось осознание общественной солидарности, и это новый этап человеческой истории... СМН, художественная литература и искусство сделали многое для того, чтобы привлечь всеобщее внимание к проблемам общих интересов, и различиям то чувство взаимности, участия друг к другу, которое и должно формировать основу всякого справедливого требования установления прав и признания обязанностей... Представляется, что эти рассуждения могли бы в некоторой степени поддержать веру в всеобщий закон прогресса.

В наше время истинная причина прекращения социальной эволюции имеет моральный характер. Идея социальной эволюции стимулирует стремление к единству, к чувству общности между нациями и, очевидно единства прошлого и настоящего. Одним словом, идея прогресса в настоящий момент имеет значительное число последователей, тем, кто в силу своих моральных убеждений и интеллектуальных интересов придерживается той или иной схемы социальной эволюции.

Взгляды на перспективу прогресса различны. С одной стороны, бытует убеждение, что основные мировые ценности, а также этические и экономические структуры не только превосходят все, что имеется в остальной части мира, но и являются образцами для остальных стран мира! Конечно друзей, асимметрично противоположной точке зрения, Запад больше не следует воспринимать как авангард прогресса.

Одним из наиболее интересных явлений, анализировать идеи прогресса, стали футурологи. Многие надежды его возлагаются на компьютерные технологии, которые позволяют научно предвидеть будущее. Кроме того, можно распознавать новую оригинальную историческую тенденцию с помощью прослеживания аспекта настоящего, представляющегося доминирующим, на будущее.

Хотелось бы отметить и признаки масштабного религиозного возрождения на западе и в других частях света. Вероятно, что слияние науки и религии, основанное на прогрессе человеческих знаний и на прираще человеческого духа и займет в мире видное место.

Хотя XX век был не лишён веры в прогресс, тем не менее одним из главных признаков XX века стал отказ от веры в эту идею. Скептицизм в отношении прогресса, бывший в XIX веке делом небольшой группы западных интеллектуалов, к последней четверти XX века широко распространился и сегодня разделяется многими.

Формально идеи прогресса противостоят множество фактов бедности, народных масс, мизерия, голода, опустошительные войны, экологические депрессии, периоды политической и религиозной тирании и т.д. Но, как и любая сложная идея, она не может пережить удару своих главных предположений. Можно ответить, во крайней мере, пять таковых: 1) вера в ценность прошлого; 2) убежденность в ценности западной цивилизации и даже ее превосходстве над другими видами жизни; 3) экономическое и технологическое развитие; 4) вера в разум и в тот вид научно-исследовательского знания, который может быть пережит только разумом; 5) убежденность в том, что не сравнимой ценности жизни на Земле.

Причина современного кризиса идеи прогресса лежит в неспособности (возможно увеличивающейся числа людей) принять идеологическую ответственность этих предположений, как ее принимали наши предки. Сильная убежденность в реальности прогресса в гораздо большей степени присутствует не в свободных странах Запада, а там, где всё указывает на собственному противному, убежденность в ценности собственной цивилизации, в ценности земновещности и технологического развития, вера в знания и в высшую ценность жизни.

В западной цивилизации сегодня дело обстоит совсем не так. Сейчас на Западе преобладают и переживает идеи, настроения и убеждения, сформировавшиеся в XIX веке, которые тогда поддерживались в весьма незначительным числом историков

и философов, имевших ограниченное влияние. Но в XX веке значимость этой группы возросла, особенно после Второй мировой войны.

Анализировав основные предположения идеи прогресса, можно отметить кризисные аспекты каждой из них. Например, ценность прошлого жизненно важна для идеи прогресса. Но это значение движения от прошлого в настоящее - движение, которое можно без труда экстраполировать в будущее - можно возвыситься лишь тогда, когда люди осознавали различия у них предшественников прошлого и когда следили это осознание обним.

Даже в моменты наибольшей самоуверенности в настоящее древние греки глубоко интересовались своим прошлым, стремились открыть для себя неизвестные великие события прошлого, отнакам ему должное. Идеи уважение к прошлому не были столь укрепленным, как в Соединенных Штатах Америки. Здесь оно характерно и для XX века. Прошлое оставалось связанной землей даже для тех умов, которые восхитили себя универсальными существующими истинностями и воспринимали будущее идеального века.

На протяжении веков люди всегда обращались к прошлому как к чему-то большему, нежели руководство для управления настоящим. Они считали, что, изучая его, они смогут распознать будущее и даже, быть может, предсказать его. В ходе исследования прошлого они открывали повторяемость событий, развертывающуюся целесообразность, неизбежные последствия.

Современное состояние умов характеризуется тем, что мы все больше и больше становимся отрезанными от прошлого, которое всегда давало ориентиры. По мере того, как общее прошлое уходит в никуда, то же самое, но-видимому, происходит с Западом. Для идеи прогресса это явление является едва ли менее пагубным. Ведь, как было показано, возникновение и распространение идеи прогресса имели место в рамках западной цивилизации, что было крайне важно для ее влияния и в более значительной перспективе для всех остальных.

Считается, что Запад стал процветать миром благодаря законам прогресса, что, разумеется, находило подтверждение в очевидном факте превосходства западной цивилизации над другими. Однако до настоящего момента крупнейшим доказательством исключительной веры было то, что европеизация (или американизация) мира была так же неизбежна и долговечна была длиться так же долго, как и любая война в истории.

Однако в течение поразительно короткого срока то, что потребовало более двух тысяч лет для формирования в предположку и предмет веры, позволило к концу. Очевидно, что после Первой мировой войны власть и влияние западной цивилизации в мире стали приводить в упадок. Запад, который при всех своих несовершенствах представлял собой систему относительно свободных и демократических институтов, стал объектом критики, презрения и враждебности для большей

части мира. Материальному богатству Запада движется, но его богатые не боятся, не уважают и уже не рассматривают как образец. После Второй мировой войны Америка во многих отношениях, по-прежнему, потеряла уважение в к ней психологии справедливое отношение в большей мере, чем к Западу в целом.

Самым разрушительным во всех смыслах является упадок веры в ценности и первенство во западной цивилизации в Америке и Европе. На месте этой веры приходит чувство вины, отчаяние и безразличия. Оубуждение того, что западная цивилизация капиталиста, развилась и ограбала другие народы мира и что поэтому должно вернуть чувство вины, стыда и раскаяния, растет и укрепляется, особенно среди американцев, еще интереснее – среди молодых американцев, принадлежащих к среднему классу. Разумеется, в таких условиях никак бы то ни было идея прогресса неизбежно является неудачливой.

Еще одной причиной критики идеи прогресса является экономический рост, а точнее опасения относительно его последствий – страх перед ограниченностью и истощением ресурсов. И хотя с самого начала существовала взаимосвязь между верой в прогресс человечества и верой в необходимость экономического развития, одной из главных предпосылок стало убеждение в сохра-

нении независимости природы, которая включает в себя и человеческую природу. При этом настоящее должно предсказать прошлое просто благодаря природе вещей. Однако в XX веке страх перед истощением материальных ресурсов часто связан со страхом, касающимся сохранения та окружающей среды – и физической, и социальной.

Надо заметить, что среди всех материалов, с которыми сталкивается студент идеи прогресса, наиболее потенциально опасным кажется отход от разума. Развивается интерес к экзотическим религиям, формам коммунизма, которые отрицают рациональность.

Неизвестно, каким именно курсом пойдет прогресс: через «естественные» права и развитие духовной культуры или путем принятия новых законов, которые разграничат и определят область свободы каждого гражданина и сделают в отношении человека и человеку. Очевидно, что эти два пути не исключают, а дополняют друг друга и являются во взаимной зависимости.

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Харбин Р. Прогресс: история идеи. М., 2007.

ISSN 1603-625

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А.И. СТРОКИНА

Д. В. Показов

Саратовский государственный университет
направление подготовки социология
E-mail: Veronika1981@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности теории политической элиты как частного социологического учения А.И. Строкينا. Охарактеризованы его вклад и анализ структуры российского общества в целом, значимыми в чем являются статьи.

Problem of the Political Elite in A.I. Stronin's Sociological Theory

D.V. Pokatov

In the article the theory of political elite characteristics are considered, worked up by the famous sociologist-estimator A.I. Stronin. There was described his contribution in the structure of Russian society analysis, his place, which the elite ruled.

Социологическая теория А.И. Строкина, как теория и многие этапы его жизненного и творческого пути пока ещё недостаточно изучены, что приводит к множественным ошибкам в judgement фактов его биографии, а также весьма

неоднозначных оценкам его взглядов, в которых одни исследователи обнаруживают несомненный демократизм и даже отчасти либерализм, а другие – консерватизм.

В советское время, начиная с 1930-х гг. его оценивали, исходя из В.Г. Чернышевского, только как сторонника механистической теории общества в грубой и неадекватной форме¹. В последние в конце 70-х гг. архаичного века монографии «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века» он характеризовался как «крайний консерватор», якобы считавший, что «столько выстраивания бюрократия и вытекающая из нее посредственность и умственные чуждость и бедность благ могут удерживать равновесие»².

Конечно, данные весьма категоричные и неадекватно односторонние суждения, а и сами взгляды, не могут отражать и не отражают всей сложности, оригинальности и противоречивости взглядов исследователя.

тасти мира. Материальному богатству Запада завидуют, но его больше не боятся, не уважают и уже не рассматривают как образец. После Второй мировой войны Америка во многих отношениях, по-прежнему, остается уважаемой и к ней испытывают предельное отношение в большей мере, чем к Западу в целом.

Самым разрушительным во всех смыслах является упадок веры в церковь и перестановка западной цивилизации в Америке и Европе. На место этой веры приходит чувство вины, отчуждение и безразличие. Становится ясно, что западная цивилизация жестоко развратилась и отравилась другим варваром моря и что поэтому должна пережить чувство вины, стыда и раскаяние, расстаться и вернуться, особенно среди американцев, еще ближе к среднему классу. Разумеется, в актуальных классах бы то ни было идеи прогресса неизбежно являются неудачными.

Как одной причиной кризиса идей прогресса является экономический рост, а точнее отсталость относительно его последствий – страх перед ограниченностью и истощением ресурсов. И хотя с самого начала существовали взаимосвязи между верой в прогресс человечества и верой в необходимость экономического развития, одной из главных предостережек стало убеждение в сохра-

жении ценности природы, которая включает в себя и человеческую природу. При этом неизбежно должно превосходить прошлое понятие бедствия прироста знаний. Однако в XX веке страх перед истощением материальных ресурсов тесно связан со страхом, касающимся сохранения та окружающей средой – и физической, и социальной.

Нельзя забывать, что среди всех выводов, с которыми сталкивается сегодня идея прогресса, наиболее потенциально опасным является отказ от разума. Развиваются интерес к экзотическим формам коммуникации, которые отрицают рациональное.

Ценности, какими изменил курсом пойдет прогресс: через «священные» традиции и развитие духовной культуры или путем принятия новых законов, которые разграничат и определят область свободы каждого гражданина и сделают в дальнейшем невозможным неуманное отношение человека к человеку. Очевидно, что эти два пути не исключают, а дополняют друг друга и являются во взаимной зависимости.

Примечания

- 1 См. об этом подробнее *Нисбет П. Прогресс: история идеи.* М., 2007.

ISSN 2165-3425

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А.И. СТРОНИНА

Д. В. Покатов

Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра прикладной социологии,
E-mail: Pokatov.DV@phs.su-spb.ru

В статье рассматриваются особенности теории политической элиты в концепции социолога-политолога А.И. Стронина. Особое внимание уделяется анализу структуры российского общества, месту, занимаемого в нем элитными слоями.

Problem of the Political Elite in A.I. Stronin's Sociological Theory

D.V. Pokatov

In the article the theory of political elite characteristics considered, devoted to by the famous sociologist-politologist A.I. Stronin. There was described his perception of the structure of Russian society analysis, the place, which the elite ranked.

Социологическая теория А.И. Стронина, как прогресс и многие черты его характерно и творчески думая, пока еще недостаточно изучены, что приводит к многочисленным ошибкам и искажениям фактов его биографии, а также весьма

исполненным оценкам его взглядов, в которых сами исследователи обнаруживают несомненной демократизм и даже отчасти либерализм, а другие – консерватизм.

В советское время, начиная с 1930-х гг., его оценивали, вслед за Н.Г. Чернышевским, только как сторонника механистической теории общества в «рубашке» и «элементарнейшей форме»¹. В пятидесятые в конце 70-х гг. прошлого века монография «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последние тридцать лет XIX – начала XX века» он характеризовался как «яркий консерватор, якобы считавший, что столько высшая бюрократия и интеллигенция как носители нравственных и умственных ценностей и социальное благо могут заниматься политикой»².

Конечно, данные весьма категоричные и несоразмерно односторонние суждения, во имя науки, не могут отражать и не отражают всей сложности, оригинальности и противоречивости взглядов мыслителя.

А.М. Струвицам был написан ряд фундаментальных работ, которые так и не были переведены в полный объем до настоящего времени. Среди них, отчасти такие монографические исследования, как «История и методы» (1869), «Политика как наука» (1872), «История общественности» (1885).

В них явным отражением взгляды мыслителя на предмет социологии как науки, ее принципы и методологию, общество, его характерные черты и типы. Многие его взгляды были настолько близки идеям К.Канта, что в записке от 14 марта 1871 г., посвященной им в своем афоризме, он пишет: «Уже когда читал в свое время изложение от Канта, я был изумлен мыслью, как много этот человек отнимает у меня. ... Не только мысли, часто даже самые выражения у меня в книге как будто вырываются из Канта, да еще удобном и свежем изложении как будто для того, чтобы тем лучше скрыть правду»¹⁷.

А.М. Струвицам были известны и проанализированы общие законы развития общества, к числу которых он отнес: общий биологический, общий социологический и общий политический законы.

Задолго до многих отечественных и западных ученых он сделал попытку рассмотреть общие законы развития общества, взяв для анализа период с XVIII до конца XIX в. В этом промежутке общественного развития, по его мнению, можно выделить периоды роста (прогресса) и упадка (регресса). В работе «Политика как наука» он отмечает, что «все эти прогрессы и регрессы, за исключением случайностей, были по своей хронологической продолжительности почти равны, продолжаясь около 30 лет, то есть обыкновенную длину поколения»¹⁸.

Одним из главных признаков социального развития интересовало ученого. В его работах так разрабатывался и проблема формирования гражданского общества, роль среднего класса, становление эффективной системы власти в центре и на местах. Значительное место в ряде его работ и, прежде всего, в вышедшей в 1872 г. монографии «Политика как наука», отводится анализу элитных слоев общества.

Как и некоторые последующие представители отечественных элитистских теорий, А.М. Струвиц не упускает еще одной категории «элиты». Однако чрезвычайно важным является факт употребления термина «элиты» в «аристократическом» смысле. При этом категория «политический класс» активно используется им в работе «Политика как наука», в «правящий класс» (применительно к интеллигенции) – в «История общественности» (1885)¹⁹.

Самым образным можно говорить о том, что еще до Г. Мюллера, написавшим в 1896 г. свой труд «Элементы политической науки», переведенный в 1923 г. на английский язык под названием «Правящий класс», А.М. Струвица

акцию оперировал категориями «правящего» и «интересующего» классов.

Созданная им теория элиты являлась достаточно уникальной, а вернее скорее, во многом разнородных мыслителей принципом органицизма. Будучи его наиболее последовательным приверженцем, он считал необходимым рассматривать общество не как простое тело, а как особый организм. По мнению А.М. Струвица, типичен организм от простого, хаотизированного тела – заключается, во-первых, в солидарности, взаимосвязанности частей и, во-вторых, в специализации этих частей²⁰.

Строение общества, его структура представлялась ему в виде социальной пирамиды, включившей ряд уровней: верхний, средний и нижний. В представлении мыслителя, верхний слой составляет аристократия, отождествляемая им с правительством. Он определяет ее как «класс обобщенный, гармонический, равно творческий и воспринимающий, творивший во сравнении с гражданством, воспринимающий в сравнении с интеллигенцией, активный для первого и пассивный для второго...»²¹. Средний класс, или бюрократия, состоит из буржуа, а основу нижнего класса составляют различные «рабочие классы»²².

Такое деление вызвано, по мнению исследователя, рядом причин. К ним он относит неравенство способностей, необходимость специализации функций и ролей деятельности. Кроме этого А.М. Струвиц отмечает, что «если бы всякая власть и всякая подчиненность исчезли, все было бы немыслимо и не на одну минуту». Исходя из этого, «сохранить какую бы то ни было власть и какое бы то ни было подчинение, значит сохранить пирамидальную фигуру общества»²³.

Понимая вертикального деления, мыслитель дает характеристику горизонтальному, или производному делению. Оно представляется ему «двумя линиями, опущенными от вершины к основанию»²⁴.

В верхнем слое, меньшинство, они образуют собой три треугольника: законодателей, судей и администраторов. Ученый дает достаточно интересное и многогранное трактовку роли и места элитных институтов в групп, составляющих меньшинство общества.

Законодательство, по его мнению, является своеобразным «теоретическим» правительством вследствие доминирования в нем элементов теоретической мысли. Администрация представляет собой «практическое» правительство, главная задача которого состоит в «материальном удовлетворении потребностей».

Власть администраторов ограничена, по его мнению, от власти судей и законодателей прежде всего тем, что не может ни коллективно перенести ни собранности и бесспорности формальностей. Служба же может она может трансформироваться в бюрократию. Особенно это характерно для русского общества, где «тип бюрократизма,

как справедливо отмечает ученый, «узлами судьбы провинциальности и посредственности болелое веяние друготы»¹³.

Ученый совершенно справедливо говорит об основной тенденции, которая проявляется в деятельности законодаторов и выражается во вторичности и прерогативы других слоев, составляющих многоликость общества. В частности, он справедливо указывает на тот факт, что характер принимаемых в обществе представительными органами законов во многом детерминирован составом законодателей. Если в их составе большинство составляет представители администрации, то эту особенность отразится в их общей направленности законопроектной, которые по существу адресуются в административные проекты¹⁴.

Частично это проявляется в настоящее время в росте ответственных законодательных органов. Так, из числа рассмотренных Государственной Думой третьих созыва (1999-2003 гг.) законопроектных до 60% поступило из Администрации Президента и Правительства Российской Федерации. Это значительно превышает количество созданных 90-х гг. XX века, когда Правительство и Президент внесли только 30% законопроектов, а сами депутаты - 59% всех законопроектов¹⁵.

Таким образом, отмеченная более ста с лишним лет назад тенденция весьма рельефно проявляется в настоящее время в современном обществе.

Говоря об администрации и законодателях, А.Н. Струнин также отметил, что администрация стремится уподобиться суду по духу законности, но гарантирующим ее формам, законодательство же пытается уподобиться суду по духу беспристрастия и бессторонности, но гарантирующими формам. Именно поэтому в деятельности администрации проявляется судебный формализм, а у законодательства - судебный драматизм¹⁶.

Из всех трех элементов, составляющих многоликость общества, мыслитель выделяет на первом плане судей и интеллигентную среду, где наиболее их деятельность. Это объясняется их несравнимыми качествами давнего института, ставшего в себе и законодательную теорию удовлетворения потребностей и административную практику их реализации. В представительном механизме, судебная власть есть «наиболее первичная», поскольку и ней «как и действительной вершине иерархии перескакивает в одной точке все возможные стороны и линии иерархии»¹⁶.

В основном, между этими элементами идеи первичства судей и судебных судей. А.Н. Струнин выделяет и характеризует функции правительств «как мысль оя отстоит правосудие и, собственно, правосудие, или интеллигентное поддерживание права, когда оно уже установлено, и пока оно еще не нарушено или когда уже восстановлено снова»¹⁷.

Таким образом, правление как бы объединяет в себя два противоположных процесса. С одной

стороны, администрация должна способствовать приговору законов в жизнь, а с другой - сама должна являться «факты жизни и действительности до постановления суда и законодательства»¹⁸. Именно при осуществлении этой третьей функции процесс функционирования правящего класса, многоликость общества, во мнении ученого, «создает планый круг и замыкается». Законодательство законодательством по инициативе интеллигентной, он объясняется законодательством по инициативе администрации.

В целом, несмотря на то, что правящее меньшинство включает в себя столь значительные группы как законодатели, судьи и администрация, оно, как отмечает А.Н. Струнин, остается в целом малочисленным.

Малочисленность этого слоя доходит до того, что в своей вершине казал из трех сфер оказывается одной точкой, и даже до того, что все три вершины сливаются в одну: это верховная власть общества»¹⁹.

Следующий, средний слой, или тиморский, распределяется им на арестаторов, мануфактурщиков и банкиров, а потом - на земледельцев, ремесленников и торговцев. Оба эти класса А.Н. Струнин рассматривает как политически непроизводительные, участвующие в политике только «в смысле простого гражданства». Они, по его мнению, достигают зажиточны²⁰.

Помимо отмеченных выше, есть еще один промежуточный слой, который «не совпадая ни с одним из предыдущих, совпадает со всеми ими вообще» - интеллигенция, определяемая им как «зажиточная, индустриальная и, следовательно, по преимуществу, политический класс», являющийся своеобразным проявлением «внутреннего мира во внешнем»²¹.

А.Н. Струнин выделяет несколько ряд критериев, различение группы интеллигентны. Так, в соответствии с профессиями он рассматривает такие ее группы, как мыслители, художники и политики. Последнюю группу, политиков, он, из оснований функционального критерия, выделяет на новаторов, пропагандистов и агитаторов. Новаторов он рассматривает как один из лучших слоев интеллигенции, задача которого заключается в «открытии нового горизонта для мнения». Деятельность данного слоя непосредственно связана со «страшными», без которого не обходится ни один процесс изобретения или творчества²².

Вторая разновидность политической интеллигенции - пропагандисты, и представленные А.Н. Струнин, должны ориентироваться на то, чтобы сформулировать материалы или статьи доступными, наглядными, популярными. Этот слой, не существу, сформировать новые идеи, «отливает их в массы». После того, когда интеллигентная почва «подготовлена, наступит время для агитации. В представительном механизме, если пропаганда была делом интеллигентной

интеллектуалов, во-вторых есть дело практической интеллигенции, в этом образует[ся] переход от интеллигентного образа к правительству...»²¹.

Из всех слоев, по мнению А.И. Строева, только представители правящего, высшего слоя - аристократия и интеллигенция - как «производители нравственного и умственного богатства» обязаны «политически привлекательной силой» - волей и разумом, интеллектуальными им воздействиями на общество²². Обладая ими, они были способны к политическому творчеству, которое может приобретать разные выражения. У представителей правящего класса (правительства) оно будет выражаться в претворении. Главными организаторскими продуктами здесь выступают права, а у интеллигенции как «наиболее активного, инициативного и, преимущественно, политического класса» - в творчестве в тесном смысле, связанном с формулировкой идей.

В целом процесс политического творчества, связанный как с формулировкой идей, так и с их претворением, должен, по мнению А.И. Строева, иметь объективную природу. Как идеи, так и претворения должны соответствовать сложившимся в обществе привычкам, традициям. Следовательно, «никакое нововведение невозможно, если оно не может найти связи с существующим порядком вещей»²³. Ученый совершенно справедливо отмечает необходимость прогрессивной, созидательной направленности политического творчества политических классов. Он возвращает критику ряд ученых, провозглаждавших идеи разрушения существующего пирамидального устройства общества.

Фактически, личная мысль каждого характеризует процесс политического творчества в целом, связанный с мнением ряда исследователей, отмечавших, что А.И. Строев является одним из первых самостоятельных мыслителей, которые стремились «забросить основы теории равноправия и научного политического руководства и управления общества»²⁴. Выработанные интеллигентной клас. в преемственной мысли, «у правительства обращаются в права, у гражданства - в обязанности»²⁵. Таким образом, интеллигенция фактически исполняет роль контрразряда, которая имеет все необходимые показатели правящей элиты, но не учитывает напряженно в управлении обществом, хотя в дальнейшем и может претендовать на лидерство.

Размышляя о параметрах и качественных характеристиках высшего слоя общества, мыслитель приходит к выводу о зависимости знания как познательного интеллекта власти. При этом он отмечает, что «как знания нарастают с богатства, так и власть увеличивается от знания»²⁶. Здесь очень четко проявляется предвосхищение ученым идеи о наличии у политической элиты такого важного признака, как профессионализм.

Нельзя не сказать также и о том, что мыслитель весьма четко определяет дифференцирующую

роль знания, которое способно стать истинным социальным дифференциатом, благодаря его сосредоточенности в руках одного, как правило, правящего класса²⁷. Именно на эту особенность обращается внимание исследователя информационного общества, в котором уровень знаний, а не собственности становится определяющим фактором социальной дифференциации²⁸.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что созданный А.И. Строевым теория является достаточно выстраиванной. Стремится к аналитико-научному анализу общества, его структуры и образующих ее слоев, мыслителей, фактически создавая обоснованную концепцию, в которой представлены комплексные характеристики различных групп в прошлом обществе, в том числе интеллигенции.

Впервые употребляя понятие «правящего и политического класса», он определяет их реальные, а не мифифицированные характеристики, многие из которых совпадают с привычными и параметрами, используемыми впоследствии при составлении ряда энциклопедических статей, учебников, монографий.

В целом по своей научно-научной направленности, приоритету отдаваемому правительственным и умственным параметрам в оценке элиты, он, на наш взгляд, весьма близок мнению и предположениям Джозефа Гейнса.

Примечания

- ¹ Давидов С.И., Милославский Е.И. Три века А.И. Строева // Исторические записки / 130, ред. А.М. Соболев. М., 1982. Т. 115. С. 264.
- ² Социологическая мысль в России. Обзор истории социологической мысли от начала XIX в. до 1917 г. М.: Издательство Е.А. Чекина. М., 1978. С. 100.
- ³ Строев А.И. Давидов с 1848 по 1888 г. Т. 5 (1871-1875) // Российская академия наук. Ф. 772. л. 7. > 348 об.
- ⁴ Сидоров Д.В. Политика как наука. СПб., 1972. С. 34-322.
- ⁵ Там же. С. 284; Строев А.И. История обществности. СПб., 1885. С. 90.
- ⁶ Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.И. Павлов. М., 2001. Т. 1. С. 686.
- ⁷ Сидоров Д.В. Политика как наука. С. 40-42.
- ⁸ Там же. С. 206.
- ⁹ Там же. С. 18-29.
- ¹⁰ Там же. С. 17.
- ¹¹ Там же. С. 20.
- ¹² Там же. С. 502.
- ¹³ Там же. С. 271.
- ¹⁴ Давидов С.И., Милославский Е.И. Современная структура и организация учреждений России. М., 2006. С. 267-268.
- ¹⁵ Сидоров Д.В. Политика как наука. С. 251.
- ¹⁶ Там же.

11 Сироткин А.В. Познание как игра // С. 253-276
 12 Там же, С. 271
 13 Там же, С. 30.
 14 Там же.
 15 Там же, С. 286
 16 Там же, С. 327.
 17 Там же, С. 288.
 18 Там же, С. 27

19 Сироткин А.В. Познание как игра // С. 276
 20 Лейкина-Сироткина А.В. Указ. соч. С. 249
 21 Сироткин А.В. Познание как игра, С. 237
 22 Там же, С. 248
 23 Там же.
 24 Вильямс В. Наука на грани обаяния. Версия 2 в СИИ. 2002. С. 11

ISSN 2183-32

ГЛОБАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ: СТРУКТУРА И СУЩНОСТЬ

С.Ю. Хлыстунов

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра экономической социологии shlystunov@yandex.ru

Ключевые слова: глобализм, современная западная философия, современную идеологию современности, персонализированную рыночную систему, общественный проект, глобализация планеты, его главный субъект, субъекты культуры, современность, объясняющая и/или создающая реальность, глобализация планеты, освоение планеты, ресурсы, развитие и осуществление труда, воля и способность человечества к созданию альтернативной модели глобального древнего идеологии, общественно-философские и философские и материальные возможности современной планеты.

Globalism as Ideology: Structure and Essence

S.Yu. Khlystunov

Abstract of globalism is the most recent ideology legitimization project globalization of planet. Essential idea is the will humanity unity, humanity unity project of globalism of planet of planet as ideas and actions the world. The top of planet unity of planet planet machine and humanity's ability to create

Современная философия анализирует структуру и сущность идеологии глобализма, видящей сегодня крайне актуальным, главным образом в связи с тем, что она представляла собой идеологическое обоснование наиболее фундаментального процесса современного мира, т.е. процесса глобализации. Этот процесс очень активно осуществляется в мировой экономике, культуре, политике, однако драматически не изучаются его социальная и идеологическая аспекты. Главной целью данной статьи является исследование базовых идей глобализма как идеологии, которая легитимизирует результаты глобализации, и представляется, по крайней мере, вполне законченную и самостоятельную идеологическую систему.

Глобализм представляет собой частную идеологию, возникающую, в своей современной форме, на фундаменте евроцентризма, евроцентризма, в своем центре, это идеология общности западного типа как единого целого.

Глобализм концентрирует в себе суть евроцентризма в наиболее жесткой и рафинированной форме, то, по сути, его апофеоз. Глобализм как мировоззрение имеет очень древние корни, однако в современном виде как идеология сложилась и складается усилиями ученых социологов, экономистов, философов, историков, политологов, журналистов, журналистов, писателей, политиков и общественных деятелей. В мировой социологии классиком глобализма в его апологетике является Э. Вальдерстайн, Ж. Аугалин, Э. Кастельс и другие¹.

Однако даже в научном мире многие склонны считать, что глобализм как специфической и самостоятельной идеологии не существует, что это лишь разновидность колониализма и империализма. Мы не считаем, что между творением, оправдывающимся и легитимизирующим колониальные практики, и глобализмом, нет ничего общего. Общих моментов здесь достаточно, но по своей сути это явления разнородные. Колониализм в чистом виде есть стратегия и тактика освоения жизненного пространства с целью дальнейшего преобразования на нем, в создании для него соответствующей социальной инфраструктуры.

Глобализм – в своей сути является более опасен. В чистом виде это социальная паразитизм, посягающий неограниченный, т.е. не имеющий никаких внутренних сдерживающих механизмов и реализующий лишь на поверхности жизнь.

Ключевое ядро глобализма – это культ сверхчеловека, оправаивающий любую диктатуру меньшинства, уверенного, что оно избрано править человечеством. Но в любом случае преобладает не есть сверхчеловек, в том смысле, в каком это понимал Ф. Ницше. Нидерландской сверхчеловек – существо, возвышавшееся и преодолевшее в себе надежду и отчаяние, каковы и прозрения, обиды, восторг и разочарования, радость и горе, страдания и жалость, любовь и ненависть. Для

14. Сироткин А.Н. Политика как наука. С. 213-270.
 15. Там же. С. 271.
 16. Там же. С. 28.
 17. Там же.
 18. Там же. С. 299.
 19. Там же. С. 227.
 20. Там же. С. 218.
 21. Там же. С. 27.

22. Сироткин А.Н. Политика как наука. С. 220.
 23. Девятый Сироткин А.Н. Указ. соч. С. 249.
 24. Сироткин А.Н. Политика как наука. С. 217.
 25. Там же. С. 248.
 26. Там же.
 27. Давыдов В.В. Титулярный советник Березин П.И. (1797-1862) С. 71.

ISSN 218-03

ГЛОБАЛИЗМ КАК ИДЕОЛОГИЯ: СТРУКТУРА И СУЩНОСТЬ

С.Ю. Хлыстунов

Саратовский государственный социально-экономический университет, кафедра экономической социологии и политологии

Идеология глобализма представляет собой наиболее сложную идеологию современности, переманивавшую различные стороны традиционной идеологии глобализма. Его можно назвать идеологией новой глобализации, обеспечивающей новую роль человека в мире, но не игнорируя всех ресурсов планеты и окружающей среды, юань и экологическое благополучие и здоровье населения. Идеология глобализма движется вперед, глобальность формирует всемирность и индивидуальность общества планеты.

Globalism as Ideology: Structure and Essence

S.Yu. Khlishtunov

ideology of globalism is the most complex ideology legitimization modern globalization of planet. Essential idea is the old ideology from complexity and groups of types of evolution of society of planet and aims and objectives the market, the field of scientific policy of global human machine and participation politics of planet.

Социологический анализ структуры и сущности идеологии глобализма является задачей крайне актуальной, главным образом в связи с тем, что он представляет собой идеологическое обеспечение наиболее фундаментального процесса современного мира, т.е. процесса глобализации. Этот процесс очень активно исследуется с помощью математики, культуры, политики, однако практически не изучается его социальный и идеологический аспекты. Главной целью данной статьи является исследование базовых идей глобализма как идеологии, которая легитимизирует результаты глобализации, и представляет, по нашему мнению, вполне замечательную и самодостаточную идеологическую систему.

Глобализм представляет собой частную идеологию, конкретную, в своей современной форме, на фундаменте евроцентризма. Евроцентризм, в свою очередь, это идеология общества западного типа как единственного идеала.

Глобализм концентрирует в себе суть евроцентризма и наиболее жесткой и рафинированной формы, это, по сути, это идеология. Глобализм как мировоззрение имеет очень древние корни, однако в современном виде как идеология создавался и создается усилиями ученых социологов, экономистов, философов, историков, политологов, экспертов, журналистов, писателей, политиков и общественных деятелей. В мировой социологии «классиками» глобализма и его аспектами являются Э. Вандергейн, Ж. Атали, Э. Кастельс и другие¹.

Однако даже в научном мире многие склонны считать, что глобализм как специфический и самостоятельный идеологический феномен не существует, что это лишь разновидность колониализма и империализма. Мы же считаем, что между теориями, оправдывающими и легитимизирующими колониальные практики, и глобализмом, нет ничего общего. Однако моменты здесь достаточно, но во своей сути эти явления разноплановые. Колониализм и империализм есть стратегия и тактика освоения жизненного пространства с целью захватывающего проживания на нем, и создание для этого соответствующей социальной инфраструктуры.

Глобализм – в своей сути является более опасной, и именно внале это социальный паразитизм, ничем неограниченный, т.е. не имеющий никаких внутренних сдерживающих механизмов и регулирующих влияний на пределы жизни.

Настоящее ядро глобализма – это культ сверхчеловека, оправдывающий любую диктатуру меньшинства, уверенность, что оно избрано править человечеством. Но в данном случае глобализм не есть сверхчеловек, в том смысле, в каком это понимал Ф. Ницше. Немецковский сверхчеловек – существо, возмывавшееся и преодолевшее в себе насилие и отчаяние, зависти и презрения, обольщения и разочарования, радость и горе, сострадание и жалость, любовь и ненависть. Для

этом требуется огромная воля и колоссальная чертвга, утверждает Ф. Ницше².

Ничего этого практически нет у тех, кто провозвудет глобализм. Они не преодолены в себе человеческое, они потеряли его. Мысли груди антрополога глобализма, сталонился немом, что глобалист есть существо морадина, а часто - и физически лтрадированное с психологическим амбициом валютарного масштаба³.

Глобализм как идеология не направляет людей на создание цивилизации и цивилизационный зруд, на любовь к Земле, Народу, Родине, Природе, уважение к Государству и Закону и Нраву. Глобализм - это идеология жестокости, всегда ведущая к разрушению и смерти любой цивилизации. По утверждению Ж. Аттали, на планете уже сформировался слой сверхбогатых людей-космополитов, способных свободно передвигаться через все национальные границы и удовлетворять свои многочисленные потребности в любой ее точке⁴. И если в традиционных обществах главным препятствием для человека была военная сила, то сегодня с появлением электронных средств массовой коммуникации главные препятствия могут быть перемещены на национальные законодательства и менталитет народов с традиционной культурой, затрудняющий «монетарный грабеж».

Современные коллективизм-глобалисты имеют более опасную по своей сути стратегию, основанную научно, в, следовательно, вегетарианскую, всеохватывающую итакать максимальные прибыли в кратчайшие сроки. Стратегия эта представлена молекулярной политикой «Чикагской школы», принятой на вооружение власти «Вашингтонского консенсуса», а следующая на них Бреттон-Вудская конференция превратила доллар в золото и открыла перед монетаризмом колоссальные возможности.

Глобалистский монетаризм стремится сделать отчуждаемыми все субъекты и явления социальной реальности посредством нечем не сдерживаемого обмена на основе глобальных коммуникационных механизмов. Внедрение в сознание масс идеологии, оправдывающего тотальное отчуждение всей материальной культуры, труда, жизни и интеллекта людей, даже от их собственных тел, которые рассматриваются лишь, как один из инструментов успеха, а также возможности влиять на свою судьбу, имеет омерзительное, качественное значение.

Пока существуют несомнуждаемые ценности, глобальная власть невозможна. Даже национальные души получают возможность маркировать и национализировать сферы, провадать в разряд мировой сверхденги и пользоваться возможностями, открываемыми глобализацией, только освободившись от ментальной зависимости и выходя в роли продавцов собственных национальных чертвгов, народов и ресурсов.

Глобализм уничтожает современные этны ставя себя в независимое положение от национальных интересов, освобождая от национальной почвы, и представляя собой подобие закрытого между-

народного клуба, со своей хорторой иной этикой, не обязывающей их служить стране, народу и государству. Они занимают промежуточное положение между собственными народами и международными центрами власти. Появляются единые стандарты, мораль и язык.

Глобализм утверждает возвыше последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций и оправдывает ситуацию, когда практически все ресурсы планеты принадлежат одной кассе финансовых эксплуататоров, считает А.В. Панарин⁵. Глобалисты из Трёхсторонней комиссии добились того, что норма финансового и интеллектуального права законодательно была представлена выше ценности человеческой жизни⁶. Благодаря этому деньги приобрели всеэкономическую функцию власти и привуждения, стали символом и атрибутом абсолютной власти.

Начиная с 80-х гг. XX века стало ясно, что потенциал прогресса научно-технического комплекса она все не хватает, а чтобы «выбраться» могли реализовать для себя все возможности, они кризисивались и процессе глобализации планеты, т.е. потребовали эксплуатировать все лучшее, что народы и создали народы всего мира, особенно масса жителей планеты должна научиться уже с завоеванных позиций в науку, архангу и шарварство, пишет А.В. Панарин⁷.

Для того чтобы 13% населения планеты могло в «обществе потребления», необходимо искусственно поднять до промышленной силы производство оставшей части человечества. Многие страны различными методами, вплоть до силовых, отбрасываются в лонинаустриальное состояние, но с грузом всех проблем индустриальной зависимости⁸.

Переходы периферийных и полупериферийных стран в индустриальное ядро искусственно пресекаются, так как их более высокой уровень потребления увеличивает пределы индустриального роста и усугубляет экологическую катастрофу. Интересно, что даже идеологический эффект осуждения экологической катастрофы активно используется для обоснования претензий на то, чтобы восстановить под контроль политику промышленного развития мира. Материальным фундаментом и культурным символом глобализма, оказавшим колоссальное влияние на формирование действительного общественного сознания, стали два феномена: банк и рынок.

Банк стал механизмом концентрации дематериализованного капитала в денежную форму. Его успех не зависит от реальных показателей реального развития в росте благосостояния, он существует в рамках виртуальной реальности, которая торжествует над реальностью материальной. Истинно банк наш представляет собой рождение порока международных финансовых спекуляций над нациями, терпящими экономический суверенитет.

Рост российской экономики «затривали от отчуждения» означает падение общего уровня жизни и рождаемости, рост смертности, демографический спад, деградацию инфраструктуры, деградацию окружающей, военно-промышленного комплекса, культуры, образования, науки, морали и т.д. Все процедуры, связанные с отделением пригородной прибалки от существующей «распределительской», с вывозом сырья, вывозом сырья, вывозом сырья и т.д. рассуждениях как нарушении пригородной прибалки.

Против рынка в современном научном мире, не говоря уже об общественном сознании, получило почти равновесный статус «социальности и неинтересности», что делает своим сложным его изучение и исследование. Современный мир имеет как социальную феномен.

Рыночная экономика представляет собой неравновесную систему, которая уравновешивает себя путем выбора ресурсов и выбора отхода. Энергия хозяйства не может быть распределена на все мировое сообщество государством, только на его индустриальное ядро, которое существует в центре периферии и периферийных странах и существует за счет них.

Рыночная экономика вынуждена поддерживать равновесие путем экспансии в поисках сырья, энергии, рабочей силы, рынков сбыта и поисках буферных систем, куда можно экспортировать отходы и газы, фактически. Эта индустриальность – фундаментальный фактор глобализации. Другой рыночной экономикой не существует, так как на глобальном уровне она всегда представляет собой символ крупнейшей собственности по эксплуатации всех возможных ресурсов планеты.

Существует устойчивая тенденция считать, что мировой рынок управляется элитарной группой, уравновешивающей спрос и предложение. Однако это тоже лишь очередная идеология, исходящая из идеологии глобализации. Даже если мы обратимся к Византийскому консенсусу, который поддерживает и глобализацию, победившей идеологии М. Фридмана, публично утверждая, что «глобальная рука рынка никогда не будет работать без видящего судью»¹⁴.

Структура современной глобальной экономики привлекательно сохраняется самыми жесткими методами. Встретив в нее, даже и видящего судью, практически невозможно. Это можно сделать лишь в том случае, если видящего судью обеспечивает приемлемую норму прибыли для глобальных экономических субъектов. Для тех регионов, где нет критерия доходности, выведено понятие «социальность», которую не имеет смысла эксплуатировать. Поэтому так сложно обстоит дело с Россией. Как пишет С.Г. Кара-Мурза, рыночные отношения в России невозможны, это фундаментальный фактор. Россия не может быть даже объектом эксплуатации, только объектом грабежа. Энергия – абсолютный фактор роста, поэтому

функционализация в России «рыночной» экономики невозможна по причине фактически доведенной энергетической базы»¹⁵.

Вообще понятие рынка в современной науке остается одним из самых запутанных и идеологизированных. Колоссальной по сложности перерасчетная структура мирового рынка не есть абстрактный рынок вообще: существуют различные рынки, сферы, уровни в стадии развития рынка, существуют и различные категории участников рынка, как в различных категориях товаров и услуг.

«Глобальный рынок» – это сложная социальная машина, которая функционирует не сама по себе, а с помощью сложного аппарата управления. Функционирует это не в день, не в год, не в час, не в месте, не в пространстве и взаимосвязанных отношениях людей, событий и информации, пишет А.А. Зиньковский¹⁶. Поэтому предполагать, что какие-то объективные законы безразлично, он управляет, жестко, планово и субъективно. Тем более мы считаем ошибочным считать рынок демократическим фактором социальной эволюции современного мира.

Глобализация представляет собой очень агрессивную доктрину, эту агрессивность в жесткость невозможно объяснить, если понимать, на каких идеологических конструкциях она основывается. Наиболее значимыми из них являются четыре: эволюционизм, социал-дарвинизм и расизм. Без понимания их социального смысла мы вряд ли поймем феномен глобализации.

Концепция существования социальной эволюции, или эволюционизма, имеет важное социальное-прикладное значение. Оно заключается в том, что эволюционизм доказывает наличие у человеческого человечества, существующего в форме различных цивилизаций, возможность пройти путь от наиболее примитивных форм социальной жизни к наиболее развитым и сложным.

В качестве идеального варианта прохождения этого главного верного эволюционного пути берется история Китая, который, по мнению эволюционистов, зародился в античной Греции и беспрерывно развивался как через социально-экономических формаций в течение тысячелетий, породив науку, технику, искусство, право, культуру, и пройдя единственно правильную путь развития. Лишь те народы, которые сумели его повторить, являются цивилизованными и полноценными по всем смыслам этого слова.

Те же народы, страны и цивилизация, которые не прошли путь, характерный западному, принято считать «отсталыми», т.е. социальными-миссиями. Здесь интересен сам факт деления стран на развитые и развивающиеся без выработки каких-либо единых критериев, что, скорее, напоминает палеонтологический трюк.

В эволюционизме присутствует с беспрерывным и стабильным общественным развитием выходящая как абсолютная истина, хотя и не выдерживает серьезной аргументированной научной критики.

Несмотря на то, что в научном мире формализованный подход не выдерживает конкуренции с интуиционизмом, а интуиционизм не является абсолютной догмой. В свободных зонах эволюции был интродуцирован даже в том смысле, что победой более сильного является необходимым условием прогресса.

Соника-дарвинизм также составляет основу антропологической модели глобализма и является учебным, идеологически обоснованным то леммирующим познанием, которое стал занимать Запад в эпоху научно-технической революции, и политику хоминида Африки, Азии, России, Америки и Индокитая. Он достаточно логично обосновывает естественный отбор человечества, без которого возникает способность конкурировать и побеждать себе подобных людьми миллиардами способств.

Главным аргументом здесь является тактика и технология, значение которых и определяется принадлежность к человеческому роду. При этом достаточно тенденциозно трактуется само понятие естественного отбора, которое совсем не спонтанную функцию, а именно в вероиспытании. Если велика же утверждать, что если человек съел собаку, то он стоит на более высокой эволюционной ступени биологического развития. В истории достаточно примеров уничтожения носителями высокоразвитых цивилизаций.

Расизм, который впервые обрел стройную, логическую и теоретически обоснованную научную форму во всех европейских идеологиях, является фундаментальным компонентом глобализма. Расизм не является каким-то новым феноменом в истории человечества, он существует во многих различных системах и политико-правовых документах многовековой давности, однако первой научной попыткой создания расовой теории является работа Ж. Уэббера¹².

Расизм вообще является важнейшим компонентом и необходимым условием, позволяющим реализовать политику и практику колонизации и геноцида. Интересно, что К. Маркс именно как представителя западной идеологии отмечал, что Запад создал себя из материи колоний, и на каждом долларе есть следы крови. «Расизм настолько глубоко вошел в ткань западной культуры, что даже сегодня, когда он официально отвергнут как доктрина, когда принята декларация ЮНЕСКО о расе и значительны пересмотрены учебные программы, расизм живет и все же является, пишет С.Г. Кара-Мурза¹³.

Компоненты расизма выполняет в рамках глобализма очень важную функцию: они легитимизируют практику геноцида. В глобализме первая геноцида доведена до совершенства, а в рекомендациях Трехсторонней комиссии и Бельведерского клуба по сокращению задолженности бедных стран и переводу эти страны сфера четко разработанные и научно обоснованные принципы¹⁴.

Не меньшей, а даже более весомой папулярностью пользуется идея прогресса, которая вытекает из западного понимания феномена свободы. Идея прогресса есть отрицание любой тирании, а в свободном она приобрела статус незыблемой истины.

После прогресса сегодня большинство людей понимает беспрерывное и ничем не ограниченное расширение спектра бытовых удобств и предоставляемых ими физиологических удовольствий, имеющих специфически капиталистический знак - денежную форму. Сама концепция прогресса неизбежно порождает индивидуальную идеологию капитала, который стремится обменять все доступные ему человеческие и природные ресурсы на ряд, чаще всего извлеченных, удовольствий владельца этого капитала.

Однако в объективной реальности прогресс не есть абсолютное благо. Прогресс в одних сферах сопровождается регрессом в других, так как ничто не дается даром и не приходит бесплатно, а за прогресс приходится расплачиваться, а плата порой достигает таких размеров, которые не могут оправдать его издержек. В современном мире он уже достиг предела, за которым его издержки начинают превосходить его выгоды.

А.А. Зиновьев пишет, «от прогресса выигрывают одни, а проигрывают другие, а число его жертв растет быстрее, чем тех, кому он приносит пользу. Он давно вышел из-под контроля людей и превратил их в своих марионеток. Он стал непредсказуемым и не сделал людей лучше. Он ведет к разрушению связей настоящих продуктов цивилизации - привязанности и критерия нравственности. Продолжение прогресса есть идеология бедных, ее движущими мотивами является эгоистические интересы элит, навязывающих ей всем в качестве всеобщих»¹⁵.

Но самое опасное в данном случае то, что этот устойчивый прогресс научно-технического комплекса влечет за собой перманентное увеличение потребляемых ресурсов, большинство из которых возобновляемы. Уже во второй половине XX века Римский клуб обвинял человечество в росте, а следовательно явиле хотя бы отменить их, то создан новую систему апартида, которую и предлагает глобализм. На практике она будет намного жестче уже известных в истории рабства, феодализма, религиозных войн и фашизма, так как технико-экономическая индустриализация абсолютна равнодушна к человеческим качествам.

Если первый раз в истории человечества «пределы роста» были отложены благодаря неэкономической революции, то сегодня глобализм предлагает другой вариант. Двухмерное экономическое «предельное» ростом не столько достигая желаемой цели с помощью перераспределения ресурсов планеты за счет демодернизации ряда индустриальных стран-соперников, абсорбцией необходимыми ресурсами, и равномерное сокращение численности населения ряда народов, в первую очередь,

русских и других славян, китайцев и корейцев как инновационных генераторов. Этот путь указан еще Макиавелли и оспариван Гитлером, еще более он усложняется в современном глобализме.

Если бы этот процесс шел по плану, мы можем сделать следующие выводы:

во-первых, свободным есть частная идеология в рамках евроцентризма, однако она концентрируется в себе его суть в наиболее жесткой и рафинированной форме, т.е. по сути, его идеология, свободным есть идеология социального индивидуализма, нечеловеческого в принципе, и обладающая сверхчеловеческими амбициями;

во-вторых, его идейным ядром является культ сверхчеловека, обосновывающий право узкой группы людей на эксплуатацию всех ресурсов планеты и отчужденного труда, если в интересах человечества;

в-третьих, глобализм как идеология стремится уравнять по всей мировой периферии, паномнифицировать по своей структуре систему аппарата, суть которого в разделение мирового сообщества на супер- и индустриальное ядро и периферию. Причем наиболее индустриальные страны предполагаются дедомонитаризовать и переструктурировать в соответствии с новой архитектурой мирового разделения труда, параллельно сократить численность их населения на такого уровня, чтобы его хватило лишь на поддержание инфраструктуры по вывозу сырья, а также хранения и утилизации отходов мирового рынка;

в-четвертых, по утверждению апологетов и защитников свободных, это идеология ковенантная, представляющая собой собой сверхчеловеческую индивидуальность, способную свободно перемещаться через все национальные границы, и удовлетворять свои всевозможные потребности в любой точке. Все это становится возможным благодаря закрытым средствам массовой коммуникации, которые могут выступать инструментом производства герметичных

национальных законодательств и осуществлять монетарный грабеж их избыточной богатства, а также средством разрушения целостности народов с традиционной культурой, с традиционными идеологическими этрессами.

Примечания

- 1 См. Виллершамп Д. Анализ мировых систем и потребности системных моделей мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. М., 1999; Давидов Ж. Динамика мирового сообщества. М., 1999; Касьянов Д. Индивидуализация мира. М., 1993.
- 2 См.: Бланш Ф. Социология. В 2 т. М., 1996. Т. 2.
- 3 См.: Давидов Ж. Век в власти. Опыт переживания века. Париж: М., 1995.
- 4 См.: Давидов Ж. Динамика мирового сообщества. М., 1999.
- 5 См.: Давидов Ж. Индивидуализация мирового сообщества. М., 2006. С. 3.
- 6 В 1933 г. по инициативе Д. Вулфендлера и Д. Франклина была создана Международная комиссия, в нее вошли представители из США, Канады, Франции для разработки экономических и политических стратегий глобальной масштаба.
- 7 См.: Мартин Г., Шюльц П. Энциклопедия глобализации. М., 2002. С. 309.
- 8 См.: Давидов Ж. Век в власти. С. 250.
- 9 См.: Каро-Мурро С. Г. Евроцентризм – вызов глобализации. М., 2002. С. 226.
- 10 Мартин Г., Шюльц П. Указ. соч. С. 327.
- 11 Каро-Мурро С. Г. Евроцентризм. С. 232.
- 12 Давидов Ж. А. Математическая социология. Энциклопедия. Научное и социально-гуманитарное знание. 2002. № 6. С. 219.
- 13 См.: Давидов Ж. Опыт и перспективы количественных наук. М., 1999.
- 14 См.: Каро-Мурро С. Г. Манипуляция сознанием. М., 1999. С. 565.
- 15 См.: Каро-Мурро С. Г. Евроцентризм. С. 176.
- 16 См.: Давидов Ж. А. Социология. М., 1995. С. 237.

УДК 316.014.007.01-075

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Г.В. Дылынов

Самарский государственный университет,
институт социальных исследований
Сайт: www.sgu.ru

В статье рассматривается процесс становления справедливых отношений в экономике России в рамках функционирования принципа социальной справедливости, оценивается его влияние на все стороны жизнедеятельности общества и, прежде всего, на формирование справедливых общественных отношений.

© Г.В. Дылынов, 2008

Social Policy as a Factor of Forming Fair Social Relations

G.V. Dylunov

The paper examines the process of forming fair society in modern Russia within the framework of social justice principle which has an influence on all aspects of social life and primarily on the forming of fair social relations.

русских и других странах, китайцев и корейцев как многовековых соперников. Этот путь укажут еще Маннусом и Гитлером, еще более его усугубляет современными глобалистами.

Ведь мы почти являемся этночуждым, мы можем сделать следующие выводы:

во-первых, чтобы быть есть частью идентичности в рамках евроцентризма, однако все концентрирует в себе его суть в наиболее жесткой и рифинансированной форме, это, по сути, его апофеоз. Следствием есть идеология социальном паразитизма, введенного в принцип, и обладающая планетарными амбициями;

во-вторых, его важным ядром является культ сверхчеловека, обосновывающий право узкой прослойки людей на эксплуатацию всех ресурсов планеты в отсутствие труда, земли и интеллекта человека;

в третьих, глобализм как идеология стремится справиться с хаосом мировой порядок, заменив хаос на сложной структуре систему управления, суть которой в реализации рыночного сообщества, основанного на капиталистическом ядре и периферийную паттернферно и периферно. Причем многие национальные страны превращаются дегенерирующую в переуструктурировать в соответствии с новой архитектурой мирового разделения труда, параллельно сокращая численность их населения до такого уровня, чтобы его хватило лишь на поддержание инфраструктуры по вывозу сырья, а также хранения и утилизации отходов мирового рынка;

в четвертых, во утверждению апологетов и идеологов глобализма, это идеология конжаников, представляющая собой слой сверхбогатых людей-мегамагнатов, способных свободно перемещаться через все национальные границы, и удовлетворять свои извращенные потребности с любой ее точки. Все это становится возможным благодаря ультрасовременным средствам массовой коммуникации, которые могут выступать инструментом преодоления герметичных

национальных законодательств и осуществлять транснациональный грабёж во имя общественного богатства, а также средством разрешения конфликта интересов транснациональной культуры, с помощью искусственной агрессии.

Примечания

- 1 См.: Билл-Ретчелл Д. Анализ мировых систем: системное системное понятие мирового сообщества // Саратовский университет. М., 1999. (Билл Р. Ж. Книга о будущем, М., 1999. Кассидис Э. Информационная эпоха. М., 2001).
- 2 См.: Манн Ф. Социология. Ч. 2. М., 1999. Т. 2.
- 3 См.: Манн Ф. Век в век. Опыт перемены век веков. М., 1995.
- 4 См.: Лисовый Ж. Новый горизонт. М., 1999.
- 5 См.: Билл Р. Ж. Искусство глобализма. М., 2001. С. 1.
- 6 В 1973 г. во Франции при Д. Фуко и Д. Франклин была создана Экономическая комиссия, в ее состав представляли США и Японии для разработки культурных и политических стратегий глобального масштаба.
- 7 См.: Миркин Г., Шварц В. Эволюция глобализма. М., 2002. С. 399.
- 8 См.: Шварц В. Указ. соч. С. 250.
- 9 См.: Корн-Мурел С. Г. Евроцентризм - типичный идеологический. М., 2003. С. 226.
- 10 Миркин Г., Шварц В. Указ. соч. С. 317.
- 11 Корн-Мурел С. Г. Евроцентризм. С. 232.
- 12 Зиндлер А. А. Политическая социология. Экономика. Предметы // Саратовский университет. 2002. № 6. С. 219.
- 13 См.: Габриэль Ж. Опыт о перемены человеческих рас. М., 1999.
- 14 См.: Корн-Мурел С. Г. Мировая экономика. М., 1999. С. 565.
- 15 См.: Корн-Мурел С. Г. Евроцентризм. С. 126.
- 16 См.: Лисовый А. А. Спутник. М., 1995. С. 272.

ISSN 1069-3496(476-571)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.В. Дылина

Саратовский государственный университет,
институт социологии молодежи
E-mail: dylina@yandex.ru

В статье рассматривается процесс становления гражданского общества в современной России в рамках функционирования принципа социальной справедливости, основанного на ее общечеловеческой ценности общества и. Кроме того, на формирование справедливых общественных отношений.

© Е.В. Дылина 2008

Social Policy as a Factor of Forming Fair Social Relations

E.V. Dylyna

The paper examines the process of forming civil society in modern Russia within the framework of social justice principle which has an influence on all aspects of social life and primarily on the forming of fair social relations.

Ставоление гражданского общества в современной России – весьма сложный, многогранный и противоречивый процесс. Нельзя исключить воздействие различных факторов и условий как внутреннего, так и международного характера. Особое значение имеет принцип социальной справедливости, который, с одной стороны, является базисным в системе ценностей нового общества, а с другой стороны, социальная справедливость выступает как предпосылка формирования новых общественных отношений. Все это предполагает особый подход к значимому месту и роли социальной справедливости в современных условиях.

Одним из способов реализации социальной справедливости выступает разработка и осуществление социальной политики, которая основывается на взаимодействии государства и общества. В широком смысле социальную политику можно рассматривать как руководство функционированием и развитием социальной сферы, включающей в себя целый комплекс социальных отношений и процессов, связанных с положением людей в обществе: уровень благосостояния, обеспеченность жильем и работой, пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание и многие другие.

Социальная сфера, являющаяся сложную структуру, выступает своеобразным элементом (механизмом) взаимодействия между экономической и политической подсистемами общества. В своем функционировании она воспринимает извне определенное единство и взаимодействие через призму деятельности социальных обществ и организаций.

В широком смысле всякое политическое воздействие на социальную сферу принято называть социальной политикой. В более узком, конкретном, смысле слова социальная политика имеет свой специфический предмет, метод, свои направления, то которым она реализуется. Социальная политика охватывает деятельность органов власти, направленную на регулирование положения, отношений и взаимодействия основных элементов социальной структуры общества, а ее функции заключаются в согласовании долгосрочных интересов социальных групп как друг с другом, так и с интересами общества как целостности¹. При этом кроме материальных интересов социальная политика должна учитывать политические и духовные интересы.

Другими словами, социальная политика обеспечивает динамичное и устойчивое развитие общественной системы в целом. Таким образом, она направляет широкий диапазон таких связей, как социальное сознание, консенсус, партнерство, стабильность и справедливость общественных отношений. В правовом государстве социальная политика призвана обеспечить создание условий для достойной жизни и свободного развития человека и реализовать принцип социальной справедливости.

В связи с этим следует отметить, что понятия социальной справедливости и социальной политики объективно взаимосвязаны. Они едины прежде всего в историческом отношении. С самого момента возникновения государства как политического института его деятельность имела социальную направленность, то есть была нацелена на уменьшение напряженности внутри общества посредством реальной благосостоятельности или путем демократических обещаний.

Изначально социальным может считаться все то, что характеризует социум, то есть взаимодействие, в отличие от отдельных индивидов (в этом смысле термин «социальный» идентичен термину «общественный»). В более узком значении это слово употребляется для характеристики взаимодействия между классами, слоями и группами населения в едином обществе или государстве.

Следует подчеркнуть значение именно этого аспекта для современного российского общества, поскольку в сложных условиях модернизации особую важность приобретает вопрос о выработке и построении стратегии так называемой «социальной политики», обеспечивающей не только поддержку «слабых», социальную «благосостоятельность», но и стабильный экономический рост. При этом следует учитывать ряд обстоятельств. Прежде всего характеризующий социальную политику бывшего социалистического государства уже не сработал: в условиях перехода к рыночной экономике кардинальным образом изменяется роль государства в решении социальных проблем, все большая нагрузка возложена на негосударственные источники финансирования и, в первую очередь, на самого гражданина.

Затем нельзя не учесть и того, что в условиях сокращения бюджетных средств, выходящих из социальных расходов, и снижения бюджетно-бюджетных государством социальных гарантий социальная политика современной России сводится к функции амортизации последствий экономических реформ, «задания дара», что по своему объединяет содержание и функциональные возможности социальной политики.

И, наконец, особое значение для России как федеративного государства имеет разработка механизмов взаимодействия федерального, регионального и местного уровней по вопросам обеспечения социального мира и стабильности. Ясно, что осуществление принципа социальной справедливости – это длительный процесс, который должен охватывать всю систему общественных отношений, независимо от региональных и иных различий.

Анализ современного состояния России позволяет утверждать, что с началом рыночных реформ произошло превращение прежнего строго регламентированного общества в хаотическую сумбух личностей, испытывающих потребность в идентификации². Поэтому роль государства как субъекта социальной политики состоит в том, что-

бы помочь каждому человеку в осознании своего места в социальной структуре современного общества. Тем самым оно в то же время формирует и объект своей социальной политики.

В современных условиях России важнейшими государственными и социальными группами, объектами, то есть субъектами и объектами, представляется в виде стремления гармонизировать свои взаимоотношения. Данный процесс осуществляется через обнаружение в сознательное принятие государством мер по разрешению противоречий как между и внутри социальных групп, так и между группами и государством в целом, особенно если учесть тот факт, что с началом перехода к рыночной экономике противоречия эти возросли.

Все это вынуждает взять и обуславливает актуальность вопроса о формировании социальной направленности рыночной экономики и разработке на этой основе адекватной социальной политики. Эти вопросы широко обсуждаются на официальном и неофициальном уровнях. «Академики, при этом важно все видеть в том, что на фоне социальной экономики формируется как рынок и этот более или менее нормальный и сравнительно развитый рынок капитала, а в нашей стране становится все шире и условия предоставления субсидий структурного капитала. В этом плане смысловая политика интерпретируется как система компенсационных государственных мероприятий и акций по регулированию отношений между различными социальными группами населения для повышения общественного благосостояния, улучшения качества и уровня жизни, рационального использования трудовых потенциалов и на этой основе роста эффективности функционирования экономики страны».

Социальная структура современного российского общества характеризуется крайней социальной неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих внутри социальных групп и между ними, так и на уровне самоорганизации личности как своего места в системе социальной иерархии. Эти процессы идут по двум направлениям: с одной стороны, путем размывания традиционных социальных групп, а другой стороны, путем становления новых видов структурной интеграции - по формам собственности, уровню доходов, степени мобильности во властной структуре.

Преимущественно государство формирует формируются между идеями социальной политики, заимствованной человеком в обществе, важными различными видами человеческой деятельности и степени их вознаграждения. Результатом социального статуса и его оценки государством всегда воспринимается индивидом как несправедливость, что вызывает его стремительную реакцию и destabilизирует общество в целом, поэтому процесс этот должен контролироваться государством и учитываться при разработке такой социальной политики.

В применении к социальной политике определение «социальная» употребляется часто в значении «социально справедливая» (откуда смысл иждив и термин «социализм», и, конечно, означавший социальную справедливую общество). О какой же справедливости идет речь применительно к современному весьма противоречивому обществу и особенно к рыночному хозяйству с его жесткими правилами конкуренции? Социальная справедливость обычно идентифицируется с равенством, что не добавляет этому термину определенности, так как равенства людей не может быть ни в биологическом, ни в интеллектуальном, ни в культурном смысле.

В принципе, под социальной справедливостью можно понимать равный доступ всех к каким-либо благам как людям деятельности, независимо от их материального и общественного положения. Как демократические права, в том числе и столь желанная свобода, отметил Р. Дарендорф, остаются недоступными, пока каждому человеку не будет обеспечен доступ ко всем равноправно жизненным шансам в нашем сложном обществе¹.

Р. Дарендорф относится к числу тех привлекательных исследователей, которые указывают на противоречивость процесса демократизации общества, становления свободной рыночной экономики. Распространение политических прав на широкие слои населения, свобода частной инициативы и конкуренции, способность разрешению многих важных противоречий, возникающих в свою очередь, новые конфликты. Между тем именно социальная справедливость может послужить тем связующим звеном, которое способно объединить различные слои населения, и поэтому стабилизатором, обеспечивающим парадоксальное социальное единство. Но мнение ряда исследователей, минимальным уровнем стабильности является достижение такого состояния общества, когда большинством его слоев принудится общие правила решения проблем. Проблемы разделяют общие, но общий порядок и общие правила игры считаются справедливыми.

Рассмотрим некоторые основные пути реализации социальной справедливости в системе социальной политики. Было бы заблуждением считать объектом этой политики лишь обездоленные, нищенские возможности трудящегося населения. Социальная политика имеет более широкий диапазон - в поле ее действия находятся и трудоспособные граждане, по той или иной причине лишены работы. Иными словами, речь идет о такой острой социальной проблеме, как безработица.

Безработица - не просто потеря работы, это существенное социально-психологическое явление, вызванное многими причинами негативными последствиями. К ним исследователи относят демографич, безработица населения, рост агрессивности, семейных конфликтов, самоубийств и

т.д. Короче говоря, безработица служит важным признаком выраженного несправедливости, существующей в обществе.

Все это имеет не только негативные экономические, но и весьма пагубные социально-психологические последствия. Формируется слой (страта) населения, которые уже сознательно не хотят трудиться, даже если есть возможность получить работу. Безработица является фактором привалялизации общества, утраты правед, дискредитации существующего политического режима.

В условиях становления рыночной экономики в России безработица характеризуется более сложным механизмом формирования, своеобразием форм проявления. Российская безработица является структурно-регрессионным следом привалялизации в условиях разрушения экономического пространства и прежних механизмов функционирования хозяйства при медленном формировании новых механизмов регулирования и саморегулирования экономики. Тенденция к росту безработицы подкреплялась инвестиционным кризисом и кризисом пенальтежей.

Понятие справедливости представляется о справедливости, отражая суть экономических отношений, наиболее ярко находят свое выражение в нормах права, исходящих от государства, со стороны законодателя. Однако этот принцип справедливости в виде поля, введенной в закон, не всегда и не во всех случаях совпадает с представлениями о справедливости отдельных личности, отдельных социальных групп в слое населения. Иными словами, речь должна идти об идеальном: о возможности совпадения представлений о справедливости со стороны государства, органов законодательной власти и участников общественных отношений.

Справедливость как понятие ныне активно используется в программах документов политических партий, общественных движений. Во многих случаях это понятие применяется для обоснования политико-экономических и правовых задач в сфере занятости населения, и предвыборных обещаниях кардинально изменить (как правило, улучшить) положение в области трудовых отношений.

Справедливость как оценочное понятие, применяемое в анализе отношений занятости, выражает, таким образом, отношение человека, социального слоя, политической партии к таким социальным явлениям, как занятость и безработица. Однако нравственная оценка реальных, экономических, политических, правовых явлений и фактов в условиях современного российского общества характеризуется существенными особенностями, вызываемыми эпохой бурных социально-экономических преобразований

Условно проблема современного общественного развития России – обеспечения социальной направленности экономических реформ, привнесение курса на соблюдение интересов всех социальных групп как трудоспособных, так и нетрудоспособных.

Это, несомненно, будет способствовать расширению социальной базы осуществляемых преобразований, включению новых групп и слоев населения в процесс реформирования. Эффективность реформирования общества обеспечивается тогда, когда в процессе преобразования включены все основные объекты и организации, когда большинство членов общества адаптированы к социальной реальности. Натяжным оказывается такой адаптации и осознания общности базовых интересов выступает развитие социального партнерства.

Социальное партнерство – одно из центральных понятий в системе современной социальной политики, направленной на формирование сбалансированных и взаимных общественных отношений. Не углубляясь в детальную характеристику этого сложного общественного явления, отметим, что социальное партнерство представляет собой эффективный механизм достижения и укрепления общественного согласия, баланса интересов работников, работодателей, государства при регулировании социально-экономических и трудовых отношений. Оно предполагает осознание различными социальными группами необходимости поиска и достижения гражданского мира и консенсуса на основе живых договоров и соглашений.

Итак, социальную справедливость можно понять не как формальную категорию, не как абстрактное отношение абстрактного добра, устанавливаемого как-то-то идеоисторическим, сверхчеловеческим силам. Наверное, сказать, что можно построить такое общество, где все отношения между людьми будут регулироваться сверху, государством, на основании неких принципов справедливости. В процессе формирования справедливых в гуманных общественных отношений необходимо развивать активность всех социальных субъектов, в том числе и региональных сообществ.

Примечания

- ¹ Давидов К. Модели социальной политики // Общество и экономика. 2000. № 8. С. 32–37.
- ² Давидов К. И. Российское общество на пути глобализации // Человек в современном мире. М., 2002. С. 31–33.
- ³ Давидов К. И. Справедливость без лица шавельского // Социс. 1999. № 6. С. 27.

ISSN (Print) 344-470-571-4

СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИИ КЛАССИЧЕСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

И.С. Малиновский

Саратовский государственный университет,
институт социальной информатики
E-mail: bulko@phs.sgu.ru

В статье анализируются основные проблемы интеграции региональных вузов в общеевропейское образовательное пространство, что способствует пониманию эффективности образовательных систем для рынка труда.

The Specificity of Integration of Classical Universities into European Educational Environment

I.S. Malinovsky

The paper analyzes the important problems of integration of regional universities into common educational environment which helps to assess the efficiency of higher of professional for labor market.

Российские университеты традиционно были восприимчивы к достижениям мировой культуры, открыты для творческого общения, что позволяло им широко интегрироваться в глобальную сеть университетского образования. По отдельным базовым параметрам, например, по численности преподавателей на одного студента, показатели по отдельным направлениям российские университеты могут составить конкуренцию ведущим университетам мира¹.

Некоторые ученые подчеркивают, что в ряде стран сохраняется высокое качество образования и инновационный коэффициент, определяющий соотношение числа студентов / преподавателей. К их числу относятся Россия, Канада и Англия (это соотношение равное 10), во Франции – 20, в Германии – 25, но в российской высшей школе оно составляет семь.

Ректор Московского государственного университета И.А. Садовничий подчеркивал, что с точки зрения будущего только высокое качество образования обеспечит международный авторитет выпускникам наших университетов. Решая данную задачу, нельзя отказываться от привлекательных по всем миру заслуг и опыта нашей системы образования, нужно постоянно помнить о том, что отставание приоритетов науки и образования, их единства – явный нравственный долг и крах жизни университетов².

В сложнейших социально-экономических и политических условиях российского общества сорокатым и второй половиной 90-х гг. прошлого столетия вузы Саратовской области, в том числе и СГУ, не только выжили, выстояли, но и раз-

вивались, намечалась тенденция модернизации, которые оказались востребованными в начале XXI века и вполне соответствуют на наш взгляд духу Болонской Декларации.

При этом выделяем два главных аспекта, характерных для функционирования вузов в тот период: речь идет о разворачивавшихся интеграционных и инновационных процессах в высшей школе. Прежде всего, остановимся на анализе интеграционных процессов, причем сразу отметим, что впервые в общественное сознание идея интеграции высшей школы было делом чрезвычайно сложным и давственным.

Противоположное разграничение возможностей между федеральными и региональными органами управления привело к необходимости постановки вопроса в региональном аспекте управления образованием в наукой, что породило проблему их интеграции на региональном уровне. К объективным предпосылкам постановки этой проблемы относилось, в частности, намерение передать ответственность за финансирование большинства образования на уровень субъектов Российской Федерации, на муниципальный уровень, в собственности предприятий и организаций.

Министерство общего и профессионального образования предполагало тогда ввести новый механизм финансирования, включающий федеральный, региональный, муниципальный бюджеты, спонсорские средства и собственные средства обучающихся. В связи с регионализацией государственной и общественной жизни усилилась значимая проблема географии учебных заведений, в том числе и высших³.

В период создания системы образования в России (1804 г.) были образованы учебные округа, число которых определялось количеством университетов. Университеты определяли образовательную политику в округе, содержание и организацию учебного процесса в образовательных учреждениях других уровней. Существовавшее в 90-х гг. прошлого столетия распределение вузов и научных организаций по территории страны и внутри регионов можно было характеризовать в целом как крайне неравномерное и слабо связанное с потребностями формирующейся рыночной экономики. Это обстоятельство порождало необходимость регионального регулирования взаимодействия вузов и научных учреждений с учетом новых социально-экономических условий.

Названная необходимость и изменения формы, вызываемой интеграцией образования, связана с объективизацией содержательной причины. Причина эта была обусловлена прежде всего изменением тех социально-экономических условий, в которых функционировала высшая школа. В России существовало достаточное в наследство образовательное пространство, в котором государственные вузы финансировались из бюджета 23-х, а средние специализированные учебные заведения - через 34 министерства и ведомства. Многообразие источников финансирования объективно обуславливало существование образовательного пространства как механического алого.

Отсутствие интеграционного жетива было характерно не только для регионального уровня, но и для высшей школы России в целом. Такому состоянию неизбежно были свойственны дробная замкнутость вузов, слабая восприимчивость новаторских идей и области технологии образования. Недостаточная разобщенность, переданная неопределенность и требования к средней школе, которая должна определять уровень подготовки выпускников школ, желающих продолжить свое образование.

Отметившая организационно-финансовая разобщенность порождала перепроизводство специалистов по разным специальностям и, напротив, дефицит - по другим, обуславливая существенно различный уровень подготовки специалистов, выпускаемых различными вузами, близким по профилю, затрачивала учет национально-региональных компонентов в структуре образования, развитие творческих связей между преподавателями в учебных регионах.

В то же время можно было ожидать, что интеграция интеллектуального, финансового и материального потенциалов вузов развития может привести к эффекту, превосходящему простое суммирование. В данном случае могли быть найдены источники экономики за счет исключения элементов дублирования различных функций. Аккумуляция творческого потенциала могла привести к существенному росту масштаба решаемых научных и педагогических проблем, повышению конкурентоспособности интегрирующихся вузов, что особенно важно в условиях рыночной экономики.

Интеграция вузов, как известно, способствует формированию социокультурной парадигмы существующего образовательного пространства как органического целого, гармонично учитывающего требования регионального социума. В качестве предпосылки этому, казалась бы, естественно, в изменяющихся условиях процесса, можно отметить богатый ряд преподавателей и научных сотрудников, работавших на различных объектах в различных требованиях к ним в интегрированных структурах. Уровень этих требований, несомненно, будет определять-

ся интегрированной структурами и, следовательно, в интегрированной системе более могут быть опасны, связанные с возможной потерей статуса и использованием средств от необязательной деятельности.

В качестве еще одного выражения выдвигаюсь, чтобы существовало принципиальное различие в условиях классического университетского образования и педагогического образования. При этом утверждалось, что интеграция, например, педагогического вуза с классическим университетом в качестве неизбежного следствия должна влечь за собой приращение и даже углубление педагогической науки и педагогического образования. Выдвигался также тезис, что университет призван готовить только научных работников, исследователей, специалистов работающих по различным отраслям науки, отвечающих потребностям этих отраслей и готовых уверенно войти в эти отрасли. Педагогические же вузы должны готовить учителей разных ступеней и сфер образования, и поэтому специфика педагогического образования при интеграции школы может быть утрачена. Как характеристика интеграции, например, классического университета и педагогического института обосновывалась предложение об объединении всех педагогических учреждений региона в один крупный учебно-научный центр.

Эти предложения были обусловлены желанием сохранить при интеграции узкопрофильную ориентацию, что вполне соответствует характеру являющегося развития системы образования в бывшем СССР, когда существовало множество министерств, реализующих управление отраслями той или иной плановой экономики. Экономика страны во многом была направлена на удовлетворение потребностей военно-промышленного комплекса. Указ специализация вузов в большей степени способствовала удовлетворению этих потребностей. Плановая экономика, планируя распределение специалистов допускала их равную специализацию. Концептуальная выработка этого направления развития образования была позитивная индустриальная специализация, в соответствии с которой была создана сеть факультетов кафедр на предприятиях-потребителях выпускаемых вузов. Специализация в обучении в соответствии с этой концепцией начиналась с первого курса. Само развитие многих классических университетов, согласно требованиям социально-экономической системы того времени, происходило как отпочкование от них, в качестве самостоятельных вузов различного профиля, медицинского, юридического, экономического, сельскохозяйственного и др. В результате, многие российские университеты стали иметь в то время ярко выраженную естественно-научную направленность, более соответствующую характеру военно-промышленного комплекса.

С повышением социально-экономической формации все более равномерное распределение, резко

содержался военно-промышленной компании, изменилась мотивация молодых людей, желающих получить высшее образование. Соответственно изменилась и концепция высшего образования вообще и университета в частности. Поэтому нельзя считать, что главным стремлением многих педагогических коллективов, ранее узко специализированных вузов, имевшихся университетах, такое переименование, выходящее, на первый взгляд, за установленные формы, влекло за собой значительные изменения и в сути высшего образования.

У российских вузов появилась возможность усилить субинституциональную и образовательную процессы, ввести в учебный процесс преподавание дисциплин, пользующихся повышенным спросом, открыть обучение по дефицитным специальностям, отражающим потребности рыночной экономики.

При этом заметим, что бесконтрольность того, в общем, объективного процесса может породить резкое снижение уровня преподавания, а соответствующий материальный интерес и связанные с недофинансированием со стороны государства могут привести и к снижению требовательности к уровню усвоенных знаний. Именно переименование вузов, по сути, открыло возможность появления «экономистов и юристов в бывших технических и сельскохозяйственных вузах и колледжах».

В этих условиях следует отметить возрождение интереса и классических университетов страны к подготовке профессиональных педагогов, были созданы государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника для получения дополнительной квалификации «Преподаватель», а также государственные требования к магистрам для получения дополнительной квалификации «Преподаватель высшей школы». Соответствие различным стандартам университетского педагогического образования и педагогического образования в системе педагогических вузов показало, что различие этих типов подготовки образовалось не только разным соотношением образовательной и профессиональной составляющих, но и разными целями установками.

Предпосылка к интеграции вузов была заложена в процессе интеграции высшего и среднего образования, который был ввезен еще в СССР (фундаментально-классический тип), и получил особенно развитие в 1990-е годы. Тогда, например, Саратовским государственным университетом были заключены договоры о сотрудничестве со 113 школами. На базе университета была создана колледж естественных наук, в котором реализовывалась модель непрерывного образования, начиная с младших классов средней школы и включая цикл университетского образования. Нельзя считать случайным процесс привлечения для работы в школах профессоров и доцентов

университета. Он связан с желанием части учащихся удовлетворить свои запросы по получению дополнительных образовательных услуг, приобретению знаний и навыков, выходящих за рамки обычных школьных программ.

Можно сказать, что стираются границы и уменьшаются барьеры между средней и высшей школами стало потребностью, характерной для того времени. Привлекая в школы преподавателей классического университета, создавая на его базе линейные классы, руководители школ не на словах, а на деле подтверждали возможность планомерно варианта интеграции. От линейного рывка этого процесса выстраивают и школа, и вуз, который будет получать более подготовленных абитуриентов.

Ситуация в высшей школе сложилась таким образом, что наибольшая концентрация кадров высшей квалификации (профессоров, докторов наук) практически повсеместно характерна для классических университетов. Чаще всего это вузы, обладающие историческими традициями, с них начиналось высшее образование в России. Из их стен выжили и развиваются научные школы. Многие специализированные вузы были открыты в связи с возникающими новыми потребностями соответствующих отраслей плановой экономики. Их открытие инициировалось существовавшими тогда отраслевыми министерствами, через них же осуществлялось финансирование этих вузов, методическое и организационное руководство.

С изменением социально-экономической формации число таких министерств и ведомств резко сократилось. Министерства, руководящие образовательным процессом, были объединены в одно Министерство общего и профессионального образования. Последнее способствовало проведению интеграции классических университетов и педагогических вузов в единые структуры. Можно сказать, что процесс преобладающего рывка высшего образования в стране характеризовался не высокой степенью дифференциальности, специализации образования; тупик рыночной экономики и напор стране соответствует процесс интеграции образовательных структур. Отражением этого процесса является, в частности, ориентация высшего университетского образования на комплексно его фундаментализацию.

В перспективе можно считать естественным возрождение в большинстве российских университетов гуманитарных, экономических, аграрных, искусствоведческих и других институтов или факультетов, в том числе и на основе интеграции с существующими вузами соответствующего профиля. Созданная интегрирующая структура в виде других децентрализованных возможностей повышения качества образования содержит и повышение эффективности обучения наиболее талантливых педагогов с максимальной пользой студенческим учреждениям.

В каждом университете региона есть и тот же учебный курс (в особенности это имеет отношение к общеобразовательным дисциплинам) читается разными известными преподавателями либо на учебный совместительством преподавателем другого вуза. Отметим, что во многих образовательных университетах в качестве таких совместителей выступают профессора и доценты классического университета. Читая, таким образом, лекции по одному и тому же курсу, преподаватели неэффективно тратят свой потенциал, хотя, конечно же, получают дополнительный заработок. Эта деятельность, несомненно, ведет к ущербу научным исследованиям и методической работе, что, в конечном счете, должно вести к снижению квалификации и качества преподавания.

Высвобождение части преподавателей и результаты интеграции различных образовательных структур, например, за счет объединения преподавателей лекционных аудиторий открывает возможность повышения научной квалификации, методического мастерства, преподавательского состава, позволяет готовить и читать лекционные курсы по выбору, рассчитанные на сравнительно небольшие группы студентов. Повышение наполняемости аудиторий позволяет решить еще одну задачу: в свободное время создать малую группу по форме аудиторного фонда. Углубленная специализация образования привела к тому, что в аудиториях, рассчитанных на 200 и более слушателей, читается лекции 50-70 студентам. Высвобождение аудиторий за счет повышения их наполняемости открывает дополнительные возможности для расширения сферы оказываемых вузами образовательных услуг, в том числе и на платной основе. В интегрированном вузе, вследствие резкого увеличения числа потребителей услуг, содержание такой инфраструктуры становится вполне обоснованным. При этом студенты, преподаватели и научные сотрудники получают беспрепятственный доступ к интегрированной материальной базе. Подразделение, составившее инфраструктуру, неизбежно повышает свой потенциал, получают большее количество заказов и приобретают качественный развития.

Важнейшей составной частью любого вуза является библиотека. В связи с резким ростом цен на реферативные, иностранное, научные, специализированные журналы, научные монографии, улучшение коммунальных услуг и недостаточным ангажированным финансированием содержание каждой вузовской библиотеки становится непосильной задачей. В случае создания крупного учебного центра возможно объединение фондов отдельных библиотек в единый мощный комплекс, при этом возможен рост эффективности использования этой базы, расширение числа оказываемых библиотечных услуг.

В процессе интегрирования образовательных структур в крупные вузовские центры целесообразно выделить также средние специ-

альные учебные заведения. Для этого имеются благоприятные предпосылки. Ряд специализированных учебных заведений совпадает с профилем подготовки в вузах. При переходе на многоуровневую систему подготовки интеграция этих образовательных структур позволит избежать дополнительных затрат в вузе на качественную подготовку специалистов первых образовательных уровней. Создание программ непрерывного многоуровневого обучения позволит учащимся избежать дублирования в обучении при переходе на высшие образовательные уровни. Систему образования в России, таким образом, окажется приближенной к принятой во многих зарубежных вузах, что будет способствовать установлению и развитию связей с ними, обмену опытом, внедрению передовых технологий образования. Свидетельством этого может быть инициатива в Саратовском университете претворения организации и работы колледжей, ориентированных на учебно-научное участие учащихся школьного курса гуманитарных и естественно-научных дисциплин, которая демонстрирует возможность успешной подготовки специалистов, отвечающих современным требованиям (бакалавров, магистров), без существенного увеличения времени обучения в среднем вузе.

Организация учебного процесса в таких колледжах позволяет оптимизировать программы подготовки специалистов, начиная уже с начального периода, для той части учащихся, которая в результате конкурсного отбора оказалась наиболее профессионально ориентированной и проявила способность и желание к качественному освоению большего объема учебного материала. В таком колледже обучающиеся до перехода в вуз преподаются ряд общенаучных дисциплин, характерных для первого уровня вузовской подготовки, в их изучении ставятся мотивационные. Обучаемый способен использовать приобретенную им и уже даже базу специальных знаний и умений для освоения общенаучных дисциплин с точки зрения их применения.

Объективными предпосылками для вовлечения средних специальных учебных заведений в производственную подготовку, создание образовательной цепочки «колледж - техникум - университет» является, кроме наличия реальных специализаций, уже сложившаяся практика преподавания ряда дисциплин преподавателями вузов, наличие мест их распределения выпускников, позитивность опыта региональным и республиканским органам управления.

Реализация такой образовательной цепочки на основе заключенного двустороннего договора начала осуществляться с 1993 г. коллективом Саратовского государственного и Саратовского колледжа равнопартнерскими Яблочкова - среднее специальное учебное заведение возни со 100-летним опытом подготовки специалистов-технологов. Везде 20 лет это учебное заведение готовило только

техники на полупроводниковой электронике, а затем – на специализации «микроволновая и полупроводниковые приборы». Углубление этого материала происходит практикой, выполняющей двойные работы в научных лабораториях университета. На физическом факультете СГУ осуществляется подготовка студентов по реальным специализациям микроволновой и полупроводниковые приборы, физика и технология материалов и компонентов электронной техники.

Как известно, в составе Саратовского государственного университета также находятся Саратовский педагогический институт, техникум им. Н.П. Яблонского, колледжский колледж, Балковский металлургический институт. Эта образовательная структура обслуживает около 25 тысяч студентов, несколько

тысяч преподавателей и учебно-методических персонал. Изучение в объеме имеющего опыта деятельности такого выстраивания пути является важной задачей науки, в том числе в социологической.

Примечания

- ¹ См. например, *Андреевич В.И., Николаев В.В. Образование в образовании*. М., 2003. С. 341.
- ² См. *Сельвинский В.А. Университеты. Настоящее. Будущее. Доклад президента Европейской ассоциации университетов и общества Социальное общество университетов на рубеже тысячелетий*. М., 2001.
- ³ *Белкина К., Митин В. Образование в информационном обществе России // Высшее образование в России*. 1997. № 1. С. 14-26.

УДК 159.92

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ

С.Г. Ивченко, А.А. Кошелев

Саратовский государственный университет, кафедра социологии молодежи, E-mail: ivchenko@sbnet.ru

В данной статье затрагиваются вопросы тератичности социологии сферой социальной идентичности, отраженные в социологических концепциях известных зарубежных теорий и в рамках теории проблем, исследователи которых делают вывод о деятельности изучения граница трансформации личности феномена под влиянием информационных потоков современности.

The Problems of Identity in Social Theories Past and Modern Time

S.G. Ivchenko, A.A. Koshelev

The article highlights main conceptual theoretical exploration of social identity problems, which first time reflected in the works of the authors of The Social Theory and other modern scientists and lead to further study of the process of transformation of the phenomenon on the influence of information streams of modern reality

В социальных и гуманитарных науках в настоящее время отмечается усиленно внимание к теоретической рефлексии проблем трансформации и реструктуризации как отдельных сфер общественной жизни, так и общества в целом. В связи с этим все большую актуальность приобретает вопрос проблем идентификации населения в социальных группах в процессе формирования общественной системы. Не менее важным является роль отдельной личности, осуществляющей в жизни всей важности текущую деятельность с целью предостережения возможных негативных послед-

ствий переходного этапа. По мнению М.В. Заколотной, понятие идентичности, которое в историческом процессе охватывает и субъективное время, и личную деятельность, и национальные особенности, на рубеже XX-XXI вв. стало одной из главных тем в обществе. Многие проблемы действительности, экономического, политического и культурного плана, в конечном итоге, оказываются вопросами об идентичности¹. Следовательно, проблема идентичности является сложной и недостаточно разработанной и требует тщательного всестороннего исследования на стыке различных гуманитарных и социальных теорий, обеспечивающих комплексное теоретико-практическое освоение значимости научных вопросов с целью предотвращения или частичного инвертирования последствий транзитивных процессов в современном обществе. В первую очередь, речь идет о проблемах становления информационного общества, связанных с формированием и появлением новых социокультурных, экономических и политических идентичностей.

Раскрытие проблемы идентичности затрагивает множество взаимосвязанных вопросов и понятий. Среди них можно выделить социологические, философские, биологические, культурологические понятия. Кроме того, сама предметная область исследования идентичности в рамках современного информационного общества предполагает тщательный анализ ее основных исторических аспектов.

Известный ученый Г. Люббе считает, что история – суть процесса индивидуализации со-

техники во полупроводниковой электронике, а затем — на единичности «микроеклектроника и полупроводниковые приборы». Успехи этого направления находят применение в инженерных работах в научных лабораториях университета. На физическом факультете СГУ существует специальная подготовка студентов по разделам специальности «микроеклектроника и полупроводниковые приборы, физика и технологии материалов и компонентов электронной техники».

Как известно, в составе Саратовского государственного университета также находятся Саратовский педагогический институт, техникум им. Н.П. Яблонского, геологический техникум, Падиковский сельскохозяйственный институт. Эти образовательные структуры объединяет около 25 тысяч студентов, поскольку

тысячи преподавателей и учебно-воспитательный персонал. Изучение и освоение опыта деятельности такого интегрированного вуза является важной задачей науки, в том числе и социологической.

Примечания

- 1 См. например: Дубровин В. П., Писов В. В. Образование в образовании М., 2003, с. 143.
- 2 См. Сидоровский В. А. Университеты, Миссия: Будущее. Доклад президента Европейской ассоциации университетов // Университеты и общество. Социальность университетов на рубеже тысяч. М., 2001.
- 3 Казовит Л., Мейер В. Образование и национальная безопасность России // Высшее образование в России. 1997. № 1. С. 14-20.

УДК 316.62

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ

С. Г. Мачеяков, А. А. Кошелев

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: sgmach@yandex.ru

В данной статье рассматривается эволюция теоретического содержания проблемы социальной идентичности, отраженная в социологической литературе различных общественных теорий и учениях разных эпох. Рассмотрены вопросы влияния на развитие учения о социальности социологов данного факультета под влиянием информативных ресурсов современности.

The Problems of Identity in Social Theories Past and Modern Time

S. G. Macheyakov, A. A. Kosheliev

This article analyzes social theoretical explanation of social identity problems, which find their reflection in the works of the authors of The Social Theory and other modern scientific and their further study of the process of transformation of this phenomenon under the influence of information streams of modern reality.

В социологах и гуманитарных науках в последнее время отмечается усиление внимания к теоретической рефлексии проблем трансформации и реструктуризации как отдельных сфер общественной жизни, так и общества в целом. В связи с этим все большую актуальность приобретает вопрос о проблеме идентификации молодежи в социальных группах в процессе преобразования общественной системы. Не менее важным является вопрос о развитии личности, осознание проблем всей личности текущих изменений с целью предотвращения возможных негативных послед-

ствий переходного этапа. По мнению М. В. Захаровичей, понятие идентичности, которое в историческом процессе охватывает и субъективное время, и личную деятельность, и национальные особенности, на рубеже XX - XXI вв. стало одной из главных тем в обществе. Многие проблемы хозяйственного, экономического, политического и культурного плана, в конечном итоге, оказываются вверженными об идентичности¹. Следовательно, проблема идентичности является сложной и недостаточно разработанной и требует тщательного всестороннего исследования на стыке различных гуманитарных и социальных теорий, обеспечивающих комплексное теоретико-практическое осознание значимости изучаемых вопросов с целью предотвращения или частичной ликвидации негативных последствий транзитивных процессов в современном обществе. В первую очередь, речь идет о проблемах становления информационного общества, связанных с формированием и осознанием новых социокультурных, экономических и политических идентичностей.

Раскрытие проблемы идентичности затрагивает множество взаимосвязанных вопросов в политике. Среди них можно выделить социологические, философские, биологические, культурологические вопросы. Кроме того, сама предметная область исследования идентичности в рамках современного информативного общества предполагает тщательный анализ ее основных исторических аспектов.

Известный ученый Г. Леббе считает, что вектория — суть процесса взаимовыявления ко-

циальных систем. Благодаря истории индивидуумы относятся друг к другу и могут быть идентифицированы с помощью исторического процесса. Одним из доказательств исторического происхождения индивидуальности являются города, ибо в старых городах соседствуют градостроительные реалии различных исторических эпох. Смысл определения истории как процесса индивидуализации систем можно заострить и указать путем различения звездной и исторической индивидуальности, ведь индивидуум не существует самостательно, только в единственном числе. Вместе с себе подобными она образует биологические сообщества, социальные группы и национальные общества².

Г. Либбе противопоставляет два вида социальной идентичности: числовую и историческую. Числовая индивидуальность характеризуется с помощью прагматики процессов нумерации, обеспечивающих индивидуальность личности, поскольку различение ее от других, ей подобных, путем определения ее свойств невозможно с достаточной степенью надежности. В таких случаях, когда различение индивидуумов в процессе их взаимодействия невозможно, приходится прибегать к символам. Им даны имена или артикуляторы номера, чтобы избежать путаницы имен. Такая номерация обладает техническими аппаратами одной и той же серии. Для надежной двусторонней регистрации триггера также считается необходимым упорядочивать индивидуумов по номерам. Напротив, историческая индивидуальность обеспечивает такую различимость в качестве единичного результата единичных историй, взаимодействий с индивидуумами в их взаимодейственных с другими полями. Согласно данному автору, идентичность – это ответ на вопрос о том, кто мы такие. Наиболее элементарным проявлением исторической идентификации является удостоверение личности и имени. Если первое предоставляет обладателю информацию о жизнедеятельности индивида, то второе есть нечто большее, чем весьма констативный с точки зрения техники различения эквивалент функциональной номера, синхронизирующего человеку индивидуальность – имя представляет науку историческую индивидуальности. Его можно считать названным той историей, с помощью которой мы (как и другие люди) идентифицируем науку историческую индивидуальности. Человек различает себя только в истории, а не в абстрактном интроевенте, утверждает В. Дидрих, сходясь с Ф. Ницше³.

По мнению В. Шюна, а идентичность субъекта заключается весь их жизненный мир, то есть социальность. Идентичность обладает самостоятельностью не только личности, но вообще все рефлексивные системы. Всякое общество ищет историю, в ходе которой возникает его специфическая идентичность, через действия или упоминание от действующей пропаганды к

обществу людей, каждый из которых имеет свою специфическую идентичность⁴.

Фундаментальным научным знанием в рамках историко-эволюционного подхода к социальной идентичности можно считать концепцию С. Канта о мире из трех ступеней исторического развития. Согласно ей, все мысли индивидов постепенно проходят три сменяющих друг друга состояния, необходимо конструировать и идентифицировать объективную реальность в зависимости от возможностей в обществе социальных стереотипов⁵. Каждое из них образует основу социальной идентификации и прокладывает все сферы общественной жизни. Так, теологическое состояние умов приводит к авторитарному режиму, поскольку племенные вожди, восходящие своим корнями к великим богам, идентифицируются в свою очередь, с богами. Кроме того, индивидуальная идентификация, по мнению С. Канта, здесь строится на инстинктивных импульсах, сочетания которых образует чувства. Однако несмотря на прочность инстинктивной адекватности, свободной первой стадии интеллектуального развития, социально-технический процесс различивает устойчивые стереотипы. По мере развития интеллекта пробуждается критика, выражающая различные убеждения, образующие жизненную базу всего социального порядка. Вместе с падением веры начинается распад социальных связей, а следовательно, наступает кризис идентичности, что выражается в социальных катаклизмах, войнах, которые, по мнению Канта, необходимы для развития общества. В этот период приводит новая стадия состояния умов – метафизическая, где идентичность формируется на основе абстрактно-философских концепций, которые, впрочем, тоже не дают разрешения существующим противоречиям. Последним революцией является этап, или «взрывная уловка», которая усиливает разрывность социальных идентичностей. Решить эту проблему может научный синтез коллективного знания, отрывающийся следовательно стадии развития человечества – поминуюю.

В середине 1840-х гг. С. Кант выводит понятие культа человечества как единого Великого существа, подчеркивая, что отдельный индивид – это всего лишь космологический вид. Это понятие трижды раскрывается в «Человечестве» как огромным организмом, составленным из совокупности умознаний, идеалов, желаний и будущих побуждений людей. Следовательно, мы можем говорить об общей, единой социальной идентичности, возникающей на совокупности исторических закономерностей, и попытке некоего социального принципа. Тем самым, по его мнению, в историческом процессе Кант открывает роль личностной идентификации и декларирует идею коллективной идентичности.

Несколько по иному рассматривает исторический процесс Г. Спенсер, который считает, что общество не может и не должно существовать

отдельную личность. Существенным изобретением социального прогресса ученый считает переход от общества, в котором личность долгие годы подчинена социальным нормам, к такому состоянию, при котором социальный организм служит составленным его индивидами. Основное социологическое различие социальной идентичности заключается в методе ее достижения: насильственном или добровольном. Если первый формирует общество военного типа, то второй больше свойственен для гражданского общества. В данном методологическом контексте применим и обоснование генеральной идеи Г. Спенсера об эволюции, сутью которой заключается в переходе от гомогенности к гетерогенности, отравляющей связности и специфичности ее определителем.

Эту идею частично разделяет и Э. Дюркгейм, несмотря на отрицание им легкой схожести в начале со своим коллегой, в теории механической и органической солидарности. По его мнению, личность – исторически явление, а особенно многозначность возникает в процессе исторического развития. Иными словами, социальная идентичность – продукт истории, трансформирующаяся в результате перехода от архаических обществ к обществам, основанным на органической солидарности, дифференциации взаимоотношений; кроме того происходит и переход от индивидуальной идентичности к акценту на сотрудничество (рациональное решение индивидов). Одним из основных трансформаторов социальной идентичности является религия, формирующая, своего рода, правила взаимодействия. Особое внимание Э. Дюркгейм уделяет рефлексии религии как коллективному творению человечества. Сущность религии, с его точки зрения, заключается в разделении общества на мирские и священные функции, а не в вере в трансцендентного бога. Основная роль религии в процессе идентификации заключается в конструировании солидарной системы верований и практик, относящихся к жителям сообщества, обособленным, запретным:

«...религиозные ритуалы, которые объединяют в одну неразрывную общность, какому-нибудь деревню, всех, кто их признают»⁶. В данном утверждении наблюдается параллель с воззрениями Г. Спенсера, считающего, что первобытные ритуалы служат переломным моментом.

Намечая впоследствии М. Вебер предвзвешивает свое отношение к религии и ее значению в социальной идентификации общественно-экономических процессов. Следуя его доктрине, можно констатировать, что религия порождает идентификационные трансформирующие моменты социального действия, обуславливая трансформации исторических процессов и национальную дифференциацию⁷.

Таким образом, социальная идентичность представляет собой многомерный процесс человеческого становления, который может быть описан в рамках различных социальных и гуманитарных теорий. Научная картина таких процессов тесно связана с последующим анализом теоретико-методологических моделей, в рамках которых индивидуальная и коллективная идентичности проявляют себя и взаимодействуют под влиянием информационных потоков, сохраняя при этом свои основные характеристики.

Примечание

- ¹ Давидович И. В. Идентичность человека: социолого-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999.
- ² Давидов И. Историческая идентичность // Проблемы философии. 1994. № 4. С. 138–143.
- ³ См. Современная социология религии: Словарь. М., 1990. С. 86.
- ⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 188–193.
- ⁵ См. Современная социальная социология: Словарь. М., 1990. С. 137.
- ⁶ См. Дюркгейм Э. Эссе о религии и социологический анализ. М., 1993.
- ⁷ Дюркгейм Э. Указ. соч.

ISSN 1608-9877

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Е. Дылина

Саратовский государственный университет,
кафедра социальной информатики
E-mail: Dylina@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального контроля в экономическом обществе современного российского общества. Особое внимание уделено способам и методам реализации контроля над предпринимательской деятельностью, предложены пути социализации данных процессов.

Social Control in Modern Russian Society

D.E. Dylina

The paper discusses some aspects of social control in economic sphere of modern Russian society. The emphasis is made on ways and methods of control in Russian entrepreneurial activity, ways of socializing this process are offered.

отдельную личность. Существенным измерением социального прогресса ученые считают переход от общества, в котором личность является лишь частью социальным целому, к такому состоянию, при котором социальная личность служит составным элементом его индивидуума. Основное типологическое различие социальной личности заключается в методе ее достижения: индивидуальном или добровольном. Если первая формирует общество жесткого типа, то вторая больше свойственна для демократического общества. В данном методологическом контексте актуальны и обоснование транспарентной идеи Г. Спенсера и возможности, сущность которой заключается в переходе от гомогенности к гетерогенности, возрастанию связанности и идентификационной определенности.

Эту идею отчетливо разделяет и Э. Дюркгейм, рассматривая отрицательную роль сложности в жизни по своим же критериям, в теории механической и органической солидарности. По его мнению, цивилизация исторически верна, а осознание платонической справедливости возникает в процессе исторического развития. Иными словами, социальная идентичность – продукт истории, трансформирующаяся в результате перехода от архаических обществ к обществам, основанным на органической солидарности, дифференциации взаимозависимости; кроме того происходит и торжество индивидуальной идентификации с акцентом на сотрудничество (гражданские решение индивидов). Одним из основных трансакторов социальной идентичности является религия, формирующая, своего рода, правила взаимодействия. Особое внимание Э. Дюркгейм уделял рефлексии религии как коллективному творению человечества. Сутью религии, с его точки зрения, заключается в разделении общества на мирские и священные функции, и не в вере и трансцендентного бога. Основная роль религии в процессе идентификации заключается в конструировании солидарной системы верований и практик, относящихся к ведам священным, обособленным, запретным:

верований и практик, которые объединяют в одну моральную общность, называемую церковью, всех, кто их признают⁶. И таким утверждением приближается параллель с дифференцием Г. Спенсера, считающим, что церковь призвана вырвать страх перед мертвыми.

Немецкая исследовательница М. Вебер предприняла свою трактовку понятия религии и ее значения в социальном идентификации общественных процессов. Следуя его логике, можно констатировать, что религия помогает идентифицировать интегрирующий мотив социальное действия, обуславливая трансформации исторических процессов и национальную дифференциацию⁷.

Таким образом, социальная идентичность представляет собой многомерный процесс человеческого существования, который может быть описан в рамках различных социальных и гуманитарных теорий. Изучная картина таких процессов тесно связана с последующим анализом теоретико-методологических моделей, в рамках которых индивидуальная и коллективная идентичности принимают себя и выстраиваются под влиянием информационных потоков, сохраняя при этом свои основные характеристики.

Примечание

- ¹ Давыдовичев М.В. Психология человека, социально-философские аспекты. Ростов н/Д, 1999.
- ² Дрейк С. Историческая идентичность. В Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108-113.
- ³ См.: Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 86.
- ⁴ Дрейк С. Указ. соч. С. 108-113.
- ⁵ См.: Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 137.
- ⁶ См.: Арон Р. Эволюция социологической мысли. М., 1993.
- ⁷ Арон Р. Указ. соч.

ISSN 1993-6611 (print)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Г. Дальнов

Самарский государственный университет,
e-mail: social@phs.sgu.ru
E-mail: D.G.Dalnov@phs.sgu.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального контроля в экономической сфере современного российского общества. Особое внимание уделено способам и методам реализации контроля над предпринимательской деятельностью, предприниматели различных профессий.

Social Control in Modern Russian Society

D.G. Dalnov

The paper discusses some aspects of social control in economic sphere of modern Russian society. The emphasis is made on ways and methods of control in Russian citizens' entrepreneurial activity, ways of applying this process are referred.

Современное российское общество, являясь по своей сути транзитивным, характеризуется наличием разнообразных и разнонаправленных явлений и процессов во всех сферах своей жизнедеятельности. При этом следует отметить, что в обществе имеется множество неадекватных, кривоточных феноменов, в том числе и в экономической сфере.

Что же может противопоставить современное общество этим опасным процессам и тенденциям? Явлениям отклоняющегося поведения в обществе противопоставит процесс социального контроля. В самом общем виде социальный контроль можно определить как способ регуляции общественных отношений, направленный на устранение элементов дезорганизации и тем самым – на сохранение качественной определенности социальной системы. В процессе осуществления социального контроля происходит преодоление тех или иных дисфункций, порожденных от социальных норм. Содержания этого процесса определяется реальным противоречием между субъективно установленными социальными нормами и объективным ходом социальных процессов, во многом не соответствующих нормативным требованиям¹.

На поверхности общественной жизни социальный контроль проявляется прежде всего как применение определенных санкций – действий, посредством которых отклоняющееся поведение индивидов или групп поощряется требованиям социальной общности. Осуществлять эту функцию в зависимости от ситуации могут либо сами члены той или иной общности (неформальный контроль), либо специально выделенные для этого лица, наделенные соответствующими полномочиями (формальный контроль).

В литературе можно встретить формулировки, согласно которым сущность и главная задача социального контроля состоит в том, чтобы вывести к минимуму отклонения от господствующих социальных норм.

Эти определения в целом правильны, но недостатком их состоит в том, что они фиксируют отдельные (хотя и важное) аспекты социального контроля. С методологической точки зрения вернее свести этот сложный процесс к выделению и идентификации функций (дисквалификации вышедших из строя индивидов). Контроль означает прежде всего изучать отклонение и выработать разумные управленческие меры. Иными словами, контроль должен приводить к позитивным практическим результатам, иметь конструктивное значение в системе человеческой деятельности, обеспечивая не только стабильность, но и целенаправленное, всестороннее развитие, совершенствование социальной системы.

Именно поэтому стабилизирующая функция социального контроля во всех сферах общественной жизни (в том числе в экономике) подчеркивается практически всеми авторами, разрабатывающими данную проблему.

Понятие «социального контроля» в сознании многих людей ассоциируется с деятельностью органов государственного принуждения (прежде всего, правоохранительных учреждений). Однако это общественное явление имеет значительно более широкую сферу действия, охватывая более сложную организационную и социально-психологическую структуру. Его целью является обеспечение исторически обусловленных экономических, политических, социокультурных характеристик конкретной социальной системы. Каждая общество вырабатывает свою собственную, специфическую систему мер, способов измерения и убеждения, предписаний и запретов, выражения признаний, отлучений, награды, благодаря которым поведение социальных групп, ассоциаций и индивидов приводится в соответствие с принятыми образцами деятельности.

Даже самый общий взгляд на условия, в которых функционирует социальный контроль, его свойства, виды, виды санкций позволяет считать, что этим понятием охватывается широкий круг разнообразных явлений, что он представляет собой системное образование со сложной многуровневой структурой.

Функционирование социального контроля проявляется и осуществляется корректирующей деятельностью, социальными санкциями, обеспечивающими упорядоченность, динамическое равновесие социальной системы в процессе ее развития. Осуществляются эти санкции действующей системой социальных институтов (организаций), составляющих вторую основную элемент (организационную подсистему) системы социального контроля. Следующим важным элементом данной системы выступают неинституционализованные механизмы социального контроля (общественное мнение, традиции, обычаи и т.д.), которые носят социально-психологический характер. Как и другие системные образования, эта система представляет собой упорядоченную организацию элементов совокупности элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некое целостное единство.

Упорядоченность системы социального контроля имеет объективный характер. Ее закономерности, структура, свойства, в конечном счете, определяются закономерностями, структурой, свойствами социального целого. Смысл существования системы социального контроля обусловлен целями более фундаментальных систем. В социальном контексте контроль не имеет самостоятельной цели, отличной от общей цели управляемой. В этом смысле цель управления занимает подчиненное место в иерархии целей, которые ставит перед собой общество.

В принципе, социальный контроль охватывает все сферы человеческой жизни, в том числе и экономическую. Остановимся более подробно на этой форме социального контроля. Контроль, который осуществляется в этой сфере, имеет

ры особым образом, присущая только данному ряду деятельности. Все действия контрольных институтов направлены на выявление, преодоление или предотвращение девиаций в процессе производства, обмена, распределения. Однако, как уже отмечалось выше, экономическая сфера тесно связана с другими областями общественной жизнедеятельности – социально-политической, духовной. Поэтому наряду с контролирующим действием экономических институтов мы видим здесь и функционирование различных политико-правовых структур, в первую очередь государственных органов. Да и сама девиация здесь имеет двойной характер. С одной стороны – это могут быть нарушения каких-то экономических норм, правил, традиций, т.е. таких понятийно-нормативных установок и принципов, с помощью которых обеспечивается эффективность и стабильность хозяйственной деятельности. С другой стороны, значительная часть этих требований сложена в юридическую форму и выступает как элемент правовой системы, а экономические отношения, таким образом, включаются в систему правосудия. Тут важно также нужно учитывать, поэтому контроль в сфере экономики или хозяйственный контроль имеет определенные количественно-качественные аспекты. В части этих методологических замечаний следует, на наш взгляд, рассмотреть характеристики хозяйственного контроля, который выступает как качественно самостоятельный вид деятельности в контексте общего родового понятия (общественного контроля).

Экономический контроль как вид социализирующей деятельности воплощает собой ряд важных базовых признаков, это, в частности, целенаправленность (на реализацию социальных норм), структурные характеристики (деление на три стадии – информативную, аналитическую, применительную). Данный вид контроля формирует составной частью социального регулирования – в частности присущие ему функции, способствует реализации ряда конкретных видов обеспечения безопасности, эффективности и стабильности социально-экономической сферы.

Для понимания роли экономического контроля следует, на наш взгляд, обратиться к проблеме взаимосвязи экономической и социальной сфер (с точки зрения их системного единства и взаимообусловленности). Элементы экономического контроля образует особый специализированный механизм, который строится в более широкой системе – обществе, взаимодействуя при этом с другими сферами: экономическую и социальную. Трактовка развития экономики как социального процесса означает, что это развитие рассматривается не изолированно от других сфер общественной жизни, а в тесной связи с ними, причем эта связь осуществляется через определенные линии, специфические механизмы, включенные

не только в экономику, но одновременно и во все другие сферы общества. Таким связующим звеном и выступает экономический контроль, являющийся разновидностью социального контроля, распространяющегося на все общество.

Разумеется, контроль – не единственный связующий механизм, во всем не менее это одна из главных точек взаимосвязи социальной и экономической сфер. Экономический контроль – это, во-первых, существующий фактор, от которого зависит развитие экономики; во-вторых, механизм, отсрочивающий влияние на это развитие всех других факторов общественной жизни, обладающий развитым экономикой той или иной социальной характер. Такие принципиальные возможности определяют методологический статус данного явления и практический смысл теоретических изысканий в данном направлении.

Исследование проблематики экономического контроля позволяет указывать на такие социальные связи в экономике, которые до сих пор фактически не изучались (например, неформальные отношения и хозяйственный механизм). Отсюда в возможности более четко выделить новые стимулы развития экономики, раскрыть будущие трудности и конфликты, представляющих серьезному функционированию хозяйственного механизма. Социологический анализ помогает составить более полное представление о механизмах экономической власти, столкновения интересов на экономическом поприще, конфликты социальных групп, соотношения различных регуляторов хозяйственной деятельности. Это дает возможность определить роль и значение контрольной деятельности, ее механизмы и объективно обусловленные пределы. В связи с этим необходимо также отметить и отрицательное значение концепции экономического контроля для развития основных направлений экономического социологических исследований, в том числе и в исследуемый проблем стабильности общественного организма.

Обращаясь к истокам данной концепции, мы видим, что многие аспекты социального контроля рассматривались в социальном философии и праве, начиная с древности. Речь идет о таких «вечных» вопросах, как сущность властных форм, роль государственно-правовых институтов в борьбе против социального зла, пути разрешения конфликтов между индивидом и обществом, обеспечение общественной стабильности и правопорядка.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что стабилизирующая функция социального контроля в целом и экономического контроля в частности, в первую очередь, связана с преодолением и профилактикой дисфункциональных и патологических явлений в социальной системе. Прежде всего речь должна идти о борьбе против различных видов преступности. Это особенно

жизни в условиях становления рыночных отношений, когда ростки новых форм экономической деятельности еще довольно слабы и угнаными для пережительских со стороны криминальных элементов.

Многие «традиционные», а также новые, недавно детализированные формы проявления социальной девиантности серьезно тормозят нормальное развитие частного предпринимательства и здоровой активности «среднего класса» в целом. В то же время права некоторых наименьших бизнесменов можно рассматривать как опасный девиантогенный фактор. Разумеется, такая являясь не только тормозом развития нормальной предпринимательской деятельности, но и дискредитирует саму идею индивидуального бизнеса. Это еще один аргумент в пользу концепции эффективного экономического контроля, способного обеспечить стабильные условия хозяйственной деятельности и безопасности гражданского предпринимательства. Именно поэтому актуальной задачей всех контрольных инстанций является поддержание условий, направленных на становление новой культуры предпринимательства, развитие его моральных основ, соблюдение принципов честного бизнеса и цивилизованного поведения в формирующихся рыночных условиях.

Не случайно на верхний план выдвигается проблема безопасности бизнеса в широком смысле слова. Судя по материалам прессе и высказываниям предпринимателей в личных беседах, большинство из них уверены в том, что надежных механизмов и гарантий защиты пока еще не существует. С самого начала рыночных реформ для среднего российского бизнеса организованные структуры были крайне дефицитной проблемой. По официальным данным, около 70% коммерческих предприятий вынуждены были платить «силовым группировкам». Предприниматели с высоким образовательным уровнем чаще жаловались на вымогательства, но, вероятно, не от того, что чаще с ними сталкивались, а потому что более активной реагируют на насилие. Большая часть представителей бизнеса склонна считать, что можно успешно хозяйствовать без применения угрозы и силовых мер.

В период «перестройки» велось немало разговоров о росте и внедрении новых хозяйственных структур. К середине 1990-х гг. положение изменилось, появились специализированные «решения» – «арсенал», «арсенал силовых методов» довольно широк, и они встроены как важная часть в механизм контроля за выполнением деловых обязательств. Организованное давление осуществляется на партнеров через партийные органы в советское время, было своеобразной компенсацией за утерю административной и правовой защиты. Отсутствие действенного законодательства и судебного регулирования при-

ведло к тому, что силовые методы вросли в ткань хозяйственных отношений.

На мнение экспертов, российский бизнес развивается и больше на границе преступного мира. При этом почему-то принято упоминать не центральные города, но и в регионах дела обстоят не лучше. Дело в том, что нестабильность общественной жизни способствует развитию криминальных факторов. Индикатором показывается, что в обстановке мигрирующих страстей, призывая к погромам фермеров и бизнесменов, экстремизации частной собственности довольно люди становятся жертвами уголовных преступлений, причем не число, но уголовной статистике (вымогательства, крупные кражи, убийства), где от года к году растет. Неслучайно предпринимательство рассматривается экспертами как одна из наиболее опасных зон: нужно учитывать не только риск в связи с неупорядоченностью хозяйственной ситуации, но и прямую опасность насилия со стороны конкурентов, угрозы, исходящие из криминального мира.

При этом нужно учитывать, что крупные бизнесмены находят способы компенсировать потерю, скрывая, например, свои «незаконные» от налоговой инспекции. Труднее бороться. Не менее уже с развитый мелкому и среднему предпринимательству в условиях сверхконцентрации производства, наличия большой доли крупнохозяйственных структур и общей чуждости предпринимательских предприятий и организаций. Любая инновация может создать такие трудности, которые для отдельного предпринимателя непреодолимы, губительны.

Последнее обстоятельство требует особого внимания. Тема притеснений, которым подвергаются частные бизнесмены и со стороны преступников, и со стороны бюрократов, является одной из самых волнующих в современном прессе. Можно бесконечно долго вести речь о необъявленной войне против предпринимателей любого ранга на территории нашей страны, причем Саратов занимает здесь далеко не последнее место. Но не меньший урон развитию предпринимательства наносит и коррупционность чиновников, когда занимающийся бизнесом, не нарушая законодательства, практически невозможно избежать в виду активной государственными чиновниками, работниками контрольных органов, суда, прокуратуры и т.д.

В настоящее время можно составить довольно список опасностей и угроз, включенный в себя весьма разнородные, на первый взгляд, элементы, которые, однако, взаимосвязаны и функционируют система. И системообразующим фактором можно считать коррупцию (а в более широком плане криминализацию бюрократического аппарата). Из беседы автора с членами экспертной группы, в которую входила, главным образом, представители среднего и малого бизнеса (86 чел.), следует, что именно коррупция, связанная с чиновниками яв-

бюджет государственными органами является основной проблемой предпринимательской деятельности.

По результатам экспресс-исследования коррупция занимает первое место (32% респондентов) среди наиболее распространенных явлений современной экономической жизни, на втором месте – обман, его отмечают 31% опрошенных. Также большинство участников экспертной группы видит в коррупции основную проблему развития бизнеса. Стоит заметить, что проблема коррупции имеет глубоко исторические корни: зародившись еще в царской России, коррупция, пережив СССР, перекомпоновалась в современную реальность. Можно сказать, что чиновничество сформировало свою, неформальную систему контроля, которая претендует на официальную систему контрольной деятельности.

В руках у чиновников немало рычагов, позволяющих воздействовать на предпринимателей. Еще не начал действовать, бизнесмен претерпевает немало трудностей из-за усложненного порядка регистрации предприятий, необходимости платить за каждую «бухгалтерскую» задержку в оформлении и т.п. На этом фоне его не конвоируют. Власть манипулирует ставками арендной платы и прочих сборов. Появляются многочисленные контролеры, которые осуществляют проверки по самым разным вопросам. Словом, представители власти не раз доказывали, что способны разрушить любое начинание, причем в рекордно короткие сроки.

Нужно учитывать, что в современных условиях имеет место не только традиционное платничество и коррупция органов управления. «Сращивание» капитала с теми или иными властными структурами даже районного масштаба выступает своего рода предпосылкой деловому успеху. Габаритной популярностью пользуется, особенно в периоды кризиса от справедливого наказания. Государственно-управленческая должность сама по себе превращается в средство предпринимательства. Разумеется, в таких условиях, когда власть нарушает то, что призван его защищать, невозможно вести разговор о честной и цивилизованной экономической деятельности, об эффективном и справедливом экономическом контроле.

Коррупция – действенный инструмент прямого вымогательства, взимания легальных, нелегальных и полелегальных доборов. К первым относятся налоги и обязательные платежи. Нелегальными можно считать одобрительно-обязательные отношения на муниципальные нужды (благоустройство города, ремонт зданий, прочие нужды коммунального хозяйства). Отчисления эти не предусмотрены законом, однако власти располагают достаточными возможностями, чтобы принудить бизнесмена к «благотворительности». Незаконные, по сути, действия чиновников облекаются в законную, официальную форму. Наконец, предприниматель вынужден давать взятки.

Перестройка и рыночные реформы ослабили административный контроль, и масштабы коррупции явно разрослись. Впрочем, не стоит забывать одну вещь: для чиновника и обслуги предпринимателей. И здесь участвуют две стороны. Бизнесмены нередко используют, в весьма широком, корыстолюбивую власть чиновник, чтобы получить доступ к дефицитным ресурсам, добиться льгот, освободить себя от части обязательных платежей в «благотворительность»².

Таким образом, предпринимательское сообщество является, с одной стороны, объектом и жертвой, а с другой – субъектом и серьезным источником девиантного поведения. Налицо противоречивость сплоченного сознания современных предпринимателей, несогласованность многих ценностно-нормативных ориентаций, которыми они пытаются руководствоваться.

Ряд исследователей отмечают, что в ментальности и поведении вышедших российских бизнесменов самым парадоксальным образом сочетаются рациональные и иррациональные мотивы, тем свойственны резкие перемены от оптимистического к пессимистическому настроению. Это отражение специфики состояния российского общества. Такие особенности определяют и противоречивость, и неустойчивость, и непредсказуемость действий предпринимателей в сопереженных условиях³.

Контрасты ценностно-нормативные установок предпринимательской «страны» связаны прежде всего с условиями ее формирования, протекающего в противоречивой, кризисной социальной среде, в которой преимущественно переживает остатки старых и растут новые общественные отношения. И вразумительно, на наш взгляд, охарактеризовать состояние современной российской предпринимательской общности (от бизнес-элиты до уличных торговцев) как ярко выраженную маргинальность социального статуса.

Взятки («маргинальность») обычно трактуется как некое неопределенное, противоречивое состояние социальных групп, которое характеризуется ростом девиантности. Иначе маргинальность связывается, главным образом, с нарушениями социальной регуляции, усилением конфликтности и т.п. Однако позднее обнаружилось и ее значение как важной предпосылки социализации в сфере культуры, маргинальные социальные группы часто оказывались их инициатором и агентом.

Эта характеристика относится и к современному российскому предпринимательству. Отсюда следует вывод, что его маргинальные черты должны учитываться и в практике социального контроля на всех уровнях государственной деятельности. Нужно своевременно выявлять и пресекать негативные тенденции в поведении тех или иных групп предпринимателей, заранее предупреждать, что некоторые процессы могут возникнуть в силу маргинального положения данной социальной общности. Но ведь эти

уместно сразу принимать какую «презумпцию виновности» предпринимателей, жюристы и силу своей маргинальности якобы «обречены» на совершение антиконформных действий. Следует видеть и поддерживать противоблагодатную тенденцию – стремление значительной части этой социальной группы к законопослушному поведению, проверяемости их идей толкования и порядка. Это должно быть одним из главных стратегических направлений антимитического контроля, осуществляемого современным Российским государством.

УДК 378.334 (470.44)

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.А. Богачева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии региона,
E-mail: bogachevaia@yandex.ru

В статье на основе данных социологического исследования анализируются различные формы протестного поведения населения Саратовской области.

**The Protest-Like Potential Activity of Saratov Region
Inhabitants**

I.A. Bogacheva

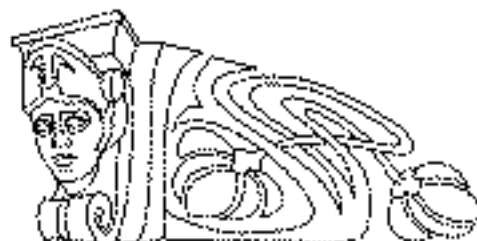
The article deals with the protest-like behavior of Saratov region inhabitants analyzed on the basis of sociological investigation data.

В современной России среди большого разнообразия видов социально-политической активности населения особое место занимает такая деятельность, с помощью которой люди имеют возможность непосредственно выразить свое мнение, недовольство, разного рода требования. Такой вид проявления коллективных действий в политической и социологической литературе относят к протестным формам политического поведения¹.

В мировой политической и социологической науке классиком теории политического действия по-прежнему считается М. Вебер². В. Михалко, М.Я. Острогорский³ анализировали виды политических действий и акторов. Н. Спрэкселл предлагает классификацию социально-политического движения человека⁴. Протест как неотъемлемую часть политической культуры населения исследовали Д. Олманский, Г. Мандусова, А. Кинсбургский в России и Т. Гарт, С. Стауфер за рубежом⁵. Они рассматривают протестные действия в связи с теорией относительной депривации, основой которой

Примечания

- 1 См. об этом: Штефанович, Византизмизм и бюрократизм: контроль в России XIX–XX вв.: тенденции к социально-экономическому изменению // Поступил: Я.И. Штефанович, СПб., 2001.
- 2 Динарский Л.Е. Влияние действия предпринимателей к увеличению спроса // Социал. 1998. № 1. С. 35.
- 3 Тоскаловский Т.И. Адаптация российского делового сообщества к глобализации бизнеса // Социал. 2006. №5. С. 78.

неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможными вариантами удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вызывать в открытой протесты⁶. А. Томкина интерпретирует процесс в анализе протеста как события⁷. В. Сафронков исследовал потенциал политического протеста в России в контексте демократической перспективы⁸. И. Кинкин составил «репертуар действий протеста и контрпротеста» протестного движения в России и поставил проблему принятия оценки его эффективности⁹. М. Натараевым и В. Петуховым проведена конкретные эмпирические исследования по проблеме отношения россиян к разнообразным формам политического протеста¹⁰. К настоящему времени накоплено достаточное количество социологической информации о протестном поведении населения таких городов, как Санкт-Петербург и Москва¹¹. Анализ данных ВЦИОМа, Центра Исследования политической культуры России, РОМИФа, Федерального агентства правительственной связи и информации продемонстрировал различие в отношении населения к формам протестной активности¹².

Таким образом, проблематика социально-политического протестного поведения достаточно разработана. Тем не менее проблема поведения социально-политического протеста на региональном уровне еще требует разработки. С этой целью в 2007 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, которое показало, что политика занимает второе место из 14 позиций (со значением 6,66%) в иерархии этических ценностей саратовцев¹³, выборы – десятое место (6,01%), политические заявления – одиннадцатое (5,62%), деятельность в политической организации и акции протеста – двенадцатое

уместно сразу принимать некую «презумпцию лояльности» предпринимателей, которые в силу своей маргинальности якобы «обречены» на совершение антисоциальных действий. Следует видеть в поддержке противоположных тенденций – стремление лояльной части этой социальной группы к законопослушному поведению, приверженность их идеям законности и порядка. Это должно быть одним из базисных стратегических направлений экономического климата, осуществляемого современным Российским государством.

УДК 315.334.3(62)44

ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

И.А. Бегина

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии регионов
E-mail: beginai@yandex.ru

В статье на основе данных социологического исследования выявлены различные формы протестного поведения населения Саратовской области.

The Protest-Like Potential Activity of Saratov Region Inhabitants

I.A. Begina

The article deals with the protest-like behavior of Saratov region inhabitants analyzed on the basis of sociological investigation data.

В современной России среди большого разнообразия видов социально-политической активности населения особое место занимает такая деятельность, с помощью которой люди имеют возможность непосредственно выразить свое мнение, возмущение, разногласия, требования. Такой вид проявления коллективных действий и политической и социологической литературе отнесен к протестным формам политического поведения¹.

В мировой политической и социологической науке классиком теории политического действия по праву считается М. Вебер². Р. Михельс, М.Я. Острогорский³ инвентаризовали виды политических действий и акторов. Н. Соренци предложил классификацию социально-политического поведения человека⁴. Протест как неотъемлемую часть политической культуры населения исследовали Д. Ольшанский, Г. Мендусова, А. Князевский в России и Т. Гарт, С. Стауфер за рубежом⁵. Они рассматривают протестные действия в связи с теорией когнитивной депривации, исследуют характер

Примечания

- 1 См. об этом подробно: Деминаева, К. Социальная интеграция в России XIX–XX вв.: тенденции и социальные последствия // Под ред. Я.Н. Голоскобова. СПб., 2000.
- 2 Дюважон, Л.В. Возмущенность: предприниматель в условиях среды // Социал. 1998. № 1. С. 53.
- 3 Демидова, Г.И. Анализ российских данных о протестном поведении // Социал. 2006. №5. С. 76.

неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможностями их удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый протест⁶. А. Темкина впервые обратилась к анализу протеста как события⁷. В. Сафроню исследовал потенциал политического протеста в России в контексте демократической перспективы⁸. И. Канков составил «репертуар действий акторов в контрагентном протестном движении в России и поставил проблему признания оценки его эффективности⁹. М. Назаровым и В. Петуховым проведены конкретные эмпирические исследования по проблеме отношения россиян к разнообразным формам политического протеста¹⁰. К настоящему времени накоплено достаточное количество социологической информации о протестном поведении населения таких городов, как Санкт-Петербург и Москва¹¹. Анализ данных ВЦИОМа, Центра Исследования политической культуры России, РСМДП, Федерального агентства правительственной связи и информации продемонстрировал различия в отношении населения к формам протестной активности¹².

Таким образом, проблематика социально-политического протестного поведения достаточно разработана. Тем не менее проблема потенциала социально-политического протеста на региональном уровне еще требует разработки. С этой целью в 2007 г. было проведено эмпирическое исследование методом анкетирования, которое показало, что политика занимает восьмое место из 14 позиций (со значением 5,667) в иерархии жизненных ценностей саратовцев¹³, выборы – десятое место (5,613), политические заявления – одиннадцатое (5,627), деятельность в политической организации и акции протеста – одиннадцатое

и привилегии места соответственно. Мнения о различных, разнообразных видах деятельности в сфере политики имеют среднюю и высокую личностность в системе личностных ценностей населения Саратовской области¹⁴.

60% респондентов, по их мнению, участвуют в общественной жизни. При этом 42% из них постоянно участвуют в выборах (они являются наиболее популярным видом общественной деятельности). Женщины участвуют в общественной жизни (имеют в виду политический ее аспект)¹⁵ немного чаще, чем мужчины – 63,1% и 65,1% (90% респондентов не являются членами какой-либо общественной организации)¹⁶. Самым распространенным мотивом участия респондентов в общественной жизни является мнение о том, что ты уже убежден(а), гражданская позиция, на него(указали 58% участвующих). В соответствии с указанными исполнительными органами в общественной жизни участвуют 4,1%. Мотивом личного финансового интереса руководствуются 8,6%. Возможность выдвигаться, нужное дело выступает основным мотивом участия в общественной жизни для 14,2%. Для 14,7% – это хорошая возможность поддерживать добрые отношения с окружающими, 26,4% стремятся таким образом быть всегда в курсе событий.

Вместе с тем 27,6% опрошенных не участвуют в общественной жизни региона в силу дефицита времени, 20,5% не имеют партий, отвечающей их интересам, 7,1% считают, что не хватает информации о деятельности партий и организаций, 12,6% опрошенных не устраивают дела, возглавляемые политическими партиями, 3,9% считают, что партии в России вообще не нужны, 16,5% просто не интересуются политикой, 10,2% не правятся средствами достижения целей. Таким образом, можно констатировать, что 56,4% опрошенных не участвуют в общественной жизни в силу несоответствия современным российским политическим силам¹⁷.

Опрос показал, что далеко не все население имеет в деятельности организации, занимающих их время. Но даже среди тех, кто информирован о таких организациях, каждый третий не состоит в них¹⁸. Акция протеста, которые проводят данные организации (если таковые имеются), одобряется без должного энтузиазма.

В ходе изучения отношения населения к различным формам протестного поведения выявлено, что подавляющее большинство опрошенных (70,6%) никогда не принимали участие в каких-либо акциях протеста. Однако 67% опрошенных одобряют участие в митингах или демонстрациях, организованных в соответствии с законом. Подписание обращений, петиций одобряют 64%, участие в забастовках, предусмотренных законом, – 62%, даже при наличии данной формы власти – 45,4%, перекрытие уличного движения – 36%, участие в забастовках, которые проводятся без соблюдения

правил, предусмотренных законом, одобряют лишь малая часть опрошенных. Участие в митингах или демонстрациях, организованных без соблюдения требований закона, одобряется лишь 18% опрошенных. Акции, не предусмотренные законом, как акт производственных территорий или какой-либо другой власти большинством респондентов не одобряются (высказываются ли подобные акции лишь 10% опрошенных).

Таким образом, население Саратовской области ориентировано в большей степени на соблюдение, предусмотренных законом, формы протеста, 27,3% опрошенных имеют опыт участия в акциях протеста (в основном – присутствие на митингах)¹⁹, 24,8% от всех, имеющих опыт такой деятельности участвовали в демонстрациях протеста. В забастовках участвовали 3,6%, в пикетах петиции, листовки – 23,8%, в захвате зданий – 1,9%, в перекрытии уличного движения – 5,7%, в акциях протеста – 12,4%. Причем уровень протестной активности мужчин несколько выше (36,3%), чем среди женщин (21,5%). Ни один респондент не принимал участия в бунтах. Как протестной активности населения Саратовской области продолжался на период с февраля по май 2006 г., что, видимо, связано с реформой пенсионного обеспечения, монетаризацией льгот и повышением тарифов на коммунальные услуги. Люди, принадлежащие старшему поколению, несколько активнее, чем молодые респонденты, они настроены на участие в митингах. На участие в забастовках или массовых действиях в большей мере ориентированы молодые люди, так как они не имеют еще достаточно жизненного опыта, когда необходимо расплываться за свои политические воззрения.

Чаще всего на участие в акциях протеста, как показала опрос, людей толкает политические убеждения (36,8%), солидарность с коллегами, семьей, близкими, одноклассниками (23,3%), возможность проявления личной инициативы (16,5%), любопытство (13%), разочарование (7,7%), материальные трудности (5,5%), патристические чувства (5,3%), личное отчаяние (3,3%). Как показывают полученные данные, у мужчин и женщин доминируют противоположные мотивы, которые могли бы вызвать на их участие в акциях протеста. Если для мужчин ведущими мотивами являются резкое ухудшение благосостояния (71,4%), патристические чувства (75%), то для женщин данные мотивы оказались далеко не на первом месте (28,6% и 25% соответственно). Ведущими мотивами протестной активности женщины оказались несогласие с тем или иным выступлением правительства – 72,7% (у мужчин – 27,3%) и возможность заработать – 63,2% (у мужчин – 36,8%). Таким образом, женщины прямо указывают, что готовы поработать на участие в акциях протеста, тогда как мужчины считают, что участие в акциях протеста против южного жилищного уровня может способствовать

улучшение материального положения населения. Иными словами, мужчины склоняются более к высокому уровню патриотизма и гражданской солидарности.

Примерно половина опрошенных (как мужчин, так и женщин) никогда не предлагали участвовать в политических акциях протеста. Свои отрицательные объяснения их беспомощности (38,2%), нехватки времени (23,2%), неверия в организаторов (12,4%), отсутствия информации о таких акциях (11,2%), их опасности для жизни и здоровья (до 11,2%), опасениями репрессий со стороны органов власти (5,1%), 8,5% опрошенных считают, что участие в акциях протеста отвлекает людей от решения своих жизненных проблем. 10,7% респондентов полагают, что никто не заставляет их принять участие в акциях протеста. Таким образом, большинство населения не верит в эффективность политического протеста и не доверяет его организаторам и предпочитает решать свои жизненные проблемы индивидуально, не прибегая к коллективному протестному поведению.

Для 42,1% самых молодых из опрошенных (в возрасте от 18 до 24 лет) возможность зарабатывать значительно влияет на готовность участия в политических акциях протеста. С увеличением возраста уменьшается уровень этой готовности (в возрасте от 65 до 74 лет готовность снижена до 5,3%). 33,3% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет отметили, что никто не заставляет их принять участие в акциях протеста. С возрастом негативные суждения усиливаются. Чем старше люди, тем чаще они принимают участие в митингах: от 45 до 54 лет - 19,2%, от 55 до 64 лет - 23,8%, от 65 до 74 лет - 55,6%. Наиболее активной возрастной категорией оказалась лица среднего возраста - от 35 до 44 лет (8,3% принимают участие в протестных акциях). Это связано с традиционным количественным перевесом, сохранившимся с советских времен. В младшей возрастной категории чаще принимают участие в жестких формах протеста (например, в забастовках), 6,8% опрошенных от 18 до 24 лет принимали в них участие. Среди 55 - 74-летних никто. Видимо, молодые люди в большей мере ориентированы на жесткие формы протеста, на насильственные действия, в отличие от старшего поколения, вежливостного поведения старшего опыта СССР и усиленного расхождениями за свои оппозиционные политические взгляды.

Влияние материального положения на готовность населения принимать участие в акциях политического протеста также неоднозначно. 75% лиц с низким доходом (до 3000 рублей на человека в месяц) никогда не принимали участие в протестных акциях. Только 5% из них готовы в таком количестве, в резкое ухудшения их материального положения ни в какой мере не уменьшит степень готовности к участию в протестных акциях. Среди категории населения со средним доходом (от 3001 до 5000 рублей) уровень готов-

ностной протестной активности - 35%. 57,1% респондентов данной категории готовы участие в акциях протеста в случае резкого ухудшения их материального положения. Лица с достаточным уровнем дохода (до 10000 рублей) разделились поровну на участвующих и не участвующих в акциях протеста. Среди лиц с высоким доходом (от 11 000 до 30 000 рублей) 2,5% готовы к участию в акциях протеста в случае резкого ухудшения их материального положения, среди них 80% уже имеют подобный опыт. Возможно, что население с низким доходом старается улучшить свое финансовое состояние за счет других способов, не прибегая к протестным действиям. Лица же с высоким доходом готовы к участию в акциях протеста с целью изменения существующего положения дел, чтобы выразить свое гражданское возмущение тем несогласие с действиями правительства.

Анализ влияния уровня образования на готовность принять участие в акциях протеста показал, что чем выше уровень образования, тем выше готовность к участию в акциях протеста. Лица с высшим образованием более активны, чем те, у кого неполное среднее образование, что, видимо, связано с их более высоким уровнем информированности и политической культуры. По мере возрастания уровня образования уровень протестной активности растет.

Спрос выявил наличие зависимости между одобряем населением различных форм протеста и уверенности в завтрашнем дне. Те, кто абсолютно уверен в стабильности своего будущего, одобряет законные митинги и демонстрации (100%), но почти все же одобряет незаконные акции протеста. Среди респондентов, которые не могут сказать ничего определенного о стабильности своего будущего, 47,1% полностью одобряют «мягкие» формы протеста, но 85% одобряют незаконные митинги и демонстрации. Среди тех, кто совершенно не уверен в стабильности своего будущего, одобряет законные митинги и демонстрации только 38,7%. Интересно, что группа респондентов, которая уверена в стабильности своего будущего, в большей степени, чем другие, одобряет законные акции, устная, хотя и не основной для протеста у данной категории мнение. Возможно, это связано тем, что с формальным одобрением официальных акций.

Таким образом, протестный потенциал населения Саратовской области невелик. При этом большинство ориентировано на законопослушные формы протеста: митинги, демонстрации, пикеты, шествия, а меньшей степенью - штурм. Наиболее распространённый мотив - личные убеждения, гражданская позиция, интерес или возможность проявить инициативу. Протестно-законные, «мягкие» формы протестного поведения население не одобряет и не участвует в них. На протестный потенциал акторов, их социальными характеристиками таких факторы, как количество мест работы и в рейтинге основных

жизненных ценностей, гендерные различия (мужчины демонстрируют более высокий уровень политической активности, чем женщины), различия в материальном положении (лица с высоким доходом активнее крутятся групп населения). Образование и возраст оказывают медленное влияние на уровень политической активности и, в целом, не часто определяют выбор формы протеста. Чем старше население, тем чаще оно принимает активное участие в «мягких» формах активной протеста, особенно митингах. Проведенный анализ позволяет глубже понять особенности и тенденции протестной политической активности населения, которые имеют значение в анализе ситуации социально-политического протеста в Самарском регионе.

Примечания

1 См. *Никонов М.* Политический протест: авторитарное государство в Самарском регионе. *Исследования*, 1995. № 1. С. 47-59.

2 См. *Вебер М.* Мобилизация провинциала. М., 1998.

3 См. *Михайлов Р.* Социология политических партий в условиях демократии // *Владивосток*, 1991. №1. *Мельниченко А. Н., М. Я. Осиповский* и политические организации в XX в. // *Совет*, 1993. № 1.

4 См. *Сарычев В.* Мелочи. Цветочница. (Самарта). М., 1992. С. 36-37.

5 См. *Александров Д. В.* Массовые выступления в политике. М., 1995. *Михайлов С. А.* Мотивы участия в демократическом движении // *Совет*, 1993. № 6; *Клибберман А. В.* Социально-политическое и личностно-личностное // *Социологические исследования*, 1998. № 18.

6 См. *Вдов В.* Социология в России. М., 1998. С. 553.

7 См. *Ложкина А.* Женский труд в политике: гендерная сегрегация // *Гендерное изучение: гендерной и социологической активности в переходной период* / Под ред. В. Заринянской и А. Тихомировой СПб., 1996. № 4.

8 См. *Сарычев В.* Политический протест и демократическая перемена // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998. Т. 1, вып. 4.

9 См. *Вдов В.* Протестное движение: типология образовательно-структурной теории // *Полит*, 1999. № 1.

10 См. *Никонов М.* Политический протест: авторитарное государство в Самарском регионе // *Исследования*, 1995. № 1; *Ведрица В.* Политическое участие: политический характер, формы, социальная тенденция // *Власть*, 1999. № 1.

11 См. *Вдов В.* Социология в России. М., 1998. С. 551.

12 Результаты опроса ВЦИОМ. *Формы и методы политической активности*: <http://www.wciom.ru/>

13 Сравнительно-социологический анализ результатов – это статистическая активность, так статистика показывает следующее – 74,7% респондентов, причем этот результат одинаков как для мужчин, так и для женщин.

14 Политическая активность на первом этапе была у 4% опро-

шенных, участие в акциях протеста – у 4,9%. Выборки и статистические различия ни для одного респондента не являются основной формой деятельности, и на первом этапе деятельности восточнее 0,7% респондентов.

15 Из акциях протеста активно участвуют 5,3% опрошенных, в субполитике и маргинальности по безработности по месту жительства – 17,1%, в акциях жилищного, гражданского, детского активизации – 15,3%, в блогах – 7,7%, в организации протестных мероприятий – 8%. Неудивительно участие в субполитике и акциях разнообразных мероприятий, отсюда можно, безусловно, предположить, что участие в субполитике и акциях протеста, особенно в акциях протеста, является одним из основных направлений на месте работы и тем, что это затрагивает интересы повседневной жизнедеятельности людей. Участие в блогах и акциях протеста, особенно в акциях протеста, это уже также участие, связанное с политической позицией.

16 Самая популярная общественная организация среди всех опрошенных – профком (профсоюз). На втором месте «Областная общественная организация ветеранов войны и труда», на третьем месте – организация «Искра». В какой-либо политической партии состоит всего 39,3% респондентов, что свидетельствует о высокой популярности членства в подобных организациях. В партии «КПРФ» состоит 4,7%, в «ЛДПР» – 2,7% и «Единой России» – 1,3%, и «Родина» – 0,7% респондентов.

17 Это подтверждается и тем, что 82,7% респондентов считают, что люди занимаются политикой, чтобы заработать много денег. Более 78% опрошенных считают развитие политической протестной, но неприемлемым для себя, так как, по мнению большинства, политика в нашей стране не выражает интересы всех слоев и слоев общества. По мнению 13,3% опрошенных, политика – это дело, с которым надо заниматься акция. 27,3% опрошенных считают, что участие в политике никакой пользы не приносит. Каждый четвертый категорически не согласен, что «Российская Федерация» – демократическое правовое государство. 11,3% респондентов считают, что граждане в нашей стране обладают неограниченными возможностями.

18 Более того, среди тех 22,7% опрошенных, которые состоят в профессиональных организациях разного рода, активно участвует в их работе лишь 8,7%, а пассивно – 13,3%. 13,3% не участвуют в акциях подобных организаций и состоят так или иначе формально.

19 Подписавшие большинство респондентов (80,6%) не увидели организаторов акции протеста. На первом месте организаторов организаторов подписавших акцию была партия «КПРФ» (9,3% опрошенных), а также увиделись партии «Левые», «ЛДПР», «Единая Россия», другие политические партии (они не смогли выделить их названия), «Искра», «Фонд» Демократия, республиканской партии акция – примерно по 8%.

20 В случае резкого увеличения безработности (4,3 % респондентов с высоким образованием будут готовы принять участие в акциях протеста, и ни ни одного из респондентов с низким средним образованием акция протеста не окажется интересна. Анализ ситуации

просматривается в случае несогласия с позиционированием правительства: 27,1% опрошенных с высшим образованием примут участие в протестных акциях в отличие от представителей с начальным уровнем образования. Возможность заработать на акциях процветает на определенных этапах высшего образования оказывается больше, нежели, чем на средней и начальной среднем

образовании (15,3% против 5,1%). Восторженны с высшим образованием чаще, чем другие, правительской политике, особенно 27,1%. Среди опрошенных с начальным уровнем высшего и со средним техническим образованием таких 16,7%. Люди со средним профессиональным образованием участвуют в протестных акциях в два раза реже – 8,3%

УДК 316.33

ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.Ю. Хлыстунов

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономической социологии
E-mail: slhlystunov@yandex.ru

Анализ различных аспектов процесса глобализации является для современной социологии одним из ведущих направлений. Процесс глобализации настолько многогранен и многоаспектен, и исследуя его с различных сторон с помощью обширных теоретико-методологических подходов не дают целостной и многоплановой картины данного явления. Так как применяются системы категорий и методологические подходы, которые неадекватны масштабу и сложности исследуемого феномена. Адекватным для исследования процесса глобализации является миросистемный подход. Анализ категориального аппарата, выработанного в рамках этого подхода, свидетельствует, что с его помощью можно решить задачу всестороннего исследования современного этапа глобализации.

The Prospects of World-System Approach within
Globalisation Process Research

S.Y. Klystunov

The analysis of different aspects of globalisation process is of a great probably importance. However globalisation is a process which involves different aspects, that is the reason why the research of many aspects has not yet been carried out in a proper way. The result of finding an effective theoretical-methodological approach to the globalisation process research has made the idea use world-system approach. The latter is considered to be of a great probably nowadays.

Исследования процесса глобализации в рамках общественных наук носят масштабный и многоплановый характер. Применительно к разнообразным теоретико-методологическим подходам, среди которых можно выделить либеральную и марксистскую теории, структурный функционализм, восточноведовский и цивилизационный концепций.

Однако глобализация – настолько многогранный и многоаспектный процесс, что исследования его с различных сторон с помощью перечисленных выше подходов не дают целостной и всестороннего видения данного явления, так как в

случае их применения используются системы категорий и методологических приемов, которые неадекватны масштабу и сложности исследуемого феномена.

Поэтому анализ более адекватный подход, который бы позволял продуктивно исследовать процесс глобализации, заставив нас задуматься о деле сбалансированности применительно теоретико-методологического подхода, который бы располагал категориальным аппаратом, достаточным для возможности междисциплинарного синтеза.

Перечисленные нами концепции, особенно либерализм и марксизм, восходят к кажущейся антагонизму, сбиты на базе классической коммунистической парадигмы. В них содержатся общие вопросы о прогрессе, его особенной специфичности и существовании универсальных законов развития и игнорируются факторы дискретности и невариантности социальной эволюции, которые достаточно подробно и глубоко разработаны в рамках цивилизационного подхода.

В своем классическом варианте цивилизационный подход в состоянии продуктивно исследовать каждую цивилизационную структуру как часть в себе. Однако его методологическому инструментарию недостаточно, чтобы представить адекватную картину процессов глобального, междисциплинарного уровня, прежде всего потому, что некоторые аспекты жизнедеятельности цивилизаций (особенно это характерно для хозяйственной сферы) выходят за культурные и геосоциальные границы самой цивилизации.

В итоге, поиск теоретико-методологического подхода, обладающего широким аппаратом и методологическим инструментариумом, адекватным для исследования социальных феноменов глобального масштаба, а именно процесса глобализации системы современных обществ, заставил нас обратиться к миросистемному подходу, концеп-

применяется в случае несогласия с постановлением правительства: 27,3% опрошенных с высшим образованием имеют участие в принятии решений в отличие от респондентов с начальным средним образованием. Возможность заработать в частных предприятиях существенно выше с высшим образованием (свыше 60% опрошенных, чем у людей с начальным средним

образованием (15,3% против 5,3%). Респонденты с высшим образованием чаще, чем другие, имеют участие в политике, возглавляя 27,3%. Среди опрошенных с начальным и средним техническим образованием такая 16,7%. Люди с средним профессиональным образованием участвуют в политике в два раза реже – 8,3%.

УДК 370.02

ПЕРСПЕКТИВЫ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.Ю. Хлыстунов

Саратовский государственный социально-экономический университет,
кафедра экономической социологии
E-mail: slyustunov@mail.ru

Анализ различных аспектов процесса глобализации является для современной социологии одним из ведущих направлений. Процесс глобализации наиболее многогранен и комплексен, и исследование его отдельных сторон с помощью общепринятых теоретико-методологических подходов не дает целостного и непротиворечивого видения данного явления, так как используются системы категорий и методологические приемы, которые неадекватны масштабу и сложности исследуемого феномена. Адекватным для исследования процесса глобализации является миросистемный подход. Анализ категориального аппарата, выработанного в рамках этого подхода, свидетельствует, что с его помощью можно решить задачу комплексного исследования современного этапа глобализации.

The Prospects of World-System Approach within Globalisation Process Research

S.U. Klyustunov

The analysis of different aspects of globalisation process is of a great topicality nowadays. However globalisation is a process which involves different aspects, that is the reason why the research of many aspects has not yet been carried out in a proper way. The need of finding an effective theoretical-methodological approach to the globalisation process research has made the only use world-system approach. The latter is considered to be of a great topicality nowadays.

Исследования процесса глобализации в рамках общественных наук носят масштабный и многогранный характер. Применяются различные теоретико-методологические подходы, среди которых можно выделить либеральную и марксистскую теории, структурный функционализм, постмодернистский и цивилизационный мышлений.

Однако глобализация – настолько многогранный и комплексный процесс, что исследование его отдельных сторон с помощью перечисленных выше подходов не дает целостного и непротиворечивого видения данного явления, так как в

случае их применения используются системы категорий и методологических приемов, которые не адекватны масштабу и сложности исследуемого феномена.

Попытки найти более адекватный подход, который бы позволил продуктивно исследовать процесс глобализации, заставляя нас задуматься о целесообразности применения теоретико-методологического подхода, который бы располагал категориальным аппаратом, дающим возможность междисциплинарного синтеза.

Перечисленные выше концепции, особенно либерализм и марксизм, несмотря на кажущийся антагонизм, созданы на базе классической позитивистской парадигмы. В них содержится общее постулат о прогрессе, его всеобщей связности и существовании универсальных законов развития и игнорируются факторы дискретности и изолированности отдельных элементов, которые достаточно подробно и глубоко разработаны в рамках цивилизационного подхода.

В своем классическом варианте цивилизационный подход в состоянии адекватно исследовать каждую цивилизационную структуру как элемент в себе. Однако его методологических инструментов недостаточно, чтобы представить целостную картину процессов глобальности, междисциплинарного уровня, прежде всего потому, что некоторые аспекты жизнедеятельности цивилизации (особенно это характерно для общественной сферы) выходят за культурные и геоэкономические границы самой цивилизации.

Именно, имея теоретико-методологического подхода, обладающего научным аппаратом и методологическим инструментарием, адекватными для исследования социальных феноменов планетарного масштаба, а именно процесса глобализации системы современных обществ, требуется обратиться к миросистемному подходу, который

гуализации которого связан с именем И. Валлерстайна¹. Взгляды И. Валлерстайна на единичную структуру мира и способ ее исследования лежат в основе фундаментальных исследований, проводимых по всему миру фронтом современной науки и связанных с такими направлениями, как социология (И. Фришман), социология (П. Бураше), история (Ф. Бродель). Эти ученые осуществили своеобразную научную революцию. Благодаря их деятельности начался пересмотр весьма механистической и внешней теории мироздания, которые господствовали в XIX и ряде европейских концепций от либерализма до исторического материализма. И. Валлерстайн, в свою очередь, предложил новую научную обоснованную и конкретную формулировку парадигмы, которая в основном своем контуре уже сложилась в самостоятельную теорию.

Мировоззренческий посыл появился в начале 1970-х гг. как привнесённый новый взгляд на социальную реальность. Его сторонники начали исследовать социальные системы в контексте длительной временной протяженности. Для этого необходимо разработать темы, которые ранее принадлежали исключительно социологам, историкам, лингвистам и космологам, и создавать на их базе единые аналитические конструкции, вырабатывая свой собственный единственно-правильный подход.

Обычно все интересуют возможности деятельности, масштабного и социологического характера исследования процесса глобализации, в частности, потенциальной возможности мироздательного похода и его пригодность для исследования социальных процессов и систем глобального уровня. Целью нашего исследования является стремление показать перспективность марксистского подхода применительно к анализу социальной сущности и структурных особенностей феномена глобализации.

В процессе достижения поставленной цели мы будем стремиться решить следующие основные задачи: во-первых, обозначить и раскрыть основные категории мироздательного анализа, базисом которым становится возможным преодолеть ограниченные возможности объективных теоретико-методологических подходов, так как они неизбежно являются «лимитной временной протяженности систем и процессов» (Бродель).

Во-вторых, проанализировать перспективы мироздательного подхода, раскрыть его способности ответить на фундаментальные вопросы, возникающие при исследовании сложных структур процесса глобализации, без ответа на который этот феномен не может быть адекватно ясен.

Концептуальные основы мироздательного подхода были сформулированы в конце 1960-х гг. под влиянием острых дискуссий в среде общественных наук, которые велись по четырем основным направлениям. Экономическая Комиссия ООН,

анализируя ситуацию в странах «третьего мира», разработала концепцию «центра-периферия» и вытекающей из нее «теории зависимости». Марксистские школы дискутировали на тему эффективности капиталистического способа производства. Зонально-пространственные историки минималистически исследовали формальный переход от традиционного общества (феодализма) к современному (капитализму). А французская школа «Анналов» добилась победы своей концепции «гетерогенной истории», суть которой в создании комплексной картины истории развития мира, принимая во внимание все его аспекты.

Именно Ф. Бродель, автору школы «Анналов», удалось сформулировать фундаментальную категорию, на которой основан мироздательный подход. Он первым стал конструировать новый язык для объяснения социальных явлений, критикуя эмпирические истории, рассматривающие отдельные события². Ученый настаивал также на преодолении стремлений к поиску вечных истин, т.е. универсальных законов, утверждая, что понятие «временно» конкретизировано. Оно может быть разделено на структурное время, т.е. периоды существовавших доисторических, но вечных структур, которые являются социальной сущностью истории человеческой цивилизации, и нециклическое время – время протекания процессов в рамках этих структур, определяющее среднесрочные тенденции.

Кроме того, Ф. Бродель настаивал на важности пространственного определения единицы анализа, утверждая, что оно может быть только структура самозастойного характера, существующая в материальном мире как замкнутый мир. Историку в большей степени хозяйственной деятельности, он сформулировал и описал наиболее экономические системы, возникшие из «мирозкономикама». Под мирозкономикама здесь понимается не марксистский «бизнес», а факт первичности земледельческой хозяйственной деятельности, обеспечивающей уровень биологических потребностей, над более сложными политическими и культурными процессами, рамки которых объективно гораздо шире, хотя они, в свою очередь, влияют на коллективную хозяйственную жизнь.

Позднее И. Валлерстайн, уточняя терминологию Ф. Броделя, предложил считать единичной единицей «мироздательную», а не «историческую» социальную структуру, как это было ранее принято в общесоциологических науках. И. Валлерстайн в это понятие предложил исследовать «исторические системы», которые до сих пор существовали лишь в трех вариантах: минимизация (бартерный и символический обмен) и мироздательная форма (мирозкономикама (доминирующей принцип рыночного обмена) и мироздательная (доминирующей принцип перераспределения). Речь идет о системах, эконемках, материях, которые сами по себе являются объективно существующими мирами.

Миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, охватывающее множество лингвистических и культурных единиц и являющаяся единым организмом, деятельность которого подчинена системным принципам. Характерной чертой любой миросистемы является разделение труда между периферийными и периферийными производственными процессами, которые имеют тенденцию к усилению монополизации по мере приближения к центру. Вероятно, Ф. Бродель был одним из первых, кто четко разграничил сектора монополий и свободного рынка, причем капитализм он называл обменно-сектором монополий, настаивая на том, что капитализм – это всегда неэквивалентный обмен, своего рода «капитализм».

Итак, мы видим, что миросистемный подход не столько отвергает зрелище общепринятых теорий, сколько транжирует многие их постулаты, но в то же время предлагает глобальное системное видение долговременных структур в их пространственном измерении, и не ограничивается рамками национального государства. В конечном счете, вопрос не в том, чья методология лучше в принципе, а в том, кто сможет дать более убедительное объяснение долговременным крупномасштабным социальным переменам.

Мы склоняемся к мысли, что процесс глобализации современного мира уже не может быть адекватно явлен в рамках классической позитивистской парадигмы с ее евроцентристскими, линейно-последовательными и механистическими идеями. Возникнув в XIX в., классическая позитивистская парадигма получила возможность институционализации на рубеже XIX–XX вв., благодаря трудам М. Вебера и К. Маркса. Именно этим ученым, несмотря на вечный антагонизм либеральной и марксистской теории, удалось создать мощную ортодоксию, которая сложилась в классическую научную парадигму.

Понятие парадигмы вошел в научный оборот Т. Кун. Под парадигмой ученый понимал «совокупность теорий, составляющих метаэпистемическое единство, которое базируется на особых онтологических и гносеологических идеализациях, распространенных в научном сообществе»³. Именно в первой семье парадигм, коренной лемки и переориентации стратегий научного исследования, в рамках новой эквивалентной парадигмы возник миросистемный подход, который получил название «глобальной социологии». Сторонники классической парадигмы отгадывались и постулатов, которые кажутся сегодня далеко не бесспорными. Каковы же они?

Во-первых, это сардонтический взгляд на мир, который после социальных трансформаций в XX в. приобрел глобального масштаба, проявившись в СССР, Китае, социалистическими странами и великими странами Юго-Восточной Азии, представляется несостоятельным.

Во-вторых, это идея линейно-последовательного развития формационного характера, которая стала не адекватной уже в середине XX века. Именно поэтому ведущие ученые-обществоведы Просвещения, стали использоваться для квалификации нового состояния современного мира термин «социальный постмодерн».

В-третьих, это использование в качестве единицы анализа категории «национального государства», или «общества», тем самым лишив себя перспектив и возможностей цивилизационной теории. Несмотря на всю свою разработанность, цивилизационная теория, заложенная еще Н. Я. Давиденским, с его попытками обратить внимание на влияние фактора длительной временной протяженности систем, так и осталась на периферии доминирующей парадигмы. Хотя несколько десятилетий назад А. А. Зиновьев убедительно доказал, что «общество и государство возникают, организуются и эволюционируют не изолированно друг от друга, а в более обширной среде мира, т. е. цивилизаций. Возникновение цивилизации связано с возникновением общества. Становясь доминирующим фактором в тех или иных мирах, общества преобразовывали их в цивилизации. А цивилизации, со своей стороны, становились коалицией и сферой жизни общества, туз зависимость взаимная»⁴.

В-четвертых, базовые категории классической парадигмы, такие как капитал, капитализм, труд, социализм, демократия, тоталитаризм, империализм, империализм и многие другие, в современных условиях все более теряют научно-познавательный потенциал, т. е. не могут адекватно отразить существующую реальность XXI века.

Причем становится очевидным, что в рамках классической парадигмы процесс глобализации может быть исследован только фрагментарно и в большинстве случаев поверхностно, потому что, рассматривая его как ограниченный во времени и пространстве феномен, нам не удастся понять значение этого явления, его истоки, пути развития и, главное, его место внутри более крупных конструций.

Попытки исследовать структуру и сущность процесса глобализации, оставаясь в рамках классической парадигмы, с привлечением инструментов цивилизационной теории, привели к следующим выводам относительно этого феномена⁵.

Во-первых, процесс глобализации, протекший на наших глазах, представляет собой единично-стихийную и объективно детерминированную социальную тенденцию. С нашей точки зрения, это реализация проекта объединения и вертикального структурирования человечества и интересов узкой касты интеллектуалов, опирающихся при этом на конкретные ресурсно-энергетические объекты и социальные механизмы.

Во-вторых, глобализация – процесс иерархического переподчинения стран, регионов и народов в единую социальную организацию с амбициозными и потенциально планетарными масштабами, с жесткой централизованной системой власти, управлением и контролем, международным разделением труда, единой инфраструктурой коммуникаций и финансовой системой.

В-третьих, главные цели глобализации для некоторой части мирового населения являются неприемлемыми и вызывают сильное отторжение, что связано с тем, что ряд стран неизбежно способом сбрасываются в доиндустриальную эпоху. Другие теряют свое национально-независимое и подвергаются жесточайшей эксплуатации.

В данном случае можно сослаться с утверждением А.А. Зиновьева, который писал, что «основательная сущность глобализации состоит в том, что это самая грандиозная, хорошо сбалансированная и постоянно корректируемая в действиях и управляемая в одобривших интересах война западного мира не просто за мировое господство, и за создание экзистенциальным процессом человечества и управления им в своих интересах. Жертвами планируемой и управляемой истории становятся целые страны и народы. Это экзистенциальная война, война за ведущую роль во всей дальнейшей эволюции человечества»⁶.

В-четвертых, во второй половине XX в. в недрах системы современных западных обществ сложилось новое социальное образование – индустриально-национализм, создавая глобальные идеологический и финансовый механизмы, и их с помощью подчинившая себе ресурсы планеты. С возникновением все более агрессивным давлением, отражающим ее структуру, является термин «глобальное сверхобщество». Именно процессы формирования и агрессивного роста глобального сверхобщества и связанные с ними многочисленные социальные изменения, начиная со второй половины XX в., в социальных и гуманитарных науках получили название «глобализация».

Однако эти выводы можно существенно обогатить, придав им большую полноту, глубину и масштабность, если использовать миросистемный подход. Уже говорилось, что вся совокупность геополитических, суперэтнических и геокономических условий и процессов глобализации привела в середине XX в. к возникновению сложной многоуровневой иерархической системы национальных государств как крупнейших участников мирового хозяйства. Превращаясь система мирового разделения труда, сложившаяся в жесточайшей и кровопролитной многовековой социальной борьбе (колониализм, национально-освободительные и гражданские войны). И. Валлерстайн был одним из первых социологов, который с позиций миросистемного подхода выявил и архаизировал данную структуру⁷. Так, во

множину ученого, доминирующим элементом, захватившим верхнюю иерархию в системе стала группа стран ядра цивилистической экономики, валл готовит миллиарды. Это высококвалифицированные, сильные и эффективные государственные образования, господствующие в рамках мирового хозяйства и извлекающие максимальную прибыль от мирового разделения труда. Они – элиты самых твердых валют с высокими показателями паритета покупательной способности. Они реализуют неэквивалентный обмен с более низкими уровнями, приносящий максимальные выгоды ядру и усиливает экономическую зависимость от него. Эта группа стран захватила в колониальную в XIX в. более 90% территории Азии, Африки, Австралии и Южной Америки, захватив и непосредственно раскрыв для себя значащие рынки сбыта, а также и ресурсы, расположенные в этих зонах стран.

Такая структура не может функционировать иначе, как унитарная и монолитная окружающее пространство. Все то, что не включено в ядро капиталистических стран, но оказывается средством его жизни, обречено на деградацию, распад и умирание ради процветания этого ядра. Чтобы все потребности ядра были удовлетворены, окружающий «незапад» мир должен быть переработан, разрушен и поделен. Это означает разрушение материальных, человеческих, духовных потенциалов и культур.

Страны ядра потребляют около 80% ресурсов планеты и производят около 80% промышленных отходов, которые экспортируются в периферийные зоны, так же как и все прочие продукты.

Эти страны, сохраняя для своего населения высокий уровень потребления, всегда старались и стараются экономическими, военными и идеологическими мерами держать остальной мир в формально-зависимом состоянии. Население последних в условиях бедности деградирует. Мировой рынок уже поделен между странами ядра, входа и выхода из него жестко контролируется, причем доступ определяется не качеством и не ценой товаров, а политическими и военными решениями.

Другие глобальноэкономические зоны расположены в виде концентрических кругов. Полувериферия с формальной или относительной политической автономией производит продукцию не столь высокотехнологичную и зависит от управленцев, менеджеров, специалистов, технологов, товаров и ресурсов, создаваемых и контролируемых странами ядра. Она представляет собой базу сырьевой и «дополняющей» промышленности со специфическим укладом полувериферийного капитализма – это постсоветская Россия, Центральная и Восточная Европа, Юго-Восточная Азия. Здесь тоже существует своя иерархия – чем ближе к центру, тем больше доля высококвалифицированного труда, более «жесткие» национальные валюты, зависящие от «твердых». Подобная ситуация еще больше закрепляет и усиливает всеобщее

экономическое неравенство, поддерживаемое и внешнеэкономическими методами принуждения.

Еще более подчиненное положение по отношению к центру системы имеет периферия. Сегодня именно на этот уровень усиленно выталкивается Россия, причем все попытки конкурировать со странами ядра являются стратегической ошибкой. Это невозможно даже в силу геополитического положения страны. Запад, благодаря мягкому климату, компактному расселению, доступу к дешевым ресурсам имеет меньшие транспортные издержки и энергозатраты на единицу продукта, чем Россия. Попытка конкурировать не в качестве сверхкорпорации, как это делал СССР, а разрозненно, только с помощью отдельных структур, означает поставить под удар все остальное население России, не занятое в этом секторе производства.

Страны периферии существуют как сырьевая база с маргинальными привилегиями и прямой экономической зависимостью от ядра. К ним относятся некоторые страны Азии, большая часть Африки и Латинской Америки. Главной ценностью здесь для мировой капиталистической экономики, как и ранее, является сверхдешевая рабочая сила, которая первоначально стала стратегическим экономическим ресурсом, обеспечивавшим начальные условия первоначального накопления капитала. Таким образом, преобладание свободного рынка труда в центре системы и несвободного рынка менее квалифицированного труда на периферии является фундаментом капиталистической мировой экономики.

На утверждению сторонников мирохозяйственного подхода, современная мировая система всегда была мироэкономикой, причем капиталистической типа. Внутри нее сложилось множество отдельных политических единиц, связанных между собой при помощи системы международных отношений. Вся ее структура основана на разделении труда, которое в ней плавно и естественно возникло.

Современная мировая система представляет собой множество взаимозависимых институтов (рынки, организации, домохозяйства, классы, статусных групп и т.д.), которые определяют все процессы, в ней протекающие. Основным институтом является система рынков, которая равнозначна по отношению к единому мировому рынку, так будут торговать всеми без исключения факторами производства. Эта система представляет собой единый организм со своими специфическими законами функционирования. Конъюнктурные колебания этой производной структуры получили название кондратьевских циклов, т.е. циклов, где фазы роста (подъема, расцвета) чередуются с фазами спада (сжатия). На наш взгляд, процесс глобализации — всего лишь очередная циклическая фаза кондратьевского цикла мировой экономики — фаза расширения системы рынков.

Представляется, что, используя мирохозяйственный подход, можно решить задачу нестороннего исследования современного этапа процесса глобализации.

Примечания

- 1 См.: Валлерстайн И. Мировая система: анализ. Видение. М., 2006.
- 2 См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв., 8-3 т. М., 2006. Т.1. Структура повседневности: возможности и невозможное.
- 3 Кук Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 34.
- 4 Ливингстон А. Фактор потребления. М., 2007. С. 318.
- 5 Хьюитсон С.Ю. Глобальный идеологический челлендж: структура и сущность. Саратов, 2004.
- 6 Завоико А.А. На пути к сверхобильству С156. 2004. С. 311.
- 7 См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

УДК (314.315):476+679

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

О.В. Бессчетнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: olga@nauka.ru

В статье рассматриваются проблемы демографической политики современного российского общества в контексте выявляемых взглядов молодежи на создание семьи, формы брака и рождения детей. Этот анализ осуществляется на основе авторского социологического исследования. Предложены некоторые пути решения данной проблемы.

Russia's Demographic Future in the Eyes of Learning Youth: Sociological Analysis of the Problem

O.V. Besschetnova

The paper discusses the problems of demographic policy in modern Russian society in the context of identifying the young people's views on starting a family, forms of marriage and birth of children. The analysis is carried out on the basis of author's sociological research. Some solutions are offered to provide for this process.

экономическое неравенство, поддерживаемое и усиленное различными методами принуждения.

Все более подчиненное положение по отношению к центру системы имеет периферия. Сегодня именно на этот уровень усиленно выталкивается Россия, причем все попытки конкурировать со странами подра являются стратегической ошибкой. Это возможно даже в силу геологического положения страны. Запад, благодаря мягкому климату, комфортному расселению, доступу к дешевым ресурсам имеет меньшие трансакционные издержки и энергетические на единицу продукта, чем Россия. Попытка конкурировать не с известым сверхкорпорацией, как это делал СССР, а разрозненно, только с помощью отдельных структур, означает поставить под удар все оставшее население России, занятые в этом секторе производства.

Страны периферии существуют как сырьевая база с маргинальными привилегиями и полной экономической зависимостью от ядра. К ним относятся некоторые страны Азии, большая часть Африки и Латинской Америки. Главной ценностью здесь для мировой капиталистической экономики, как и ранее, является сверхдешевая рабочая сила, которая первоначально стала стратегическим экономическим ресурсом, обеспечивавшим начальные условия первоначального накопления капитала. Таким образом, преобладание свободного рынка труда в центре системы и несвободного рынка менее квалифицированного труда на периферии является фундаментом капиталистической мировой экономики.

По утверждению сторонников микросистемного подхода, современная микросистема всегда была микроэкономикой, причем капиталистического типа. Внутри нее сложилось множество отдельных политических единиц, связанных между собой при помощи системы межгосударственных отношений. Вся ее структура основана на разделении труда, которое в ней изначально возникло.

Современная микросистема представляет собой множество взаимосвязанных институтов (рыночные организации, домохозяйства, классы, статусные группы и т.д.), которые определяют все процессы, в ней протекающие. Основным институтом является система рынков, которая развивается по направлению к единому мировому рынку, где будут торговать всеми без исключения факторами производства. Эта система представляет собой единый организм со своими специфическими законами функционирования. Конъюнктурные колебания этой глобальной структуры получили название кондратьевских инноваций, т.е. инноваций, где фаза роста (полюса расширения) чередуется с фазами спада (сжатия). На пути развития процесса глобализации — всего лишь, очередной инновационный этап в истории современной микросистемы. Это очередная фаза кондратьевского цикла мировой экономики — фаза расширения системы рынков.

Представляется, что, перенимая микросистемный подход, можно решить задачу всестороннего исследования современного этапа процесса глобализации.

Примечания

- 1 См.: Валлерстайн И. Микросистемный анализ. Москва, М., 2006.
- 2 См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и цивилизация, XV-XVIII вв.: В 3 т. М., 2006. Т.1. Структура повседневности: возможности и пределы
- 3 Кун Т. Структура научных революций. М., 2007. С. 34.
- 4 Зиндзев А.А. Фактор конъюнктуры. М., 2007. С. 318.
- 5 Жданович С.Ю. Глобальный демографический механизм: структура и сущность. Саратов, 2004.
- 6 Зиндзев А.А. На пути к сверхцивилизации. СПб., 2004. С. 331.
- 7 См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

УДК (374.316)(470+571)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ ГЛАЗАМИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

О.В. Бессчетнова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Olykash@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы демографической политики современного российского общества в контексте выявления взглядов молодежи на создание семьи, формы брака и рождения детей. Этот анализ осуществляется на основе авторского социологического исследования. Предложены некоторые пути решения данной проблемы.

Russia's Demographic Future in the Eyes of Learning
Youth: Sociological Analysis of the Problem

O.V. Besschetnova

The paper describes the problems of demographic policy in modern Russian society in the context of identifying the young people's views on starting a family, forms of marriage and birth of children. This analysis is carried out on the basis of author's sociological research. Some solutions are offered to provide for the process.

Социально-экономические и политические реформы в России конца XX века привели к серьезным последствиям, которые самым негативным образом отразились на социально-демографической структуре населения, сопровождались быстрым сокращением рождаемости, ухудшением здоровья взрослых и детей, ростом смертности от заболеваний и несчастных случаев, низкой продолжительности жизни¹. За период с 2003 по 2005 гг. население нашей страны сократилось на 1 миллион 700 тысяч человек. Показатель рождаемости в России в 2005 г. составил 10,2 человека на 1 000 населения, а смертность - 16,1 человека на 1 000 населения. Если эти тенденции сохранятся, то в течение следующих пятидесяти лет можно ожидать сокращения численности населения России более чем на треть².

Современные демографические тенденции в нашей стране имеют ряд специфических особенностей, среди которых следует выделить: а) их всеобщий характер, поскольку они охватывают практически всю территорию страны, за исключением лишь отдельных ее регионов и областей (например, Чечни); б) длительную протяженность во времени, т.е. убыва населения, составив до одного миллиона человек в год, продолжилась с 1992 г. и проблеме общенационального масштаба; в) значительный характер, так как в первую очередь затрагивает русский народ как основной государственный этнос, хотя процессы депопуляции касаются и других этносов и народностей.

Для выхода из сложившегося положения правительством Российской Федерации разработаны и начинают активно реализовываться некоторые меры, направленные на стимулирование рождаемости: увеличение пособий на детей, осуществление вывоза за рождаем (усыновление) детей и последующих детей, реализации программ в области развития здравоохранения и образования, намечены пути регулирования миграционных потоков из стран ближнего зарубежья.

С целью изучения репродуктивных установок учащейся молодежи в свете принятия Концепции демографической политики до 2015 г. на территории Саратовской области автором было проведено социологическое исследование, основным методом которого выступило анкетирование. Объектом исследования являлась студенческая молодежь в возрасте от 17 до 30 лет. Размер выборочной совокупности составил 241 человек. Все респонденты на момент проведения исследования находились в следующем учебном и среднем-специальных учебных заведениях: Балашиновском филиале Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (БФ СГУ), Балашиновском филиале Саратовского государственного социально-экономического университета (БФ СГЭСУ), Балашиновском филиале Саратовского аграрного университета им. Вавилова (БФ САУ), Новоузенской академии государственной службы

(ПАГС), техникуме легкой промышленности, техникуме сельского хозяйства.

Задачи исследования включали выяснение репродуктивных установок молодежи на последующие пять лет: их приоритеты; оценку статуса семьи и желание иметь детей; изучение мнения молодежи о проведении государственной демографической политики, а также роли соответствующих учреждений, призванных оказывать квалифицированную помощь семье при решении социально-экономических и бытовых проблем. Большинство студентов проживают в различных городских и сельских населенных пунктах, расположенных на территории Саратовской области, включая города: Балашино, Ртищев, Аркалык, поселки городского типа: Романовка, Ектеричновка, села: Красное Знамя, Репное, Лесное и другие.

Возрастной состав респондентов варьировался в следующих пределах: 17-20 лет - 61%, 21-25 лет - 35,7%, 26-30 лет - 3,3%. В анкетировании принимали участие 78,4% девушек и 21,6% юношей, подавляющее число которых имели высшее или незаконченное высшее образование (64%), среднее - 22,4%, среднее профессиональное - 6,6%, среднее специальное - 7%. На момент опроса были женаты (замужем) - 13,2%, не замужем (не женаты) - 77,6%, состояли в разводе - 1,2%, проживали в незарегистрированном браке - 7,0% респондентов. Указали на наличие полной родительской семьи - 39,4%, неполной - 5,4%.

На вопрос анкеты «Есть ли у Вас дети?» респонденты ответили следующим образом: «да» - 5,4%, «нет» - 33,2%, «нет, но ждем ребенка» - 4,3%. На момент опроса один ребенок в семье был у 3,3% опрошенных, два ребенка - у 2,1% респондентов.

По поводу основной причины рождения детей в семье мнение респондентов разделилось практически поровну. Так 46,5% опрошенных утверждает, что рождение детей связано с гарантией родителей на обеспеченную старость, в то время как 53,5% опрошенных отрицает подобное явление.

В случае наступления беременности у несовершеннолетней девушки подавляющее число респондентов (75,5%) советует ей сохранить ребенка, 13,3% - рекомендует добиться аборта и брак, а 11,2% - сделать аборт.

Молодежь, принимавшая участие в анкетировании, считает, что среднестатистическая российская семья имеет одного - двух детей. Для сохранения имеющейся численности населения такого количества детей «достаточно» считает 19,5%, «недостаточно» - 37%, «совершенно недостаточно» - 12%, затруднились ответить - 12% респондентов. С точки зрения опрошенных, для сохранения численности населения страны семье необходимо иметь «одного ребенка» (11,2%), «двух детей» - 58,1%, «трех детей» - 17%, затруднились с ответом - 4,1%.

С целью выявления приоритетов респондентов в количестве планируемых детей в семье

в течение пяти последующих лет чаще всего получены следующие ответы: «не собираюсь иметь детей» – 17,4%, «одного ребенка» – 17,8%, «двух детей» – 37,3%, «трех детей» – 4,6%, «четыре детей» – 4,1% респондентов. Для изучения ближайших планов учащейся молодежи по поводу рождения ребенка (детей) в течение следующего года ответы респондентов распределены таким образом: «не собираюсь иметь детей» – 15,5%, «одного ребенка» – 14,9%, «двух детей» – 31,1%, «трех детей» – 7,9%, «затрудняюсь ответить» – 30,7% опрошенных.

При наличии всех необходимых условий, например, собственного жилья, высокого уровня дохода, помощи со стороны родственников и государства, хотели бы иметь «одного ребенка» – 16,1%, «двух детей» – 51,9%, «трех детей» – 19%, «затрудняюсь с ответом» 12,8% респондентов.

Социально-экономический статус респондентов, основанный на совокупном среднемесячном доходе всех членов их семьи, ранжировался в следующих пределах: «501–1000 руб.» – 2,5%, «1001–1500 руб.» – 5,4%, «15001–2000» – 7,5%, «2001–3000» – 12%, «3001–5000» – 18,7%, «5001–7500» – 14%, «7501–10 000» – 15,3%, «10 001–20 000» – 9,1%, «более 100 000 руб.» – 3,7%, «не знаю» – 11,6%. И) ответы были выданы, что уровень материального благосостояния опрошенных их «не устраивает» (48,5%), «абсолютно не устраивает» – 16,7%, «устраивает» – 7%, «выполне устраивает» – 2,9%, «трудно сказать» – 24,9%. Таким образом, 65,2% респондентов указывает на несоответствие уровня доходов своим потребностям, отмечая низкий материальный достаток.

Планы молодых людей на ближайшую перспективу варьируются следующим образом: большинство опрошенных (54%) собираются продолжать обучение, 34,9% собираются в ближайшее время устроиться на работу и сделать карьеру, 4,1% хотят выйти замуж (жениться), 7% посвятить себя семье, рождению и воспитанию детей.

Интересным представляются ответы респондентов на вопрос «Как скоро Вы планируете иметь ребенка?»: в течение первого года создания семьи хотят родить ребенка 12,4%; через год – 19,5%, через два года – 15,3%, через три года – 17,8%, через четыре – пять лет – 22%, затрудняюсь ответить 12,9%. Данный факт говорит об устойчивой тенденции молодых людей откладывать рождение первого ребенка на долгосрочную перспективу, действуя по лавинообразному образцу: материальное благосостояние – карьера – создание семьи – рождение ребенка (детей). Если принять во внимание то, что подавляющее большинство участников в опросе молодых людей (61%) принадлежит в возрастную группу 17–20 лет, то около 40% из них собирается иметь первого ребенка в возрасте от 20–22 лет до 23–25 лет. Одним из объяснений подобного явления может служить то, что 9,5% респондентов утверждают, что создание

семьи может помешать их личностному и профессиональному росту. 44,5% не исключают такую возможность, хотя 46% молодых людей высказывают совершенно противоположную точку зрения.

В случае высокой материальной обеспеченности семьи 27,4% респондентов предпочитают бы не работать, воспитывать детей, уделяя внимание семье и развитию домашнего хозяйства; 42% выражали желание работать вне дома; 14% хотели бы сделать карьеру и не выходить замуж (жениться); 10,4% желали бы успешно совмещать семью и карьеру; а 6,2% затруднились ответить.

Наибольшим возрастом для рождения ребенка, по мнению респондентов, является возрастной период «21–25 лет» – 69,7%, «26–30 лет» – 14%, «18–20 лет» – 5%, «старше 35 лет» – 3,7%, «затрудняюсь ответить» 3,3% опрошенных.

Анализ мнения молодежи и незарегистрированным браком возможна выделить следующие: 34% респондентов считают гражданский брак нормой современной семьи; 45,2% придерживаются нейтральной позиции; 12,9% считают это неприемлемым, хотя и довольно распространённым явлением; 3,7% категорически осуждают гражданский брак; 4,3% не смогли ответить на поставленный вопрос.

Для повышения социального статуса института семьи в современном обществе, культивирования у молодежи семейных ценностей и образа жизни, во мнению 57,7% опрошенных, существует необходимость введения в общеобразовательных школах обязательной программы по основам семейного воспитания; что не менее 38,3% респондентов выступают против этого, а 4,2% затруднились с ответом.

В связи с предпринятыми государством мерами по ускорению численности населения и рамках реализации концепции демографической политики России на период до 2015 года были приняты федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, направленные на поддержку семьи, материнства и детства. Одним из них является Федеральный закон № 256 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», вступивший в силу 1.01.2007 г., который устанавливает дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь и свободное развитие. Согласно данному закону, дополнительные меры трактуются, как «меры, обеспечивающие возможность приобретения жилья, получения услуг в сфере образования, а также улучшения пенсионного обеспечения».

Впервые закон вводит понятие «материнский или семейный капитал», который рассматривается как «особые средства федерального бюджета, значающиеся в бюджет Пенсионного фонда Российской Федерации в отношении лица,

именного право на дополнительные меры государственной поддержки для обеспечения в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, реализацию указанных мер⁴, право на который подтверждается именным государственным сертификатом. Согласно ст. 6 этого закона, размер материального (денежного) капитала устанавливается в пределах 250 000 рублей, сумма которого подлежит ежегодному пересмотру с учетом темпов роста инфляции, и будет устанавливаться федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год.

Исходя из этого, перед автором стояла цель – выявить отношение молодежи как будущих потребителей данного федерального закона к его разработке и принятию. Анализ результатов опроса следующий: 26,9% считают, что этот закон ничего не изменит в сфере явления рождаемости; 37,7% утверждают, что он дает дополнительные паритета семьям с детьми и может, если не кардинально улучшить, то, во крайней мере, стабилизировать демографическую ситуацию в стране; 18,2% респондентов заявили, что он будет способствовать увеличению рождаемости преимущественно в социально-благополучных семьях; 9,3% надеются на повышение рождаемости в благополучных семьях, 7,5% не смогли ответить на этот вопрос.

С точки зрения учащейся молодежи, привлекательней участие в анкетировании, наиболее действенными мерами по улучшению социально-демографической ситуации в стране является повышение пособий на детей, совмещение семейных обязанностей с возможностью сделать карьеру, особенно для женщин, социальная-экономическая и политическая стабильность в обществе, низкие кредитные ставки, повышение зарплат и пенсий в бюджетной сфере, получение беспроцентных кредитов и ссуд на образование, а также снижение темпов роста инфляции.

Относясь к статусу современной российской семьи, респонденты характеризуют его как «очень сложный» – 21,6%; «с тенденцией к повышению затратное время» – 19,5%; «нестабильный» – 9%; «относительно положительный» – 6,4%; затруднились ответить 40,4%. Результаты исследования отражают достаточно типичную картину социального положения общества, низкой статус семьи в иерархии жизненных ценностей современной молодежи, где приоритетные места занимают финансовое благополучие и карьера.

Среди нормативно-правовых актов, защищающих права и интересы семьи в обществе, респонденты назвали Конституцию РФ, Семейный и Гражданский кодексы РФ, Декларацию прав человека, Конвенцию ООН о правах ребенка, 78% затруднились ответить на этот вопрос. Это свидетельствует о низкой правовой грамотности молодежи. Недостаточная осведомленность в сфере федерального законодательства включает и собой незнание своих прав и обязанностей, невозможность

проконтролировать их соблюдение, отсутствие квалифицированных профессиональной помощи со стороны специалистов социально-медицинских и социологических учреждений при решении сложных семейно-бытовых проблем, что в свою очередь приводит к правонарушениям и различного рода деликтному поведению молодежи.

В случае возникновения межличностных проблем в семье за помощью к родителям обращается 70% респондентов, к друзьям – 16,6%, к знакомым (соседям), знакомым в учебных заведениях, специалистам социальной сферы – по 7,5%; 5,8% не смогли дать ответ.

На вопрос «Какова, на Ваш взгляд, роль социальных служб в решении семейных проблем?» 63,5% респондентов считают, что они оказывают помощь лишь частично; 15,4% заявляют, что социальная служба оказывает реальную помощь гражданам по стабилизации детско-родительских и супружеских взаимоотношений; 12,1% указывают на полное отсутствие такой помощи и 8,7% не смогли ответить на этот вопрос.

Исходя из выверенности, можно утверждать, что состояние современной российской семьи отражает противоречия, присущие этому социальному институту как в мировом масштабе, так и в рамках каждой национальностей России. Утверждение малознания как стереотипа европейской семейной модели, снижение потребности во втором и тем более в третьем ребенке, отказ или откладывание рождения запланированного числа детей все чаще избирается как наиболее приемлемые варианты поведения. Сегодня российская семья испытывает целый комплекс отрицательных воздействий, характерных для слабо развитых стран и ряд внутрисемейных проблем, типичных для стран индустриальной и постиндустриальной стадии развития.

Эффективность предпринимаемых государством в рамках демографической политики мер пока трудно оценить, поскольку они рассчитаны на длительный срок. На наш взгляд, материальной поддержки семьи как единичная мера не является панацеей от депрессии и по большому счету не сможет кардинально изменить ситуацию в целом, поскольку, как справедливо утверждает А.М. Антонов, «кризис семьи – это не просто кризис ее материальных возможностей... Это кризис ее смысловых ценностей». Тем не менее следует учитывать и тот факт, что экономически семьи зачастую имеют много детей, желая иметь детей, но откладывающим их рождение из-за материальных трудностей, реализовывать потребности в деторождении, укрепить семью, повысить ее социально-экономический статус.

С целью уменьшения влияния негативных факторов необходимо создать государственную систему поддержки семьи, способствовать формированию в обществе семейно-брачного сознания и семейных ценностей и более реалистического антропоцентризма и потребительства, ориентирован-

ного на индивидуализм. Учет данных принципов в реализации отечественной Концепции демографической политики на период до 2015 г. позволит, на наш взгляд, стабилизировать и изменить демографическую ситуацию в лучшую сторону.

Примечания

¹ Демография и статистика населения. М., 2006. С. 256

² *Ковтун Н.* Кто поможет преодолеть кризис семьи? Санкт-Петербургский курьер. 2005. 15 декабря. <http://belosolovye.ru/weekly/2005/0227/%20ar.php>

³ О демографических мерах государственной поддержки семьи, имеющих детей // Федеральная хроника № 256-492 от 29 декабря 2006 г. М., 2007. С. 5

⁴ Там же

⁵ *Антонов С.М.* Кризис или возрождение? Семья и общество. 1989. № 1. С. 34.

УДК 316.347

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУР

Б.Р. Могилявич

Саратовский государственный университет,
кафедра лингвистического языка и межкультурной коммуникации
E-mail: mogilevich@yandex.ru

В статье представлены новые грани процессов межкультурной коммуникации в глобальном мире. Обозначены компоненты глобальной культуры как качественные аспекты явления, обусловленного глобализацией всех аспектов человеческой жизнедеятельности. Выделены социокультурные характеристики языка, направленные на межкультурное взаимодействие глобальной и локальной культуры.

Cross-Cultural Specific Characteristics under the Interaction of Global and Local Cultures

B.R. Mogilevich

The article talks about the new stage of cross-cultural communication in the period of the globality. The main components of a qualitatively new phenomenon – global culture – conditioned by the globalization of all aspects of human activity are defined. The sociocultural characteristics of the new trends of cross-cultural communication of global and local cultures are given.

В связи с актуальностью процессов межкультурной коммуникации в эпоху глобализма Европейский совет объявил 2008 год – годом «Межкультурного диалога». Суть глобализации заключается в утверждении нового этапа в развитии социальных связей в объединенном масштабе, основанного на достигнутых наукой и технике. Глобализация не возникла внезапно – её наступление обусловлено множеством кардинальных изменений в жизни человечества: промышленной и электрической революциями, формированием общего рынка труда и сбыта товаров, миграцией в планетарном масштабе, невиданным ранее расширением международных контактов. Человечество все больше осознает взаимосвязь всех людей в всех сферах жизнедеятельности. Все государства мира

не могут не признать ведущей роли демократии, открытости экономики, все возрастающей роли проблем безопасности. Социологические исследования проблем глобализации сосредоточены на проблемах коренных изменений в повседневной жизни людей, характеризующихся утратившей стиль жизни разных регионов мира. По словам С. Шахазарова, глобализм представляет собой переход от «микрологического сообщества в мировое общество»¹.

Электронные средства связи способствуют появлению нового феномена – глобальной культуры, характеризующейся транснациональностью всех форм существования человека. Упоминание в XX веке числа городского населения и работающих по найму привело к установлению единообразия стилей жизни миллионов людей. Единый жизненный ритм характеризуется установлением множества разнообразных социальных контекстов, смену видов деятельности, получение новой информации. Глобальные перемены затронули и социально-этические нормы поведения, например, институты брака, семьи, образования.

Расширение социокультурных контактов сопровождается стремлением к контакту с другими культурами с целью установления понимания, поиска и принятия инноваций, установление равноправных отношений между индивидами, группами, государствами и цивилизациями². Глобальная культура, подразумевающая мультикультурное общество, всегда являет и себя локализацию в виде ответов на глобальные тенденции. Глобальное становится естественным и предметом только в локальном формате, другими словами, глобальное содержание должно быть представлено в локальной форме. Глобализация культуры представляет собой проявление маркетиногового характера этого процесса, означающего обмен всеми продуктами человеческой

ного на индивидуализм. Учет данных принципов в реализации отечественной Концепции демографической политики на период до 2015 г. позволит, на наш взгляд, стабилизировать и улучшить демографическую ситуацию в лучшую сторону.

Примечания

¹ Демография и статистика населения. М., 2006. С. 256

² *Ковтун Н.* Кто поможет преодолеть кризис семьи? // Санкт-Петербургский курьер. 2005. 15 декабря. URL: http://belosolovye.spb-weekly.ru/2005/02/17/1_star.php

³ О демографических мерах государственной поддержки семьи, имеющих детей // Федеральный закон № 256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 2007. С. 5

⁴ Там же

⁵ *Антонов С.М.* Кризис или возрождение? // Семья и общество. 1989. № 1. С. 34.

УДК 316.347

СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНОЙ И ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУР

Б.Р. Могилович

Саратовский государственный университет,
кафедра юридической науки и межкультурной коммуникации
E-mail: moqilevich@yandex.ru

В статье представлены новые грани процессов межкультурной коммуникации в глобальном мире. Обозначены компоненты глобальной культуры как качествами нового явления, обусловленного глобализацией всех аспектов человеческой жизнедеятельности. Выделены социокультурные характеристики новых направлений межкультурного взаимодействия глобальной и локальной культуры.

Cross-Cultural Specific Characteristics under the Interrelation of Global and Local Cultures

B.R. Mogilevich

The article talks about the new stage of cross-cultural communication in the period of the globally. The main components of a qualitatively new phenomenon – global culture – conditioned by the globalization of all aspects of human activity are defined. The socio-cultural characteristics of the new trends of cross-cultural communication of global and local cultures are given.

В связи с теснотой процессов межкультурной коммуникации в эпоху глобализма Европейский совет объявил 2008 год – годом «Межкультурного диалога». Суть глобализации заключается в утверждении нового этапа в развитии социальных связей в общемировом масштабе, обусловленного на достижение мира и согласия. Глобализация не возникла неожиданно – её наступление обусловлено множеством кардинальных изменений в жизни человечества: провозглашением единого рынка труда и сбыта товаров, миграцией в планетарном масштабе, невиданным ранее расширением международных контактов. Человечество все больше осознаёт взаимосвязь всех людей в всех сферах жизнедеятельности. Все государства мира

не могут не признать ведущей роли демократии, открытости экономики, все возрастающей роли проблем безработицы. Социологические исследования проблем глобализации сосредоточены на проблемах коренных изменений в повседневной жизни людей, характеризующихся унификацией стили жизни разных регионов мира. По словам С. Шахматова, глобализм представляет собой переход от микролового сообщества в мировое общество¹.

Электронные средства связи способствовали появлению нового феномена – глобальной культуры, характеризующейся транснационализацией всех форм существования человека. Увеличение в XX веке числа городского населения и работающих по найму привело к установлению единого образа стили жизни миллиардов людей. Единый жизненный ритм характеризуется установлением множества разнообразных социальных контекстов, смену видов деятельности, получение новых информации. Глобальные перемены затронули и социально-этические нормы поведения, например, институты брака, семьи, образования.

Расширение социокультурных контактов сопровождается стремлением к контакту с другими культурами с целью установления понимания, поиска и принятия инноваций, установлению разнообразных отношений между индивидами, группами, государствами и цивилизациями². Глобальная культура, понимаемая как культурно-общественная, всегда является и собой локализацию в виде ответов на глобальные тенденции. Глобальное становится естественным и присущим только в локальном варианте, другими словами, глобальное содержание должно быть представлено в локальной форме. Глобализация культуры представляет собой проявление маркетинового характера этого процесса, означающего обмен всеми продуктами человеческой

жизнедеятельности и социальными ресурсами. Межкультурная коммуникация глобальной и локальной культур происходит в создании и функционировании механизма всеобщего взаимодействия культур.

Само явление глобализации как порывистого изменения привычного образа жизни связано с риском (на португальском языке «риско» означает «вероятность»). Понятие риска означает опасность и способность к переизменам; в контексте модернизации все социальные изменения связаны с процессом риска, являющимся, связанным с природными причинами, и внутренним, опосредованным человеческим познанием окружающего мира. Глобальный мир несет в себе множество рисков во всех областях человеческой жизнедеятельности, справиться с которыми не всегда возможно. Например, экономические риски глобального потепления/похолодания, распространенных инфекционных заболеваний, экологические риски.

Процесс глобализации непосредственно связан с культурой. Согласно П. Соросону, культура представляет собой коммуникативный процесс, в котором участвуют, по крайней мере, два индивида, взаимодействующих своим поведением, основанное на общей культуре⁵. По мнению Н. Сараяна, общечеловеческая культура представляется в виде двух взаимовключающих типов «умозрительного» и «чувственного» с промежуточными идеальностическими типам. Умозрительная культура характеризуется принятием духовного над материальным во всех областях человеческой жизнедеятельности, когда добро воплощено в духовных ценностях, а истина – вечна.

Чувственная культура воплощает добро в материальных ценностях, которые существуют не в душе, а во внешнем мире, поэтому объективная доминирует над моральными принципами. Чувственная и умозрительная культуры не существуют в чистом виде, им сопутствует человеческая культура, совмещающая материальное и духовные характеристики, предполагающая творческую деятельность человека во взаимосвязанном вместе с улучшением материального мира. Культурные циклы сменяют друг друга по мере исчерпания своего творческого потенциала, обусловленного как внутренними (имманентными) причинами, так и внешними факторами.

Современная эпоха демонстрирует последние этапы явления – глобальной культуры. Именно феномен «глобальной культуры» является наиболее ярким примером межкультурной коммуникации в виде интеграции различных культур, в результате которой появляется новый тип личности – межкультурной, которой присущи такие качества, как независимость, желание учиться, совершенствоваться и познавать новое; уверенность в невестности науки и прогресса; высокий уровень культурных и моральных ценностей. Именно современная личность

способна найти свое место в глобальном мире, ценить настоящее, обозначать значение времени⁶. Многие современные исследователи сходятся во мнении, в том, безусловно, верно, что наиболее значимым социальным изменением XX и XXI веков является феномен глобальной культуры, обусловленный появлением средств массовой связи, объединяющей ролью СММ, развитием туризма. Глобальная культура является причиной исчезновения традиционных, этнических культур и традиционных моральных ценностей, способом производства и потребления, разрушения традиционных институтов семьи⁷.

Исследователи глобальной культуры неопытывая таковы – «культурный империализм» и «культурный синхронизация», рассматривая последствия ее воздействия на самобытность национальных культур. По их мнению, глобальная культура способствует новому парадоксу, ведущему к унификации культур⁸. Теоретические исследования глобальной культуры привели к созданию новых теорий. У. Ганнерс, автор теории «глобальной культуры», разработав стадии глобализации культуры, «объясняет», по мнению У. Ганнерса, – это область, где происходит межкультурная коммуникация в глобальном масштабе. Традиционные культуры существуют в ограниченных пространственно-временных параметрах, тогда как глобальная культура функционирует благодаря современным средствам коммуникации и «разрывает пространство и время»⁹. Причем перемещение культур идет, главным образом, от центра к периферии, и эта неоднородная система подвержена постоянным изменениям (трансформации). Например, в настоящее время Франция представляет собой центр моды и искусства, США – центр новейших технологий, Индия – туристический и художественный центр. Трансформации разворачиваются по нескольким сценариям.

Первый – «Глобальная гомогенизация» всех культур по образу доминирующей культуры (образ жизни, моральные ценности, религиозия и моральная унификация) отчасти отражает некоторые современные ситуации в различных странах. Второй сценарий – «кожурание» – означает, что периферия постепенно насыщается продуктами центра, что приводит к социальной однородности. Согласно третьему сценарию – «периферийной гомогенизации» – культура центра поглощается периферийной культурой, причем исчезает феномен «доминантной» культуры и остается явление низкой культуры: рок, а не музыка В.А. Моцарта, детективы, а не классическая литература.

Самым продуктивным, по мнению У. Ганнерса, с которым нельзя не связаться, является сценарий «кожурания», представляющий взаимонаправленный обмен культур центра и периферии, их взаимообогащение. Глобальная культура способствует отражению периферийных культур, воспринимавших культуру центра в соот-

ности со своими традициями и потребностями. Этот процесс описан в исследовании У. Гавнерса термин «креолизиции культуры», означенной синтез равноправных, неоднородных культурных элементов в контексте межкультурного диалога².

В процессе своего развития цивилизации создает свою институциональную символическую систему, которые в период отбора и трансформации взаимодействуют с символами других цивилизаций. Процесс межкультурного взаимодействия обусловлен влиянием множества факторов экономического и социокультурного развития территории, в частности, адаптации и социализации³.

Неизбежность глобализации представляет собой как благо, так и опасность в мире риска. Новые представления о социальной реальности послужили основой создания теорий как глобализма, так и антиглобализма. Была предложена своеобразная типология «образов мирового порядка». Первый тип – Глобальный союз I (Gesellschaft I), состоящий из совокупности государств и культурном и институциональном ракурсах. Этот тип проявляется в своей основе антиглобалистские тенденции, проявляющиеся в возрождении фундаменталистских (традиционалистских) течений, характеризующих себя как лучшее мировое устройство. Концепция второго типа – Глобальный союз II (Gesellschaft II) отражает идею сообщества, ориентированного к общему пониманию ценностей и целей. Этот тип единения не имеет под собой реального основания, в широком смысле этого слова, но находит свое подтверждение в глобальных движениях в защиту окружающей среды, борьбе с терроризмом и т.д.

Такая иерархия образов мирового порядка представляет собой совокупность объективного фактора и субъективного восприятия каждым индивидуумом ее наличия, необходимости и возможности существования в ней. Глобальная культура не является характеристикой конкретного состава окружающей реальной действительности, так как только в контексте единого глобального существования человечества становится возможным поддержание многообразия идентичностей, традиций и культур. Локальная этнокультурная культура представляет собой естественный результат функционирования глобальной культуры, которая способствует развитию локальных идентичностей. Этот феномен гибридизации культур представляет, на наш взгляд, наиболее эффективную и плодотворную форму межкультурной коммуникации в период глобализации. Исследования по глобальной культуре изучают ее в контексте изменений в повседневной жизни индивидов и их повседневной интерпретации самих себя⁴. Другим способом изучения феномена глобальной культуры представляет собой дальнейшее развитие исследований социологии повседневности и интерсубъективности поведения индивидов в рамках глобализации. Повседневная жизнь индивидов, с точки зрения глобальной культуры, испытывает влияние нескольких факторов,

которые можно назвать предпосылками глобальной культуры⁵.

Международная бизнес-культура – *бизнес-культура*, по определению С. Хангвингтева (Динес – горный курорт в Швейцарии, место ежегодных экономических встреч международной экономической элиты) – возмещение космополитической деловой культуры, представляющей экономической и технологической элиты, которая постепенно увеличивается количественно и расширяется качественно. П. Бергер называет эту социальную группу элита-капитализмом, успешно прошедшим этап упрямейшей социализации и социализацией глобальное деловое поведение с ориентиром на локальные и культурные ценности в личной жизни.

Глобальная интеллектуальная культура или клубная культура интеллектуалов (*club culture*) представляется в виде разного рода фондов, неправительственных организаций, международных грантов в области науки, образования, социального обеспечения, поддержки малого и среднего бизнеса. Клубная культура также распространяет в глобальном масштабе идеи в точке зрения, характерные для глобальной культуры – мультикультурализм, мейнвей выступает за защиту окружающей среды, соблюдение прав человека. В этом ряду стоят и распространяющиеся в глобальном масштабе идеи здорового образа жизни (*фитнес-клубы*, аэробика, авантализм и антикапиталистские движения, борьба со СПИДом, наркоманией). Идеи клубной культуры оказывают огромное влияние на изменение ценностных стереотипов индивидов в глобальном масштабе.

Например, уже несколько лет Саратовский государственный университет сотрудничает с Университетом штата Вайоминг по Программе обучения русскому языку. Преподаватели кафедры английского языка и межкультурной коммуникации, кафедр английской и немецкой филологии, социологического, философского и филологического факультетов участвовали в программе культурного обмена с университетами Германии (Ганновер) и Великобритании (в городах Солфорд и Манчестер). В настоящее время вся система высшего образования переходит на двухуровневую систему (подготовка специалиста (бакалавриат и магистратура) в рамках Болонского соглашения).

Проводимая как деловой, так и клубной культур должна полностью изменить свои ценностные ориентации в целях достижения настоящего вхождения и участия в глобальной жизни человечества. Двойные стандарты часто мешают успеху бизнеса и приводят к конфликту культур. Например, «социалистическое» отношение к исполнению трудовых обязанностей разрушает все благие воли создания современного бизнеса. Деловая и интеллектуальная культуры не исключают всех проявлений и

азванный глобальной культурой на повседневную жизнь и влияние.

Массовая культура, распространяемая коммерческими структурами (MTV, McDonald's, Disney, Hollywood), представляет собой самого одностороннего и сильного социального агента аккультурации и влияния в глобальной культуре. Слова включены в такие инструменты, как телевидение и радиопередачи, рестораны и кафе, предлагающие вместе с горячей едой и новым социальным пространством, спортивные мероприятия, реклама, сценарии широкого потребления. Особенностью функционирования массовой культуры как новой формы социального взаимодействия является распространение и поддержание новых взаимодействий индивидов и государства – рождение массового потребления различных товаров и услуг. Кроме того, развивается коммерческий издательский бизнес, рекламный рынок новой формы жизни, новые религиозные практики, новые научные теории. Например, в России появились бумажное искусство издательства, платящих концерты и первоначальные знания, функционирование, главным образом, в контексте глобализации повседневной жизни.

Религиозная культура, по мнению П. Бергера, представляет собой самый мощный инструмент культурной глобализации. Он имеет в виду евангельский протестантизм, совершающий своего рода культурную революцию, распространяясь из США на периферию – Восточную и Юго-Восточную Азию, Африку, Латинскую Америку. Она ратифицирует религиозные верования и способствует социальной мобильности населения на периферии.

Возможные последствия действий социальной агентов глобальной культуры могут быть представлены в следующих формах: 1) замещение местной культуры глобальной; 2) сосуществование культур без их слияния; 3) синтез культур; 4) отрицание глобальной культуры. В контексте межкультурной коммуникации уместно очертить возможные последствия взаимодействия глобальных и локальных процессов следующим образом:

1 этап – замещение может быть представлено как ассимиляция глобальной культуры при отказе от социокультурных норм локальной культуры;

2 этап – сосуществование культур демонстрирует игнорирование социокультурных установок;

3 этап – культурного слития – означает признание существования другой культуры и интеграцию глобальной и местной культуры как интерактивного процесса в коммуникации;

4 этап – отрицания – означает доминирование этноцентристского подхода к процессу межкультурной коммуникации и акцентирует этническую дифференциацию и сегрегацию.

Следует особо подчеркнуть, что межкультурная коммуникация в плане взаимодействия глобальной и локальной культур принимает

разные формы в странах с различными формами культуры.

Коммуникация между глобальной и локальной культурами включает влияние отдельных регионов друг на друга, что способствует усложнению межкультурной коммуникации и избежанию конфликтов. Игнорирование межкультурных различий приводит к возникновению социокультурных конфликтов. Условная социализация в глобальном мире невозможна без знания и учета законов успешного межкультурного взаимодействия. Главнейшим условием успеха межкультурной коммуникации в эпоху глобализации является воспитание толерантного отношения к другим культурам, языкам и их носителям.

Межкультурная коммуникация как механизм успеха социального взаимодействия представителей разных культур приобрела исключительное значение именно в эпоху глобализации. Новые этапы ее развития характеризуются коммуникацией между новым видом культуры – глобальной культурой – и локальными культурами. Глобальная культура проявляется в новых видах как массовая культура, клубная культура, массовая культура и культура протестантизма. Современное состояние общества характеризуется возникновением множественности социокультурных конфликтов, разрешение которых требует учета всех конфликтующих сторон. Следуя принципам межкультурной коммуникации, человечество может и должно находить компромиссы и использовать диалог как самое оптимальное средство выживания.

Примечания

1. Шварцман С. Глобализация и глобальность: феномен культуры // *Pro et Contra*, 2006. Т. 3, № 4. С. 185.
2. Сел, Томас В. Д. Глобальные проблемы современности. М., 2001.
3. Сарнов П. Социальная и культурная динамика. М., 1991.
4. Smelser N. Process of social change // *Sociology: An Introduction*, L., N.Y., P. 747-748.
5. Silver D. Social Change in the Twentieth Century. N.Y., 1977. P. 71.
6. Hammett C. J. Cultural Assimilation in Global Communication. N.Y., 1987. P. 3.
7. Hannerz U. Notes on the global ecumene // *Public Culture*, 1989. № 12. P. 68-95.
8. Hannerz U. The world of ecumenism // *Reading in African popular culture*, L., 1987. P. 546-549.
9. Giddens A. N. Development, modernization and dynamics of civilization // *Cultures Development*, 1981. № 13.2. P. 217-232.
10. Korten J. B. Globality, global culture and images of world order 1992. P. 103-111.
11. Бергер П. Культурная динамика глобализации // *Мировая глобализация*: Вол. ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004. С. 8-24.

УДК 316.343.655

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ БАНКОВСКОГО СЛУЖАЩЕГО

А. А. Воронцов

Белгородский государственный университет,
направление теории и истории педагогики
E-mail: avorontsov@yandex.ru

В статье рассматриваются наиболее характерные черты и качества банковских работников, предпринимается попытка представить обобщенный социальный портрет типичного представителя данной профессиональной группы.

Social Portrait of Bank Worker

А.А. Воронцов

The article examines the most typical traits and qualities of bank workers. An attempt is made to represent a generalized social portrait of representative of this professional group.

Приступая к анализу социального портрета банковского служащего, следует учитывать то обстоятельство, что ныне коммерческие банки представляют собой неотъемлемую социально-экономическую структуру рыночной экономики. Осуществляя денежные расчеты и кредиты, они выполняют важную функцию по перераспределению капитала. В последнее десятилетие вся система отношений внутри банковского сектора подверглась существенным изменениям. Прежде всего это касается характера управления и контроля со стороны Центробанка, взаимоотношения банков и их клиентов, расчетов с государственным бюджетом и др. Но самое главное, подверглась пересмыслению психология и социальная роль баньера – высокообразованного, думающего, интеллигентного, свободного от догм и жесткого ватниша обдумывающий и односторонний риск. Человеческий фактор выделяет одну из ключевых ролей в оценке привлекательности той или иной банковской структуры.

Профессионализм работников банка сегодня определяется следующими критериями: уровень сервиса и культуры обслуживания, оперативность проведения банковских операций, а также – репутация банка. Жесткие требования, ныне предъявляемые Центробанком РФ к профессионализму, моральным качествам руководителей банков, сотрудникам службы внутреннего контроля, способствуют укреплению морально-психологического климата в банковской сфере. В случае низкого профессионализма сотрудников неизбежно повышаются все виды рисков банковской деятельности – кредитный, риск ликвидности, риск изменения кредитных ставок и т.д.

В 90-х гг. XX столетия коммерческие банки пережили всевозможные перемены, особенности которых значительным образом повлияли на жизнь их сотрудников, определяя, в конечном счете, их социальный портрет.

До начала 90-х гг. XX в. банковская система страны была представлена Государственным банком РСФСР и его отраслевыми филиалами (Внешторгбанк, Промстройбанк и т.п.). Затем на смену Госбанку пришла система Центрального банка РФ – главного регулятора деятельности независимых акционерных коммерческих банков.

Эпохой для новой банковской системы России оказался период до 1996 г., в течение которого происходил бурный рост банковской сферы, увеличилось материальное благосостояние банковских служащих. Это привело к повышению престижа профессии. Как показывает опыт, руководители средних и мелких банков входят в число самых влиятельных лиц региональной элиты. Члены правлений ведущих региональных банков входят в советы директоров крупных акционерных предприятий и организаций.

Существенное воздействие на кредитно-финансовую систему и профессиональную страту оказали кризисные явления конца 90-х гг. прошлого столетия: многие мелкие и средние банки были закрыты, а сотрудники сокращены.

Начиная с 1999 г. начался период стабилизации и роста региональной банковской системы. Массовое производство банковских услуг привело к необходимости существенного увеличения числа банковских сотрудников экономистов, бухгалтеров, кассиров. При характеристике социального портрета банковского служащего важно учитывать идеи классиков социологии о специфике и сущности профессии. Так, Э. Дюркгейм рассматривал профессию как призму разделения труда, дифференциации социальной деятельности и почвой профессию как деятельность, как институт и социальную группу¹. М. Вебер различил профессиональные группы в зависимости от развития типичных профессий. На профессиональную стратификацию влияют уровень профессиональной специализации, профессиональная стабильность и надежность². П. Сорекис понимает под профессией деятельность, дающую владельцу средства к существованию³. Известный советский экономист С. Струмилин говорил, что «профессия – совокупность приобретенной специальности и нескольких научных, специальных трудовых навыков, совместные в основном плане и обязательные общим названием»⁴.

Как видно, в понятие профессии сочетаются различные элементы: педагогические (образование, обучение), эвонимические (далоние средства к существованию), функциональные (род деятельности).

Эти элементы о профессии полностью относятся к той же социальной группе, как банковские работники, и позволяют называть социальный портрет типичного банковского служащего. Его можно представить в виде двух разновидностей:

банкиры (около 2% от всех работающих в банке) – это менеджеры, лица ответственные за принятие важных, стратегических решений;

банковский персонал (форма 87% от всех работающих в банке).

Остальная часть сотрудников банка (охрана, хозяйственные работники, обслуживающие подразделения) не входят в профессиональную группу банковских служащих, так как выполняют работу небанковской специфики, не обладают достаточным образованием и уровнем дохода.

Банковский персонал, в свою очередь, тоже является достаточно разнородной группой, включающей в себя руководителей, кредитных работников, специалистов по работе с ценными бумагами, бухгалтеров в кассирах. В этой связи заслуживает внимания проблема ответственности банковских служащих в общественному среднему классу. К среднему классу можно отнести банкиров (100%), экономистов (50%), бухгалтеров (40%).

Продолжая далее анализ социального портрета банковского служащего, можно обратиться к исследованиям современных ученых о специфических группах внутри банковского сообщества. Так, согласно исследованиям Н.В. Андриева, в составе банковских сотрудников выделяется четыре социально-психологические группы².

Первая профессиональная банковская группа – это высококвалифицированные специалисты старшего возраста. Из них наиболее трудоспособны 45-50-летние сотрудники, имеющие стаж работы в банковской сфере 15-25 лет. Для них характерно наличие энергии в профессиональных усилиях, высокую возматочное обновление профессионального опыта.

Вторая группа – это люди активного и трудоспособного возраста 35-45 лет, привнесенные в банк из организационно-управленческих структур вузов, а также бывшие инженерно-технические работники. Они обладают высоким интеллектом и личностным потенциалом. Этой группе свойственна потребность в социальной и профессиональной адаптации к новой профессии, выработке коммуникативно-профессиональных контактов, освоения новой профессиональной роли, переориентации интеллекта у них организационных и интеллектуальных умений в соответствии с требованиями профессии. Кроме того, они стремятся преодолеть сопротивление со стороны банковских служащих старшей возрастной категории, не желающих уступить свои места новичкам.

Третью группу банковских работников составляют молодые люди в возрасте 20-30 лет, нацеленные на формирование этико-профессиональных ценностей, усвоение деловой культуры банковского менеджера. Важное значение для них имеет наличие вставивка, обучающие основы практической банковской работы, азам профессионального мастерства, внедрение их в сложную корпоративную культуру банковской организации.

Четвертая группа – это сотрудники, не имеющие четко оформленной предметной специализации, но обладающие обширными деловыми и личностными связями. Они проявляют личную преданность руководству, в коллективе сдержанны, демонстрируют исключительность своего положения, стремятся замаскировать свою некомпетентность.

Когда новый сотрудник поступает на работу в банк, его личность поддается изменениям и превращается в «банковскую личность», которая имеет следующую структуру: индивидуальное-психологические характеристики; уровень академической образования; уровень теоретических и практических знаний банковского дела; банковские информационные технологии; принадлежность к определенному сообществу (профессиональная группа «банковские служащие»). Формирование банковской личности является итогом формирования устойчивого положительного отношения к профессии и воспитания преданности организации.

Далее рассмотрим индивидуально-психологические характеристики банковской личности – пол, возраст, психологические характеристики. Банковский бизнес сформировался в основном как мужское занятие. Традиционно он требовал таких качеств, как воля к победе и стремление к лидерству. Однако в последнее время возматся спрос на типично женские качества, такие как открытость, чувство такта, сноровчатость, усидчивость. Новые банкиры рассматривают себя все чаще как администраторы человеческих коллективов.

В настоящее время значительную долю руководящего состава региональных банков составляют женщины. Проложения, что женщины-менеджеры существенно отличаются от менеджеров-мужчин, совершенно не подтверждаются. Как правило, исследователи сходятся во мнении о существовании лишь одного различия: большее интереса женщин к ответственности между людьми. Утверждение, что гендерные различия в способностях, установке, чертах личности основывается, скорее, на стереотипных представлениях, нежели на результатах эмпирического изучения женщин-руководителей.

Следующей характеристикой руководителей банков является возраст: по данным авторского исследования, в роли предсказателей правлений

и их заместителей охватываются жёстко и в возрасте 45-50 лет.

Психологические характеристики включают в себя мотивационный механизм: власть – это прежде всего ответственность за людей, возможность самореализации, стремление к личностной и материальной свободе.

Система ценностей банковских руководителей существенно отличается от традиционных советских представлений, основу которых составляла опора государства в патриархальное патристиче платни. Сейчас же важнейшей ценностью стал принцип индивидуализма, вернее шире – преувеличенный. Другой важной ценностью стал принцип равенства возможностей и самореализации. В банковской системе ценностей жизнь рассматривается как соревнование, в котором победа достаётся наиболее умному, сильному, достойному, а именно разумному в системе ценностей исключено невнимание к аспект социального равенства. Банковские руководители предлагают не посягать на человека, а дать ему свободу и вернуть в социальную систему силы собою.

Банковские руководители уверены, что экономические преобразования не осуществляются и не имеют перспектив без наличия полноценной кредитно-финансовой сферы, где люди работают не в расчёте на слово личную прибыль, свой карьерный или властный интерес, а ради развития дела и расширения предложений на рынке банковских услуг и на рынке труда. Таким образом, банкиры ставят в своей деятельности выполнение общественной функции.

Основные особенности характера банковских руководителей России – аналитический ум, высокая рациональная культура, высокая ориентированность, трудолюбие, порядочность, законопослушание, правдивость делу и организации, ответственное чутье.

На требования к образованию банкиров существует две точки зрения. Согласно одной из них, возможность в дипломе об экономическом и финансовом образовании обязательно, достаточно диплома о высшем образовании. Главное – способность учиться.

Тем не менее русский банкир сейчас самый интеллектуальный в мире. По данным фонда «Общественное мнение», доля лиц с высшим образованием среди руководителей банков превышает 80%. Многие резиденты вышли из самых престижных учебных заведений – МГУ, МНЭФН, МФТИ, МФТУ, ФА при Правительстве РФ, АИХ им. Плеханова и др. Что касается исследуемой региональной банковской элиты, то «банкиры» имеют, как правило, два высших образования: первое техническое (преимущественно политехнические институты, технические университеты), второе – экономическое и юридическое. Растёт число лиц с учёной степенью кандидата наук.

Проведённое нами исследование уровня образования банковских служащих Саратовской

области показало, что высшее образование имеют около 70% сотрудников в региональных банках, и том числе высшее экономическое – 42%; высшее юридическое – 2%; высшее техническое – 26%; высшее гуманитарное – 6%; среднее, среднее специальное – 30%.

Другая точка зрения по вопросу о необходимости высшего банковского образования четко выражена в требованиях ЦБ РФ к профессиональной подготовке высшего руководства состава банков. Стратегик этой позиции считают, что профессионализм нужен везде, но в банковской сфере он нужен особенно. Необычно возмущённые действия, просчет или нарушение закона превращаются серьёзными потерями как для самого банка, так и для клиентов – сотен или даже тысяч людей – в зависимости от размеров банка. Но этой привычке банковская деятельность является объектом постоянной серьёзного государственного регулирования. Одно из требований при выдаче лицензий – профессионализм, т.е. наличие соответствующей подготовки у лиц, возглавляющих банк, поэтому вполне закономерно является требование ЦБ РФ, в соответствии с которым он регламентирует создание коммерческого банка и его функционирование только при представлении кандидатур руководителей, обеспечивая их с профессиональной точки зрения.

На руководящие посты в банках утверждаются обычно лица, имеющие высшее экономическое и юридическое образование и опыт работы в банке не менее одного года на руководящих должностях среднего звена. В случае отсутствия профильного образования – опыт руководства не менее двух лет. Именно это требование порождает пик активности высшего банковского менеджмента в плане получения второго высшего образования.

Уровень теоретических и практических знаний банковского дела, банковских технологий предполагает знание банковских продуктов, предлагаемых услуг, а также коммерческие способности. Последние включают в себя стратегическое видение рынка, умение продвигать и продавать банковские услуги и продукты, позитивное общение с клиентами, умение устанавливать партнёрские отношения с акционерами и клиентами.

Социальный портрет банковского менеджера включает в себя следующие характеристики: пол преимущественно женский, возраст 30-45 лет, высокий уровень самоконтроля, инициативность, логическое мышление, системный подход к информативности, стремление к максимальной точности, высокий вербальный интеллект, хорошее синтетическое и аналитическое складывание ума. Образование высшее финансово-экономическое – 98%. Уровень знаний и умений: анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия, определение групп риска по кредитам, управление уставным капиталом банка, продажа акций и дивиденды.

Социальный портрет банковского бухгалтера: пол – женский, возраст 35–50 лет, стрессоустойчивость, преобладание формально-логического мышления, высокий уровень самоконтроля. Уровень знаний и умений: умение делать все виды банковских бухгалтерских проводок.

Социальный портрет банковского кассира: пол – женский, возраст 40–55 лет, как правило, среднее специальное образование, высокий уровень внимательности, зрительной памяти, высокий уровень самоконтроля.

Таким образом, социальный портрет типичного банковского служащего представлен женщиной 35–45 лет с высоким техническим образованием, с высоким уровнем интеллекта, с аналитическим складом ума, высоким уровнем самоконтроля, отличающейся трудолюбием, пре-

данностью организации в профессии, высоким уровнем коммуникативной компетенции.

Применения

1. Державин Д. О раздвинуты общественног труда. М., 1991. С. 120.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1995. С. 39–90.
3. Серовик Н. В. Об основных условиях возможности воздержания вместе парового хозяйства // Социс. 1994. № 7. С. 142.
4. Стружков С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 32.
5. Андреев Н. В. Экономическая политика. СПб., 2006. С. 67–70.

UDK 316.355.2(470.44)

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА (на примере Саратовской области)

Н. П. Ивченко

Саратовский государственный университет,
центр прикладной социологии,
E-mail: ivchenko@yandex.ru

Статья посвящена вопросам репродуктивного здоровья молодежи и формированию социокультурных ценностей ответственного родительства молодежи на примере Саратовской области.

For Discussion about Social and Psychological Factors Forming Responsible Parenting (by the Example of Saratov Region)

N. P. Ivchenko

The article devotes to the problem of the youth reproduction health and forming social and cultural values for responsible youth parenting (by the example of Saratov region)

Современные представления о браке и семье в России значительно трансформировались уже в течение нескольких поколений. Поэтому сегодня как никогда остро стоит вопрос о формировании юной культуры у молодежи. Сложившаяся в России демографическая ситуация требует комплексного решения многих проблем. Одна из них – сохранение репродуктивного здоровья молодежи. Вопросы здорового воспитания и сексуального образования, формирование мотиваций ответственного отношения к своему здоровью приобретает особую актуальность.

Проблему здорового воспитания необходимо из физиологической плоскости переводить в куль-

турологические рамки, формировать модель духовные представления о браке, семье, детях, любви, основанные на культурно-исторических традициях, опираясь на русскую ментальность, а также учитывать положительный опыт других стран.

Перинатальная психология прочно вошла в медицинскую науку и в нашу жизнь и позволила изменить сознание современного общества (и медицина, прежде всего) и отношение к рождению человека. Знание перинатальной психологии формирует у человека ответственное отношение к роли родителя, тем самым способствуя воспитанию и развитию родительской культуры и общества.

Врачи Саратовского областного центра планирования семьи и репродукции более 10 лет работают совместно с психологами и психотерапевтами в области восстановления репродуктивного здоровья, к беременности и родам относятся не только как к физиологическому явлению, но и как к состоянию и процессу «одухотворения» тела. Поэтому изучение основ перинатальной психологии проводилось нами в течение 5 лет в рамках междисциплинарной деятельности средней школы № 1 и студентов г. Саратова и Саратовской области до формирования здорового образа жизни, в том числе по вопросам сохранения репродуктивного здоровья.

Современное представление о репродуктивном здоровье не ограничивается медицинскими знаниями, так как в основе его – биосоциальные факторы. Нам была предпринята попытка изучения социально-психологических аспектов репродукции человека как биологической и

Социальный портрет банковского бухгалтера: пол – женский, возраст 35–50 лет, стрессоустойчивости, преобладающие формально-логическое мышление, высокий уровень самоконтроля. Уровни знаний и умений: умение делать все по правилам банковских бухгалтерских процедур.

Социальный портрет банковского кассира: пол – женский, возраст 40–55 лет, как правило, среднее специальное образование, высокий уровень внимательности, зрительной памяти, высокой уровень самоконтроля.

Таким образом, социальный портрет типичного банковского служащего представлял женщину 35–45 лет с высшим экономическим образованием, с высоким уровнем интеллекта, с аналитическим складом ума, высоким уровнем самоконтроля, отличающейся трудолюбием, пре-

данностью организации и профессии, высоким уровнем коммуникативной компетентности.

Примечания

- ¹ Даркентин Э. О. Разделение общественного труда. М., 1991. С. 120.
- ² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1995. С. 89–98.
- ³ Сахаров Н. А. Об основных условиях возможности возникновения нового кардинального переворота // Социал. 1994. № 2. С. 142.
- ⁴ Струвацкий С. П. Проблемы эволюции труда. М., 1937. С. 12.
- ⁵ Андреев И. В. Эволюционная психология. СПб., 2001. С. 67–78.

УДК 316.256.21(0.44)

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОГО РОДИТЕЛЬСТВА (на примере Саратовской области)

Н.В. Ивченко

Саратовский государственный университет
кафедра Прикладной социологии
E-mail: ivchenko1979@mail.ru

Статья посвящена вопросам репродуктивного здоровья молодежи и формированию социокультурных ценностей ответственного родительства молодежи на примере Саратовской области.

For Discussion about Social and Psychological Factors Forming Responsible Parenting (by the Example of Saratov Region)

N.P. Ivchenko

The article devotes to the problem of the youth reproduction health and forming social and cultural variables for responsible youth parenting (by the example of Saratov region)

Современные представления о браке и семье в России значительно трансформировались уже в течение нескольких поколений. Поэтому сегодня как никогда остро стоит вопрос о формировании половой культуры у молодежи. Сложившаяся в России демографическая ситуация требует комплексного решения многих проблем. Одна из них – сохранение репродуктивного здоровья молодежи. Вопросы полового воспитания и сексуального образования, формирования ответственности в отношении к своему здоровью приобретают особую актуальность.

Проблему полового воспитания необходимо на физиологической плоскости рассмотреть в куль-

турологические рамки, формировать новые духовные представления о браке, семье, детях, любви, основанные на культурно-исторических традициях, опираясь на русскую мифологию, а также учитывать положительный опыт других стран.

Перинатальная психология прочно вошла в медицинскую науку и явила новую жизнь и позволила изменить сознание современного общества (и врачей, прежде всего) и отношение к рождению человека. Знание перинатальной психологии формирует у человека ответственное отношение к роли родителя, тем самым способствует воспитанию и развитию родительской культуры в обществе.

Врачи Саратовского областного центра планирования семьи и репродукции более 10 лет, работая совместно с психологами и психотерапевтами в области восточными репродуктивного здоровья, к беременности и родам относятся не только как к физиологическому явлению, но и как к состоянию и процессу «одухотворения» тела. Поэтому изучение психологии перинатальной психологии проводилось нами в течение 5 лет в рамках медико-педагогической деятельности среди школьников и студентов в Саратове и Саратовской области по формированию здорового образа жизни, в том числе по вопросам сохранения репродуктивного здоровья.

Современное представление о репродуктивном здоровье не ограничивается медицинскими знаниями, так как в основе его – биопсихосоциальные факторы. Наме была предпринята попытка изучения социально-психологических аспектов репродукции человека как биологической и

духовно-нравственной основы формирования осознанного родительства.

Центром совместно с факультетом социологии СПбУ было проведено анкетирование 1031 студента в возрасте 18-20 лет по вопросам семьи, брака, деторождения. В анкету были включены вопросы, касающиеся внутрисемейного различия ребенка. Данные, полученные в результате анкетирования, демонстрируют не только недостаточную осведомленность подростков, но и сложность восприятия ими данной информации.

Нами изучались также мнения молодежи о социальных-психологических факторах, формирующих ответственное отношение к родителству, т.е. какие условия и мотивации, на их взгляд, могут способствовать, желанию и стремлению молодых людей создать крепкую семью и воспитать хороших детей. Из предложенных вариантов мероприятий, положительно способствующих этому, большинство и в 1999 г. и в 2004 г. утвердительно высказались:

- за оказание специальных государственных программ по воспитанию молодежи и подростков - 62,8%;
- за создание молодежных организаций и движений, объединенных каким-либо интересом, делом - 57%;
- за организацию интересного досуга для молодежи - 64,7%;

- за оказание финансовой поддержки молодым семьям со стороны государства - 85,7%;
- за «создание программ на телевидении, радио, постоянных рубрик в газетах и журналах по проблемам семьи» - только 42,9%, причем затруднились ответить на этот вопрос 29,1% опрошенных, а вовсе не ответили 21,3%;

- за изучение и анализ физиологии мужчины и женщины высказались 57,4%;
- за изучение психологии мужчины и женщины - 71,7% опрошенных;
- против «разрешения вступления в брак с 16-летнего возраста» высказались 67,4% опрошенных;
- как многоаспектный фактор в формировании ответственного родительства и подготовки к семейной жизни «любви, внимание и заботу родителей к своим детям» отметили 83,4% молодых людей.

Издание той единственной позиции вызывает сложность интерпретаций высказываний молодых людей о действиях, которые они бы предприняли в случае сложной жизненной ситуации. Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, оказались достаточно противоречивыми, если их рассматривать с позиции анализа взаимосвязей с родителями. В анкете предлагались конкретные ситуации и варианты ответов, о том, к кому бы обратились для более эффективного решения своих проблем (таблица).

Обращение подростков за помощью в случае сложных жизненных ситуаций, %

Ситуация	Обращение подростков за помощью в случае сложных жизненных ситуаций, %									
	Об этом никто не знает	К близкому другу (друзьям)	Учителя (преподавателя) напрямую по работе	К маме	К папе	К матери	К отцу	К близким (друзьям)	К семье (брату)	Самой решать проблему
Поддержка нужна у Вас парикмахерской (бютичной) деятельности		25,2		26,2		19	2	1	4,9	8,8
Принуждения Вас к сексуальности		26				30	8,4		6,4	2,1
Вам не нравится у Вас денег, подарки, каких-либо подарков и т.д.		23,6				16,2	20,9		6,5	19,6
Вам нужна у Вас уверенность в себе		8,4		58,7		12,7	1,4		7,4	2,6
Если у Вас (у Вашей девушки) будет аккомпанирующая беременность		2,4		21,6		33	1,3		3	6,9
Если у Вас будет конфликт в семье, друзьях и т.д.	8,8	32,6				8,6	1,3			30
Если возникнут трудности в учебе		15,8	37,7			14,7	4,1	1	4,2	34
Если будет конфликт с родителями	16,4	43			2,7	2,3	0,8	1,5	7	25
Если у Вас будет многодетные дети	18	40				2,5	0,4		4	17,5
Если будет (или будет) сложная для Вас ситуация (возможен развод и т.д.)	10	30,7				22	2,1		4,5	36,6

Анализ данного вопроса показывает, что чаще в сложной ситуации подростки доверяют другу:

- в случае вымогательства;
- конфликта в группе;
- конфликта с родителями;
- несчастной любви;
- наркотической (алкогольной) зависимости;
- в уже пережитой сложной ситуации.

Матери они доверяют лишь в двух случаях:

- приуждения к сожителю;
- невозможной беременности.

На третьем месте находится стремление самостоятельно решить проблему.

Если распределять ответы по степени доверия, то после друга или матери подростки сами стремятся решить проблему или никому о ней предпочитают не сообщать.

Еще более показательным, на наш взгляд, является сравнительный анализ обращений к матери и отцу (во всем предложенным в анкете ситуациям).

Таким образом, полученные нами данные ярко иллюстрируют потребность в заботе и любви, внимании, заботе к ним со стороны родителей и отсутствие реальной поддержки и надежды на действительную помощь с их стороны, отдавая предпочтение «друзьям» или «самостоятельному решению проблемы». Однако эта гипотеза, вероятно, требует дальнейшего исследования.

В числе неважных условий для формирования ответственного родительства, по нашим данным, оказались такие факторы, как «критические взгляды в религию» - «да» - 22,2% опрошенных, «нет», ответили 37,8%, затруднились с ответом 40% подростков.

За «возрождение национальных обычаев и традиций» высказались 37,4%, «спросить» - 27,4% и «не знаю» ответил 35,2% опрошенных.

Неоднотипным или «неустойчивым», а по-другому особо интересным мы считаем отношение подростков к проституции. За «запрещение проституции» высказались 43% опрошенных, «запретить» - 36,3% и «не знаю» - 20,7%. При этом против «легализации проституции» высказались 36,3%, «за» - 19,6%, а «не знаю» - 36,1% опрошенных. Интерпретация этих мнений затруднительна. В условиях трансформации нашего общества неизбежно реализуются предлагаемые, а порой и вопреки не лучшее качество представляется об этом социальном явлении.

Отвечая на вопрос о «запрете абортов» также, на наш взгляд, показали устойчивость мнений молодых людей:

«за» запрещение абортов высказались 26,6% опрошенных

«против» - 47,7%

«не знаю» ответа на этот вопрос 25,7%

Полученные нами данные свидетельствуют о наличии нерешенных проблем в формировании гармоничной личности, способной ответственно относиться к своему здоровью.

Существующая в настоящее время в нашей области тенденция к прекращению медико-педагогической деятельности во воспитании детей и подростков в области охраны репродуктивного здоровья, на наш взгляд, негативно впоследствии повлияет на их состояние здоровья, а следовательно и на основные демографические показатели (заболеваемость, материнская и младенческая смертность) и на среднюю продолжительность жизни.

Современная демографическая ситуация в рамках приоритетных национальных проектов, а следовательно, и наша деятельность должна быть основана на комплексной научно обоснованной концепции формирования родительской культуры у населения.

Прежде всего необходимо, на наш взгляд, менять ценности ориентиры у детей и подростков, расширяя семьи, потребности в детях. Необходимо решать и социально-экономические проблемы (жилье для молодых семей, обеспечение высокой занятости женщин, создание условий для воспитания и образования детей).

Главный вывод наших исследований состоит в том, что, по-прежнему, существует некий психологический тезис формирования спонсорской ценности ответственного родительства и, особенно, желания иметь детей: возможно, людям достаточно почувствовать по-отношению к себе действительное внимание и заботу со стороны государства в виде реальных мероприятий, а особенно со стороны родителей и близких - любви, дружбы, взаимопонимание и уважение.

Поэтому первичная психология должна занять особое место в воспитании наших детей и стать неотъемлемой частью наших совместных с психологами стремлений к физическому, интеллектуальному и духовно-нравственному оздоровлению общества, обеспечивая здоровье нации, сокращение духовных традиций, сохранение генофонда.

УДК 811.2-085.5 (102)

БАНК, БОЛЬНИЦА, МЕДРЕСЕ, СУД – УЧРЕЖДЕНИЯ ИЛИ ПОМЕЩЕНИЯ?

О.В. Мухомова

Саратовский государственный университет,
кафедра русского языка и русской коммуникации
E-mail: mukhomova@mail.ru

Банк, больница, медреса, суд – учреждения или помещения? В статье на материале наиболее показательных глагольных словосочетаний семантика существительных с социально-организационной семантикой *банк, деканат, суд*, выясняется, что семантически «устройства», «здания», «здания» фиксируются всегда в смысле «здания», «помещения», «двор» попростому, – независимо от того. Обуславливая данный факт коннотациями в сопоставимом объеме разных типов пространств: физическое, материальное «здание» и т.д., автор статьи предлагает рассмотреть подобный способ выражения организационно-функционального значения в глаголах.

Bank, Hospital, Medrese, Court are «Departments» or «Lodgements»?

O.V. Mukhsheva

Nouns with socially-organizing semantics like «bank», «dore's office», «court» are examined in the article on the base of the most popular explanatory dictionaries. It is claimed that the meanings «institutions», «departments», «organization» of such words are fixed by the distribution always, but the meanings «building», «lodgements», when they are located are «located» necessarily. This fact is explained by the existence of different types of space in modern society: real, virtual, social etc. The author of the article offers to reflect real historical features of such words to the dictionaries' lexicons.

Язык давно переживает тот рубеж, когда слово как знак фиксируется только наличием фонетической, звуковой и осязаемой реалии. В современном языке находят свое выражение ментальные, идеальные, творческие и т.п. сферы жизни. **Пространства мысли, предельно чувствительны, границы сознания** – это влияние осознаваемых цивилизационных изменений языка.

Однако важно, даже абсолютно логичное и нейтрально-реальное, умозаключенное и какому-то из компонентов должно быть подвержено практикой, найти прагматическую целесообразность и антропоцентрическую обусловленность. Задачей данной статьи является выяснение того, насколько последовательно отражена в современных толковых словарях активная связь между существительным в названии организации и функцией: *учреждение, орган, отдел* как продукт материальной организации сознания и *помещение, здание* как физическая логотипичная данность учреждения.

Материалом исследования послужили следующие словари: С.И. Ожегов, И.Ю. Шварца. Толковый словарь русского языка, М.: АЗЪ, 1993

(далее – Ожегов); Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М.: Рус. яз., 1991, Т. 1–6, 1993–1994; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., 1950, 1965 (далее – то, и другое издание – БАС, причем до буквы К использовалось 20-томное издание, с буквы К – 17-томное); Современный толковый словарь русского языка: Гл. ред. С.А. Кузнецов, М.: Ридерз Дайджест, 2004 (далее – Кузнецов). Прямиком исследованию стали словарные статьи лексем, в одном из вариантов написания которых выделяется семантическая группа: *учреждение, отдел или орган* (Помимо лексем из словарей выделено курсивом, рассматриваемая лексема и пространственное значение – жирным курсивом).

Итак, в современном языке существуют слова с, так сказать, организационно-антропоцентрической семантикой, первое значение таких слов реализуется следующим образом: «отдел, орган, учреждение, организационно-определенный процесс», например: *бухгалтерия, банк, биржа, деканат, министерство, кафедра, театр, музей, орган, совет, суд, факультет, церковь* и т.д. Данное значение, вероятно, исторически восходит к семантике «собрание людей для определенной цели».

Сначала заметим, что, хотя русский язык имеет пары слов, связанных смысловым «собранием людей для определенной цели» – место его введения, например, *конференция, съезд, танец, аудиторий – аудитория-из, спортив. танец – спортивно-из*, существование таких пар – на разностороннее в современном языке явление, даже из перечисленных лексем словаря Кузнецова в БАС таких слов, как *аудиторий-из, танец-из* не включено.

Наиболее близко к общей семантике «собрание людей для определенной цели», например, устаревшее значение слова *соброр* – 1 *Собрание съезд (уст. и спец.)* [Ожегов]; 1. *Собрание избирателей или должностных лиц для рассмотрения вопросов организации, управления и т.п.* [БАС]; *Собрание, съезд представители органов духовенства христианской церкви, общецерковный съезд* [Кузнецов]; 2. *В старой России – собрание выборных или должностных лиц для рассмотрения вопросов организации, управления и т.п.* [БАС]. Позднее словом *соброр* стало вытесняться и место его введения, что зафиксировано словарями: – 2 *Главная или большая церковь в городе, соборная* [Кузнецов]; 3 *Главная или большая церковь города, министерство* [БАС]. (Как можем наблюдать, в дальнейшем в связи с имено-

ном функции изменялось и значение знания.)
 Лексема с тем же общим значением - *сборня* в современном языке и вовсе отсутствует в употреблении, она привнесена только в БАС с пометой: *обл.; Сборня - 1. Сбор, собрание. 2. Место, где происходит сход, сборная изба.*

В развитии общества мощны объединяющие людей механизмы: выделяются - административно-регулирующие, финансовые, профессиональные, конфессиональные, научные, учебные, досуговые и т.д. С другой стороны, то, что делало образными вместе люди и явления, сейчас воплощают отдельные учреждения, органы, предприятия. Иными словами, в современном мире, его ментальной области, существуют особые, умеренные пространства. (Современные ученые-философы выделяют разные типы пространств: реальное, перцептуальное, концептуальное, культуральное, интеллектуальное, социальное и т.д. А.М. Мостовицкий, М.В. Мостовицкий¹; В.К. Пазыжкин, А.А. Симаков²; В.Н. Дубровский³; Э. Рейхенбах⁴.) В отличие от реального пространства, «существование, так сказать, во самом деле»⁵, умеренные пространства обнаруживаются «путем интеллектуальной способности человека»⁶, но в ментальном итоге должны воспринимать себе реальные фактические параметры, пожалуй воплощение в конкретных объектах, иначе не будет смысла их образования. Словари фиксирует «земную актуализацию» умеренных пространств, но по-разному и по-разному-лишь.

Попробуем это доказать, проанализировав ряд словарных статей изданных слов: *Бухгалтерия - 1. Теория и практика ведения учета и документирования потоков денежных средств. 2. Отдел предприятия, уполномоченный осуществлять учет денежных средств* [Ожегов]; *1. Теория и практика учета финансово-хозяйственной деятельности. 2. Отдел предприятия, уполномоченный осуществлять учет денежных средств* [Кузнецов]; *1. Теория и практика ведения бухгалтерского учета денежных средств. 2. Отдел предприятия, учреждения, осуществляющий бухгалтерский учет хозяйственной деятельности предприятия* [БАС]; *Биржа - 1. Учреждение, в котором осуществляется торговля ценными бумагами, валютной иностранной валютой, производными от этих активов или образцам* [Ожегов]; *1. Учреждение для покупки-продажи финансовых и торговых сделок. 2. Здание такого учреждения* [Кузнецов]; *Учреждение, постоянно действующий рынок, где совершается торговля ценными бумагами, иностранной валютой или товарами торговли оптовыми* [БАС]; *Банк - 1. Финансовое предприятие, предоставляющее услуги со вкладами, сбережениями и т.п.* [Ожегов]; *1. Крупное кредитное учреждение. 2. Здание такого учреждения* [Кузнецов]; *1. Финансовое учреждение, сосредоточивающее денежные средства и осуществляющее* *2. Здание, где размещается такое учреждение*

[БАС]; *Сельсовет - Сокращение: Сельский Совет. Народное депутатское представительство органов государственной власти в сельском районе* [Ожегов]; *1. Сокращение: сельский совет. Народное депутатское. 2. Здание, в котором размещается этот орган. 3. Часть района, находящаяся в ведении сельского совета* [Кузнецов]; *Сельский совет. 2. Часть района, находящаяся в ведении сельсовета* [БАС]; *Суд - 1. Государственный орган, ведающий разрешением гражданских споров и рассмотрением уголовных дел* [Ожегов]; *1. Государственный орган, разрешающий гражданские споры и уголовные дела. 2. Помещение, здание, в котором находится данный орган. [Кузнецов]; 2. Государственный орган, разрешающий гражданские споры и уголовные дела.* [БАС] (Заметим, что в БАСе фиксируется слово *судейня*, имеющее значение *Здание, помещение суда*, которое в современном языке оценивается как устаревшее.)

Как видно из сравнения словарных статей приведенных выше лексем, словарь Ожегова утверждает существование таких реалий, как *бухгалтерия, биржа, банк, сельсовет, суд* и т.д., как реальных ментальных образований, учреждений, а словарь Кузнецова и черновики БАС «забывают» названные (и многие другие, зафиксированные этими словарями) отделы, учреждения, органы. Иными словами, словари Кузнецова и БАС пытаются разграничивать учреждения, так сказать, наземного пространства и их репрезентанты на земле, то есть здания, в которых данные отделы, органы, учреждения расположены. Однако представляется непонятным отсутствие в словаре Кузнецова рассматриваемого значения слова *биржевая*: *В странах Ближнего и Среднего Востока - мусульманская биржевая и торговая школа, готовящая служащих к торговле; торговая школа, а также служащих на биржевом аппарате*, в то время как БАС такое значение фиксирует: *биржевая - Мусульманская биржевая школа, готовящая служащих к торговле* (и словаре Ожегова такого слова нет).

В качестве гипотезы сформулируем прежде предположение: отсутствие лексемы *биржевая*, *пятидесятая* *такой школы* в тождественно указанной лексеме в словаре Кузнецова может быть объяснено тем, что мастерство-бюджетные данные школ словари ограничили *спиритизма Ближнего и Среднего Востока* (сравните в БАСе отсутствие такого определения и наличие значения "здание") и потому не включили его (мастерство-бюджетные) в актуальное речевое пространство носителей русского языка. (Хотя трудно согласиться с таким решением - биржевые имеются и в нашей стране).

В этом отношении явное параллельное отсутствие в словарной статье пространственной конкретизации у лексемы *бюджетная* - *Высший представительский орган Федеративной Республики Германия* [Ожегов, БАС]; *Парламент Германии* [Кузнецов] и непонятно каково семьи "здание"

у лексемы *сейм* в словаре Кузнецова в БАС. Сравните словарные статьи: *сейм* — 1. В Древнем Риме — законодательный совет, высший орган власти. 2. В царской России с 1711 по 1917 г.: высшее законодательное и судебное-административное учреждение. 3. В США, Франции и некоторых других государствах — партия законодательной власти парламент (Ожегов); 1. В Древнем Риме — законодательный орган верховной власти, совет старейшин. 2. В России 1711–1917 гг. — высший законодательный и судебное-административный орган. 3. В Бельгии, Италии, Нидерландах, Франции, США, Бразилии, Канаде, Мексике и других странах — партия законодательной власти парламент. 4. Здание, в котором размещается этот орган [Кузнецов]; 1. В Древнем Риме — совет старейшин, высший орган государственной власти. 2. Высшее судебное-административное учреждение в царской России. 3. Верхняя палата парламента в США, Франции и некоторых других капиталистических государствах. 3. Здание, в котором размещается подобный законодатель [БАС]. Может быть, включение данного пространственного значения обусловлено большой территориальной разбросанностью такой формы государственного правления и потому большей переносимостью функциональной фиксации у носителей русского языка облик здания? В связи с этим показательным кажется толкование в анализируемых словарях слова *рейхстаг*: В Германии до 1945 г. — название парламента, а также здание, в котором заседал этот парламент [Ожегов]; *Рейхстагский парламент* (до 1933 г.) — федеральный парламент — законодательный, исполнительный до 1945 г.; здание, в котором заседал этот парламент [Кузнецов]; 1. Название парламента в Германии до 1945 г. 2. Здание, в котором заседал этот парламент [БАС]. Как видно, все словари дают толкование этого слова с обязательным указанием слова 'здание'. Препятствует, что экстралингвистический фактор — 2-ая мировая война — стал тому причиной: вспоминаю, как много раз мы видели документальные ленты с кадрами здания *рейхстага*.

Второе предположение по отношению к актуализации семантики пространственной детерминации у анализируемых слов связано со следующим наблюдением: актуализация данного значения здания со времени существования в языке реалий, которые они обозначают. Рассмотрим следующие словарные статьи: *Консерватория* — 1. Дипломатическое представительство, дипломатическое учреждение. 2. Дипломатия или время управления консула [Ожегов]; 1. Дипломатическое представительство, консульское учреждение. 2. Здание, помещение такого представительства. 3. В Древнем Риме — время проведения конкурса и торжественной распродажи. 3. Во Франции — время от перевертывания Наполеона Бонапарта 9 ноября 1799 г. (18 примеров) до провозглашения империи в 1804 г. [Кузнецов]; 1. Возникшее во время проведения конкурса и торжественной распродажи в различных странах учреждение. 2. Поче-

тствие, занимаемое этим представительством. 2. В Древнем Риме — время проведения конкурса. 3. Время в истории Франции от переворота Наполеона Бонапарта 9 ноября 1799 г. (18 примеров) до провозглашения империи в 1804 г. [БАС]. Как можно наблюдать, в словарях Кузнецова и БАС, в семантике данного собирательного слова актуализируется значение места (здание, помещение), когда оно служит обозначением реалий настоящего, и значение времени, когда обозначает прошлое. Вторым примером сравним толкование двух слов, взятых из словарей Кузнецова и БАС, объединенных одним значением 'орган управления, власти', но различающихся, кроме некоторых содержательных признаков, временем употребления (данные как орган власти существует и сейчас, а выражены упразднены в России в 1946 г.). *Наркомат* — В СССР 1917–1946 г. — народный комиссариат, центральный орган государственного управления отдельной сферой деятельности или отдельной отраслью народного хозяйства [Кузнецов]; *Народный комиссариат* (в качестве официального наименования упразднен до мая 1946 г.) [БАС]; *Министерство* — Орган государственной власти. 2. Здание, в котором помещается этот орган [Кузнецов]; *Министерство управления, здание, помещенные также управления* [БАС].

Третье предположение рассмотрим на примере двух тематических классов слов, первый из них обозначает учреждения здравоохранения (больница, поликлиника, санаторий), второй — школы, учреждения, которые относятся к сфере высшей учебной и научной деятельности (университет, вуз, институт, докторантура, институт, кафедра, ректорат, университет, факультет).

Обратимся к рассмотрению слов первого тематического класса: *больница* — Медицинское учреждение для стационарного лечения [Ожегов]; *Болитница* [БАС]; *Стационарное лечебное учреждение* [Кузнецов]; *лечебница* — Лечебно-учреждение с полным рядом специализированных отделений, больниц или палат на дому [Ожегов]; *Лечебное учреждение, учреждение различных специальностей для стационарного лечения больных и профилактическое обслуживание здоровых* [Кузнецов]; *санаторий* — Лечебно-профилактическое учреждение для лечения и отдыха [Ожегов, Кузнецов]. Как видно, в толковании данных слов, известных всем носителям литературного языка, фиксируется слово 'учреждение' в нет слова 'помещение'. Делаем вывод, что понятие 'учреждение' избирает в себя в семантику 'учреждение, образование для осуществления определенного рода деятельности', а семантику 'место, где это учреждение помещается'. Вероятно, в восприятии данного слова (как в ему заоблины) для всякого носителя русского языка функциональное значение и зрительный образ (обобщенный как вполне конкретный референт) настолько совмещены, что авторы словарей не считают необходимым

эти смыслы дифференцировать и использует один из них.

Наше наблюдение в отношении второго класса слов. В сфере высшей учебной и научной деятельности человека крайне употребительны следующие предложения, в которых в названных лексемах актуализируется значение реального пространства: *Все выкладывают в деканат. На факультете встретил коллег. Заседание будет проводиться на кафедре* и т.д. Предполагаем, что в словарных толкованиях данных слов этот метонимический перенос должен быть указан. Рассмотрим слова *ректорат*, *деканат*, *факультет*, *кафедра*. Во всех 3 словарях имеем указания на данный перенос только у лексемы *ректорат* – 1. *Административный орган, возглавляемый ректором*; 2. *Помещение, где находится этот орган* [Ожегов]; *Административно-учебное учреждение, возглавляемое ректором*; 3. *Помещение, где находится это учреждение* [Кузнецов, БАС]. Словари Кузнецова и БАС наделяют значением физического места еще в лексеме *факультет*, *деканат*: *Факультет* – *Учебно-научное и административное подразделение вуза, где преподаются дисциплины какой-либо отрасли знаний*; *Здание, помещение, где находится это подразделение*; *Деканат* – *Административно-учебное управление факультета, возглавляемое деканом*; 4. *Помещение, где находится это учреждение* [Кузнецов, БАС]. Существительное *кафедра* значимо, связанное с пространственной детерминантой *объединение специалистов или последователей одной науки-искусства или ряда близких по содержанию дисциплин в высшем учебном заведении* [Кузнецов], во всех трех словарях не имеет.

Остановимся на словах *аспирантура* и *докторантура*. Как нам известно, данные вузовские структуры имеют свои пометы, однако толкование этих слов в анализируемых словарях пространственного значения не включает: *Аспирантура* – *Подготовка, которую проходят аспиранты, система такой подготовки* [Ожегов, БАС]; *Система подготовки аспирантов в научных кадрах при вузе и научных учреждениях, результатом которой является защита диссертации и присвоение звания кандидата наук* [Кузнецов]; *Докторантура* – *Подготовка, которую проходят докторанты, система такой подготовки* [Ожегов]; *Подготовка, которую проходят докторанты*; 5. *Система такой подготовки* [Кузнецов]; *Система подготовки докторов наук (обычно при университетах, некоторых вузах, научно-исследовательских институтах)* [БАС].

Примечательно то, что, в частности, в словаре Ожегова актуализируется значение, например для слова *аспирантура*, значение следующим примером: *Учиться в аспирантуре*. Используя толкование как описательную замену понятию, верифицируем, получаем: *Учиться в подготовке*,

которую проходит аспиранты, как в системе такой подготовки. Как видим, описательная замена невозможна, что может говорить о неточном толковании в словаре этого слова.

Возьмем еще одну группу слов названного нами тематического класса – *вуз*, *институт*, *университет*. Словарь Ожегова дает значения этих слов следующим образом: *Вуз* – *Сокращение высшего учебного заведения*; *Институт* – 1. *Высшее учебное заведение*; 2. *Научно-исследовательские учреждения*; 3. *Жилые, обычно закрытые, средние учебные заведения*; 4. *Специальность, группа наук в какой-либо области общественных отношений, так или иначе форма общественного устройства (науки)*; *Университет* – 1. *Высшее учебное заведение и одновременно научное учреждение с разносторонним естественно-математическими и гуманитарными отделами*; 2. *Название учебных учреждений по названию научно-научных специальностей, образованных в какой-либо области*; 3. *перев. Об историче. накоплениях знаний, большого опыта*. Словари Кузнецова и БАС, включая приблизительно тот же набор лексико-семантических вариантов значений у рассматриваемых слов, предлагают физическую детерминанту, «заземление» 1 значения лексемы *университет* – 1. *Здание такого учебного заведения* [Кузнецов]; *Здание, занимаемое таким учреждением* [БАС], кроме того, БАС выделяет значение *здание* для первых трех лексико-семантических вариантов существительного *институт*; 4. *Здание, помещение института*.

Можно, соглашаясь с размышлениями М.В. Вешоложайной [5] о том, что «система сильнее нормы, установившейся так или иначе некустаренно (что же отрицает ее нужности)», прийти к выводу, что системность метонимического переноса, проявившаяся в процессе обозначения физической, преимущественно бытовой сфере деятельности человека и отчетливо отражаемая в словарях, справочниках и в процессе функционирования языка в других сферах деятельности человека. Словари, вероятно, в большей или меньшей степени ориентированы на бытовую сферу общения. Другие же (в частности, научные) предназначены в лингвистически не маркированном для данной языковой среды варианте.

Конкретизируем свое размышление: для языковой носителя языка *аспирантура*, *докторантура*, как и *инженатура*, *адвокатура*, – это отмеченные понятия, не соотносимые с их архаической, драматически орнетированной действительностью. Однако данный факт не исключает признания для использования таких слов в иных (например, научной) сферах (нак – слова, как указывает В.Г. Костомаров¹ жизни, так как такое свойство языка, как системность, свойство «саморегулирующейся, самоструктурирующейся и саморазвиваться»², позволяет использовать данные слова и в не отмеченном в словаре пространственном значении. *Иногда пишут аспирантуру*, то есть:

«кабинет», «департамент», «управление», «статья», «периодический журнал».)

Обобщенно выделенное. Описание семантики аддитивных слов (*банк, библиотека, магазин* и т.д.) в частности, соответственно в них сем типа «учреждение» - «помещение» осуществляется в словарях не всегда последовательно, системно (ср.: *ректорат* - «учреждение» и «помещение» а *кафедра* - «объединение специалистов» *факультет* - «учреждение», а *университет* - «учреждение» и «знание»). И хотя потребности обеспечения общеная «вынуждают» язык в процессе его использования в речи выжить формы, которые позволяют «отдаляться» на действительность, не существующий в природе пространственной концепт-конструкт¹⁶, «двумерности» формирования «антропоцентрических», ситуационных и т.д. значений в словарях языка учитываются. Однако, в разрабатываемом проекте активного словаря (доклад Ю.Д. Апресяна на Седьмых Южельских чтениях) реальные функциональные возможности таких слов будут охарактеризованы.

Примечания

- ¹ Митенко А.М., Митенко М.В. Четырехмерность пространства и времени. М., 1966.
- ² Пашаев И.К., Савин А.А. Пространство и структура мира. Новосибирск, 1998.
- ³ Дубровский В.В. Концепции пространства-времени. М., 1991.
- ⁴ Гейзенберг В. Физическая геометрия и время. М., 1985.
- ⁵ Давыдов В.К., Савин А.А. Угол кос. С. 59.
- ⁶ Дубровский В.В. Угол кос. С. 18.
- ⁷ Виноградов М.В. Категория предлога, категория предложения: системность языка // Предложение и слово. Между языком и языком. Саратов, 2006. С. 36.
- ⁸ Ковалева В.И. Нам язык и действие. Опыт сопоставительной русской лингвистики. М., 2005.
- ⁹ Виноградов М.В. Угол кос. С. 37.
- ¹⁰ Ефимов Е.И. Пространственные приложения // Антропология культуры / Валерий В.И. Каравкин, И.А. Стернина. В 2 т. Волгоград, 2005. Т.2. С. 225.

Слово молодым социологам

УДК 316.06+977

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ВСЕОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ НАУКИ» А.А. БОГДАНОВА

К.А. Кузнецова

Саратовский государственный университет,
область теории и истории социологии
E-mail: kuznetsova@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты сложившейся теории (всеобщей организационной науки), разработанной выдающимся отечественным мыслителем А.А.Богдановым. Рассматриваются пути и формы развития теоретических идей на процесс формирования и развития отечественной социологии.

Sociological Aspects of A.A. Bogdanov's «Universal Organizational Science»

K.A. Kuznetsova

The paper analyzes some basic ideas of sociology («universal organizational science») which has been worked out by outstanding Russian thinker A.A. Bogdanov. It shows the ways and forms of existence of theoretical ideas on the process of forming and development of Russian sociology.

Одной из характерных особенностей современной науки является возрастающая тенденция к сближению самых различных и далеких друг от друга областей знания. Наряду с интенсивной

дифференцирующей науки, происходит в процессе ее постепенной эволюции, основанный на объединении научных методов и на установлении общих закономерностей. Идея структурного единства мира, выражающаяся в гомоморфизме и даже изоморфизме самых различных классов явлений, все глубже осмысливает современным научным мышлением. Необходимость создания общей теории любых структур и систем является из самой логики развития науки и выдвигается ее известию для также современной техники. Поэтому исследователи, разрабатывающие самые разные научные направления, приходят к мысли о необходимости общей теории организации или общей теории систем.

В связи с этой особой актуальностью представляется образцом к антропоцентричному миру представителем отечественного мыслителя, литератора и общественного деятеля Александра Александровича Богданова (Машиновского), оставившего заметный след в таких различных областях знаний, как философия, социология, антропологическая наука, психология, медицина. Долг перечислить мог бы быть продолжен, но, независимо от его полноты, очевидно, что главным результатом

«кабинет», «департамент» (управление системой предприятия и т.п.)».

Обобщенно выделенное. Описание семантики англоязычных слов (*bank, battalion, member* и т.д.) в частности, соответственно в тех сем типах «учреждение» – «помещение» осуществляется в словарях не всегда последовательно, системно (ср.: *ректорат* – «учреждение» и «помещение» а *кафедра* – «обязанности специалиста» *факультет* – учреждение, а *университет* – учреждение» и «здание»). И хотя потребности обозначения общими «вынуждают» язык в процессе его использования в речи вытискивать формы, которые позволяют «отдавать» за действительность не существующий в природе пространственный концепт-конструкт¹⁶, гомоморфности формирования «антропоцентрических», ситуационных и т.д. значений в словарях вполне учитываются. Отсюда, в разрабатываемом проекте активного словаря (доклад Ю.Д. Апресяна на Седьмых Национальных чтеньях) реальные функциональные возможности таких слов будут охвачены.

Примечания

- ¹ Миттенвальд А.М., Мостовитов М.В. Четырехмерность пространства и времени. М., 1966
- ² Понсеанов И.К., Сивков А.А. Пространства и структура мира. Новосибирск, 1998.
- ³ Дубровский В.Н. Комнатный пространства-времени. М., 1991.
- ⁴ Рашевский Г. Физическая геометрия во времени. М., 1985
- ⁵ Миттенвальд И.К., Сивков А.А. Указ. соч. С. 56
- ⁶ Дубровский В.Н. Указ. соч. С. 18.
- ⁷ Богданова М.В. Категория предата, категория предания: системность языка // Предложение и слово. Междисциплинарный сборник. Саратов, 2016. С. 36
- ⁸ Крыжановский В.И. Наш язык и действия. Опыт синтетической русской грамматики. М., 2005
- ⁹ Богданова М.В. Указ. соч. С. 37
- ¹⁰ Ефимовская Е.Н. Пространственные ориентации // Антропология культуры / Избранные труды Карасика И.А. Стернина В.П. – Волгоград, 2005. Т.2. С. 225

Слово молодым социологам

UDC 37.016.01.07

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
«ВСЕОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ НАУКИ»
А.А. БОГДАНОВА**

К.А. Кузнецова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: kuznetsova@yandex.ru

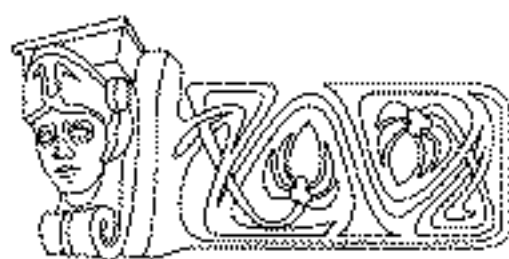
В статье рассматриваются некоторые основные положения теории всеобщей организационной науки, разработочной выходящей отсюда концепцией А.А.Богданова. Рассматриваются пути и формы развития технологических знаний на процесс формирования и развития системной социологии.

Sociological Aspects of A.A. Bogdanov's «Universal Organizational Science»

K.A. Kuznetsova

The paper discusses some basic ideas of technology («universal organizational science») which has been worked out by outstanding Russian thinker A.A. Bogdanov. It shows the ways and forms of advance of technological ideas on the process of forming and development of Russian sociology.

Одной из характерных особенностей современной науки является возрастающая тенденция к объединению самых различных в далеких друг от друга областей знания. Наряду с интенсивной

интердисциплинарной науки, происходящей в процессе постепенной интеграции, основанной на объединении научных методов и на установлении общих закономерностей. Идея структурного единства мира, выражающаяся в гомоморфизме и даже изоморфизме самых различных классов явлений, все глубже отражается современным научным мышлением. Необходимость создания общей теории любых структур и систем вытекает из самой логики развития науки и выдвигается как повестка дня также современной техникой. Поэтому исследователи, разрабатывающие самые разные научные направления, приходят к мысли о необходимости общей теории организации или общей теории систем.

В связи с этим особую актуальность представляет обращение к многогранному творчеству выдающегося отечественного мыслителя, поэта, прозаика и общественного деятеля Александра Александровича Богданова (Машиновского), оставившего заметный след в таких различных областях знаний, как философия, социология, антропологическая наука, психология, медицина. Этот перечень мог бы быть продолжен, но, к сожалению, из-за его полноты, очевидно, что созданным результа-

ном научного творчества А.А. Богданова является «всеобщая организационная наука (технология), во крайнюю степенью дегерархизации, — в отличие от науки о формах и законах организации всяких элементов природы, практики и мышления»⁴.

Термин «технология» (от греч. *techné* — искусство) Богданов заимствовал из «Генеральной морфологии» немецкого ученого Э. Тейлора, но вложил в него новое, оригинальное содержание. Технологией стали одной из первых попыток выявления и анализа общих закономерностей развития природы, общества и мышления с одной, особой организационной точки зрения. Ее рождение было неразрывно связано с глубочайшими потрясениями первой четверти XX столетия, а также с кризисом естественных наук, возникшим несколько ранее. В этот период появляется потребность в разработке и освоении нового типа или стиля мышления. Богданов утверждал, что «человечеству нужна принципиально новая точка зрения, новый способ мышления»⁵.

Эта потребность могла быть реализована лишь во основе универсального, антиклассического знания, преодолевшего ограниченность, сузубо специализированного подхода. Нужна и была универсальности, преодолевающей и то время, тогда научного мышления, и сам объект знания. Организациям много кем была воспринята достаточно поздно и не получив при жизни ее создателя широкого распространения. Этому во многом способствовало также то обстоятельство, что Богданов был автором философских работ, и поэтому технология воспринималась многими, особенно философами, как новая философская система, хотя сам автор считал ее «всеобщей естественной наукой» и неоднократно протестовал против «современа всеобщей организационной науки с философией».

Здесь обнаруживается каренное различие понятий. Философия была сведительна «обязательная» познавая, стремление к совершенству. Для технологии, которая хотя и объясняет, как соединяются различные элементы в природе, и гряде, и мышлении, важно практическое создание всевозможными способами такого комбинация. Отсюда вытекает возможность, точнее, даже необходимость социального применения технологии. Без этого, как считал Богданов, ее разработка не имеет смысла.

«Самое удивительное в работе Богданова, — писал академик Н.Н. Моисеев, — то, что он, не имея достаточного еще эмпирического материала, которым располагает современная наука, утверждал изоморфизм физических, биологических и социальных законов. Это было, конечно, гениальное предвидение, нарушавшее традиционные марксистские, да и другие философские воззрения, рожденные классическим рационализмом эпохи Просвещения»⁶. В отличие от традиционной философии, подчеркивая Богданов, создаваемая им новая организационная теория должна быть

этической и вполне эмпирической⁶. Этим определяется тесная, неразрывная связь технологии с естественными и социальными науками.

В самом тексте «Технологии» Богданов дает немало примеров применения своей теории для объяснения социальных явлений. Таким образом он стремится обосновать главный методологический вывод: «Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей»⁷. Это означает, что человеческие деятельности — техническую, общественную, личностную, художественную — можно рассматривать как некоторый материальный организационный опыт и исследовать с организационной точки зрения. Действительно, любой продукт человеческого творчества — научная теория, поэтическое произведение, система правовых или нравственных норм — имеет свою «архитектонику», иначе говоря, представляет расчлененную совокупность частей. Итак, человеческую деятельность — от простейших до наиболее сложных ее форм — можно рассматривать в контексте организации.

Иногда ученые упрекали в том, что он впадал в крайность, заявляя: «Что же случилось? У человека нет иной деятельности, кроме организационной, нет иных задач, кроме организационных» Богданов допускает, во сути дела, абсолютное организационных моментов человеческой деятельности, на что обращает внимание академик Н.Н. Моисеев, который в целом высоко оценил идеи «Технологии». Богданов, по его мнению, слишком прямолинейно трактует понятие «организация», полагая, что этот процесс, поскольку он рационально регулируется, всегда должен привести к заранее заданным результатам. Следовательно подход организационной науки явно не учитывал моментов неконтролируемой изменчивости и непредсказуемости в процессе преобразования системы, будущее которой во многом определяется стихийной и непредсказуемостью. Не учитывая он и многое другое, что «исключает детерминированность любых представлений о будущем»⁸.

Действительно, Богданов нередко увлекался, допускал преувеличения. Многие его утверждения объясняются общим уровнем развития науки в то время. Кроме того, он вынужден был взаимодействовать с теми, кто вообще не хотел и не мог понять значения научно-организационного фактора и делал ставку на методы прикладной науки и прикладности. Поэтому в эпоху нашего времени должны быть не «перегибы» и ошибки исследователи, работавшие в непростых исторических условиях, а его реальные достижения, обогатившие ряд сфер научного знания, в том числе и ряд социологических отраслей (теория всего общественного социологии, социологии организации и управления).

Каждый крупный этап общественного развития рождает свои проблемы, поэтому бескомпромиссно и бесстрашно искать в технологии Богданова готовые ответы на сложные вопросы, которые

решил современная наука об обществе. Однако выработанные им новые оригинальные подходы и новаторский характер мышления неизменно в качестве ориентира исследования. Можно отметить ряд интересных теоретических находок, в открытии и разработке которых он обогатил свое время. Прежде всего это двусторонняя обратная связь между системой и средой, который было бы совершенно неверно свести всего лишь к тезису о взаимодействии. Богданов не употребил этого термина, который появился в теории управления только спустя десятилетия после его смерти (в библиографии он был введен В.К. Анохиным в 1911 г.). Под обратной связью Богданов имеет в виду связь не только организованную, но также и регулируемую, управляемую. Он назвал ее бирегулируемой, т.е. двойной взаимной регулируемой связью.

Далее нужно отметить принцип нередуцируемости качества систем к сумме свойств, составляющих эти системы элементов. Здесь Богданову удалось подметить диалектику, как он писал, «принципа умеренности»: свойства организованного целого суть нечто большее, чем сумма свойств организуемых его элементов, и свойства дезорганизованного целого практически меньше суммы его частей. Этот принцип помогает объяснить процессы кризиса и распада некоторых социальных систем (например, странных и казалась бы, могущественных империй).

Одной из актуальных проблем современной социологии является проблема стабилизации социальных систем. В тектологии Богданова эта проблема занимает важное место. Он утверждает, что прочное существование систем имеет своим необходимым условием их подлинное равновесие со средой. Любая система, по Богданову, не безразлична к формам и способам воздействия окружающей среды, поэтому внутри систем возникают процессы, направленные на преодоление негативных внешних воздействий и восстановление равновесия. С полным основанием можно утверждать, что перед нами знаменитый принцип гомеостаза, имеющий ряд условий своего достижения и поддержания, и Богданов в этой связи стал намечать классификацию видов связей, формирующих устойчивость систем, благодаря определенным видам их пополнения. Резервы устойчивости систем содержатся и в их субординационности, и их включении в качестве подсистем в более или менее значительные системные иерархии. Идея динамического равновесия, выдвинутая Богдановым, получила дальнейшее развитие в современной социологии организаций и управления.

Эффективность организационных форм и управлений ими зависит от гармоничного сочетания устойчивости, стабильности системы и ее способности к упорядоченному изменению и развитию. Важным тектологическим понятием, указывает Богданов, служат организационная

пластичность, означающая подвижность, гибкий характер связей комплекса, легкость перегруппировки элементов. Чем пластичнее комплекс, тем больше в нем образуется комбинаций при изменяющихся его условиях, тем богаче материал подбора, быстрее и полнее его приспособление в среде, а следовательно, и потенциал для дальнейших прогрессивных внутренних изменений. «Тектологический прогресс, основанный на пластичности, — пишет далее автор, — ведет к усложнению организационных форм, ибо в них включаются приспособления к новым и новым изменяющимся условиям. Усложнение, в свою очередь, благоприятно для развития пластичности, так как увеличивает богатство возможных комбинаций. Поэтому, в общем, чем выше организация, тем она сложнее, и наоборот»⁷.

В социально-политическом плане концепция равновесия означает курс на гармонизацию отношений между социальными группами, на гражданский мир, достигаемый путем компромисса, а не на беспощадную и непримиримую классовую борьбу. «Ныне нам ясно, — писал философ Н.С. Нарский, — почему И.В. Сталин в свое время так яростно ополчился на само понятие "равновесие": оно противоречило его безудержной империалистской практике»⁸.

Некоторые тектологические идеи в свое время были использованы в теоретических трудах и публицистических выступлениях Н.И. Бухарина⁹. Это дало основание объявить Богданова идейным вдохновителем «бухаринско-рыковской группы расстворителей капитализма», т.е. «наемной фашистской банды шпионов, диверсантов и убийц». Поэтому разоблачение «богдановщины» было провозглашено «босовой задачей» партии на казловском фронте.

Негативное отношение к теоретическому наследию Богданова сохранилось и нашей стране в течение многих десятилетий. Лишь в 60-70 гг. прошлого века положение изменилось. Распространение идей кибернетики и «общей теории систем» подготовило интеллектуальную почву для «вторичного открытия», казалось, забытой «Тектологии» А. Богданова. Однако переиздание работ в тот период было невозможным из-за цензурных запретов. Лишь в 1989 г. «Тектология» вернулась к отечественному читателю. Несмотря на все эти трудности, Богданова можно по праву считать участником «системного движения», возникшего в научном сообществе еще в 70-х гг. и в течение неопределенный вклад в разработку не только общей теории систем, но и многих направлений социально-гуманитарного знания, в том числе и возрождающейся отечественной социологии.

Академик И.И. Аблякин так характеризовал специфическое влияние тектологии на современную науку: «Эта специфика выражается в том, что новый способ или тип мышления, рождающийся в ходе мучительного поиска ответов на

запоставленные жизнью вопросы, воспринимается последующими поколениями ученых как нечто естественное и само собой разумеющееся. Так происходит освоение наукой новых идей и привычек, которые становятся неотъемлемыми элементами современного научного знания, включаются в язык науки, определяют культуру научного мышления¹⁶.

Это дает основание для вывода о глубоком и поистине волшебном воздействии текстоведческих идей на процесс становления и развития отечественной социологии, на формирование ее методологических основ.

Примечания

¹ Богданов (Маниковский) Александр Александрович (автобиография) // Деятели СССР и Октябрьской революции. М., 1989. Ст. 6, 32.

² Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 4 кн. М., 1989. Кн. I. С. 197.

³ Мисессе Н.Н. Тектология Богданова - организационные перспективы // Востр. философия. 1995. № 8. С. 9.

⁴ Богданов А.А. Философия живого опыта: Популярная очерки. Вп., 1913. С. 121.

⁵ Богданов А.А. Тектология. Кн. I. С. 69.

⁶ Мисессе Н.Н. Тектология Богданова - современные перспективы. С. П.

⁷ Богданов А.А. Учительская. Кн. I. С. 125-126.

⁸ Норский И.С. А.А. Богданов-философ // Философские науки. 1991. № 4. С. 73.

⁹ См., напр.: Кутарин Н.Н. Проблемы теории и практики социологии. М., 1989. С. 123, 151, 168, 176.

¹⁰ Абошкин В.Н. Тектология А. Богданова: на пути к новой парадигме // Востр. философия. 1995. № 8. С. 5.

UDC 316(470+571)

Н.И. КАРЕЕВ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ В ГЕНЕЗИСЕ И РАЗВИТИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

К.В. Мачокова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: kurova@info.sgu.ru

В статье рассматривается взгляды Н.И. Кареева на место и значение субъективной школы в процессе формирования и развития отечественной социологии. Особое внимание уделяется роли личности как субъекта социального познания и фактора общественной эволюции.

N.I. Kareev's Ideas About the Role of Subjective School in the Genesis and Development of Russian Sociology

К.В. Мачокова

The paper analyzes N.I. Kareev's views on the place and role of subjective school in the process of formation and development of Russian sociology. Special attention is paid to the role of personality as a subject of social cognition and factor of social evolution.

Возникновение русской социологии, как известно, связано с усвоением идей западного позитивизма (О. Конт, Г. Спенсера, Г.Т. Бюкля, Дж. Милля и др.). О. Конт начал публиковаться своим сочинениям с середины 1820-х гг., но в Россию его идеи проникли лишь спустя десятилетия. Особый интерес к позитивизму появился после реформы 1861 года. И это неслучайно. Русская общественность жила в эти периоды в неслыханном ожидании перемен – отмены и потребности в идеологическом обосновании грядущих преобразований, поэтому семена европейского позитивизма ушли на благодатную почву.

Вряд ли всего необходимо подчеркнуть, что социологическая мысль в России с самого начала не замыкалась в своих собственных профессиональных рамках и весьма тесно была связана с нравственными, социально-политическими и эстетическими исканиями, характерными для разных этапов развития русского общества. Изобильное поле русской социологии выглядит довольно нестрым: здесь можно найти все, что интересовало верховного человека того времени, иая чем мучительно биться лучшие умы общества. Все эти черты характерны для того теоретического направления, с которого обычно начинают обзор истории отечественной социологии. Это субъективная школа, основоположниками которой по праву считаются П.Л. Лавров (1823-1896) и Н.К. Михайловский (1842-1904). Они восприняли некоторые принципиальные положения теории Конта, но не были лишь его рабами и учениками, смело следующие путем ученых. Русские мыслители выдвинули немало оригинальных концепций, позволяющих говорить о них как о создателях самостоятельного теоретического направления, повлиявшего на дальнейшее развитие социологической науки в России.

Следует отметить, что сами создатели школы – Лавров и Михайловский – не дали систематического изложения разработкой ими социологической концепции. Они не оставили

задаваемые жизнью вопросы, воспринимается последующими поколениями ученых как нечто естественное в самой собой разумевшееся. Так происходит освоение наукой новых идей и принципов, которые ставятся как незыблемыми элементами современного научного знания, включаются в язык науки, определяют культуру научного мышления¹⁶.

Это дает основание для вывода о глубоком и помпезном воздействии тектологических идей на процесс становления и развития отечественной социологии, на формирование ее методологических основ.

Примечания

¹ Богданов (Михайловский) Александр Александрович (автобиография) // Доклады СССР в Октябрьской революции. М., 1989. Стлб. 32.

² Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. В 4-х т. М., 1989. Кн. I. С. 197.

³ Мисессе Н. Н. Тектология Богданова – организационные перемены // Вестн. философии. 1995. № 3. С. 9.

⁴ Богданов А. А. Философия живого опыта. Популярная очерки. Вр., 1913. С. 121.

⁵ Богданов А. А. Тектология. Кн. I. С. 69.

⁶ Мисессе Н. Н. Тектология Богданова – организационные перемены. С. 11.

⁷ Богданов А. А. Учительства. Кн. I. С. 125-126.

⁸ Нарский И. С. А. А. Богданов-философ // Философские науки. 1993. № 4. С. 73.

⁹ См., напр.: Кларен Н. Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 123, 151, 158, 176.

¹⁰ Аббаев Д. Н. Тектология А. Богданова: на пути к новой парадигме // Вестн. философии. 1995. № 6. С. 5.

УДК 316(470+571)

Н.И. КАРЕЕВ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОЙ ШКОЛЫ В ГЕНЕЗИСЕ И РАЗВИТИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ

К. В. Мамонтова

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: kuzmova@info.sgu.ru

В статье рассматриваются взгляды Н.И. Кареева на место и значение субъективной школы в процессе формирования и развития отечественной социологии. Особое внимание уделяется роли личности как субъекта социального познания и фактора общественной эволюции.

N.I. Kareev's Ideas About the Role of Subjective School in the Genesis and Development of Russian Sociology

К. В. Мамонтова

The paper analyzes N.I. Kareev's views on the place and role of subjective school in the process of formation and development of Russian sociology. Special attention is paid to the role of personality as a subject of social cognition and factor of social evolution.

Возникновение русской социологии, как известно, связано с усвоением идеи западного позитивизма (О. Конт, Г. Спенсера, Г.Т. Бюкля, Дж. Милля и др.). О. Конт начал публиковаться своим сочинениям с середины 1820-х гг., но в Россию его идеи проникли лишь спустя десятилетия. Особый интерес к позитивизму появился после реформы 1861 года. И это неслучайно. Русская общественность, живая в эту пору в изнурительном ожидании перемен – отмены и потребности в идеологическом обосновании грядущих преобразований, поэтому семена европейского позитивизма упали на благодатную почву.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что социологическая мысль в России с самого начала не замыкается в своих собственных профессиональных рамках и весьма тесно была связана с нравственными, социально-политическими и эстетическими чаяниями, характерными для разных этапов развития русского общества. Необходимо также русской социологии взгляды Кареева довольно острыми: здесь можно найти все, что интересно передового человека того времени, и, тем не менее, наиболее близкие лучшие умы общества. Все эти черты характерны для того теоретического направления, с которого обычно начинается обзор истории отечественной социологии. Это субъективная школа, основоположниками которой по праву считаются П. Л. Лауров (1823-1896) и Н. К. Михайловский (1842-1904). Они восприняли некоторые принципиальные положения теории Конта, но не были лишь его рабами и учениками, смело следующими букве учения. Русские мыслители выдвинули немало оригинальных концепций, позволяющих говорить о них как о создателях самостоятельного теоретического направления, вошедшего на довольно высокие ступени социологической науки в России.

Следует отметить, что сами создатели школы – Лауров и Михайловский – не дали систематического изложения разработанной ими социологической концепции. Они не оставили

обобщающих теоретических трактатов, их идеи разбрасаны в многочисленных публицистических и критических статьях, рецензиях, заметках по самым различным вопросам литературной и общественной жизни. Первым последовательным систематизатором субъективной школы был Н.Н. Кареев (1859–1933), выдающийся русский ученый-энциклопедист, историк, социолог, педагог. Он смог выплавить эту школу, поскольку сам более полугода выступал и печатал в качестве исследователя субъективной школы.

Кареев, по сути дела, был первым историографом процесса развития социологии в России. Он сам стоял у ее истоков и писал историю новой научной дисциплины по «слепым следам», то есть по мере ее формирования и эволюции, придавая своим исследованиям форму самоотгестания, самосознания науки. В таком качестве, по его убеждению, истории социологии были способны помочь развитию и теоретическому обогащению молодой отрасли знания.

Концепция истории русской социологии впервые была представлена в книге Кареева «Введение в научные социологии» (1897), затем, вплоть до 20-х гг. XX века, уточнялась в статьях и рецензиях на труды многих отечественных социологов. Итогом многолетних размышлений ученого является рукопись «Основы русской социологии», работа над которой длилась с 1929 по 1929 г. Опубликована полностью она была лишь в 1996 г.¹

Н.Н. Кареев был лично знаком с большинством крупных русских социологов и это придает его труду характер живого взаимодействия. Учет личностного момента в историографическом исследовании он считал крайне важным, но и обдумывая завески дореволюционной русской социологии автор выделял и изложил достоверно, четко характеризовал главные этапы, фиксируя появление наиболее серьезных работ, отмечая новые повороты в развитии социологической мысли, борьбу в кризис ряда направлений и школ.²

Смысловое ядро труда Кареева – выявление идейных предпосылок генезиса отечественной социологии, гносеологических истоков и взаимосвязей, установление фактаций и оппозиций идей, выделение замещающих, приоритетов и открытий. В этом смысле особенно важной является задача классификации направлений и школ не только по формальным признакам, но и на основе содержательного, проблемного подхода. Кареев предложил несколько типологических вариантов, до сих пор применяемых историками русской социологии: марксистское и немарксистское направления, в последнем – позитивизм и антипозитивизм, и позитивизм – натуралистическая и этико-психологическая течения. Сам он был сторонником этико-психологического направления, в соответствии с которым анализ оценки другим направлениям и пытался определять перспективные их дальнейшего развития или угаси-

ния. Отсюда и особое внимание Кареева к субъективной школе. Он видел ее заслугу в том, что она впервые перенесла обсужденные важнейшие социальные проблемы из туманной сферы умозрительной философии на твердую почву научного позитивизма. Кареев отмечал, что в особенности контрволевых идей русские мыслители не отставали от своих зарубежных коллег. В самой Франции интерес к волеизъявляющим Канта стал формироваться лишь благодаря активной деятельности двух талантливых популяризаторов – Г.Н. Вурбуаза и Э. Липтра в 1860–1870 гг. В Англии Спенсер влогичную вступил в разработку своих социологических концепций только во второй половине 1870-х годов, когда появился первый том его «Оснований социологии» (1877). Если принять в расчет, отмечал Кареев, что в Германии Кантом заинтересовались много позже, а в США, где Хорд положил начало самостоятельному социологическому направлению, только в 1880-х гг., то можно утверждать, что русская литература была одной из первых, где социологическая мысль пустила глубокие и прочные корни.

Первыми русскими исследователями во социологии Кареев называл И.И. Липтра, Н.К. Михайловского, С.Н. Южасова. Липтров, давно известному ученому и философу, было уже около пяти лет, когда он впервые заговорил в печати о позитивизме и о социологии, двое других только начинали выступать как публицисты. Начав действовать в одни и те же годы (жизнь 1860 – начало 1870-х гг.), они различались по направлению, в сущности, одним и тем же проблемам, с одних и тех же позиций, используя в своих работах и Канта, и Спенсера, и Бюкка, формируя свой оригинальный вариант позитивизма применительно к потребностям развития и реформирования России. Критерии они были и по отношению друг к другу. Южасов впоследствии отошел от «субъективизма», стремясь отыскать «объективные основания» для своих социологических выводов. Последним в этой череде выдающихся мыслителей-позитивистов был Кареев, наданно пережив не только школу единомышленников, но и влияние всех крупных представителей дореволюционной русской социологии (кроме Милкова, который скончался в 1943 г.).

Внимательное ознакомление с работами Н.Н. Кареева, как подчеркивает Н.В. Новиков, убеждает в том, что необходимость и неизбежность «субъективного взгляда» в социологии и сама субъективная механика социального познания он понимал точно так же, как Липтров и Михайловский³. Кареев признавал термину «субъективизм социологии» чисто научное значение и использовал его, не страдая безразличных обожествлений его с субъективизмом, понимаемым на уровне обыденного сознания как беспримирчивость, пристрастность, узость и односторонность мышления.

В чем же суть субъективности вообще, разработанного кареевской русской общественной мысли, которым следовал Кареев? Развитие со-

гнозетическое познание рассматривалось нами не как приближение к сущности общественных явлений, а лишь как исследовательная оценка оценки с позиции определенного идеала. Исследования, проводимое историком или социологом, есть прежде всего группировка фактов во логической связи и «их зависимость событий». А как определяется важность, значительность события, социального факта? Все успех об истории субъективно, утверждает Лавров, руководствуясь нравственным идеалом, да больше и судить не могут. «Знать сущность вещей нам невозможно (...) и заблуждаться с ней бесповоротно (...)». Вопросов, приходится прибегать к приписке некоторой субъективной оценке, т.е. условии, по степени своего нравственного развития, тот или другой нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, во которой они представляют или произошли вследствие этого идеала...»⁴. Все человека, считал Лавров, существует лишь вследствие факта, крутых и мягких, и только идеал человека придает им закономерный характер. Закономерность превращается таким образом в продукт субъективной оценки, в эстетическую абстракцию, а условную систему разрозненных фактов, объединенных с точки зрения определенного субъективно принятого идеала.

Надо отдать должное Карееву: он никогда не высказывался в пользу отожествления научной истины с оценкой, как это делал Лавров. В этом отношении Кареев был более близок к Н.К. Михайловскому, весьма тщательно различавшему их и выступавшему за их сочетание в исследовании, точнее за «присоединение» оценки к объективному рассмотрению. Однако в целом концепция Кареева находится в рамках парадигмы, предложенной основателем субъективной школы. Существенный вклад, внесенный Н. Кареевым в эту парадигму, заключался не в интерпретации субъективности – эмпирической и методологической, а в определении процедурных амплификаций ее использования социологом. В этой связи Н. Кареев уже в первом своем печатном выступлении на этом счете (1880) различал два вида субъективизма: случайный (недопустимый) и закономерный (правомерный). К первому ряду он относил партийные, групповые предпочтения и предубеждения, все коллективные убеждения и идеологии, в том числе и политические. Он писал, что в каждом таком случае взгляд на действительность с субъективной точки зрения будет случайным, ибо «тут возможно сто подходов, сто вариантов субъективности...». Естественно, что такой вид субъективизма недопустим, поскольку лишает саму возможность достоверных выводов и превращает историческое или социологическое исследование в разновидность политическую пропаганду или партийной публицистики. Социальная наука призвана вырабатывать истинные, свободные явше партийно-групповых интересов. «В этом случае, добавляет Н. Кареев, – объективизм

есть высочайшая идея научности»⁵. Такой объективизм связан с элементарной честностью исследователя, который должен стремиться к созданию достоверной картины социальной реальности, используя всю сумму доступных ему фактов, не искажая и не замазывая факты, неуместные с точки зрения его партийно-политических взглядов.

Но существует, по Карееву, второй вид социологического субъективизма, который базируется на реальном и интеллектуально ограничивающемся возможности объективной сопоставлении факторе субъективности, присутствующем в самих социальных явлениях и отношениях. Это свобода воля людей, их сознание как движитель социальных и исторических процессов, их представления о себе и обществе, их интересы и т.д., то есть все то, что в аналогичных случаях перечислялось также и П. Лавровым, и Н. Михайловским. Он писал в 1890 г.: «Блажи, изучающие духовный и общественный мир человека, тем и отличаются от естественных, что общи явления, которыми они занимаются, имеют значение не только отличное от данных нашего опыта, но и требования, которые мы предъявляем мыслителю в этих отвлеченных предметах и отвлечениях. Под человеческой личностью, под обществом, под государством мы разумеем не только то, чем являются перед нами отдельные люди и целые народы, но и то, чем должны быть человеческая личность, общество, государство, чтобы соответствовать своему идеалу. Таким образом, в общей идее существовали, которая имеет одинаковую силу для всех наук, и науках гуманитарных и социальных добавляется еще идея идеальности»⁶.

В этом отношении характерно высказывание Кареева о том, что любое исследование и изложение истории есть «суд над историей»⁷. Мир – неразумен, мир не мыслит, лишь в головах людей (абсолютно малых существа мира) развивается мысль и разум, появляются идеи. Как у Лаврова и Михайловского, так и у Кареева на основе признания алогичности космического процесса как раз и утверждается в личности право морального суда над историей. Устранить этот момент субъективной оценки, утверждая Кареев, значит признать тем, что смысл явлений останется от нас закрытым»⁸.

Можно соглашаться или не соглашаться с теоретическими идеями Кареева и других представителей субъективной школы, но нельзя не отметить тот нравственный, гуманистический пафос, который характерен для их творчества. Это проявляется в том мнении, какое они провозгласили субъективному фактору социальной эволюции, воплощенному в человеческой личности. Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, с точки зрения Лаврова, составляет содержание исторического процесса или «формулу прогресса». Всплыв за ним и Михайловский представлял сущность истории как «борьбу личности за свою индивидуальность».

Важно подчеркнуть, что представители субъективной школы в своих выводах были далеки от примитивного волюнтаризма и отнюдь не примыкали к личностному произволу. Напротив, всем своим творчеством и собственным примером они утверждали идею служения личности обществу. Эта идея была близка Николаю Ивановичу Карееву, и он сделал ее на протяжении всего своего жизненного пути.

Примечания

¹ См.: Кареев И.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

² См.: Гусевский И.А. Основоволожники русской традиции историко-критического анализа антропологический устный // Социс. 1985. № 3. С. 127.
³ См.: Волков В.В. Субъективизм эпитет Н.И. Кареева // Востр. философия. 1996. № 7. С. 148-149.
⁴ Лавров П.П. Историческое письмо. 4-е изд. СПб., 1906. С. 29. 37-38.
⁵ Кареев И.И. О субъективизме в социологии // Юридический вестник. 1880. Апрель. С.123-129.
⁶ Кареев И.И. Задачи социологии и теории истории // Кареев И.И. Соч. В 3 т. СПб., 1913. Т. 2. С. 29.
⁷ Кареев И.И. Основные вопросы философии истории: в 3 т. М., 1883. Т. 1. С. 342.
⁸ Там же. С. 386.

UDC (37.01+37.07):470-571

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Е.Н. Васильева

Саратовский государственный университет,
 кафедра теории и истории социологии
 E-mail: Vasilieva@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы реформирования социологического образования в России в условиях перехода к двухуровневой системе образования в соответствии с Болонской Декларацией. Предложены некоторые методологические и методические решения обеспечения данного процесса.

Russian Sociological Education in the Context of Bologna Process

E.N. Vasilieva

The paper discusses the problems of reforming of sociological education in Russia within its transition to two-level system according to Bologna Declaration. Some new methodological and methodical solutions are offered to provide for this process.

На протяжении последних лет в российском обществе довольно активные дискуссии о судьбе отечественного высшего образования в связи с Болонским процессом. Выказывалось много голосов против и «за» в связи с «мелюзгой» присоединения нашей страны к этому процессу. Ныне дискуссиям положен конец, вступил в силу закон о реформировании высшего образования в стране, согласно которому мы принимаем нормы и правила Болонской Декларации и с 2009 г. переходим на двухуровневую систему высшего образования - бакалавриат и магистратура. Естественно, что данный закон охватывает все элементы системы высшего образования, в том числе и социологического.

Как известно, высшее социологическое образование в нашей стране — относительно молодая отрасль, ей нет еще двух десятков лет: в 1989 г.

были образованы два вероуча социологических факультета в Московском и Ленинградском государственных университетах, затем были созданы специальные кафедры и отделения в ряде вузов, в том числе и в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

Ныне в Российской Федерации сложилась широкая сеть научных и учебных учреждений, включающая более 400 научных центров, отделов, групп, факультетов, кафедр, отделений, ведущих подготовку социологических кадров и осуществляющих исследования по социологической тематике.

В структуре Российской академии наук успешно функционируют два института социологического профиля — Институт социологии (ИСО РАН) и Институт социально-антропологических исследований (ИСИА РАН), а также ряд других научных подразделений и центров. Учреждена прямая за науку разработка и решение проблем в области социологии имени М. Ковалева.

Большую работу по подготовке социологических кадров и научно-исследовательскую работу в области социологического знания ведут социологические факультеты университетов Москвы (МГУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ) и ряда других, а также Московский государственный социальный университет. Если в 1989 г. в России было 6 социологических подразделений (факультетов, отделений и кафедр), то в настоящее время их свыше ста. Численность студентов, специализирующихся по социологии, возросла более чем в 100 раз и составляет в настоящее время около 15 тыс. человек.

Важно подчеркнуть, что представители субъективной школы в своих выводах были далеки от примитивного позитивизма и отнюдь не претендовали на личностному проницанию. Напротив, всем своим творчеством и собственным примером они утверждали идею служения личности обществу. Эта идея была близка Николаю Ивановичу Карееву, и он следовал ей на протяжении всего своего жизненного пути.

Примечания

¹ См. Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

² См. Горюхино П.А. Основовозложение русской традиции историко-критического анализа социологических учений // Социол. 1985. № 3. С. 177

³ См. Давыдов В.В. Субъективный социализм Н.И. Кареева // Востр. философия. 1996. № 7. С. 148-149

⁴ Лавров П.А. Историческое учение 4-е изд. СПб., 1906. С. 29, 17-38.

⁵ Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Юридическая мысль. 1888. Апрель. С. 121-129

⁶ Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории // Кареев Н.И. Соч.: В 3 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 29

⁷ Кареев Н.И. Основы русской философии истории: В 3 т. М., 1881. Т. 1. С. 342

⁸ Там же. С. 386.

UDK (3:0 74.37):470+571

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Е.Н. Васильева

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: Euvn@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы реформирования социологического образования в России в условиях перехода к двухуровневой системе образования в соответствии с Боннской Декларацией. Предложены некоторые методологические и методические решения обеспечения данного процесса.

Russian Sociological Education in the Context of Bologna Process

E.N. Vasileeva

The paper discusses the problems of reforming of sociological education in Russia within its transition to two-level system according to Bologna Declaration. Some new methodological and methodical solutions are offered to provide for this process.

На протяжении последних лет в российском обществе велась активные дискуссии о судьбе отечественного высшего образования в связи с Болонским процессом. Вызывалось много горячих споров о «плюсах» и «минусах» присоединения нашей страны к этому процессу. Ныне дискуссиям посвящен кодекс, вступив в силу закон о реформировании высшего образования в стране, согласно которому мы принимаем нормы и правила Болонской Декларации и с 2009 г. переходим на двухуровневую систему высшего образования – бакалавриат и магистратура. Вестественно, что данный закон охватывает все элементы системы высшего образования, в том числе и социологического.

Как известно, высшее социологическое образование в нашей стране – относительно молодая отрасль, ей нет еще двух десятков лет: в 1989 г.

были образованы два первых социологических факультета в Московском и Ленинградском государственных университетах, затем были созданы специализированные кафедры и отделения в ряде вузов, в том числе и в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского.

Ныне в Российской Федерации сложилась широкая сеть научных и учебных учреждений, включающая более 400 научных центров, отделов, групп, факультетов, кафедр, отделений, ведущих подготовку социологических кадров и осуществляющих исследования по социологической тематике.

В структуре Российской академии наук успешно функционируют два института социологического профиля – Институт социологии (ИСО РАН) и Институт социально-политических исследований (ИСИ РАН), а также ряд других научных подразделений и центров. Учреждена премия за научную разработку и решение проблем в области социологии имени М. Ковшиковского.

Большую работу по подготовке социологических кадров и научно-исследовательскую работу в области социологического знания ведут социологические факультеты университетов: Москва (МГУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ) и ряда других, а также Московский государственный социальный университет. Если в 1989 г. в России было 6 социологических подразделений (факультетов, отделений и кафедр), то в настоящее время их свыше ста. Численность студентов, специализирующихся по социологии, возросла более чем в 100 раз и составляет в настоящее время около 15 тыс. человек.

Активно функционирует Российская академия социальных наук, которая принадлежит к сотрудничеству с социологами выдающихся ученых и политиков страны. Следяя Совет по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию при МГУ, включивший представителей более 100 университетов России и СНГ. В настоящий момент существует несколько профессиональных сообществ социологов: Российское общество социологов, Общество социологов и демографов, Социологическое общество им. М. Ковалевского, Парламентская социологическая ассоциация, Российская социологическая ассоциация (РОСА), которые вносят большой вклад в консолидацию социологов России.

Если обратиться к проблеме социологического образования, то можно ответить, что за прошедшие годы были разработаны и выданы две законченные государственные стандарты по социологии, социальной антропологии и организации работы с молодежью. На их основе были разработаны учебно-методические комплексы, которые включают в себя учебные планы, методические разработки и документы, обеспечивающие реализацию социологического образования в вузах. Во многих вузах работают докторантуры и аспирантуры по подготовке высококвалифицированных кадров социологов.

Можно отметить то обстоятельство, что в конце 80-х гг. XX столетия в стране не было ни одного специалиста, имеющего степень кандидата или доктора наук по социологии. Ныне ВАКом России утверждаются охваты ста только докторских диссертаций по социологии и сотни диссертаций кандидатов социологических наук ежегодно. Диссертационный совет по социологическим наукам при Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского рассматривает более двадцати претендентов на звание в год.

Сегодня вузы страны поставлены перед задачей обеспечения перевода социологического образования на двухуровневую систему. Что конкретно означает это для реформирования социологического образования в вузах страны? Здесь мы коснемся лишь некоторых аспектов давнего сложного и, на наш взгляд, дилемматического процесса.

Прежде всего речь идет о разработке государственных образовательных стандартов по подготовке бакалавров и магистров по социологии. Имеющиеся ныне стандарты рассчитаны на подготовку специалистов-социологов в течение пяти лет. Но существующим положением подготовки бакалавра будет осуществляться в течение четырех лет, затем предусмотрено обучение в магистратуре на протяжении двух лет. Закончившие магистратуру могут поступать в аспирантуру, срок обучения в которой составляет три года. Следовательно, Многообразие и поем

вузам предстоит подготовить совершенно новую образовательный стандарт, который позволит вести подготовку бакалавров на основе стандарта по специальности. Это же означает своего сокращения объема обучения на один год. Необходимо разработать такой документ, который войдет в себя все то принципиально важное, что содержится в стандарте по подготовке специалиста, и при этом воспользовал бы инновационные подходы к подготовке будущего социолога. Для этого отечественному образованию придется осваивать новую систему категорий и понятий образовательного процесса, которые приняты в европейской высшей школе.

Значительное внимание должно быть уделено разработке европейской системы кредитных единиц (ECTS), основанной на философии взаимного доверия, способности образовательных структур к гармонизации как на национальном, так и на международном уровнях. Речь идет о выражении результатов обучения не в виде временных затрат, требуемых на освоение той или иной образовательной программы, а в терминах кредитов (зачетных единиц), приравненных к достигнутым результатам в виде набора компетенций, формирующихся на основе соответствующей образовательной программы. Для этого необходимо иметь единые требования к различным квалификациям, разработать систему прозрачных уровнейых требований как основу сопоставимости образовательных структур, академических и профессиональных степеней.

Внедрение системы зачетных единиц также повлечет за собой изменение структуры высшего профессионального образования, если рассматривать ее как особую форму организации учебного процесса, на основе которой осуществляется структурирование учебного материала и контроль знаний студентов, освоивших те или иные образовательные программы.

Внеде понятие, что качество лежит в основе развития общепрофессионального пространства высшего образования и именно этому вопросу уделяется особое внимание. В соответствии с принципом децентрализованной автономии основная ответственность за обеспечение качества лежит на каждой из вузов, что является основой формирования национальных систем по обеспечению качества.

Разработка проблемы качества высшего образования на европейском уровне предполагает создание набора согласованных стандартов, процедур и руководящих принципов обеспечения качества, исследование способов создания адаптивной согласованной системы его проверки и аккредитации агентств и организаций, участвующих в оценке качества высшего образования.

Включение российской системы высшего профессионального образования в Болонский

процесс предполагает принятие системы, основанной на двух основных циклах – достижений и последовательного (бакалавриат/магистратура); внедрение четких единиц по типу ECTS (European Credit Transfer System); различие между коллежским сотрудничеством, схем мобильности, совместных программ обучения, практической подготовки и проведения научных исследований; обеспечение качества образования и разработка сопоставимых критериев. Эти мероприятия охватывают основные направления развития Болонского процесса. Задача заключается лишь в том, чтобы активное участие в нем способствовало не только сохранению и дальнейшему развитию российской образовательной системы как важнейшей составляющей национального вероисполнительного комплекса, но и как элемента микротел (а не только европейской) системы образования. Важно конкретизировать основные принципы, требования и задачи для каждого вуза в отдельности, и это является самым главным перспективным направлением деятельности российских вузов.

Исполне очевидны те преимущества, которые должны получить российские вузы от участия в Болонский процесс. Присоединение к Болонской Декларации может обеспечить российскому образованию ряд европейских стандартов: 12-летнее школьное образование с усложненным изучением иностранных языков; единую систему аттестации школьников (ЕГЭ); двухступенчатое образование: изменение системы высшего образования: создание условий для обучения иностранных студентов и др. В итоге должны повыситься конкурентоспособность и качество образования, привлекательность России для иностранных студентов.

При этом важно разделяется высказываемое в литературе мнение о наличии общих интересов у различных субъектов данного процесса: очевидно, что вхождение в Болонский процесс подразумевает участие всех форм обучения: другое дело – преподаватели, для которых это означает дополнительную (заметьте, не дополнительную) работу. В Болонском процессе заинтересованы в большей мере так называемые «производительные вузы». У регионов также возникает проблема: во-первых, должен будет увеличиться отток подготовленных специалистов наиболее востребованных и конкурентоспособных специальностей¹.

Положение вузов в регионах зависит от климатических условий. Вместе с тем можно констати-

ровать, что сложилась определенная система высшего образования, включившая разноразличные вузы, различающиеся по времени возникновения и функционированию, наличия в них традиций, степени подготовленности кадров, материального обеспечения, качества образования и т.д. Особо следует сказать о том, что в регионах, как и в стране в целом, наряду с государственными вузами существуют и негосударственные, а также многочисленные филиалы московских вузов, что создает весьма пеструю картину состояния образовательного пространства региона.

Во всей системе высшего образования региона особая роль принадлежит классическим университетам, что вполне объяснимо. Историческое развитие вузов России начиналось с классических университетов, для которых характерна высокая концентрация научно-педагогических кадров высшей квалификации и научных школ, уникального научного оборудования, современной компьютерной техники, лабораторных практикумов и т.д. Поддержание этой материально-технической базы, ее постоянное развитие в рамках одного вуза в условиях рыночной экономики – задача очень сложная.

Система высшего образования призвана преодолевать устаревшие модели и принципы, внедрять эвристические методы обучения. Она уже испытывает на себе действие различных инновационных элементов благодаря трансформационным процессам, происходящим в современном российском обществе, поэтому важно разобраться в самом полноте «инновация» применительно к высшему образованию. Происходит переосмысление и перестройка системы высшего образования, основанной на информационном типе, на трансляции «столетнего» знания, инертном стиле управления. Ранее сложившаяся в нашей стране система образования, дающая на протяжении многих лет положительные результаты, уже не отвечает современным требованиям. Вот почему при реформировании высшего образования в нашей стране в контексте вхождения в Болонский процесс необходимо максимально привлечь новые методы, формы и способы реализации образовательного процесса.

Примечания

¹ См. *Давыдов Г. Давыдовская О. Региональный университет: путь интеграции в рамках Болонского процесса // Высшее образование в России. 2003. № 10. С. 48.*

УДК 316.344.42(075) (571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Н.В. Самойлова

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии молодежи
E-mail: N.Samoilova@yandex.ru

Одной из основ жизнедеятельности жизни общества является социальная природа власти – один из важных факторов политической системы. В современном обществе идет процесс сглаживания различий между классами и все большую роль играют межклассовые, как и межклассовые межклассовые отношения. На эти процессы социальные изменения оказывают глубокое структурное воздействие. В данной работе мы попытались рассмотреть политическую элиту с точки зрения ее трансформации, выделить ее внешние аспекты взаимодействия с обществом и внутренне структурные компоненты.

Political Elite of the Modern Russian Society

N.V. Samoilova

One of the bases of life actually in any society is social nature of power which one of the important factors of political system. The process of evening out differences among classes is going on the modern society and interclass social changes influenced upon these processes a lot. We tried to consider political elite in this research work from the point of view its transformation, we tried to emphasize outside aspects of interaction with society and inside structural components.

В последние десятилетия термин «элита» не только прочно вошел в научный социологический и политологический язык, но и вышел далеко за его пределы, став общеупотребительным. Этот термин происходит от латинского *eligare* и французского *élite* – лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века он употреблялся для обозначения толпы высочайшего качества, а затем – и для наименования элитарных моделей, прежде всего высшей элиты. Изучением политической элиты занимались многие взаимоотношения ученые, такие как В. Парето, Э. Дюркгейм, определяющие политическую элиту как наиболее активных в политическом отношении людей, претендующих на власть – организационное меньшинство общества; Г. Лассуэлл, Ж. Боден, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Дэй, для которых элита – это меньшинство, обладающее формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь, а также С. Коллер, Э. Фрейнд, М. Вебер, А. Тойнби и многие другие¹.

Таким образом, рассмотрев и объединив различные современные точки зрения на понятие «элита», можно сделать вывод о том, что политическая элита – это система многоуровневых

социально-политических связей и отношений, носителем которых является иерархичная, самовоспроизводящаяся социальная общность, которая концентрируется на принятии политических решений, удержании власти в собственных интересах и выношении в обществе важных функций социально-политического управления. Это определение позволяет взглянуть на политическую элиту под углом зрения ее трансформации, выделить ее внешние аспекты взаимодействия с обществом и внутренне структурные компоненты.

Одним из важных аспектов социально-экономических реформ 1990-х гг. стала трансформация традиционной для России модели рекрутирования элит: постепенная замена доминировавшего на протяжении значительного периода «службно-карьерно-кадрового» принципа элитобразования (конституирующего административно-политическую бюрократию в качестве политической элиты) принципом элитного плюрализма, согласно которому этот политический слой составляет высший эшелон структур, репрезентирующих институты государства и гражданского общества². Отличительной чертой этой системы элитной организации является ее дисперсный характер, предопределенный множественностью центров власти. К элите могут быть отнесены лица, избравшие прямые формы политического действия. Свой новый социальный статус они обрели через конверсию кулуарного, социального и прежнего политического капитала в новый политический капитал. При этом менялся способ легитимизации их власти: от аппаратных политиков они превращались в доверенных лиц или руководителей политических партий и расцениваются и будущим, пройдя через демократическую процедуру выборов, вернуться во власть.

Однако в состав элит входят не только лица в группы, непосредственно участвующие в управлении, но и наиболее влиятельные экономические и административные круги, руководители средств массовой информации, учебно-просветительских учреждений, а также члены семей влиятельных лиц, хотя они формально непосредственно не участвуют в принятии решений и в реализации политики. В состав политической элиты входят также те

представителя правящего класса, которые по видимости не связаны с политикой, но оказывают дилетантское влияние на принятие политических решений, они играют роль так называемых «серых кардиналов». Эти люди не могут оказывать влияние (материальную и моральную) помощи, ограничивая ее или вообще не оказывая, но в определенное время становятся главными действующими лицами политического процесса. Так или иначе, элита занимает важное место среди субъектов политики. Но существу, политика - это продукт элиты, ее функция, причем функция социально необходимая, которая выражает интересы всего общества.

Существенно возросла роль бизнес-элиты, делегирующей своим представителям во власть и оказывающей влияние на принятие стратегических политических решений. Если элита в условиях НТР представляет собой высший эшелон административно-политической бюрократии (по отношению к которой экономические группы имеют подчиненный характер), то с переходом к инновационному типу развития ей на смену должно было прийти правительство, сформированное усилиями ведущих политико-финансовых корпораций и казначей (условно эту модель автороботаника можно определить как олигархическую в связи с приоритетной ролью финансового капитала как фактора рекрутирования элиты)⁷.

Представляется, что существенное ослабление роли государства же - побочный продукт общего процесса трансформации российского общества или простая случайность, ибо главные ресурсы государства - финансовые, административные, образовательные и иные - являются инструментами финансового и политического влияния крупнейших транснациональных корпоративных структур, а недавнее утверждение прошедшей 1994 г. трансформации модели автороботаника: истощением политического влияния в постсоветской России стала собственность. Снизилось число основных игроков в результате возникновения более мелких структур. В связи с острой конкурентивной и высокой степенью приватизации или государственными структурами в их интересах выступает в качестве разменной монеты в межэлитных столкновениях. Инструментом внутрисистемного взаимодействия (межэлитных различий) становится теневой торг, в ходе которого принимаются важнейшие политические решения, включая и те, что формально должны определяться в ходе выборов.

Специфика трансформации российской политической элиты обуславливается спецификой ее формирования: традиционно в России политическая элита была интегрирована в единое целое с военной, социальной, судебной и отчасти культурной элитами элит и имела сословный характер. В советский период ее основными ис-

точниками были номенклатура и бюрократия, в том числе и национальная. Постсоветская элита формировалась как из новых представителей различных социальных слоев (интеллектуалов, высокообразованных специалистов, хозяйственников, банкиров, военных, включая аграриев), так и из представителей старой элиты методом рекрутирования и социальной диффузии. Это обусловило многовариантность, иерархичность, раздробленность, внутреннюю консолидированность по предметно-функциональному призыву, хотя вчеревность, открытость, некоторую аморфность современной российской политической элиты. Все это сказалось на процессе ее трансформации, который отличается пресмыкаемостью, преобладанием внешнеэтно-ориентальных связей, отсутствием жесткой опоры на конкретный социальный слой населения, этноцентризм, многоуровневость связей и отсутствие, размытость внешних границ элиты, доминированием тесных внутренних связей над противоречиями и конфликтностью между ее элементами⁸.

Как показывает исследование, формирующаяся в России в 1990 г. элита транснационально интегрируется быстрее, чем проникают ее государственная самоидентификация (становление общественной мотивации в пользу государственному строительству, явившаяся главной предпосылкой социально-кооперативной деятельности буржуазии в индустриальной Европе). В этой связи перспективой становления элитно-финансовых групп в качестве субъекта постиндустриальной модернизации выглядят еще более проблематичными.

Поскольку структура состав современной политической элиты представляет собой сложную комбинацию - государства и высшего эшелона ведущих политико-финансовых групп, усилия по демократизации политической структуры должны быть сконцентрированы в двух основных направлениях.

Во-первых, должно происходить системное и значительное усиление роли государства: создание такого взаимодействия эффективности политического управления состоит не во всевластии государства, а в его слабости.

Второе направление предполагает существенное изменение позиций крупного бизнеса (в среде которого создаются значительные группы давления) в пользу усиления роли государства. Анализ политического процесса недавнего времени свидетельствует о том, что усиление роли государства в принципе не противоречит интересам крупным политико-финансовых структур. Это обусловлено усилением позиций отечественного бизнеса в условиях обостряющейся глобальной конкуренции.

Подытоживая, можно констатировать, что, будучи частью элиты вообще, российская политическая элита несет в себе родовые черты

последней, в то же время она имеет четкую выраженную позитивескую окраску. Это позволяет рассматривать позитивескую элиту как особый устойчивый слой, основанный на гибких внутренних связях, объединенный обрывками нитей-решающих, связанными с обвалением рыночными реальными властью, стремлением сохранить на них свою монополию. Практика закрепления отпавших, направленных на удовлетворение общественно-политических потребностей общества, заключается в создании жестко закрепленной системы ролей и статусов, предписывающих членам политической элиты правила поведения в социальных отношениях, а также в определенной системе санкций для того, чтобы добиться неукоснительного выполнения этих правил поведения. Система ролей, статусов и санкций создается в виде социального института, который является наиболее сложным и важным для общества видом социальных связей.

УДК (316.34):316.772.4) (476+571)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ОСВЕЩЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

О.М. Яковлева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии коммуникации
E-mail: oya_c@mail.ru

В статье рассматриваются межэтнические конфликты как одна из острых проблем современной России, приводятся примеры конфликтов из них и выделяется специфика их освещения в прессе массовой информации.

The Interethnic Conflicts in the Reviews of the Federal and Regional Media.

O.M. Yakovleva

In this article the author deals with the interethnic conflicts as one of the more problems of contemporary Russia, analyzes several of them and establishes the specifics of its reviewing in the media.

Межэтнические конфликты – одна из самых острых проблем современной России. Потенциальная опасность столкновения на национальной почве, нахлынувшая множество подтверждений в СМИ, в реальности ощущается на всех без исключения уровнях российского общества. Значительную роль в формулировании, а также в формировании этой опасности играют средства массовой информации, что является закономерным и объективным, так как именно они призваны выражать общественные дела в обществе и быть рупором для активных течений.

Наступил современный российский СМИ, что объективно отражает структуру российского

Примечания

1. Муско С. Правовый аспект // Совет. 1994. № 10. С. 188-191; Орлова-Гусева К. Восточные миссы // Вост. философия. 1989. № 3. С. 144-145; Яковлев М. Избр. произведения. М., 1990. Дил. Г.Р. Тестер. Г.В. Демократия для элиты: Введение в марксистскую политологию. М., 1984.
2. Яковлева О.М. Реставляторы элиты России в зеркале экспертного мнения // Вестн. 2005. № 11. С. 41.
3. Кривоштановская О.В., Кривоштанов В.В., Владыкин В.А. и др. Трансформация старой бюрократии в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 61.
4. Яковлева О.М. Реставляторы элиты России: терминологический состав и тенденции эволюции // Вестн. 2004. № 3. С. 22-32.
5. Кривоштановская О.В., Кривоштанов В.В. Элита и власть: путь вперед // Совет. 2002. № 4.

государственного устройства и включает в себя 3 уровня коммуникационных агентств: федеральный уровень, региональный и местный (муниципальный). Каждый из них обладает набором собственных, в значительной степени уникальных свойств. Однако наибольший интерес и по степени массового влияния, и в силу отражения глобальных процессов, происходящих в общественно-политической плоскости, представляют вершины уровня – федеральный и региональный. Несомненно различий и общих черт и подходе к решению проблемы национальных конфликтов посвящена данная работа.

В качестве материала для исследования были взяты публикации сентября 2006 г. – времени самого острого российского межэтнического конфликта последних лет, разразившегося в карельском городе Кондопога. Там после драки между коренными жителями города и кавказскими мигрантами, в результате которой погибли двое и более десяти человек, получивших увечья, произошли народные волнения. Взяв за основу то, чтобы удержать контроль над ситуацией, в экстремном порядке пришлось эвакуировать часть казачьего населения Кондопоги и вывести в город войска МВД. Более 60 человек из числа наиболее активных участников беспорядков (и в Кондопоге

последней, и то же время она имеет четко выраженный эстетическую окраску. Это позволяет рассмотреть политическую картину как особый устойчивый слой, основанный на гибких внутренних связях, объединенный обилием интерресов, связанных с обладанием рычагами реальной власти, стремлением сохранить на них свое monopolio. Практика закрепления отношений, направленных на удовлетворение общественно-количественных потребностей общества, заключается в сохранении жестко закрепленной системы ролей и статусов, предвещающая членам политической системы правила поведения в социальных отношениях, а также в определении системы санкций для того, чтобы добиться неукоснительного выполнения этих правил поведения. Система ролей, статусов и санкций создается в виде социального индикатора, который является наиболее сложным и важным для общества видом созданных связей.

Примечания

1. Мещеряков С. Правильный класс // Социс. 1993. № 11. С. 188-191. *Сурин В. Голоса X*. Востание масс / Вопр философии. 1989. № 3. С. 144-145. *Волков М. Инфр. произведения. М., 1998; Дин Т. Р., Уилсон Д. Х. Демократия для завтра. Введение в американскую политику. М., 1954.*
2. *Галин-Гуртвицкая О. В.* Реставляционные мифы России в зеркале имперского опыта // *Цивиль. 2005. № 11. С. 41.*
3. *Крыжовникова О. В., Курочкин Ю. В., Удальцова В. А. и др.* Трансформация старой немецкой культуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 61.*
4. *Галин-Гуртвицкая О. В.* Реставляционные мифы России: персональный состав и тенденции имиджа // *Цивиль. 2004. № 5. С. 22-32.*
5. *Крыжовникова О. В., Курочкин Ю. В.* Элита и власть: путь вперед // *Социс. 2002. № 4.*

ISSN 2073-367X/ISSN 2722-4147 (print)

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ОСВЕЩЕНИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

О.М. Яковлева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии и психологии
E-mail: omyak@yandex.ru

В статье рассматриваются межэтнические конфликты как одна из острых проблем современной России, проводится анализ, в котором из них и выделяется специфика освещения в средствах массовой информации.

The Interethnic Conflicts in the Reviews of the Federal and Regional Media.

O.M. Yakovleva

In this article the author deals with the interethnic conflicts as one of the most problems of contemporary Russia, analyzes several of them and establishes the specifics of its reviewing in the media.

Межэтнические конфликты – одна из самых острых проблем современной России. Потенциально опасность столкновений на национальной почве, начавшая множиться подтверждений в СМИ, в реальности, ощущается на всех без исключения уровнях российского общества. Значительную роль в формулировании, а подчас и формировании этой опасности играют средства массовой информации, что является закономерным и объяснимым, так как именно они призваны выражать состояние дел в обществе и быть рупором его реальных течений.

Несмотря на современные российские СМИ, что общепризнанно, отражает структуру российского

государственного устройства и включает в себя 3 уровня коммуникационных аспектов: федеральный уровень, региональный и местный (муниципальный). Каждый из них обладает набором собственных, в значительной степени уникальных средств. Однако наибольший интерес и по степени массового внимания, и в силу отражения глобальных процессов, происходящих в общественно-политической области, представляют первые два уровня – федеральный и региональный. Исследованию различий и общих черт в подходе к освещению проблемы национальных конфликтов посвящена данная работа.

В качестве материала для исследования были взяты публикации сентября 2006 г. – времени самого остро российского межэтнического конфликта последних лет, разразившегося в караванном городе Кандового. Там после драки между коренными жителями города и кавказскими мигрантами, в результате которой погибли двое и более десяти человек получили увечья, произошли народные волнения. Властям для того, чтобы удержать контроль над ситуацией, в экстренном порядке пришлось эвакуировать часть кавказского населения Кандового и ввести в город войска МВД. Более 60 человек из числа наиболее активных участников беспорядков (и в Кандового

было совершено и несколько подожжено) были арестованы в полтергейст административному аресту. Многочисленные митинги с требованиями выселить всех кавказцев привели также и в областном центре Карелии Петрозаводске.

Практически в разгар бродяжничества на всю Россию кавказских бунтов в городе Волыске Саратовской области произошел межэтнический конфликт, в частности, меншаго масштаба. В результате драки в ночном клубе, в которой принимали участие армяне и русские, погиб один человек и трое получили ранения. Так же, как и в Кондопоге, пострадала только русская сторона. Аналогичная ситуация вызвала такую реакцию, которая во многом благодаря активным действиям властей не достигла масштабов карельских событий.

И та, и другие конфликты активно освещались в прессе. В обеих ситуациях СМИ внесли свой вклад в становление и разрешение конфликта. Саратовские региональные издания освещали кондопожский конфликт только в косвенной форме, однако в публикациях о волыской ситуации его трактовка в той или иной степени присутствовала. Поэтому в своем анализе подобных текстов мы будем рассматривать тексты федеральных СМИ, посвященные Кондопоге, и в саратовских газетах – обращаясь к статьям, посвященным волыским событиям.

Нами были взяты для анализа четыре издания: два – федеральных («Коммерсант» и «Комсомольская правда»), два – региональных («Саратовская областная газета» и «Взгляд»). «Коммерсант» и «Саратовская областная газета» – представители информационных, ориентированных на высокие стандарты журналистики, СМИ. «Комсомольская правда» и «Взгляд» – образцы так называемых массовых, развлекательных изданий. Такое разделение обусловлено значимой разницей социальных групп, на которые ориентированы данные СМИ. Первая группа изданий в качестве своих читателей определяет образованных, экономически и социально активных россиян, которая рассматривает на регулярность среди обывателей, главная цель которых при чтении газеты – это развлечение.

В своей работе мы будем придерживаться метода контент-анализа как техники анализа содержания коммуникации, предполагающего такую его классификацию, которая позволяет выявить свойственную этому содержанию структуру¹. Из двух существующих видов контент-анализа – количественного и качественного – мы будем применять первый, фиксируя лишь наличие элементов содержания – индикатора соответствующей категории содержания².

Цель анализа – рассмотрение высказываний, которые могут быть трактованы в националистическом ключе. Условно говоря, во которых явным контент-анализ был содержание попросьбы (категории), отражающие элементы ксенофобии в текстах:

1) как и издаются именуется участники конфликта;

2) как СМИ их определяют, какие описательные характеристики им дают;

3) в чем СМИ видят причины конфликта и кого считают их виновниками;

4) каким СМИ видится масштаб события?

5) связь национального с конфессиональным. Упоминания ксенофобии в связи с национальными конфликтами.

Главным критерием в нашем анализе является трезвость: а именно то, как трактуется вопрос виновности той или иной стороны в развязывании конфликта. Однако целостная картина межнациональной нетерпимости, формирующейся со стороны печатного издания, может быть в полной мере установлена только при рассмотрении всей предлагаемой парадигмы вопросов.

Газета «Коммерсант» была из первых российских газет ориентированная на события в Кондопоге. 3 сентября вышла первая статья, посвященная этой теме. В следующих выпусках газеты публиковались репортажи с мест событий и комментарии по проблеме. Стиль публикаций – подчеркнуто отстраненный. Фактология событий дается преимущественно через официальную информацию. Все оценки содержатся в прямой речи участников событий, приведенной газетой.

В «Коммерсанте» от 3 сентября приводятся выступление губернатора Карелии Сергея Катанандова, в котором содержится оценка произошедшего в называемых инцидентах: «Нх (беспорядков. – О.Д.) главной причиной стало то, что на наших глазах группа представителей другого народа взяла себя дерзость и вызывающе игнорирует интересы нашего народа». Кроме достаточно нейтрального, официального – «представителя другого народа» – в рассказах и мнениях кондопожцев, приводимых «Коммерсантом», фигурируют и другие определения: «меченные», «кварталы», «черниле». Другая сторона конфликта называется «мезоземными жителями», «нашими ребятами».

Вне связи, также официальная точка зрения приводится со слов заместителя прокурора Карелии Петра Клемешова: «По нашей информации, это была обычная пьяная драка – трое посетителей кафе, из которых двое – ранее судимые, не хотели платить за еду, а когда официант сделал им замечание, набил его. Официант выскочил двояко выпытывая милицию, а когда она не пришла, в кафе прибыли девять выходцев с Кавказа с оружием и предвзято драку. Петербуржцу было сорвано 20-ти зубов, все они были сильно повреждены. Какая тут межнациональная рознь».

Третья версия событий 2-го сентября выдвигается адвокатом задержанных кавказцев Мусеевым в интервью в газете от 13 сентября. «Из слов адвоката Мусеева, задержанные четверо, на самом деле, подверглись нападениям толпы из 40-50 человек и были вынуждены обороняться».

Что принципиально важно, в «Коммерсанте» нет анонимных версий событий, все они принадлежат конкретным людям, относящимся к той или иной стороне конфликта. Сама же газета как постоверенная в сложившейся ситуации не выносит никакого мнения по поводу него и чаще-либо ругает в нем. Газета никак прямо не определяет масштабы событий, однако делает это косвенно, вынося материалы о нем на первую полосу. Важнейший аспект в статьях «Коммерсанта» о Кондопоге никак не затрагивается.

Анализным с «Коммерсантом» образом действует «Саратовская областная газета», описывая конфликт в Волске. Основная информация идет со ссылкой на официальные источники. Публикуется выступление губернатора Павла Ивашова, в котором звучит утверждение, что события в массовых межэтнических столкновениях в нашей области не более чем «попытка притянуть несуществующие факты». «Дрались не русские и армяне, а нетрезвые люди» — со страниц «Саратовской областной газеты» от 16 сентября утверждает Павел Ивашов. В редакционной статье от 20 сентября «Четыре суток и один похоронный развешиваются морфи о межэтнических столкновениях в Волске, армяне/осетины масштаба в событиях/случае» проносятся.

В публикациях «Саратовской областной газеты» очевидно сильно стремление утешить страсти, смягчить конфликт, который, даже если не возник, то мог бы возникнуть в результате неосторожной публикации новостей в СМИ.

«Комсомолецкая правда» — наиболее популярное печатное издание в России, образец рупоромативности, массовости СМИ. Развитие темы Кондопоги в «Комсомольской правде» претерпевает три этапа. Первый этап являет собой материал на второй и третьей страницах газеты от 5 сентября. Здесь приводятся 4 версии происшедшего: от юлианской факторе в Кондопоге должны были состояться выборы в местный совет до кривобойско-молочниковской (первая сфера внимания на рынке). Межэтническая версия выдвигается среди прочих. Однако среди предположений конфликта редакция выдвигается «слишком агрессивная провозвещая позвима и республике». Приводятся резервующие моменты телеведущего Михаила Лепельева и председателя Целия Рамзана Кадрарова. В целом материал не содержит каких-либо выводов и нейтрален в этичских вопросах. Однако то, что выдвигается несколько версий без выражения авторской или редакционной точки зрения о достоверности какой-либо одной из них, является типовым моментом, характерным для развлекательных средств массовой информации, «Комсомолку», как и прочие «жесткие» газеты, в большей мере интересуется не истинностью версии, а ее сканальностью.

Статья «Ресторан “Чайка” станет спортзалом, а рынок съедут», опубликованная в следующем номере газеты от 6 сентября, носит примитивно-увеличивающий характер. Публикуется

обращение губернатора Катанандова, о котором говорится выше. Героем статьи и фактически основным нарратером выступает спокойный и уравновешенный рабочий Юрчи, он-то и транслирует примирительные настроения. Единичными виновниками происшедших событий называется «отмерзевшая халкасская молодежь», также часть вины возлагается на диспорто-визовую службу ретинца, которая, по мнению автора статьи, поощряла нелегальную миграцию.

Следующая статья, опубликованная 13-15 сентября и озаглавленная «Как Кондопога сорбила человеческие крышу», выдвинута и логически провозвещает сторону. В ней рисуется чрезвычайно негативный образ чеченских мигрантов, которые огульно и без политкорректных оговорок называются «чеченцами» трагедии.

Чеченцы описываются как «слабые на кулаке», они не могут сделать русского озем из озем и потому «собираются по несколько человек с битами и тольке тогда нападают». Чеченская рыночная торговка характеризуется со русской женщиной в достаточно выходящей форме. В частности цитируется следующая реплика: «Ходила — крутила записки в три обхвата, которой она всех еще переписала». Приводится слова, которые перед «стуряком» «Чайки» якобы выкрикивала чеченка: «Бей русских» и («со ссылкой на неких анонимных свидетелей») «Режь русских свиной». Чеченцы изображаются жадными — они требуют десятки миллионов рублей компенсации при ущербе на сто тысяч. Единственный интервьюируемый чеченец, по описанию автора статьи, «говорит как-то неуверенно и смотрит почему-то в сторону».

Все приведенные цитаты принадлежат рассказчикам и оформлены как прямая речь, однако отношение автора к проблеме и редакционная позиция ставятся понятиями из структуры размещения материала на полосе и графического выделения некоторых фраз. Крупным курсивом выделены следующие реплики: «Чеченцы готовяные: поред будет читать их». «Поред ждал, что чеченская эмиграция с ним объяснится. Не дождался», «А миллионы убийств тоже ловит или только фанатизма» записывается?»

В статье негативные антонимы сопутствуют любому упоминанию чеченцев, и, наоборот, представители местного населения рисуются с помощью характеристик и образов, создающих исключительно положительный контекст. Троекратно в тексте статьи упоминается возм., что без основания и помимо событийной логики расширяет конфликт до межрелигиозного уровня.

Характерно в даже одностороннее заключение статьи, в котором указывается изог событий в Кондопоге. Попытка определить масштабы происшествия, автор начинает с отрицания чрезвычайности событий. Однако затем через риторический, практически обфигирующий прием он расширяет масштаб событий до всероссийского, создает ощущение повсеместной угрозы. Такой способ

людьми материями должен вызывать и вызывает в обществе чувство скрытой и неизвестной угрозы, исходящей от немцев.

Следствием «комсомольской» способам разбирает законодательный вопрос и анализирует события в Волгоде в статье «Хитит ли русские войны: межэтнический конфликт или языная драка?» саратовская газета «Взгляд». Как можно познать из подзаголовка, релятивная спорит с официальной точкой зрения, озвученной Павлом Ипазовым, и утверждает, что название межэтнический конфликт, потенциально сопоставимый с междоусобицами. В конфликте, согласно именованию газеты «Взгляд», участвуют с одной стороны «несколько русских молодых людей», «ребята», «две семейные пары и еще двое друзей», «русские», «армяне», «убитого парня», с другой: «выехавшие из Армении, «армяне», «представители волжской армянской диаспоры», «армянская банда». В описании армян часто присутствует определение «незаконные мигранты», подчеркивается наличие суицидов у объявленного в розыск Гарика Унава.

В статье газеты «Взгляд» несколько раз повторяется мысль, о том, что инцидент в последовании за нем обитаях виноваты «незаконные мигранты с Кавказа», либо просто армяне с преступным прошлым. Однако в заключении материала большая часть языка переключается на чиновников, не исполняющих закон. А релятивный комментарий, также обвиняющий власти/решающих, завершается таким примечательным пассажем: «Что же является основой подобных событий, то осуждение поделяет все стороны конфликта: и земляки, и те, кто стреловидеал. Бандитизм не имеет национальности». Такой документально подтвержденный вывод в значительной степени отягчает редакционную позицию саратовской газеты «Взгляд» от 2011,

что проводит федеральное издание «Комсомольский правда». При схожести материала к назван материалам региональная газета отличается большей аккуратностью в трактовке потенциальных вопросов.

В целом нужно отметить, что массово-развлекательная, «желтая» пресса нацелена тему национальных конфликтов, информационная пресса следует циклически повторяющейся «модерной» наряду объективности. Региональная пресса более осторожна, более сдержанна в оценках. Элементы, в которых можно было бы увидеть черты ксенофобии, табуализации. При этом необходимо констатировать, что наиболее «спорное» с точки зрения пропаганды националистических идей, издание («Комсомольский правда»), «первый», является фактически государственным по форме собственности (владеющей ею «Газпром-медиа» входит в состав государственной корпорации «Газпром»), а во-вторых, является наиболее тиражным среди не только из рассматриваемых нами, но и в целом из всех российских печатных СМИ. Из первого факта можно сделать вывод, что федеральная власть если не пропагандирует националистические идеи, то не избегает их существованию на газетных полосах большой охватности. Во втором факте, нашла взгляд, содержится подтверждение распространяемого мнения, что идеи межэтнической и межконфессиональной сегрегации, элементы ксенофобии распространены в современном российском обществе.

Примечания

1. *Аверраманов Н., Липа С., Тернер В.С. Социологический словарь.* М., 2004. С. 309
2. *Гарик Унава. Конфликт-квест # Социологическая энциклопедия.* В 3 т, М., 2003. Т. 3. С. 477

UDK 316.346.02-053.9 (470+671)

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

О.А. Березник

Саратовский государственный университет, кафедра теории и истории социологии
E-mail: bereznik@yandex.ru

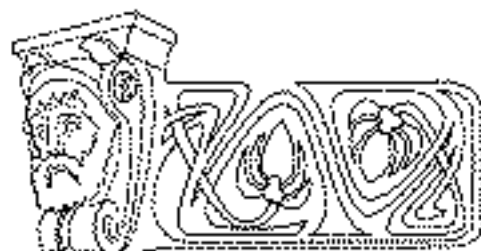
В статье с геронтологической точки зрения анализируется геронтологический аспект адаптации пожилых людей к условиям современной российской действительности.

The Gerontology Aspects of the Social Adaptation
Saratov State University

O.L. Berезnik

This article deals with the gerontology aspects of the social adaptation to the present of the Russian modern society with the gerontology point of view.

© О.А. Березник, 2008

Современное российское общество является сложную совокупность разнообразных социальных феноменов, насчитывающих в постоянном изменении и развитии. Среди них особое место занимает проблема адаптации пожилых к окружающей социальной реальности реформируемого российского общества. Обычно пожилыми людьми называют тех, кто достиг пенсионного возраста. Таким образом, в России под это определение попадают женщины старше 55-ти лет и мужчины старше 60-ти. Современная демографическая

родани материала должен зависеть и зависит в обществе чувство скрытой и полемической угрозы, исходящей от чужаков.

Сходными с «Комсомольской» способами разбирает независимый автор и анализирует события в Вьетнаме в статье «Хотят ли русские войны: межнациональный конфликт или пылая драка?» саратовская газета «Взгляд». Как можно понять из заголовка, редакция спорит с официальной точкой зрения, озвученной Павлом Игатовым, и утверждает, что наличие межнационального конфликта потенциально сопоставимый с кондоловжским. В конфликте, согласно информации газеты «Взгляд», участвуют с одной стороны «несколько русских молодых людей», «ребята», «две семейные пары в числе своих друзей», «русские», «русстенишки, убийцы парня», с другой: «выходцы из Армении», «армяне», «представители дельской армянской диаспоры», «армянская банда». В описании армян часто присутствует определение «мелкопленные мигранты», указывается наличие судимостей у объявленных в розыск Гургяна Унцян.

В статье газеты «Взгляд» несильно развосторженая мысль, о том, что вынуждены и последовательно то или иным образом выживать многочисленные мигранты с Кавказа, либо просто армяне с преступным прошлым. Однако в заключении материала большая часть вины перекладывается на чиновников, не выполняющих закон. А редакционная комментарий, также обвиняющий властей/управляющих, заканчивается таким примирительным пассажем: «Что же касается оценки недавних событий, то осуждение подлежат все стороны конфликта: и армяшки, и те, кого спровоцировали. Власти нам не имеют виновности». Такой умеренно-позитивный вывод в значительной степени отличает редакционную позицию саратовской газеты «Взгляд» от той,

что провозит федеральное издание «Комсомольская правда». При схожести подхода к проблеме материалов региональная газета отличается большей актуальностью в отражении национальных вопросов.

В целом нужно отметить, что массово-разнокачественная, «желтая» пресса отвечает тему национальных конфликтов, информационная пресса сообщает тактике политиканской эмоциональный накал объективности. Региональная пресса более осторожна, более сдержанна в оценках. Элементы, в которых можно было бы увидеть черты ксенофобии, запугивания. При этом необходимо констатировать, что наиболее «острабее» с точки зрения пропаганды националистических идей, издание («Комсомольская правда»). Во-первых, является фактически государственным по форме собственности (являющейся «Газпром-медиа» входит в состав государственной корпорации «Газпром»), а во-вторых, является наиболее тиражным среди не только из рассматриваемых нами, но и в целом из всех российских печатных СМИ. Из первого факта можно сделать вывод, что федеральная власть, если не провозглашает националистические идеи, то не видит в их существовании на газетных полосах большой опасности. Во втором факте, на наш взгляд, содержится возмущение распространением мифов, что явлен межнациональной и межпрофессиональной сегрегации, элементы ксенофобии потребованы в современном российском обществе.

Примечания

- ¹ Либерецкая Н., Хват С., Тюрлов Б.С. Социологический словарь. М., 2004. С. 209
- ² Тюрлов Б.С. Конспект-анализ // Социологический энциклопедия. II т. М., 2003. Т. 1. С. 477

УДК 316.345.32:658.5 (170+977)

ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

О.Л. Березник

Саратовский государственный университет,
институт истории и истории геронтология
E-mail: bereznik@yandex.ru

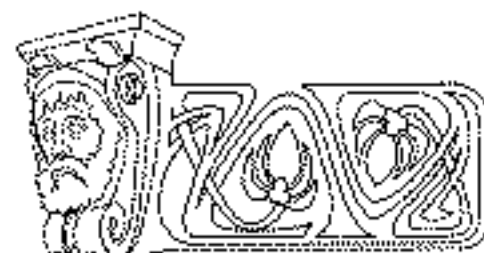
В статье в социологической точке зрения анализируются геронтологические аспекты адаптации пожилых людей к реалиям современной российской действительности

The Gerontology Aspects of the Social Adaptation
Saratov State University

O.L. Berезnik

This article deals with the gerontology aspects of the social adaptation to the present of the Russian modern society with the sociology point of view

© О.Л. Березник, 2008

Современное российское общество является сложную совокупность разнообразных социальных феноменов, находящихся в постоянном изменении и развитии. Среди них особое место занимает проблема адаптации пожилых к окружающей социальной реальности реформируемого российского общества. Обычно возрастными категориями называют тех, кто достиг пенсионного возраста. Таким образом, в России под это определение попадает женщина старше 55-ти лет и мужчина старше 60-ти. Современная демографическая

ситуация в России характеризуется устойчивой тенденцией — лишающимся увеличением доли лиц старшего трудоспособного возраста, что соответствует общемировому процессу старения населения. В нашей стране, как и в других, пожилые люди составляют особую социально-демографическую группу населения.

Применительно к лицам пожилого возраста в Российской Федерации приняты законодательные меры по охране здоровья, установлению государственной пенсии и пособия, обеспечившей государственную поддержку через систему социальных служб, гарантируется условия для культурно-образовательной деятельности.

Особое значение для создания пожилым людям достойных условий жизни имеют конституционные нормы о праве на жилище, достоинстве личности, свободе совести и вероисповедания, частной собственности, праве на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной, конституционные гарантии права на свободный труд вностилю распространяются на пожилых людей и не содержат каких-либо ограничений, связанных с возрастом. Медицинская помощь пожилым людям также оказывается многопрофильными лечебно-профилактическими учреждениями регулярно.

На многих территориях Российской Федерации созданы учреждения, ориентированные на обеспечение ухода и медико-социальную реабилитацию пожилых больных. Снизившиеся роли государственных учреждений социального обеспечения раст цен и инфляция, удорожание питания, квартиры, затрат на одежду и медикаменты мешают россиянам пенсионного возраста восполнить средства для выживания.

Наибольшее значение к пожилым людям во многом приобретает возрастному старению — на, убежденными с детства. Эти стереотипы поддерживаются культурной традицией, средствами массовой информации и социальном окружением. Они влияют и на то, как сами пожилые люди воспринимают и ощущают себя, как регулируют свое взаимодействие с окружающими. Вообще же стереотипы, связанные со старением, являются своеобразной матрицей отцовский и общество. В специальной литературе, посвященной проблемам пожилых, депрессия, психологическая дискомфорт, одиночество в хронические заболевания чаще всего признают «необъемлемым атрибутом» позднего периода жизни.

Естественно, что раннего рода утраты, сопутствующие пожилому возрасту, такие как потеря работы, уход от жизни близких людей, ухудшение здоровья, снижение социального статуса, как правило, вызывают депрессию, являющуюся естественной реакцией человека на сильный стресс¹. Но и депрессия бывает разной: деструктивной и адаптивной: уединение, боль, страх преследуют пожилых людей, ведут к ломке всего привычного образа жизни. Система стереотипных

представлений о старении и близких времени — дает все сферы социальных взаимодействий и обществе, профессиональные и личные контакты, в какой-то мере они становятся осознанным и получают статус «правды», что усиливает страх старения у всего общества.

Однако осознание реальной ситуации, обратного и период депрессии и стресса, может в будущем обернуться более эффективными стратегиями взаимодействия с миром.

На теоретическом уровне выделяются ключевые характеристики для сопоставления социального положения различных групп пожилых людей между собой и этой категории в целом с другими возрастными категориями населения. Такие характеристики обобщаются теоретическими конвенциями — «образ жизни», «уровень жизни», «качество жизни», «стадия жизни». Они в полной мере соответствуют велич построения эффективной политики во отношении к пожилым, поскольку позволяет выявить экономико-социальное и социально-культурное содержание жизнедеятельности различных групп пожилых людей. Существует множество определений указанных понятий. Для нас важным является определенное *образом жизни*, поскольку именно он во многом и определяет стратегии адаптации пожилых к постоянно меняющемуся реалиям современного российского общества.

Под образом жизни, как правило, подразумевается распределение жизненных ресурсов людей — времени и энергии (усилий) — между основными установленными формами жизнедеятельности (жизнеобеспечение, социализация, социальная коммуникация, рекреация). Важным теоретическим основанием социальной политики вообще является дифференцированный подход к пожилым людям как к особой социальной категории. Это позволяет выделить черты образа жизни: возрастные, гендерные, социально-стратификационные и другими признаками, характеризующими важных людей как особую категорию. Проблемы, характерные для пожилых людей, в зависимости от уровня социальной значимости дифференцируются на те, которые широко распространены, устойчивы во времени, угрожают социальной стабильности. В их числе — старение населения, неустойчивое материальное положение: социокультурная необеспеченность, слабая социальная значимость, недостаток в организации социальной трудовой занятости, материальной и бытовой помощи, подготовка к старости и смерти; сужение сферы социальной коммуникации, незащищенности, социальных ролей, утраченных в связи с прекращением трудовой деятельности.

Современной государственная политика в отношении пожилых людей определяется совокупностью мер, как особой категория и как совокупности групп, дифференцированных по

УДК 355.264:332.834.13

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТОВАНИЯ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

О.В. Щербатых

Саратовский государственный университет,
кафедра экономической социологии и демографии
E-mail: osherbatykh@mail.ru

Статья рассматривает одну из острых проблем жизни молодых семей – проблему доступности и affordability жилья. Также анализируются трудности становления ипотечного кредитования для молодых семей и возможные пути решения этой социально-экономической формы предоставления

State Regulation of Mortgage for Young Families

O.V. Shcherbatykh

Current article discusses one of the major problems of young families – the quality of housing – affordability and credit of housing. Also it deals with questions of problems and difficulties in formation of mortgage for young families and possible developmental ways of this socially economical lending type.

Доступность жилья одним из непосредственных образом влияет на состояние демографических показателей страны, рост ее населения. Возможность молодых граждан создать семью, вырастить здоровых детей, выучить их и дать им дорогу в жизнь определяется, в первую очередь, наличием или отсутствием жилья, удовлетворяющего современным представлениям людей о комфортности. Причем, в первую очередь, решение этой проблемы актуально для молодых семей, представляющих будущий облик и потенциал страны. На сегодняшний день демографическая ситуация в стране характеризуется крайне низким уровнем рождаемости, не обеспечивающим притока воспроизводства населения, высоким уровнем смертности, а также активным и необъяснимым миграционным интересам Российской Федерации и представляет угрозу национальной безопасности России. А сокращение численности населения не позволяет обеспечить формирование квалифицированных кадровых ресурсов, необходимых для развития материального и интеллектуального потенциала Российской Федерации, и способствует усилению технологической зависимости России от иностранных государств.

Проблема доступного жилья для молодежи и молодых семей всегда стоит достаточно остро. Не будучи не могут позволить себе расквитаться с процветающие страны по таким «молодежным» кредитам достаточно велики, поскольку будущее молодых специалистов непредсказуемо, а долги зачастую негасимы. Тем не менее в последнее

время ипотечного более доступные для молодых семей банковские продукты. В настоящее время ипотечное кредитование молодой семьей только набирает силу, и банки активно относятся к этой нише. На рынок ипотечного кредитования приходят новые игроки, развиваются и меняются банковские продукты для молодых семей. Среди всего множества кредитов можно выделить несколько предложений, разработанных с учетом потребности молодой семьи. Во-первых, это ипотечные кредиты для молодых семей, в которых возраст хотя бы одного из супругов не более 36 лет. Достоинством является то, что при рождении ребенка первоначальный взнос будет минимальным – всего 10%. Также при рождении ребенка могут предоставляться отсрочки в погашении долга до 5 лет с увеличением общего срока кредитования. Во-вторых, существуют программы кредитования, разработанные специально для тех, у кого нет достаточных накоплений, но уже имеется перспективная работа. Первоначальный взнос в этом случае составит 5%, но не менее 150 тыс. рублей. Причем до выплаты четверти стоимости квартиры базовая ставка, как правило, ниже, чем в последующие периоды. Важная отличительная черта таких программ то, что кредит предоставляется на максимальное количество лет, разрешенных на рынке, от 10 до 25 лет. Немаловажно, что может приниматься во внимание и доход родителей, чем и пользуются заемщики в большинстве случаев. Ведь родители у молодой семьи, как правило, в возрасте 45–50 лет и около 10 лет они могут эффективно работать, помогая детям купить собственное жилье.

С 2004 г. замечается тенденция некоторого повышения показателей доступности жилья в России. Показатель доступности жилья в нашей стране составляет в настоящее время 4,56 года и сопоставим со среднеевропейскими показателями. Так, коэффициент доступности жилья в Лондоне – 4,7 года, в Стокгольме – 6 лет, в Париже – 3 года, Мюнхене – 5,7 лет, Амстердаме – 7,8 лет. Коэффициент доступности жилья, составляющий 4,56 года означает, что если среднестатистическая российская семья все зарабатываемые деньги будет тратить только на приобретение квартиры, то чтобы выложить всю сумму, ей понадобится не менее четырех с половиной лет. Однако в реальной жизни основная часть дохода такой семьи

уходит на потребительские расходы, резервные деньги составляет не более 20-25% дохода. Если исключить из этих позиций, то средний коэффициент доступности жилья в России достигает 18-20 лет. Учитывая, что уровень дохода населения большинства населения не достигает среднеэкономических показателей, можно сделать вывод, что в нынешних условиях основная часть населения страны не в состоянии решить свою жилищную проблему¹.

В сложившейся ситуации проблемы улучшения жилищных условий могут быть решены только путем ипотечного кредитования приобретения и строительства жилья. Однако граждане России не имеют особых планов относительно эффективности и полезности использования ипотечного кредитования.

Несмотря на то, что с каждым годом кредиты становятся все доступнее и смягчаются их условия, определенные факторы, тормозящие развитие ипотечного кредитования для молодых семей, все еще остаются. Это те проблемы, с которыми сталкиваются многие желающие получить ипотечный кредит. Не секрет, что многие компании выплачивают своим сотрудникам зарплату в конвертах, а по почте посылы и сканбюклеты каменья претендента при обращении за кредитом. С одной стороны, деньги есть, а с другой – официального подтверждения достаточной заработной платы нет, а банкам необходимо стабильный официальный доход заемщика². В некоторых случаях банк может запросить у работодателя подтверждение заработной платы. По разным понятным причинам очень немногие компании согласятся предоставить такие документы. Трудности могут возникнуть также у тех, кто переехал учиться в другой город из своего региона: при обращении за кредитом банк уже не сможет учитывать доходы родителей, живущих и работающих в другом городе. Такое «отсечение» доходов родителей также снижает возможность получения кредита.

Проведенные в нескольких регионах эксперименты показали, что наиболее эффективно процесс предоставления жилья массовому осуществляется с помощью схемы ипотечного кредитования в системе привлечения сбережений граждан. Согласно статистическим данным, с 2003 по 2005 гг. жилищные условия улучшила 14 млн. семей, общий объем финансирования составил 51 млрд. руб. В дальнейшем суммы будут расти, а до 2010 г. на реализацию проекта предполагается затратить 165 млрд. руб³.

Чтобы стать участником программы необходимо, чтобы возраст одного из супругов не превышал 30 лет и чтобы данная семья была признана нуждающейся в улучшении жилищных условий, т.е. уже находившей в очереди на получение муниципального жилья до 1 марта 2005 г. или была признана нуждающейся и поставлена в очередь органами местного самоуправления после 1 марта 2005 г. Детская молодая семья должна быть

детишками для оплаты расчетной стоимости жилья в части, превышающей размер субсидии. При соответствии всем вышеперечисленным критериям государство субсидирует ипотечный кредит на квартиру для молодых семей без детей на 35% от расчетной стоимости жилья, а для молодых семей с одним и более детьми на 40%. При этом срок предоставления должен до 20 лет. По желанию заемщика может быть предоставлено отсрочка в погашении основного долга (с общим увеличением срока кредитования до 5 лет): на период строительства объекта недвижимости, но не более чем на два года и при рождении ребенка (дочери) в период действия кредитного договора до достижения им (нею) возраста трех лет. Примечательно, что, несмотря на отсрочку, эта семья участвует в программе неизбежно вместе с ребенком, именно числится от семей с большим количеством детей будут рассматриваться в первую очередь. Выгоды, согласно новому статусу программы, возложены и семьям, усыновившим ребенка. Отдельно отбирается участие в программе такая категория населения, как семьи молодых специалистов. Требования к такой семье совпадают со стандартными требованиями в участниках программы, прием один из супругов должен к моменту участия в программе окончить вуз и работать в государственном органе.

Еще одним «вариантом» молодой семьи считается семья, в которой один из супругов является сотрудником бюджетной организации объектов комплекса социальной сферы. Участие в программе по представлению совета ректоров вузов России семей заданных молодых преподавателей, аспирантов государственных вузов и аспирантов также подлежит отдельному рассмотрению. Эти категории участников для того, чтобы считаться молодыми, не должны быть старше 35 лет. Однако и здесь существует исключение, заемщик, не участвующий, таким образом будет определяться и измеряться наличие таланта⁴.

Наиболее острой проблемой, связанной с программой ипотечного кредитования, является слишком большое число нуждающихся по сравнению с количеством квартир. Существенный рынок недвижимости характеризуется ростом цен, что для участников субсидируемых программ невыгодно. Расчетная стоимость квадратного метра, определенная Министерством регионального развития РФ для назначения субсидии, безнадёжно отстает от рыночной цены (как минимум в два раза). Из-за этого государственную поддержку в 2006 г. получили меньше семей, чем было выделено. И в 2007 г. все не столько радужно: только 21 400 семей из 27 800 претендентов на субсидию могут ее воспользоваться. Основной проблемой является то, что субсидия перечисляется на счет покупателя не ранее чем через 2 недели после регистрации его права собственности. Здесь возникают проблемы с продажей жилья, которое не хотят ждать своих денег так долго и им проще

продать жилье обычному покупателю, чем покупателю с субсидией. Кроме того, учитывая, что субсидия предоставляется только после регистрации права собственности, возникает проблема с покупкой жилья на этапе строительства, так как все застройщики в провинции такого жилья желают получить денежные средства сразу после заключения договора долевого участия⁵.

Таким образом, жилищное ипотечное кредитование для молодых семей остается еще достаточно проблематичным и не убеждает в стабильности системы кредитования. В то же время существенное увеличение удельного веса тех граждан, которые привлекены на ипотечные жилищные программы, подтверждает правильность выбранного пути в развитии жилищной про-

блемы в стране на основе создания эффективной действующего института жилищной ипотеки.

Примечания

- ¹ *Кригерова А. А.* Ипотека в вопросах и ответах // М., 2007. С. 167.
- ² Ипотека. Кредит. Калькулятор жилищной деятельности / Под ред. М. И. Колосова. М., 2006. С. 212.
- ³ *Давыдова Н.* Ипотека в лицах // Труды ищущих. 2007. № 6. С. 12.
- ⁴ *Кригерова А. В.* Ипотечное кредитование // Национальные проекты. 2006. № 5. С. 26.
- ⁵ *Казунова А.* Ипотечная национальная идея // Препринт. 2007. № 58. С. 38.

UDC 315.334.2:470+511

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

С. Л. Розкина

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: roskina@yandex.ru

В статье анализируются основные формы и виды финансового поведения населения как разновидности социального поведения. Особое внимание уделено характеристике финансовой активности в современных российских условиях.

Financial Behavior of Population as an Object of Sociology

S. L. Rozkina

The article analyzes the main forms and types of financial behavior of population as a social behavior. The emphasis is made on the characteristics of financial activity in modern Russian society.

Поведение – это присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней и внутренней активностью и имеющее различные формы проявления. Среди них особое место занимает социальное поведение, которое, как известно, является фундаментальной категорией социального знания и используется при изучении взаимодействия индивида, группы и общества в целом с окружающей природной и социальной средой. Социальное поведение отражает характер и содержание отношений между обществом и природой и между самими социальными субъектами.

Социальное поведение субъектов общественной жизни обусловлено их трудовой деятельностью и общением между собой. Социология интерпретирует социальное поведение в терминах деятельности, общения, возна-

граждения, мотивов, ценностной ориентации и потребностей. В последние, наиболее глубоко характеризующим его социальность, выступает все же проявление многообразия отношений человека к жизни.

В системе социального поведения свое место занимает финансовое поведение как элемент данной системы. На первый взгляд, может показаться, что финансовое поведение – это предмет чисто экономической науки, которая рассматривает его, как правило, в отрыве от социального. Экономисты полагают, что человек свободен в своих действиях и ограничен лишь изначальными и его распоряжения финансами и ценами на те или иные товары и услуги, в которых он заинтересован. Это значит, что за свободой выносятся социальные составляющие, поскольку подобный подход исключает влияние от его социального окружения.

Возможно экономическая наука разработкой проблем финансового поведения населения занимается сугубо эмпирическая отрасль психологии – экономическая психология, которая раскрывает символическую природу сопряженных денежных отношений в виде существенных различий в обращении людей с деньгами, что позволяет говорить о несводимости финансовых действий к стоимостным расчетам. Следовательно, финансовое поведение обусловлено социокультурными характеристиками среды, а также тем, как население воспринимает экономическую и социальную реальность.

предать жилье обычному покупателю, чем покупателю с субсидией. Кроме того, учитывая, что субсидия предоставляется только после регистрации права собственности, возникает проблема с покупкой жилья на этапе строительства, так как все застройщики и продавцы такого жилья желают получить денежные средства сразу после заключения договора долевого участия¹.

Таким образом, жилищное ипотечное кредитование для молодых семей остается одной достаточно проблематичной и не убеждает в стабильности системы кредитования. В то же время существенное увеличение удельного веса тех граждан, которые ориентированы на ипотечные жилищные программы, подтверждает актуальность выбранного пути в развитии жилищной про-

блемы в стране на основе создания эффективно действующего института жилищной ипотеки.

Примечания

- ¹ *Видюкова А.А.* Ипотека в вопросах и ответах. М., 2007. С. 167.
- ² Ипотечка. Краткий комментарий жилищного законодательства / Под ред. М.Л. Козлова. М., 2006. С. 212.
- ³ *Дресвица Е.* Ипотека в лицах // *Вестник ипотеки*. 2007. № 4. С. 12.
- ⁴ *Краснов А.В.* Ипотечное образование в Национальном проекте. 2006. № 5. С. 26.
- ⁵ *Полухин А.* Ипотека как инновационная идея // *Профили*. 2007. № 58. С. 38.

УДК 315.334.2:4701:571

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

С.Л. Февзина

Саратовский государственный университет,
кафедра теории и истории социологии
E-mail: fevzina@yandex.ru

В статье анализируются основные формы и виды финансового поведения населения как разновидности социального поведения. Особое внимание уделено характеристике финансовой активности в современной российской экономике.

Financial Behavior of Population as an Object of Sociology

S.L. Fevzina

The article analyzes the main forms and types of financial behavior of population as a social behavior. The emphasis is made on the characteristics of financial activity in modern Russian society.

Население – это прирученное живым существам взаимодействие с окружающей средой, сосредоточенное их внешней и внутренней активностью и имеющее различные формы проявления. Среди них особое место занимает социальное поведение, которое, как известно, является фундаментальной категорией социологического знания и используется при изучении взаимодействия индивида, группы и общества в целом с окружающей природной и социальной средой. Социальное поведение выражает характер и содержание отношений между обществом и природой и между самими социальными субъектами.

Социальное поведение субъектов общественной жизни обусловлено их трудовой деятельностью и общением между собой. Социология интерпретирует социальное поведение в терминах деятельности, общения, возни-

граждения, мотивах, ценностями ориентации и потребностей. В поведении, наиболее глубоко характеризующем его социальность, наиболее всего проявляется многообразие отношений человека к жизни.

В системе социального поведения свое место занимает финансовое поведение как элемент данной системы. На первый взгляд, может показаться, что финансовое поведение – это предмет чисто экономической науки, которая рассматривает его, как транзакто, в отрыве от социального. Экономисты полагают, что человек свободен в своих действиях и ограничен лишь количеством в его распоряжении финансами в целях на те или иные товары и услуги, в которых он заинтересован. Это значит, что за скобки выносятся социальная составляющая, поскольку подобный подход изолирует индивида от его социального окружения.

Помимо экономической науки разработкой проблем финансового поведения населения занимается специальная отрасль психологии – экономическая психология, которая раскрывает смысловую угрозу современных денежных отношений и видит существенные различия в обращении людей с деньгами, что позволяет говорить о несвободе финансовых действий в стоимостных расчетах. Следовательно, финансовое поведение обусловлено социокультурными характеристиками среды, а также тем, как население воспринимает экономическую и социальную реальность.

В отличие от экономистов и психологов у социологов нет устойчивых традиций в изучении финансового поведения населения, хотя еще в первой половине прошлого столетия на Западе стали появляться первые работы по этой теме. Так, в 30-х гг. XX в. Р. Голдшайд предложил термин «социология финансов»¹. Он ратовал за то, чтобы замкнуть финансовую эвристику, занимающуюся в основном проблемами достаточности материальных поступлений для финансирования государственных расходов, социологией финансов, рассматривающей эти вопросы в контексте всего общества.

Появлением такой дисциплины стал анализ финансовых стратегий различных социальных групп населения – способов сбережения ими денежных средств, в том числе для обеспечения старости, выявления типологией реальных финансовых интересов этих групп и их динамики в условиях изменения институциональной инфраструктуры и государственного регулирования. Последнее является немаловажным условием финансового выбора домохозяйства, поскольку, например, взносы в пенсионные фонды домохозяйства делает, принимая во внимание те налоговые льготы, которые законодательно установлены государством.

Так как же социологи определяют финансовое поведение людей? Оно предстает как сложное, многогранное явление социальной жизни общества. Этот феномен охватывает различные формы и виды финансовой активности людей: потребление, сбережение, страхование, заёмно-долговое поведение, инвестирование и т.д. Финансовая деятельность населения объективно способствует развитию и усложнению социальной stratификации общества, появлению новых социальных групп и слоев, связанных с финансовой деятельностью.

В отечественной социологии проблема финансового поведения населения долгое время игнорировалась, о чем свидетельствует отсутствие специальных работ по данной теме. Это было обусловлено как спецификой развития самой социологии, которая длительное время была под запретом в условиях советского строя, так и особенностями экономической жизни бывшего Советского государства, где не оставалось места активному финансовому поведению человека².

В современных условиях, когда российское общество отказывается от наследия прошлого, идет трудным и сложным путем преобразования всех сфер своей жизнедеятельности, на первый план выдвигается экономическая и финансовая активность населения, что выступает предпосылкой укрепления рыночных отношений в стране. Поэтому и наука, в том числе и социологическая, сосредоточила свое внимание на выявлении предпосылок и условий развития всех форм экономической деятельности населения. Среди них особый интерес вызывает социальная деятель-

ность процесса и устремает все – финансовое поведение населения. В рамках данной проблемы исследователи обрабатывают свое внимание на распределение экономической власти внутри семьи и доступе к финансовым ресурсам, теории социальной множественности денег и социальной укорененности финансового поведения населения и др.³ Кратко остановимся на этих проблемах.

В последнее время социологи актуализировали исследование процесса принятия решений по поводу распределения денег внутри семьи. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в семьях кризисно-тезисно увеличивается число способов использования денежных ресурсов. Речь идет, в частности, о таких способах, как объединение всех денежных средств семьи и распределение семейного бюджета. Социологической априорие данных явлений свидетельствует тот факт, что управление финансами в рамках домохозяйства определяется гендерным распределением ролей. Например, при существующем в семье стереотипе мужско-формальной доступности жены и других членов семьи к финансовым ресурсам может существовать характер, не зависящий от их статуса и дохода.

Другим социологическим аспектом финансового поведения выступает отношение населения к основному финансовому инструменту – деньгам. Теория социальной множественности денег гласит, что отношение к деньгам обусловлено характером социальных отношений: деньги вступают в сеть семейных, дружеских, рабочих, та, учительских и прочих связей. Отношение людей к деньгам напрямую зависит от характера источника их получения. Например, существует понятие «легких денег» – денег, которые были получены случайным способом, без особых усилий: в результате спекулятивной сделки, выигрыша в лотерею, деньги могут быть найдены. Как правило, с ними расстаются не задумываясь, их можно тратить даже на ненужные вещи. И, наоборот, деньги, полученные в результате больших усилий, воспитывают в человеке чувство ответственности, ответственности в их использовании.

Необходимость исследования финансового поведения в рамках социологической науки подтверждается наличием различных коллодов к банкам и тем же социоэкономическим феноменам. В экономическом смысле нет различия между долгами и кредитами. Тем не менее в реальной жизни для конкретного человека эти понятия могут приобретать совершенно разное значение. В частности, жизнь в долг имеет отрицательную психологическую и социальную окраску. В то же время кредит может восприниматься положительно – как возможность улучшить свою жизнь, решить конкретные социальные проблемы.

Принципиальным отличием социологии от экономической теории и экономики сущности финансового поведения населения является приращение традиционных начал этого явления, которые обусловлены ментальностью, традиция-

ми, привычкам и другими субъективными факторами общественной жизни. В России сегодня все большую популярность завоевывают услуги страхования. В частности, об этом свидетельствует рост популярности автострахования КАСКО, которое позволяет автовладельцам компенсировать непредвиденные потери при эксплуатации автомобиля. Тем не менее практика страхования до сих пор не распространилась широко на другие виды имущества, например, недвижимость. Возвратки экономической теории, социология может объяснить данный феномен энергичностью общественного сознания, отсутствием образцов для подражания и др. Это говорит о социальной укорененности финансового поведения населения, его зависимости от конкретных социально-экономических условий, функционирования формальных и неформальных институтов, культурных стереотипов и прочих факторов, влияющих на принятие иррационального решения.

По мнению некоторых исследователей, можно выделить три типа финансового поведения населения: активное, рутинно-эволюционное и пассивное⁶. Активное финансовое поведение характеризуется стремлением осваивать образцы нового поведения; наличием высокого уровня информационного интереса к происходящему на финансовом рынке; повышенной готовностью к риску. Оно выступает своеобразным катализатором возникновения новых социальных норм финансового поведения. В центре мотивации такого поведения лежит опора, прежде всего, на свои собственные силы, а не на государство и не на вновь возникающие финансовые институты; высокая оценка своих собственных возможностей сберечь и приумножить средства; готовность к участию в финансовых операциях, приносящих выгоду, но находящихся за грани законности, а порой выходящих в противоречие с широко распространенными социальными нормами; в способности к быстрому принятию решений и переменам в них.

Второй тип финансового поведения – рутинно-эволюционное – отличается стремлением

использовать образцы финансового поведения, которые присущи зрелой стадии рынка: низким уровнем информированности по проблемам финансовой системы и отсутствием желания получать информацию; всежаанием раскочевать, стремлением к стабильности, следованием принятым нормам финансового поведения, слабой рефлексией по отношению к своим действиям на рынке; высоким уровнем эмоциональности оценкой финансовой ситуации; низкой самооценкой своих способностей, характерных принятием квалифицированных финансовых решений, желанием возложить ответственность за принятие таких решений, в первую очередь, на государство; настороженным отношением к вновь возникающим финансовым структурам и товарам.

Третий тип финансового поведения – пассивное финансовое потребление – это пониженный уровень социального оптимизма; пониженная рациональность оценки как текущего, так и будущего материального положения своих семей; высокий уровень эмоциональности наряду с прагматизмом; формирование представлений о финансовом поведении на основе, скорее, идеальной модели, чем рациональных расчетов.

Экономическая социология призвана уделять особое внимание научному анализу данных проблем и способствовать решению практических задач повышения общественного благосостояния.

Примечания

- ¹ *Bianchi R. Sociology Of Finance – Old And New Perspectives Economic Sociology & European Electronic Newsletter 2001. Vol. 2, № 2.*
- ² *См.: Радина Я. В. Экономическая социология в России: стандарты и реалии // Экономическая социология. 2004. Т. 5, № 3. С. 102.*
- ³ *См.: Кудина О. В. Социология финансового поведения населения // <http://www.socsp.ru/d609asg/07915>*
- ⁴ *См.: Пашаева Н. Н. Механизм взаимодействия на финансовом рынке России: население и финансовые структуры // Экономическая социология. 2001. Т. 2, № 5. С. 7-8.*

УДК 314.145.2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.А. Змеева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии религии
E-mail: VegetalA@info.sgu.ru

В статье анализируются социально-демографические ценности как регуляторы сложившегося поведения населения и обозначаются основные векторы их трансформации в современной России.

Socially-demographic Values as Object of the Social Analysis

S.A. Zmeeva

Socially-demographic values as regulators of the norms behavior of the population and their basic vectors of its transformation in modern Russia are designated in the article.

ми, привычкам и другими субъективными факторами общественной жизни. В России сегодня все большую популярность завоевывают услуги страхования. В частности, об этом свидетельствует рост популярности автострахования КАСКО, которое позволяет автозащитникам компенсировать непредвиденные потери при эксплуатации автомобиля. Тем не менее практика страхования до сих пор не распространилась широко на другие виды имущества, например, недвижимость. Возврат экономической теории, социология может объяснить данный феномен энергичностью общественного сознания, отсутствием образцов для подражания и др. Это говорит о социальной укорененности финансового поведения населения, его зависимости от конкретных социально-экономических условий, функционирования формальных и неформальных институтов, культурных стереотипов и прочих факторов, влияющих на принятие иррационального решения.

По мнению некоторых исследователей, можно выделить три типа финансового поведения населения: активное, рутинно-эволюционное и пассивное¹. Активное финансовое поведение характеризуется стремлением осваивать образцы нового поведения; наличием высокого уровня информационного интереса к происходящему на финансовом рынке; повышенной готовностью к риску. Оно выступает своеобразным катализатором возникновения новых социальных норм финансового поведения. В центре мотиваций такого поведения лежит опора, прежде всего, на свои собственные силы, а не на государство и не на вновь возникающие финансовые институты; высокая оценка своих собственных возможностей сберечь и приумножить средства; готовность к участию в финансовых операциях, приносящих выгоду, но находящихся на грани законности, а порой выходящих в противоречие с широко распространенными социальными нормами; в способности к быстрому принятию решений и переменам в поведении.

Второй тип финансового поведения – рутинно-эволюционное – отличается стремлением

использовать образцы финансового поведения, которые присущи зрелой стадии рынка: низким уровнем информированности по проблемам финансовой системы и отсутствием желания получать информацию; нежеланием рисковать, стремлением к стабильности; следованием принятым нормам финансового поведения, слабой рефлексией по отношению к своим действиям на рынке; высоким уровнем эмоциональности в любой финансовой ситуации; низкой самооценкой своих способностей, хаотичное принятие квалифицированных финансовых решений, желанием возложить ответственность за принятие таких решений, в первую очередь, на государство; настороженным отношением к вновь возникающим финансовым структурам и товарам.

Третий тип финансового поведения – пассивное финансовое потребление – это пошлыватый уровень сознательного оптимизма; пониженная рациональность оценки как текущего, так и будущего материального положения своих семей; высокий уровень эмоциональности наряду с прагматизмом; формирование представлений о финансовом поведении на основе, скорее, идеальной модели, чем рациональных расчетов.

Экономическая социология артикулирует особое внимание научному диалогу данных проблем и способствовать решению практических задач повышения общественного благосостояния.

Примечания

1. *Biomers R. Sociology Of Finance – Old And New Perspectives Economic Sociology & European Electronic Newsletter 2001, Vol. 2, № 2*
2. См.: *Радина Я. В. Экономическая социология в России: становление и развитие // Экономическая социология. 2004. Т. 5, № 1. С. 102.*
3. См.: *Курова О. Е. Социология финансового поведения населения // <http://www.socsp.ru/db/asp/97915>*
4. См.: *Павлова И. В. Механизм трансляции на финансовом рынке России: население и финансовое структура // Экономическая социология. 2003. Т. 2, № 5. С. 7-8*

УДК 314.145.2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

С.А. Зинеева

Саратовский государственный университет,
кафедра социологии религии
E-mail: Vegetalia@info.sgu.ru

В статье анализируются социально-демографические ценности как регуляторы сложившегося поведения населения и обозначаются основные векторы их трансформации в современном России.

© С.А. Зинеева, 2008

Socially-demographic Values as Object of the Social Analysis

S. A. Zineeva

Socially-demographic values as regulators of the norms behavior of the population and their basic vectors of its transliteration in modern Russia are designated in this article.

XX столетие стало для России временем огромных изменений — социальных, экономических, политических, культурных и демографических. Демографические перемены не столь очевидны как экономические или политические, поэтому они осознаются позднее, но, осознаваясь, в корне меняют повседневную жизнь людей в разных областях их существования, особенно — материальную, рекреативную, сексуальную, семейную и все иные виды социально-демографического поведения. Совокупность этих перемен составляет содержание демографической модернизации России, ее перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости.

Специалисты-гуаналитары, изучая закономерные изменения демографических показателей, усматривают в них положительные, отрицательные или нейтральные тенденции, нередко расходясь в оценках происходящего². Однако все согласны в необходимости поиска нового демографического равновесия и соответствующих ему ценностей и форм демографического поведения.

Во всяком обществе существуют сложные многоуровневые системы — комплексы убеждений и мотиваций, опечаляющих огромному объему вариативности человеческой жизнедеятельности, специально предназначенные для выработки общих и конкретных знаний, представлений о мире и самом человеке, а также ориентаций и целей не только повседневного поведения, но и рассчитанных на отдаленные перспективы. Эти системы составляют ценностно-нормативную структуру, включающую в себя ценности, нормы, ролевые ожидания, стереотипы, которые управляют ролевым поведением представителей различных категорий населения. В большой мере это относится и к социально-демографической сфере.

Социально-демографические ценности являются основным компонентом универсальной общей системы социальных ценностей³ и тесно связаны с ними. Отличие первых заключается в субъективных характеристиках, принадлежности той или иной демографической ситуации. Социально-демографические ценности включают предписания, требования, пожелания и ожидания соответствующего (в демографическом контексте) поведения, общеподобные образцы (заблуждения), управляют поведением представителей различных половозрастных обязательств. В качестве основных социально-демографических ценностей сегодня выступают ценности семьи, детей, здоровья, секса, любви к супругу (партнеру), родителям, детям, жизни и т.д. Они формируют систему социально-демографического взаимодействия — сеть взаимоотношений, которая включает мотивы, цели, направленности, субъектов социально-демографического поведения, само действие, ожидания, оценку и средства. Важными особен-

ностями социально-демографических ценностей являются их тесная взаимосвязь, взаимообуславливание, возрастной и гендерный характер.

Система ценностей — такой же продукт истории, как и другие общественные явления. Эволюция демографическая сфера жизнедеятельности человека и соответствующие социальные отношения были тесно связаны с другими, демографические ценности существовали в «сервнутом», неразвитом виде и не могли проявиться в специфических индивидуальных потребностях. Изменение социальных условий, смена общественных воззрений ориентирует людей к тому, что воспринимается традиционными социально-демографическими ценностями, уступая место новым ценностям адаптационного характера.

Особенности формирования и развития социально-демографических ценностей связаны с изменением объективных потребностей общества в самовоспроизводстве (в широком смысле). В их развитии находят отражение, дифференциация и обогащение социальной жизни и социальных отношений. Они включают в себя несколько одновременно разнонаправленных процессов — внутреннее обогащение, обособление, внутреннее расчленение, изменение иерархии значимости для социально-демографического субъекта, адаптацию к изменяющейся экономической, политической и социокультурной ситуации. Благодаря этим процессам социально-демографические ценности приобрели непосредственную мотивационную силу в общественном и индивидуальном сознании и способствовали возникновению различных типов социально-демографического поведения населения. Таким образом, современные социально-демографические ценности достигают многомерности, разноуровневости и сложности по своей структуре.

Динамика этого процесса разветвляется при сохранении прожитой традиционной ценности семьи, детей, однако их внутреннее содержательное наполнение изменяется. Более того, эта трансформация оказывает воздействие на другие социально-демографические ценности (жизнь, здоровье, любовь родителей и детей, супружеская любовь и т.д.). В то же время эти ценности, вступая во взаимодействие с другими, демографическими (например, статусными — таковыми, как работа, деньги и пр.), пытаются на себе их предельно значимое влияние, нередко сужая свою регулятивную роль и социально-демографическом и повседневном поведении людей.

Укоряченная система социально значимых, социально-демографических норм и ценностей обеспечивает легитимизацию и удовлетворение социальных потребностей воспроизводства и развития личности и общества, влияет на распределение ролей, властных функций, экономических и символических базисов в различных сферах жизненного пути человека. В условиях переходного российского

общества разрушение традиционных социально-демографических ценностей, норм, связей и отношений несет в себе как элементы деструктивности, так и пиндогенности. Это кардинально изменяет механизмы, управляющие социально-демографическим поведением населения, влияет на становление нового типа личности человека, на его индивидуальную жизненную траекторию.

Трансформация социально-демографических ценностей современных россиян может служить индикатором состояния данной сферы, расширяет возможности диагностики, прогнозирования и регулирования социально-демографического поведения населения. Структурирование ценностей по степени актуальности позволяет уточнить социальные ожидания и элементы межпоколенческого механизма их образования при проведении различных социологических и демографических исследований. Кроме того, знание социально-демографической нормативной специфики позволяет определять личное поведение и межличностные отношения. Эти моменты необходимо учитывать также в ходе реализации различных социальных программ, в социальной работе с представителями различных поколений.

Примечания

- ¹ *Абелява А. П.* Социальная рождаемость. М., 1980. С. 197-211; *Борисов В. А.* Еще одна глава возможности теории демографической революции // *Социол.* 1986. № 1. С. 212-215; *Виноградов А. Г.* Восприимчивость населения к обществу: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 188; *Дарский Д. Е.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи // *Демографическое развитие семьи.* М., 1979. С. 94-125; *Демографическая модернизация России: 1900-2000* / Под ред. А. Винникова. М., 2006. С. 9-11; *Наскова А. В.* Демографическое поведение расколлажи общества и деиндивидуальную часть социологические аспекты // *Социальная политика и социология.* 2004. № 1. С. 82; *Шуброва А.* Теория демографической революции: к вопросу о вращающейся Периодичности // *Вестн. В.А. Борисова // Демографические исследования* 2006. № 5. С. 193-199.
- ² Подробнее см.: *Модернизация России в контексте ценностей.* М., 1994; *Ментальность россиян (Стереотипы сознания беззастенчивых народов России)* М., 1997; *Динамика ценностей населения реформируемой России* / Отв. ред. В. В. Лавин, Л. А. Беляева. М., 1996 и др.

УДК 32:316.047.5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А.А. Вилков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук,
E-mail: vilov@yandex.ru

В статье рассмотрены и охарактеризованы основные направления, имеющиеся в обществоведческой литературе. Анализ роли толерантности в современной России. Представлены различные трактовки этого понятия, проанализированы основные сферы ее проявления в общественно-политических отношениях, исследована степень изученности политическим аспектам толерантности российского общества.

**Political Aspects of the Tolerance Problem in the Modern
Social-Science Literature**

A.A. Vilov

The paper considers and characterizes basic directions and approaches, available in the social-science literature. An analysis of the role of tolerance in modern Russia. Various treatments of the concept of tolerance are presented. basic spheres of its manifestation in social and political relations are analyzed. the exploration degree of the political aspects of tolerance of the Russian society is examined.

Одной из важнейших и сложнейших проблем современной России, требующей целенаправленного и последовательного решения, является острый и актуализированный характер взаимоотношений между различными социальными группами — представителями российских этносов и конфессий. Степень толерантности данных отношений определяет не только уровень стабильности политической системы и остальных сфер жизни общества, но и саму жизнеспособность и перспективы развития сложносоставного российского социума.

Существуют различные трактовки данного понятия. Одним из самых распространенных является понимание толерантности как «терпимости, которая позволяет не только уважать чужую позицию, но и менять свою в процессе диалога»¹. Л.М. Дробожено рассматривает толерантность «не как позицию самоограничения и намеренного невмешательства, согласия на взаимную терпимость», но «также и принятие других такими, какие они есть, и готовность взаимодействовать с ними»². На наш взгляд, отсутствие единства в понимании толерантности объясняется не только сложностью и многомерностью данного феномена, но и тем, что с точки зрения содержания данная категория ни исторически, ни эмпирически не является универсальной. Член-корреспондент РАН В. Титаров

утверждает, что ее содержание, границы, стороны и активные участники различаются не только в историческом аспекте, но и в зависимости от культурной традиции, состояния общества и многих других факторов³.

Развернутое и всестороннее определение данного феномена было дано в «Декларации принципов толерантности», утвержденной резолюцией генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.: «Толерантность означает уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, разных форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствует знание, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Толерантность — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира. <...> Толерантность — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека. Ни при каких обстоятельствах толерантность не может служить оправданием посягательства на эти основные ценности, толерантность важна прежде всего отдельным людям, группам и государствам»⁴.

Неслучайно данным сюжетом посвящены работы многих западных исследователей⁵. Их внимание привлекают и особенности проявления толерантности в России. Например, Д. Гибсон проводил в 1996 г. эмпирическое исследование политической толерантности и условиях демократизации в России. Исходным положением его проекта стал тезис о толерантности как одной из доминирующих черт российской политической культуры, что объяснялось отсутствием традиций культивирования толерантности и неразвитостью либерализма, а также сохранением влияния советских норм, с их кульгом нетерпимости к политическим противникам. Опираясь на известное соображение С.М. Липсета о политической культуре как основном рычажке демократии, Гибсон, как и многие из аналогично, исходил из того, что успешная демократизация не может быть гарантирована лишь институциональными трансформациями (сменением конституции,

таково: государство, институты политической власти и т.п.), а предполагает и, более того, делает необходимым формирование совершенно определенной системы культурных ценностей⁶.

Думается, связывать наличие толерантности лишь с укреплением в обществе либеральных традиций не совсем правомерно. Многие страны с традиционным укладом на протяжении своей многовековой истории демонстрировали гораздо более высокий уровень толерантности, нежели западноевропейские с их непрекращающимися позанымыми конфликтами. Кроме того, укрепление либеральных основ толерантности в странах Западной Европы, устраняя или смягчая самые социальные противоречия, одновременно порождает новые, не менее опасные

По мнению Р. Даля, «образованный уровень культуры и демократии благоприятно повлиял на развитие и стабильность демократии во многих странах «старой демократии»⁷. Однако в конце XX столетия в этих странах возникли два фактора, способствующие усилению культурной дивергенции. Во-первых, граждане, обычно поддерживавшие дискриминацию, объединялись, образуют общественные движения, призванные защитить их интересы и права на культурную самоидентификацию. Во-вторых, культурная дивергенция в странах «старой демократии» значительно усложнилась за счет постоянно увеличивающегося притока иммигрантов, отличающихся этнически, по языку, религии, культуре от коренного, доминирующего в той или иной стране населения. Исходя из этого, Р. Дали утверждал, что надежда на то, что наступающее столетие решит проблему культурной дивергенции представляется необоснованной и беспечной⁸.

На наш взгляд, конфликты последних лет во Франции и многих других странах Западной Европы ясно показали, что процесс вживания иммигрантов в сложную ткань сложившихся демократических отношений происходит болезненно и нередко приводит к формированию внутри государственной анклавных социокультурных сообществ, не желающих руководствоваться принципами толерантности и правами.

Нельзя также забывать, что вопросы культурных различий непосредственны от проблем социального неравенства, бедности, политической дискриминации. А.В. Глухова отмечает, что «структура господства в европейских странах не претерпела существенных изменений. Элиты по-прежнему рекрутируются из местного населения, иммигранты и их дети занимают наименее престижные ступени на социальной лестнице»⁹. По мнению М. Вильверк, социокультурные различия существуют как неизбежное свойство системных процессов, несмотря на существование одного, доминирующего в развивающихся демократических ценностях, экономических дости-

жений и продуктов масс-медийной индустрии. Таким образом, мы имеем дело с «двойной моралью» доминирующих групп, культурного большинства, основанной на экономических и элитных интересах. С одной стороны, демократические ценности объявляются универсальными, но параллельно с этим реализация гражданских свобод и экономических прав меньшинства затруднена, они испытывают экономическое неравенство и социальную несправедливость. В итоге, находясь в замкнутом положении, социальные меньшинства ограничивают коммуникация с доминирующими этносами, образуя секты, экстремистские объединения, приемлемые группировки¹⁰.

Кроме того, нужно учитывать, что борьба за толерантность в странах Западной Европы, начавшаяся в XVII в. и особенно эффективно развивавшаяся в Англии и Голландии, не мешала этим странам одновременно вести колониальную и империалистическую политику.

США представляют собой особый тип государства, которое изначально формировалось как иммигрантское сообщество, где государственный нейтралитет в области культурных, религиозных и прочих предпринятых обязательств и так формально декларировался принципом: «Все должно терпеть все!»¹¹. Однако во внешней политике США предельно нетерпимы, оставляя за собой право прямого военного вмешательства в любом регионе мира, где нарушаются, по их мнению, «интересы демократии». По мнению А. Ливена, ведущего научного сотрудника «Фонда Карнеги за международную мир», такая политика подкреплена эффективной и всеобъемлющей системой воспитания американского патриотизма: «Слово «американский» противостоит с таким жаргонизмом, что сразу ясно: если уж гражданин, обычный или институт американский, значит он обладает целым рядом бесспорных достоинств <...> И наоборот, «неамериканский» означает не просто «этностранный» или «незнакомый», а в – «опасный, аморальный, пагубный, заблуждающийся» <...> Уильям Р. Брок написал это в 1974 году, но и сегодня, три десятилетия спустя, его слова по-прежнему актуальны»¹². Иными словами, если толерантность и присутствует на уровне того или иного государства, то она, как справедливо отмечает Н.В. Крутова, во многом еще не реализована на уровне межгосударственных отношений¹³.

В целом, анализ данных работ позволяет констатировать неоднозначность интерпретаций и их места и роли толерантности, отчасти это объясняется усиленным процессом глобализации, параллельно с интеграцией ролью, которую она может играть в обществе, целесообразно и осмысленно границ применимости этого концепта¹⁴.

В российской общественно-научной литературе также ניתן отметить самые различ-

ные аспекты проблемы толерантности. Условно их можно разделить на несколько групп. Основными направлениями являются анализ места и роли толерантности в истории России и в современных условиях, исследование различных трактовок ее сущности и функциональности, особенности ее проявления в различных областях общественной жизни¹³. Объясняют эти исследования изучение когнитивных стилей и установок, личностных и мировоззренческих ориентиров личности в отношении толерантности.

Важное место занимает исследование стелевой толерантности социальных групп, стратифицированных по самым различным основаниям в зависимости соответствующую самоидентификацию по схеме «мы – они»: «молодежь – пенсионеры»; «студенчество – олигархи»; «женщины – мужчины»; «либералы – консерваторы»; «сельские жители – горожане» и т.д.¹⁴ Основной акцент в работах данного направления сделан на социологическую интерпретацию толерантности, выявление механизмов социальной идентичности, исследованные параметры общественного неравенства и их роль в позиционировании различных социальных групп, анализ факторов возрастной, гендерной, профессиональной, сословной и иной дискриминации. Большинство исследователей констатируют, что в условиях реформирования общественных отношений в современной России очевиден дефицит толерантности, что необходимо принимать меры для устранения этого явления на всех уровнях коммуникаций.

Представители психологического направления¹⁵ рассматривают толерантность сквозь призму психических процессов, лежащих в формировании «Я-концепций», анализируют внутрисубъектные механизмы толерантных установок, выделяют факторы, способствующие уменьшению (либо магнетизации) нетерпимости в общественных отношениях, анализируют методики, направленные на уменьшение внутриаггентажной конфликтности, на развитие межличностной коммуникабельности и группового сотрудничества.

Огромное количество публикаций посвящено анализу роли сферы образования в формировании толерантности¹⁶. Большинство авторов сходится в том, что направленность и характер воспитания личности, особенно в детстве, закладывает те основы толерантности, которые затем выступают мотивационным фактором поведения.

Кроме того, можно выделить исследования, посвященные анализу воздействия процессов глобализации на толерантность¹⁷. Среди большого комплекса проблем, вызванных глобализацией, наибольшее внимание ученых обращено на процессы социокультурного взаимодействия в большинстве стран мира.

Еще одно направление исследований связано с ролью массовых коммуникаций в общественной жизни, в том числе в формировании культурного плюрализма и атмосферы толерант-

ности¹⁸. На наш взгляд, результаты развития информационно-коммуникационных технологий достаточно показательны. С одной стороны, СМИ, Интернет значительно увеличивают возможности целенаправленного и стихийного формирования толерантности (на основе увеличения возможностей коммуникаций). С другой – усиливается манипуляционная составляющая информационно-коммуникационного воздействия, которая позволяет навязывать гражданам оценки и мнения в отношении политических, социально-экономических и духовных явлений и процессов. В этой связи нельзя не согласиться с высказываемым Э. Гидденсом о том, что «спонсором или влиятельным институтом, которые чуждые выглядят так же, как в ранние, вносят те же изменения, но абсолютно неизвестны, внутри»¹⁹. Неслучайно многие страны предпринимали меры для защиты от американского «информационного империализма», с помощью которого происходят разрушения собственных традиций и социокультурных оснований.

Самый широкий подход к пониманию толерантности демонстрируется при анализе ее места и роли в демократизации общества²⁰. По мнению Э. Барбара, «не будучи жестко связанной свободой, равенству и другим ценностям того же ряда, демократия вместе с тем оказывается действительной лишь при наличии определенных условий и предпосылок»²¹. К таковым автор относит равенство граждан перед законом, свободу, толерантность и определенный уровень экономического и социального развития. На наш взгляд, все выделенные предпосылки важны в совокупности. В современной России именно социально-экономическое развитие общества на богатых и инновационных за чертой бедности значительно снижает уровень толерантности во взаимоотношениях различных социальных групп.

Своеобразие России делает особенно актуальным поиск решений, обеспечивающих сочетание традиционных систем ценностей и принципов (справедливый империалистский власти, уравнительности, коллективизма) с персонифицированными либеральными (права и свободы личности, плюрализм). Актуален также вопрос – возможна ли гармонизация этих принципов в переходный период, пока демократия не приобретет устойчивых свойств²²? Представляется, что важную роль в этом процессе гармонизации играет толерантность, которая может стать ситуативным мостом между традиционалистскими и модернистскими ценностями.

Однако между этими направлениями усматривается противоречивые аспекты толерантности. Число всего многообразие проявлений данной проблемы исследователь автоматически связывает с политикой. В этом есть очевидный смысл, так как в большинстве проблем толерантности во всех сферах человеческих отношений, и стратегия и тактика

их отношения (соответственно, и эффективность) зависит от особенностей политической системы и характера политического режима.

Одной из наиболее социально и политически значимых и соответственно исследуемых проблем современной России является этноконфессиональная толерантность²⁵. По мнению Н. Лебедевой, этническая толерантность понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а также наличие ее позитивного образа при сохранении положительного восприятия собственной, т.е. этническая толерантность является не следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а характеристикой межэтнической интеграции²⁶.

Исследователи отмечают, что, с одной стороны, в полиэтничных, мультиконфессиональных регионах России накоплен ценный опыт межэтнического согласия и сохранения межконфессионального мира. С другой стороны, что усиливается расизм и ксенофобия, активизируется движение скинхедов²⁷.

История России свидетельствует, что наша нация отличается не только огромной жизнеспособностью и замечательным упорством, но и высоким уровнем толерантности. Готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения стала следствием специфики социального и культурного развития страны. На формирование характера русского человека большое влияние оказала географическая среда. С момента зарождения Российского государства его территория постоянно расширялась за счет освоения новых земель. Это выработало в русских легкость и переменчивость, быстрое привыкание к этнически чуждой среде²⁸.

Внезапно на обозначившийся процесс переориентации русской идентичности, как и других национальных идентичностей, с государственно-гражданской на этнонациональную, в целом для русской социокультурной среды не характерно дискриминация по национальному признаку. По-прежнему не вызывают подозрения межэтнические браки (70-75% молодых людей не замечают каких-то ограничений в подобных случаях). Более 60% русских рассматривают Россию как общий дом многих народов, которые должны обладать равными правами²⁹.

Однако в постсоветской России обозначилась другая проблема, которая существенно повлияла на характер и степень толерантности в обществе. По данным А.М. Дробинжеской, в большинстве республик представительство титульных национальностей в депутатском корпусе являло их доли в населении. Башкиры, например, составляя 32,0% населения республики, имели в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной палате - 55,6%. Неявно непропорциональное представительство — бакиры среди депутатов — даже больше, в русских - почти в два раза меньше. В

создании Государственного совета Татарстана тоже преобладают депутаты титульной национальности. По результатам выборов 1995 г. их было 73,0% (русских - 25,4%), после выборов 1999 г. - 75,0%. А между тем во переписи населения 1989 г. в республике проживало 48,4% татар и 43,2% русских. В составе Государственного собрания (Ил Тумаш) Якутии после выборов 1997 г. якуты (саха) составляли 73,1% при 39% в составе населения. Подобные несоответствия были и в Адыгее, Калмыкии³⁰. Нельзя не согласиться с А.М. Дробинжеской в том, что представительство во властных структурах воспринимается людьми как индикатор равенства или неравенства этнических групп³¹.

Еще одно впечатление, которое остается в результате знакомства с работами по этнополитическим конфликтам и толерантности либерально ориентированных российских исследователей, связано с не признаваемым ими, но очевидным воздействием идеологии национализма В.И. Ленина о двух видах национализма и необходимости вести двустороннюю борьбу с национализмом «большой нации». Отголоски данной методологической установки, эти два взгляда, имеют место в содержании многих публикаций³². Думается, что проблема межэтнических конфликтов не сводится к увлечению национализмом «большой нации» в отношении этнических меньшинств и требует объективного и непредвзятого анализа всей совокупности причин обострения межэтнических отношений. А они гораздо сложнее и включают, в том числе и особенности различных моделей социального поведения представителей этнических меньшинств в многокультурном окружении.

Например, в литературе практически отсутствует анализ негативной роли «земляческого», «хулаково-этнического» начала в определенных сферах социально-экономических отношений современной России, хотя именно этот фактор выступает главной причиной повышения конфликтности на бытовом уровне, аккумулируясь впоследствии и на политическом уровне. Предполагается, что толерантные отношения в полиэтничном обществе должны формироваться не только на основе учета интересов этнических меньшинств (на чем делает акцент большинство исследователей), но и на основе уважительного отношения к его традициям, ценностям и образу жизни.

Достаточно большое внимание уделяется проблеме толерантности в контексте исследования особенностей российской политической культуры³³. Особенно активно данную проблему исследуют сторонники мультикультурализма, которые оценивают его прежде всего в контексте дискурса либерализма как «особую форму интеграционной, либеральной идеологии, посредством которой кодируются, мультикультурные нацио-

нальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни»¹⁴. На наш взгляд, при таком подходе подорожничестве объективно поднакапливает противоречие между индивидуальными и коллективными правами и свободами граждан. Например, признавая в качестве приоритетных сгруппированных интересов патристичности, языка и культуры титульного этноса в национальных субъектах Российской Федерации нередко приходят к ущемлению конституционных и социально-экономических прав и свобод представителей всех других этносов и лингов республике.

Таким образом, проведенный анализ показал, что проблема толерантности занимает важное место в общественно-политической проблематике современной России. Гораздо меньшее внимание уделяется политическим аспектам толерантности. На наш взгляд, существует объективная потребность в научном, самостоятельном философском анализе целого ряда проблем: трактовки самого понятия толерантности в контексте толерантности; толерантность взаимоотношений власти и оппозиции; институциональная толерантность; толерантность в принятии политических решений; толерантность разрешения социально-политических конфликтов; права политического меньшинства на представительство интересов и др.

С одной стороны, все указанные аспекты взаимосвязаны и взаимосвязаны с общим социокультурным ее состоянием, обуславливаются спецификой менталитета населения, особенностями его общественной культуры, чертами ценностей, историческими традициями взаимоотношений между различными социальными группами и т.д. С другой стороны, институциональные и правовые оформление политической системы и основных механизмов ее функционирования имеют и свою собственную самостоятельную логику. На наш взгляд, место и роль толерантности в значительной степени определяют характер политической системы и вектор ее развития. Соответственно определяется и стратегия, формы и методы политического воздействия на укрепление (либо ослабление) логик толерантности в обществе в целом.

Примечания

- 1 См.: Давыдовский В.А. О толерантности, демократизме и критическом мышлении // Вестн. философии. 1997. № 13. С. 46-54.
- 2 Драйден В.М. Толерантность и роль этнических меньшинств, средства коммуникации // Ст. толерантности в социальн. М., 1997.
- 3 Ушаков В.А. Толерантность и социализм в трансформационных обществах // Толерантность и культурная традиция. М., 2002. С. 17.

- 4 Декларация принципов толерантности: Утверждена резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 г. // www.tolerant.ru/eng.
- 5 См.: Бонин Э.Р. Толерантность – дорога к миру. М., 2001; Мухомор М.П. Толерантность // Пер. с англ. М., 2000; Мухомор М.П. Когда мы должны быть толерантными? О культурной идентичности мира, целостности и истории // Соисс. 2006. № 1; Цыганов В. Мультикультуризм и этнополитический порядок: некоторые методологические замечания // Восток. 1995. № 6. С. 105-118;
- 6 Шулгина Федорова Т.Н. Толерантность в формировании демократической политической культуры в транзитных обществах // Учиться и гражданское общество: проблемы толерантности: Материалы окружного стола (16 ноября 2002 г.) СПб., 2003. С. 22-23.
- 7 Давыдов В.А. О демократии // Пер. с англ. А.С. Богдановского; Под ред. О.А. Александровского. М., 2000. С. 174.
- 8 Давыдов В. Указ. соч. С. 175.
- 9 См.: Сурова А.В. Политические конфликты через призму глобализации // Соисс. 2005. № 8. С. 11-21.
- 10 См.: Вильерс М. Формирование различий // Соисс. 2005. № 8. С. 106.
- 11 История религиозности в США свидетельствует о внутренних пределах возможности толерантности, которые в отношении астрологические идеологии были признаны во второй половине XX столетия.
- 12 Дресс А. Адаптация американского индивидуализма // Proc of Santa. 2004. Т. 8. № 3. С. 129.
- 13 Кротова В.В. Проблема толерантности сквозь призму межкультурного диалога // Методология гуманистического знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора М.С. Кулаки: Материалы междунар. науч. конф. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. СПб., 2001. Сер. «Современность», вып. № 12. С. 78.
- 14 Наглядным примером абсурдности неограниченного применения принципа толерантности может служить решение калифорнийских властей в США в ноябре 2007 г. об отмене разделения государственных и муниципальных на основе принадлежности учащихся к мужскому и женскому полу. Смысл его заключался в том, чтобы максимально стимулировать охотиться к учащимся, дезориентируясь относительно сделать такой выбор. Интересно, как при этом были учтены интересы тех, кто не принадлежит в своей половой принадлежности?
- 15 См.: Васильев В.А. К вопросу о толерантности в современной России // Социально-гуманитарное знание. 2006. № 1. С. 246-262; Гречин В. Политические функции толерантности // Свободные мысли. 1997. № 5; Коротков В. Толерантность сегодня в России // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 32-41; Смирнов В.В. Толерантность: понятие как средство согласия? // Октябрь. 1997. № 3. С. 138-155.
- 16 См.: Тарубина Н.В. Семейная культура как фактор толерантности к людям социальным группам в российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 5; Ушаков В.А. Две концепции толерантности. Кемерово, 1979; Идентичность и толерантность // Под ред. А.И. Либманский. М., 2002; Павлова А.А. Толерантность: универсальный смысл и

- психологическая интерпретация // *Социал.* 2007. № 7. Приведены идентификации российских граждан в социальном пространстве «наших» и «иностранцев» друзей и сообществ. Автор-издатель профессор В.А. Яковлев. М., 2004; Гальцова А.У. Толерантность, институциональная и культурная // *Толерантность в обществе разномыслия*. Екатеринбург, 2005; *Савельев Е.М. Толерантность, традиции и тенденции // Социал.* 2003. № 8. С. 54-63; Толерантность в обществе разномыслия / Под ред. В.С. Кемеровы, Э.Х. Керимовой. Екатеринбург, 2005. Вып. 15; *Хомичева М.В. Толерантность как социокультурный феномен // Толерантность и цивилизация. Теория и международный опыт*. Екатеринбург, 2009. Ч. 2; *Шурупов А.В. «Практика толерантности» полиэтнической общины // Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 140-149 и др.
- ¹⁷ См.: *Алексеев А. Формирование установок толерантного сознания как теоретическая и практическая задача // Мысль-образование. СМЭИ и общество*. В 2 т. М., 2002. Т. 2; *Борисович С.В. Педагогические основания неадаптивная толерантности // Педагогика развития: вопросы комплексности и их становление*. Красноярск, 2003; *Васильев Н.В. Инклюзивность и толерантность // Вопросы образования*. 2004. № 6; Педагогические исследования инклюзивной толерантности. Екатеринбург, 2003.
- ¹⁸ *Григорьев Е.С. Толерантность в системе национальных приоритетов образования // Педагогика*. 2002. № 2. С. 1-10; *Перцев А.В. Философско-педагогические основания педагогики толерантности // Толерантность и образование: современные проблемы формирования толерантного сознания*. Екатеринбург, 2005; *Савельева А.А. Поликультурное образование: Учебное пособие*. М., 2001; *Шварцберг А.А. К идеалам мира через культуру и образование // Педагогика*. 1998. № 6. С. 122-134.
- ¹⁹ См.: *Винова А.С. Приобщение культуры. Развитие и развообразование в глобальном мире*. М., 2003; *Галкина А.А., Кривошеина Ю.А. Культура толерантности перед лицом глобальных вызовов // Социал.* 2003. № 8. С. 64-74; *Гольден Д. Успешный мир. Как глобализация может нам помочь*. М., 2004; *Савельев Е.С. Новый миропорядок: толерантный мир или апофеоз конфронтации // Вестн. МГУ*. Сер. 38. 2002. № 7.
- ²⁰ См.: *Барнетт А. Развитие человеческого общения*. М., 1998; *Воронцов А.С. Политическая коммуникация в информационном обществе*. СПб., 2001; *Добрынин Р.А. Политика в информационном обществе // Полис*. 2004. № 3. С. 154-161; *Афанасова Е.А. Социально-политические аспекты глобальной информатизации // Полис*. 2002. № 6. С. 24-33; *Соловьев А.Н. Коммуникация и культура: взаимодействие перед лицом // Полис*. 2002. № 6. С. 6-17; *Савельев А.М. Политический дискурс многонациональной проблемы информационной эпохи // Полис*. 2004. № 2. С. 124-132.
- ²¹ См.: *Гольден Д. Успешный мир. Как глобализация может нам помочь*. М., 2004. С. 35.
- ²² См.: *Шварцберг А.В. Демократия и толерантность // Социал.* 2005. № 3.
- ²³ *Васильев Д. Стабильная кризис демократии? // Сибирская мысль*. ХНГ. 2005. №2. С. 15.
- ²⁴ См.: *Савельев Е.С. Актуальные аспекты теоретико-методологического анализа российской демократии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов*. Сер. Педагогика. 2006. № 1 (6) С. 42.
- ²⁵ См.: *Борисов С.С. Социальная география конфликтов и толерантности // Полис*. 2006. № 6; *Филиппов В. Этническая стереотипы в СМЭИ // Сибирская мысль*. 2003. № 6; *Мухоморова С.Г. Терпимость и религиозное интеллигентство // Полис*. 2004. № 1. С. 122-126; *Мухоморова С.Г. Терпимость и укрепление этноэтнического согласия // Полис*. 2003. № 6. С. 163-170; *Савельева А.М. Анализ российской толерантности // Полис*. 2002. № 6; *Савельева А.М. Этничность и культурный империализм в политике государственной политики // Полис*. 2003. № 4. С. 30-32; *Федосеев А.А. Идеология и исторические традиции интеллигенции в современной России // Полис*. 2006. № 4. С. 51-60.
- ²⁶ См.: *Заболова Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России в СНГ // Идентичность и толерантность*. Под ред. Н.М. Заболовой. М., 2002. С. 26.
- ²⁷ См.: Гальцова А.У. Как осуществляется асимметричность федеративного устройства российской государства.
- ²⁸ См.: *Азария В. Политический менталитет россиян глазами иностранного ученого // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов*. Сер. Педагогика. 1999. № 1. С. 168.
- ²⁹ Там же. С. 110.
- ³⁰ См.: *Дробяжиной Л.М. Социальные проблемы межэтнических отношений и полиэтничности России*. М., 2003. С. 61-62.
- ³¹ Социальные нерешенные этнические группы. Представление и реальность. / Под ред. Л.М. Дробяжиной. М., 2002. С. 144.
- ³² См.: напр.: *Авдеев В. Этническая толерантность в полиэтничном обществе и этноэтническом приграничье регионов России: состояние, проблемы, перспективы // Приграничное общество и многонациональные и поликультурные регионы: Материалы конф. Казань, 2-3 июня 2004 г.* / Под ред. А. Мухоморова. М., 2005. С. 58.
- ³³ *Грибова Н.Н. Политическая культура современной России: области новой русской власти и социальные расколы // Полис*. 2006. № 1. С. 33-44; *Гурова А.В. Конфликты и аналог политическим культурам*. Воронеж, 2005; *Толерантность и поликультурные общества* / (М. Абрамзон, И.И. Байбин, Г.М. Кумидина и др.). М., 2003.
- ³⁴ *Курбанович А.Н. Мультикультурализм, проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ*. СПб., 2008. С. 7.

УДК 37.135.8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ

Н.Н. Филатов

Самарский государственный университет,
кафедра государственного права и истории
E-mail: n57@yandex.ru

В статье анализируются современные тенденции теоретического анализа результатов российских демократических реформ, связанные с осмыслением явления глобализации как нового этапа политического процесса. Исследуется путь поиска соответствующими политологами новых стандартов для оценки результатов демократических реформ в России.

Theoretical Innovations in Modern Criticism of Democratic Transformations in Russia

N.N. Filatov

The paper analyzes modern trends in the theoretical analysis of the Russian democratic reform results related to the research of the importance of globalization as a new context of political processes. The experience of the domestic political scientists search for new political standards of the democratic reform productivity in Russia is investigated.

В последние несколько лет критика демократических перемен в России обнаруживает новую тенденцию – таких публикаций еще немного. Но из них имеет смысл обратить внимание, потому что речь, возможно, идет о перспективе достаточно радикального обновления того теоретического ракурса, в котором осуществляется критика, и о совершенно новой аргументации такой критики. Предлагается совершенно иной, непривычный для отечественной традиции последних двух десятилетий, подход к конструированию «утилитар», на критерии с которым реальная демократическая жизнь России строится под их многократная научная критика. Этот подход обнаруживается не только в исследованиях отечественных социологов, но и в переводных публикациях иностранных аналитиков, что само по себе указывает немалую в перспективную парадигму развития социально-политических наук в мире.

Современная критика российской демократии сформировалась как результат сочетания пары общества и идеалы либеральной демократии, и преобразующую силу демократических законов и одновременно – опыта последствий демократических реформ – сравнительно ее успехи и провалы с неким эталоном. В качестве такового обычно выступают идеализированные суждения о законах функционирования либеральной демократии и рынка на «Западе», либо от некоего обобщенного и идеализированного воспоминания о советской си-

стеме. В силу идеальности от того, вы другой не могли получить объективного доминирования в качестве основания критики. Либеральны в идеал доминировали благодаря субъективной ориентации многих исследователей на ценности либеральной демократии даже тогда, когда практика внедрения этих принципов вызывала у них возражения. Такой эталон, был, несомненно, продуктивен¹, так как позволял возмознать пустоту в спектре теоретических представлений о возник в целом демократических преобразованиях, указать их с опытом развитых демократий Запада.

Показательно в этом смысле мнение известного отечественного историка А.С. Аксентера, вышедшего логику идеализации либерализма из потребности осмыслить парадигму «традиционализм-либерализм». «Чем отличается либерализм от традиционализма? – писал он. – Отличие тем, что в основе последнего лежит представление о ценности, неизменности жизни, о ценности того, что можно сформулировать как право «хотим жить, как люди были всегда». Этот падез требует возврата к мифологическому идеалу, представляемому в сознании людей как некое воплощение утраченного общества благоденствия. Либерализм как тип культуры, сложившийся в истории, настаивает на развитии и вариативные ценности изменений. Это прежде всего ценность саморазвития личности, это ценность свободы, но свободы – не как некоторого состояния, а как процесса развития свободы, ее вариативная. <...> В России же такого понимания свободы пока нет². Идеализация либерализма здесь построена на не вполне корректном с научной точки зрения отождествлении традиционализма с ретроградностью, но потребностью отечественного интеллектуального сообщества в идеале выражена предельно ясно.

И сегодня такой подход к формированию эталона сохраняется, об этом свидетельствуют теоретические работы по проблематике гражданского общества и правового государства. В них корректным достижения России этих рубежей непосредственно связываются с идеалами, созданными условиями зарубежной и отечественной политической, правовой и экономической мысли в XIX и XX веках.

Иной подход обнаруживается в работах исследователей, которые учитывают изменения,

интенсивная глобализацией в культуре, экономике и политической жизни «старых» демократических обществ, а также тех, которые, подобно российскому, все еще находятся в фазе незавершенных демократических преобразований и не имеют четких представлений и перспективных завершений. При этом глобализация, как правило, осмысливается как тотальная реальность, которая, выходящая от идеологических или научно-теоретических пристрастий исследователя, объективно требует коррекции ракурса критики, изменения ее предмета и метода, новых смысловых и терминологических акцентов.

Здесь можно сослаться на мнение известного отечественного философа И.Г. Мезина, который еще в 1998 г. в предисловии к своим публикациям провозглашая в этом плане последствие традиционного участия России в глобализации и переживании ее вхождения в глобализационные процессы. Прозвище «поставляющие» он основывая на принципиальной разнице этих двух контекстов континентальных преобразований на государственном уровне: «Глобализационный расклад предполагает наличие нескольких качественно различных центров мира, которые могут бороться между собой, занимая или «экспандируя» свою значительность. Это многополярный образ мира. Глобализационный расклад предполагает один центр, или, точнее отсутствует центр как таковой. Формальные суверенитеты существуют, существуют национальные правительства, национальные границы и т.п., но, по сути дела, территориальность этих суверенитетов «...» не играет никакой роли. Центр мира везде и нигде. Разумеется, это идеализированные образы сопоставительного будущего, как оно предполагается в рамках консервативной и либерально-демократической идеологии»².

Возможно, свою роль играет и предвзято, что проблемно все, что хоть как-то отклоняется от идеала. В хронике жаризма это рождает органицизм, но непродуктивные, очевидно, для последовательской работы суждения, подобные тому, которое сформулировал А.С. Ахверст: «Коммунизма» была предложена в начале XX в. альтернатива, только она абсолютно не функциональна. Они предложил «Советы» – старый вечерний институт, способный функционировать лишь в узком кругу лично знающих друг друга людей. Поэтому реально советы ни из чего для не работают. Между тем советская власть у нас 74 года сидела. Как это понять? 74 года советской власти, которой вообще НЕ БЫЛО»³. «На было» потому, что реально только то, что соответствует идеальной схеме, сконструированной наукой, например, на основании несоответствия идеалу общественного самоуправления. Советам отказывается в генетической связи со структурами общинного и родового (архаического) самоуправления XIX–XX вв., и за неимением масштабного аналога они «привязываются» прямо к измерению

тысячу лет назад вельями институтам, несмотря на то, что в работах В.И. Ленин задачи создания советского строя прямо и неоднократно формулируется как задача создания «государства типа Парняской Коммуны».

В роли эталона, на сравнении с которым строится оценка достигнутой или просчетов российских реформ, выступает сегодня критический экономический, политический и культурный опыт стран дальнего и ближнего зарубежья, в разное время переживших или переживающих сегодня демократический кризис. В то же время делается оговорка, что заимствуемые опыт и идеалы неслепоты для российских трансформаций, но не органичны для российской динамики цивилизационного процесса. «Русская традиционная культура, вступившая в диалог, перестает быть русской традиционной культурой, которая по природе своей моноцентрична, – пишет И.Г. Яковенко – Можно говорить об отдельной российской цивилизации, и я утверждаю, что эта цивилизация в своем высшем качестве к анимации не способна, она может развиваться экстенсивно. Но это означает все-таки, что ей еще предстоит очень глубокие изменения структурного характера»⁴.

Российский опыт, осмысленный теоретически, обладает совершенно иными качествами, нежели эталон, востребованный на основе идеализированных представлений о демократии. Он, скорее, выглядит как максимальная объективированная и лишенная оценочности характеристика той «совишки», смысла которой очевиден всякому «умному» человеку (или обществу), и на которой «умный» всегда учится, а «неумный» повторяет.

Можно вести дискуссии относительно того, как точнее квалифицировать свойства эталона, вести ли речь об «идеализации» западного опыта политического объединения и рыночного хозяйствования или о чем-то другом. Например, В.А. Шупер утверждает, что: «Дело не в том, что мы идеализируем Запад, а в том, что мы слишком «рационализируем» его»⁵. Российский исследователь различает концепцию «эссенция масс» Х. Ортега-и-Гассета: массовое сознание в условиях нарастающей глобализации и информатизации становится главной детерминантой появления демократических институтов Запада, а движение массового сознания по природе своей нормативным, они преимущественно представляют собой реакцию на предрасудки, страхи, мнимые и реальные угрозы. Возможно, что такая квалификационная оценка западного демократического опыта и более справедлива. Но такая интерпретация не опровергает тот факт, что устойчивый эталон представляя собой теоретическую абстракцию, лишь относительно связанную с реальностью.

Представляет интерес особая позиция некоторых отечественных анализаторов, например, статья В.А. Красильникова, посвященная довольно подробному анализу концептуальной и событийной

сторон демократических и рыночных реформ последнего столетия в странах Латинской Америки». В качестве эпиграфа к статье использованы слова Ф.Э. Кордону: «Бразилия – это французская Россия». В первых строках своей публикации В.А. Красильщиков объясняет, что весь его анализ направлен против произвольно конструируемого и произвольно используемого в политических целях идеально-типического представления о латиноамериканской модернизации. «В этих и подобных им сравнениях, – пишет автор, – чувствуется в западе обоснованный скепсис по поводу происходящего в России, и одновременно – преисполненное отношение к странам латинской Америки, которые ассоциируются лишь с вопиющими социальными пороками, нищетою народа, отсталостью и зависимостью от Запада. Между тем для сравнения России со странами Латинской Америки есть более серьезные основания, нежели схождение во многих статистических показателях, будь то валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, индекс человеческого развития, средняя ожидаемая продолжительность жизни и т.д. И прежде чем вникать в рассуждения о “латиноамериканизации” России, безусловно, не слишком приятные для узависимого российского сознания, стоит взвесить не то обиход, что сблизжает ее с рядом латиноамериканских стран: в первую очередь в плане качества социально-экономического развития и известного сходства исторических судеб, особенно за последние 20–30 лет»⁶. Из методологического раздела публикации можно вывести, что представляет собой авторский теоретический эталон, используемый для сравнительного анализа. Основанием для сравнения в цивилизационном масштабе выступает факт включения разных стран в разные «цивилизационно-модернизационные». Сама идея «адаптации» развития как стимула и способа модернизации, к которой апеллирует автор, вызывает много возражений у отечественных аналитиков, как минимум, со второй половины XIX в., со времени появления публицистических исследований Н.Я. Данилевского. Однако в данном случае важна не личность самой этой идеи, а то, что она позволяет В.А. Красильщикову свести разрозненные объекты изучения в одном теоретическом поле, не прибегая к идеализации какого-либо из этих объектов и рассматривая их как вполне самостоятельные величины.

«Рассуждая о правомерности сравнений между Россией и странами Латинской Америки, – утверждает В.А. Красильщиков, – следует отметить, что исторически наиболее крупные и (или) развитые страны Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Чили, Венесуэла), как и Россия, относятся ко второму типу мирового капиталистического развития (модернизации). В странах, которые принадлежали к первому типу развития капитализма (это большинство стран Западной Европы, США и Канада), сознательные,

экономические, технические, духовные, правовые, политические предпосылки капиталистического развития сформировались естественно, вырастая из “структур повседневности” <...> и само это развитие было самоподдерживающимся процессом <...> В странах же второго типа развития такие предпосылки формировались с историческим опозданием и крайне неравномерно, а их действие базисно-роль была сохраняющимися докапиталистическими социальными-экономическими отношениями <...> Так складывалась *центр-периферическая структура мира-экономики*, в которой страны первого типа были центром капитализма, составляли центр, ядро системы, а вокруг простиралась зависящая от него и отсталая периферия»⁷.

Из общего хода рассуждений автора видно, что употребление им оценочного противопоставления «развитый – отсталый» не связано с его идеализацией модели капиталистического развития стран первого типа. Напротив, он весьма критичен в характеристике экономической, социальной и политической ситуации в странах второго типа развития, причем в отношении второй половины XIX в. В статье два исторических опыта сопоставлены не как «идеал» и «ошибка», а, скорее, как две взаимобусловленные ошибки, преодоление которых можно также только на уровне понимания их взаимобусловленности.

В исследовании В.А. Красильщикова не отрицается специфика цивилизационного развития России. В частности, отношение России к Западу как центру цивилизационного прогресса он склонен связывать с «имперской моделью модернизации», с тем, что, на первый взгляд, является идеально-типической конструкцией. Однако в отечественной политологической науке вот уже два века идут дискуссии о природе российской «имперскости», в ходе которых большинство исследователей сходится в одном – классификация и эталон имперского опыта какой-либо страны или группы стран невозможны, самое ценное в этом опыте это именно его вариативность и специфика, то, что позволяет рассматривать любую империю как творческий вклад разных народов и культур опыта мировой цивилизации. В современных условиях, когда научное сообщество трансует глобализацию как многовариантное развитие к оптимальному (или, наоборот, не оптимальному) состоянию, такой ракурс обладает большей теоретической продуктивностью, нежели идеально-типическая модель «империализма».

Тот же подход обнаруживается и в отношении автора к либерально-демократическому типу «гражданского общества». В тех случаях, когда реальность сравнивается с идеальным эталоном

гражданского общества западноевропейского образца, исследователи обычно выстраивают свои рассуждения в русле парадигмы «эссенциализм прав и свобод – отсутствие прав и свобод». В исследовании В.А. Красильникова «права и свободы» предстают не как наличие или отсутствие, а как парадигмы, а предпосылками формирования перманентного социокультурного кода, из которого исходит выход все коллективные сообщества, но выходы все разные. «В социокультурном коде и Россия, и страны Иberoамерики, и также страны в Испании с Португалией. – при всех несомненных различиях между ними – обязана тем, что и тут, и там шла постоянная внутренняя борьба между двумя силами на мир и место человека в этом мире – индивидуалистическим, антропоцентричным, ставящим в центр человека, личностю, в социоцентричным, общим, ставящим во главу угла общество и государство»¹⁰.

Характеристики развития социально-политических систем России и латиноамериканских стран конструктивно аналогичны: «К концу 1970-х гг. Советский Союз, и страны Латинской Америки вошли в разные динамичные ритмы. В 1980-е гг. оба региона, ранее добивавшиеся в сфере достигнутого развития немалых успехов, попадают в ситуацию, которую можно назвать *модернизационной ловушкой*»¹¹.

Интересна в плане проблематики, рассматриваемой в данной статье, характеристика «модернизационной ловушки», данная В.А. Красильниковым, потому что она представляет собой демонстрацию возникающих возможностей того метода критики советского опыта и российских демократических перемен, который он использовал и позволяющий ему не апеллировать к заведомо недоступным идеалам «звездной» гражданственности, рыночности и гражданской упорядоченности. Уместно будет воспроизвести только ключевые, на наш взгляд, характеристики. «Как известно, сложившаяся в СССР система <...> зафиксировала разветвленное научно-технологическое революционное <...> При этом и в странах Латинской Америки, и в СССР недооценивалась роль человеческого капитала. Их экономика оставалась *экстенсивной деятельностью человека* <...> В обстановке демократических перемен отмечен не глубокий структурный и системный кризис 1980-х гг как в странах Латинской Америки, так и в России стал переход к неолиберализму в экономике. Весьма примечательно, что в ряде латиноамериканских стран, как и в бывшем СССР, воборонимым неолиберализма в немалой степени оказались выходы из тех организаций (доминиканских партий), которые некогда до этого считались привилегией элиты»¹². И далее на основании сопоставления с систематизацией мотивов принятия обществом неолиберальной концепции модернизации автор заключает: «Ни в России к моменту распада СССР, ни в странах Латинской Америки не было достаточно мода-

ных социальных сил <...> которые бы приняли неолиберализм во все же мотивах, по которым его приняли в развитых странах Запада»¹³.

Наиболее ярким выражением той тенденции в критике демократических и рыночных преобразований в современной России, о которой мы ведем речь, можно считать опыт по созданию сценариев и прогнозированию политических процессов в России, апрелировавшиеся различными творческими коллективами российских специалистов. Совместная работа специалистов с изначально различными методологическими и порой идеологическими установками на восприятие политического и правового опыта изначально исключает возможность сопоставления реальности с каким-либо универсальным идеалом. Это невозможно даже в случае, если все члены творческого коллектива оптимистично (или пессимистично) настроены в отношении перспектив изучаемых политических процессов.

Показательно в этом смысле исследование, относительно недавно изданное коллективом европейских политологов в рамках Института междисциплинарных исследований в общественных науках¹⁴. Сценарии будущего России, апрелированные этими исследователями, основаны на анализе материала экспертных опросов и результатах проведения фокус-групп. Стратегическая цель развития российских трансформаций и перспектива такого развития соотносится с рядом фактических тенденций в динамике массового сознания российских граждан, источник которых лежит в повседневных социальных практиках, а не в сфере тех или иных, например, идеологических предпочтений, то есть предпочтений в пользу теоретического идеала развития. В результате проведенного исследования автор одного из сценариев («Сценарий «Proto-Democracy in the Future». Умеренно-оптимистичный») приходит к выводу, что имеет место активное вытеснение из массового сознания идеально-типических конструктов типа либерализма и коммунизма, прежде определявших политическое участие граждан и являвшие ими перспектив реформ. Эталонка, служившая прежде ориентиром политического мышления и поведения, замещается «безразличным» отношением к политике (по определению автора), на деле это сложный спектр осознанных и эмоциональных реакций на политическую действительность. Следуя логике этого анализа, можно прийти к выводу, что применение таких эталонов непродуктивно. Продуктивнее, что и делают авторы указанного исследования, согласовывать структуру и характер аналитической процедуры со свойствами того, очень подлинного, «эмпирического» представления о политике, которое постоянно воспроизводится массовым сознанием. Оно, однако, утрачивает свойства эталона в обычном понимании, поскольку становится самостоятельным объектом критики.

Таким образом, если в прежнем порядке критической процедуры эталон оказывался вне критики (его следовало воспринимать как абсолютную ценность, как инструмент, а не объект анализа), то на современном этапе эталон делается из самих объектов критики, же эталон предельно податливый, столь же ситуативный, как и различные трактовки глобализационных процессов.

По-видимому, для критического отношения к процедурам невольничеству эталона в качестве способа познания реальности в модернизирующемся обществе есть и прагматический мотив. Теоретическое знание эталона рождает стремление следовать ему и на практике, а часто превращается в имитацию. А как справедливо заметил отечественный политолог и историк И.М. Клямкин, при имитационной демократии может наказываться как протест против имитации, так и против того, что имитируется, то есть против самой демократии¹⁵. Заметим, что сравнительные исследования и у нас в стране, и за рубежом имеют давнюю традицию и достаточно отработанную методологию, поэтому можно предположить, что анализируемая нами тенденция получит свое развитие. Но в данном случае сравнение имеет специфическую роль, отличающую от той которую обычно представляют компаративные процедуры. Не ставится задача поиска общих характеристик, которые можно было бы затем свести в модель и экстраполировать ее на другие изучаемые системы, использовать как базально-теоретический эталон. В данном случае подчеркивается уникальность каждого образчика социально-политического объекта как одного из многих параметров «сопоставки», между которыми политическим субъектам предлагается выбирать для определения стратегии и тактики своего поведения в глобализуемое сообществе цивилизаций.

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.М. Суханов

Борисовский государственный университет
ректор
E-mail: sukhanov@bsu.bairnet.ru

Статья посвящена различным аспектам политической идентичности, отраженным в научных исследованиях в постсоветской России. На основе раскрытия значительного пласта литературы, выделены наиболее напряженные исследовательские проблемы политической идентичности, даны оценки достигнутых результатов, выделены наиболее перспективные сюжеты дальнейшего анализа.

© В.М. Суханов, 2008

Примечания

1. Результативность обращения общественных исследований к западному демократическому опыту: предствительному в виде эталона, подробно представлено в монографии докторской диссертации Ю.В. Ананьевой (См.: *Ананьева Ю.В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России*. Саратов, 2004. С. 43-60).
2. Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки в современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 88.
3. *Никош А.Г. Консервативная теория и практика прогрессивная глобализма // Отечественная история*. 1998. № 3. С. 38-43, 41.
4. Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки в современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 98.
5. Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки в современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 89.
6. *Шулер В.А. Восстание империалистических масс: чего ждать России от Запада // Мир России. Сер. Социология. Эволюция*. №. 2002. № 1. С. 25-34, 26.
7. *Красильников В.А. Латинская Америка сегодня - Россия завтра (геополитический парадигм будущего России) // Мир России. Сер. Социология. Эволюция*. М., 2002. № 1. С. 57-66.
8. Там же. С. 58.
9. Там же. С. 58-59.
10. Там же. С. 60.
11. Там же. С. 62.
12. Там же. С. 66-69.
13. Там же. С. 71.
14. *Политическое будущее России: взгляд из России*. Саратов, 2007.
15. Россия: социокультурные ограничения модернизации // *Общественные науки в современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 100.

Problems of Social and Political Identity in the Social-Science Literature in Modern Russia

V.M. Sukhanov

The paper is devoted to various aspects of political identity reflected in scientific papers in the post-Soviet Russia. On the basis of

Таким образом, если в прежнем порядке критической процедуры эталон оказывался вне критики (его следовало воспринимать как абсолютную ценность, как инструмент, а не объект анализа), то на современном этапе эталон делается из самих объектов критики, во эталон предельно податливый, столь же ситуативный, как и различные трактовки глобализационных процессов.

По-видимому, для критического отношения к процедурам невольничеству эталона в качестве способа познания реальности в модернизирующемся обществе есть и прагматический мотив. Теоретическое знание эталона рождает стремление следовать ему и на практике, а часто превращается в имитацию. А как справедливо заметил отечественный политолог и историк И.М. Кляшкын, при имитационной демократии может называться как протест против имитации, так и против того, что имитируется, то есть против самой демократии¹⁵. Заметим, что сравнительные исследования и у нас в стране, и за рубежом имеют давнюю традицию и достаточно отработанную методологию, поэтому можно предположить, что анализируемая нами тенденция получит свое развитие. Но в данном случае сравнение имеет специфическую цель, отличную от той которую обычно преследуют сравнительные процедуры. Не ставится задача поиска общих характеристик, которые можно было бы затем свести в модель и экстраполировать ее на другие изучаемые системы, использовать как насально-теоретический эталон. В данном случае подчеркивается уникальность каждого образчика социально-политического опыта как образца из многих парадигм «опыбок», между которыми политическим субъектам предлагается выбирать для определения стратегии и тактики своего поведения в глобализующемся сообществе цивилизаций.

УДК 323.3

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.М. Суханов

Саратовский государственный университет
префектор
E-mail: sukhanov@ssu.sar.gov.ru

Статья посвящена различным аспектам политической идентичности, отраженной в научных исследованиях в постсоветской России. На основе рассмотрения эмпирического материала литературы, выделены отдельные направления исследования проблем политической идентичности, даны оценки достигнутых результатов, выделены наиболее перспективные сферы дальнейшего анализа.

Примечания

1. Результативность обращения отечественных исследователей к западному либеральному опыту: предостережение к задаче эталона, подробно представлено в монографии и докторской диссертации Ю.В. Андриченко (Сыт. *Андриченко Ю.В. Политико-правовые и социокультурные условия становления гражданского общества в современной России*. Саратов, 2004. С. 43-60).
2. *Россия: социокультурные ограничения модернизации // Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 88.
3. *Новин А.Г. Консерватизм как политическая и прогрессивная глобальность // Отечественная история*. 1998. № 3. С. 34-43, 41.
4. *Россия: социокультурные ограничения модернизации // Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 98.
5. *Россия: социокультурные ограничения модернизации // Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 89.
6. *Шулер И.А. Восстание цивилизационных масок: чего ждать России от Запада // Мир России*. Серия: Социология. Этнология. №. 2003. № 1. С. 25-34, 26.
7. *Красношарова В.А. Латинская Америка сегодня - Россия завтра? Политический парадигм будущего России // Мир России*. Сер. Социология. Этнология. М., 2002. № 1. С. 57-66.
8. Там же. С. 58.
9. Там же. С. 58-59.
10. Там же. С. 60.
11. Там же. С. 67.
12. Там же. С. 68-69.
13. Там же. С. 71.
14. *Политическое будущее России, взгляд из России*. Саратов, 2007.
15. *Россия: социокультурные ограничения модернизации // Общественные науки и современность*. 2007. № 5. С. 87-102, 100.

Problems of Social and Political Identity in the Social-Science Literature in Modern Russia

V.M. Sukhanov

The paper is devoted to various aspects of political identity reflected in scientific papers in the post-Soviet Russia. On the basis of

consideration of a significant layer of the literature, separate directions of research of the political identity problems are pointed out, the achieved results are estimated, most prospective topics for further studies are outlined.

Одной из актуальных проблем современной России является политическая идентификация в условиях сложного по этническому и конфессиональному составу региона. Своими корнями она уходит вглубь российской истории, но особенно актуализировалась в 1990-е гг., когда реально возник вопрос о сохранении России как единого конституционного государства.

Этническая и региональная идентичность в этот период становится доминирующей процессом формирования коллективной идентичности на постсоветском пространстве. Интенсивность в направлении идентификации в субъектах Российской Федерации определялись историческими и культурными предопределениями, получившими свое ситуационное развитие в рамках регионального политического процесса. В свою очередь, эти процессы оказали существенное влияние на трансформацию общественно-политического сознания и региональную коллективную идентичность.

По данным опросов, проведенных в 1994-1995 гг. в целом ряде российских республик, с регионом в большей степени, чем с Россией, себя идентифицировали 85,7% чувашских и 59% гордских татар, 80,1% якутов, 63,7% тувинцев, 55,3% осетин. Остальные представители титульных народов имели двойную идентичность, и почти никто не выбрал только российскую идентичность¹.

Другим характерным явлением стало политическое отношение к выводу из состава России. Согласно опросам 1994 г., проведенным на Северном Кавказе, эту идею поддержали 71% чеченцев, 27% ингушей, 17% карачаевцев, 12% абхазцев, 7% черкесов и 5% осетин². Любопытно, что многие русские в республиках тоже выбрали региональную идентичность. По данным тех же опросов 1994-1995 гг. региональную идентичность признали общероссийской 48,3% русских Якутии, 26,3% - Татарстана, 13,3% - Чувы, 8,7% - Северной Осетии. Как видим, результат существенно ниже, чем для титульных народов, и ниже, чем для русских в краях и областях, но тенденция все же имела место³. Объяснить ее можно не только высокой степенью укорененности русских в республиках, длительным опытом совместного проживания с титульным населением, но и общим недоверием регионов социально-экономической политике, проводимой федеральным центром в данный период. Неслучайно в это время надписи «Москва - не Россия» на заборах вдоль железнодорожных путей можно было увидеть в самых разных русских областях России.

Изменению политической ситуации в 2000 г., трансформация российской политической системы и укрепление функций власти предвзведе-

лизи неизбежно означали «центр-регион», что в конечном итоге привело к неизбежному ориентированию региональным общественным сознанием. Стремление к интеграции в структуру общероссийской идентичности приняло на фоне доминирующей этноцентричности. Тем не менее проблемы региональной коллективной идентичности остаются и требуют объективного научного исследования.

Конечность российских идентификационных процессов амплирует тенденцию интеграции европейского и всего мирового сообщества. Однако в эти процессы встраиваются сложившиеся внутренние структуры национально-государственных образований. Глобальные процессы модернизации представителей различных рас, этносов и конфессий актуализируют важную проблему, в том числе и для прежде гомогенных с точки зрения этнополитической и соответственно цивилизационной идентичности, государства Западной Европы.

Неслучайно различные аспекты проблем идентичности исследовали многие известные западные ученые⁴. Основное внимание авторы уделяют прежде всего самому понятию этноса и нации, проблемам ранжирования этнической, гражданской и политической идентичности. Важное место занимают также вопросы цивилизационной идентичности, позиционирующиеся противоречно и столкновение и пути их решения.

Известный теоретик «радикальной демократии» Шантали Муфф сформулировал проблематику в этой научной области с помощью следующих вопросов: «Как концептуализировать нации идентичности в качестве индивидов и в качестве граждан так, чтоб одна не приводилась в жертву другой? Как сделать связь принадлежности к различным сообществам этноса, расы, языка, культуры и т.д. совместимой с нацией общей принадлежностью к политическому сообществу, правота которого мы должны признать? Иными словами, речь идет о поиске таких форм общности, которые уважаем бы разнообразие и давали бы место различным формам индивидуальности. Проблема, таким образом, в том, как сочетать наши индивидуальные идентичности с принципами и нормами гражданской солидарности. Это значит, что, говоря о *коллективной идентичности*, мы говорим не столько о *коллективе* как таковом, сколько о *культурном измерении* политичности⁵. Представляется, что такой подход актуален и для современной российской действительности.

Тема идентичности стала предметом исследования многих российских социологов, условно их можно разделить на несколько направлений.

Важнейшее место занимают исследования, посвященные этнополитическим сюжетам политической идентичности в России⁶. Эта проблема неразрывно связана с теорией этноса, а также с различными подходами к изучению этничности и этнических групп. Как и всякая иная идентичность, этническая носит относительный характер

и основывается на восприятии «нас», которые могут существовать только благодаря отграничению от «них». Это вовсе не значит, что такие отношения «мы/они» – это отношения – друг/друг: свой/чужой, т.е. антагонистические отношения. Но такая идеологизация открывает потенциальную возможность того, что при определенных условиях отношения между «нами и ними» могут стать антагонистическими. Это происходит, когда «они» воспринимаются как ставящие под вопрос нашу идентичность и угрожающие нашему существованию. В этом случае менталитет этнонационалиста включает установку на «исторический реванш», даже если речь идет о реваншах, удавшихся не на одну сотню лет. Он видит мирской вражку интересов общества – своего этноса, выталкивая из поля зрения едва ли не все, что связано с единичным – естественными правами личности»⁷.

Другое направление анализа проблем идентичности отражает политико-правовой контекст ее развития и взаимосвязь с социальной структурой⁸. В данных работах проблемы социальной идентичности, процессы ее формирования, внутренней вариативности рассматриваются прежде всего в контексте социальной детерминации. В этом случае под социальной идентичностью понимается осознаваемая взаимосвязь человека и отождествление себя с некоторыми верничными объектами: семья, друзья, трудовой коллектив. Этот уровень идентичности отражает микросоциальный уровень жизнедеятельности человека в некотором наборе его социальных ролей и статусов. В более широком смысле под социальной идентичностью понимается фундаментальное интегрированное представление человека о себе в качестве социального объекта этнических, культурных, политических и других характеристик. В этом случае речь идет о макросоциальном соотношении личности. Субъект закономерно называет свое соотношение с малых и раздробленных структур микросоциальной среды, постепенно доходя до макросоциальных характеристик (гендерное, языковое, культурное, этническое, религиозное, профессиональное, гражданское, социальное-статусное, географическое, региональное, идеологическое, экономическое соотношение). Изменяя показатели макросоциальных характеристик выступает политическая идентичность.

Важное место занимает всеобъемлющее социокультурных и цивилизационных оснований идентичности⁹. Например, И. Тихонова утверждает, что «гражданская нация может сформироваться только в обществе, прошедшем этап модернизации. Россия же этап социокультурной и политической модернизации не только не прошла, но лишь начинает двигаться по этому пути»¹⁰. Это значит, что наиболее характерным типом национальной идентичности в России сегодня выступает конвенциональная идентичность, предполагающая принятие единых правил игры, закрепленных в

национальной культуре, а это одна из наиболее характерных особенностей российской национальной культуры в целом. Причем для признания человека человеком важна его этническая идентичность – он должен лишь вне зависимости от нее принять эти правила игры как свои, поскольку именно они, по мнению россиян, в наибольшей степени соответствуют условиям России и служат ей во благо¹¹.

По мнению ряда исследователей, решение российских проблем идентичности возможно лишь в контексте мультикультурности. Преобладающая часть сторонников данного подхода оценивают мультикультурализм как особую форму интегративной, либеральной идеологии, посредством которой политические, политико-культурные национальные сообщества реализуют стратегии социального согласия и стабильности при условии равноправного сосуществования различных форм культурной жизни¹². Данная установка рассматривается российскими мультикультуралистами как единственно возможная основа для создания демократических политико-правовых механизмов согласования разнородных интересов этноконфессиональных групп в рамках единого государства. Однако смысл и содержание этой основы в контексте региональной политической идентичности трактуется неоднозначно.

По мнению Л. Низамовой, мультикультурализм обладает положительными либеральными свойствами и функциями благодаря способности обеспечить реализацию «долгих» времени несправедливо забытых коллективных прав и свобод (карьеризм, групповых интересов признания, идентичности, языка и культурного членства), способствовать поддержанию межкультурной толерантности и способствовать сохранению социального согласия за счет гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграция в национальное сообщество¹³. Таким образом, акцент делается на необходимости политико-правового обеспечения консолидированных социокультурных интересов титульных этнических групп на территории республик, автономных областей и округов. В этом случае очевидно, что в основе региональной политической идентичности и политического участия граждан будет лежать не идеология, не мировоззрение, не определенная иерархия ценностей, а прежде всего этничность. Свидетельством тому, как это происходит на практике, является ситуация с представительством титульных этносов во власти в субъектах Российской Федерации.

В то же время нельзя не согласиться с автором в том, что мультикультурализм можно определить как «идеология, политику и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, умеренность и значимость многообразия и разнородности культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). В контексте мульти-

культуризма непохожесть и отличительность перестают рассматриваться как второстепенное и «выдающееся», они начинают оцениваться просто как «другое»¹⁴.

Думается, что именно такое понимание мультикультуризма порождает слесить к одному вектору две противоречиво, но одинаково важные задачи: с одной стороны, спадать условия для воспроизводства и развития этнических культур, независимо от места проживания их представителей; с другой – последовательно и целенаправленно проводить депанциацию позитивно-правовых отношений и соответственно политической идентичности. Причем следует подчеркнуть, что речь идет не о том, что должна осуществляться «маргинализация этничности и исключение ее из сферы публичности»¹⁵, а именно о депанциации этнической идентичности. Ее стратегическая цель заключается в том, чтобы каждый индивид, независимо от этнической, конфессиональной и региональной принадлежности, осознавал себя прежде всего гражданином Российской Федерации, у которого есть неотъемлемые права и свободы, в том числе и на этнокультурную идентичность и самовыражение.

Большое внимание уделяется акценту идеологического фактора идентичности¹⁶. В рамках данного направления акцент делается на регулятивную роль различных субъектов политики в формировании идентичностей различного уровня.

Значительное количество исследований посвящено изучению особенностей региональной идентичности. Внимание исследователей привлекают теоретико-методологические аспекты проблемы, особенно общифедеральных и региональной идентичности, факторы, определяющие их развитие, роль этничности и социально-экономических особенностей¹⁷.

Другую группу работ представляет исследование политической идентичности конкретных российских регионов¹⁸. Особенно активно исследовалась проблема региональной идентичности в Татарстане, процессы становления которой характеризовались вызванной остротой противостояния с Москвой¹⁹. Анализ данных исследований позволяет выделить ряд особенностей региональной идентичности. Большинство авторов отмечает такое ее свойство, как иерархичность идентичности, т.е. включение нескольких уровней, каждый из которых отражает принадлежность к разным территориям. Причем региональная идентичность отдельных лиц в группе отличается по степени интенсивности, по месту, которое она занимает в ряду других идентичностей, и по той роли, которую играет в политической и социально-экономической жизни.

Тем не менее, несмотря на достаточно большое количество работ по проблемам политической идентичности, тема себя не исчерпала и не утрачена актуальности в связи с тем, что слож-

ный и противоречивый процесс общенационально-политических преобразований в постсоветской России постоянно на различных уровнях и вскрывает разнообразные застарелые проблемы в этой области и порождает противоречия, детерминированные ситуацией переходного состояния.

Кроме того, проблемы региональной политической идентичности в каждом субъекте Российской Федерации представляют собой конкретную совокупность обстоятельств и детерминируются уникальным сочетанием исторического наследия региона, особенностей этноконфессионального состава его населения, социально-экономического положения, специфики образа жизни, традиций, культуры, состоянием этнических элит и многих других факторов. В связи с этим исследование данной проблемы требует анализа не только общероссийских тенденций, но и выявления конкретных особенностей и специфики проявления региональной политической идентичности в каждом субъекте Российской Федерации.

Еще один фактор актуализации данной научной проблемы заключается в том, что в отличие от других бывших советских республик Российская Федерация все эти годы парализовала этническое, религиозное и культурное многообразие.

Важную роль играет также то обстоятельство, что специфика региональной политической идентичности в современных условиях определяется не только особенностями российской политической системы, но и существенным воздействием процессов глобализации, а также геополитическими интересами ведущих держав мира.

Одним из перспективных является направление исследовательской работы, заданное В.В. Федотовым²⁰, согласно которому наиболее оптимистичным итогом научных дискуссий в зарубежной и отечественной науке о сути глобализации и о ее последствиях для региональности является развитие «формирования парадигмы «хорошего общества». Суть ее заключается в попытке «конструировать социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам». Она возникает в связи с исчезновением доверия к радикальным проектам, будь они неоллиберальные, коммунистические или какие-либо иные. Понимается задача перевести указанные эмпирические и моральные признаки «хорошего общества» в теоретические. Региональные идентичности в этом случае могут быть представлены в качестве тех самых элементов, из которых в годы российской демократической реформы регионы конструировали собственные модели «хороших обществ».

Примечания

¹⁴ См.: Суриков В. Этничность и этническое самосознание: идеология и практика // Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1995.

¹⁵ См. этнологический мониторинг и рейтинг пред-

- убреждения конфликтов. Вып. 1995 № 7. Ноябрь. С. 48-49.
- 1 Туркешев Р Региональная идентичность в современной России. Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. М. Махфези и А. Работи М., 1999. С. 101-102.
 - 2 Балабан Д., Валлерстайн П. Речь, язык, класс. Двухмисленность идентичности. М., 2004; *Рисалиев Х М* Воспитание гражданской идентичности, ее отношения между индивидуализмом и патристизмом // Пенза, 1999 № 6. С. 91-104; *Хоберман Ю* Гражданство и национальная идентичность // <http://www.drgirls.ru/drgirls/text/5/charter5.htm>, 2004; *Хоминченко С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности М., 2004; *Джонсон Э* Идентичность: история и критика. М., 1996.
 - 3 *Мурфид Д* Пространства публичной политики, демократическая политика и динамика настроений // http://old.psc.gov.ch/online/pn/ru/ru1009_004.html
 - 4 *Абдулмалова Р С* Российская империя (универсальная и гражданская идентичность России в современных условиях). М., 2005; *Александров В А* Этникополитическая идентичность в восточной России как фактор эффективности // Сб. науч. тр. Сам.: Гуманитарные науки. Ставрополь, 2004; *Дробиничева А М* Российская и этническая идентичность: противоречия или совместимость // Россия реформируется. М., 2002;
 - 5 *Балабан Д А* О феномене этнонационализма. Может ли Татария быть ханжанистским общероссийским телодвижением? // Наука, культура, мышление: образующие на рубеже XXI века. Ульяновск, 1998. Вып. 4. С. 29.
 - 6 *Бродский М М* Политика идентичности и этнокультурно-политический выбор России // Пенза, 2002 № 1. С. 87-104. Права человека и проблемы идентичности в России и в зарубежном мире: / Под ред. О Ю. Митинской, А Ю. Суяурова. СПб., 2005;
 - 7 *Кочетков В В* Цивилизационная идентичность России // Вестн. МГУ Сер. 18. Социология и политология. 2006 № 3. *Соловьева Н С* Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-империалистической идентичности на рубеже XXI в. // Пенза, 2004 № 1. С. 101-104.
 - 8 *Лаврова Н* Взаимперечный стандарт, или более одной идентичности? // После империи / Под ред. Н М. Козьмов. М., 2007. С. 138.
 - 9 Там же. С. 172.
 - 10 *Курочкин А М* Мультикультурализм: проблемы этнической стабильности полиэтнических объектов СПб., 2009. С. 5.
 - 11 *Петрова Э* Психология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, проблемы для России // Гражданское общество в многонациональных и поликультурных регионах: Материалы конф. Казань, 2-3 июня 2004 г. / Под ред. А. Мазавитова. М., 2005. С. 38.
 - 12 Там же. С. 14.
 - 13 Там же. С. 29.
 - 14 *Возик Ю Г* Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. М., 2006; *Туркешев Р* В Антропологической политике и идентичности М., 2006; *Фадеева М А* Идентичность и императивы практики цивилизации в современной России // Пенза, 2006 № 4. С. 53-60.
 - 15 *Карпов А В* Региональная политическая идентичность: методы исследования // Социальная идентичность: свобода индивидуализации и измерения. Институт Восточ. науч.-исслед. семинара. Краснодар, 2004; *Волыгина С Н* Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве // Управленческие инновации. 2003. № 1; *Дробиничева А М* Этническая и республиканская идентичность: проблемы совместности // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть. М., 2003; *Заборожнев В., Волыгин Э* Централизм, централизация и региональная идентичность: славянство // Свободная мысль. 2007 № 1. С. 173-192; *Краснов М Н* Региональная идентичность в историческом мире Европейской России // Спб., 2005. № 1; *Авдеева Н М* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности в поликультурных регионах России в СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н М. Авдеевой. М., 2003; *Милославская Е Ю* Региональная идентичность как составная проблема российской политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования национальной культуры России М., 1999; *Туркешев Р* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999. Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельманя, Т. Хорфа. СПб., 2001.
 - 16 *Авдеева Р Ф* Структура этнической и гражданской идентичностей и биоидентитетов // Человек. 2007 № 5. С. 57-60; *Авдеева В А* Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «квантификаторский» случай // Пензажж. 2005. № 3; *Бердичева М В* Кто мы? Контрастные качества идентичности // Спб., 2007 № 4; *Кочетков В А., Работи А. А., Кридан А Д* Территориальная идентичность и межэтнические отношения (на примере российских регионов Ставропольского края) // Пенза. 2001 № 2. С. 61-72.
 - 17 *См.: Соловьева Н В* Региональная идентичность, социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМН (на примере Республики Татарстан) // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельманя, Т. Хорфа. СПб.: М., 2003. С. 77-124; *Майлюковичева Г* Этнонациональные ценности и ориентация культурной элиты Татарстана: опыт культурологического анализа «выбужденных» интерналов // Постсоветская культурная трансформация: мифы и реальность в Татарстане. Казань, 2007. С. 86-109; *Исупова В* 300 летний юбилей России. Казань, 2007.
 - 18 *Фадеева В Г* Россия в глобальном и внутреннем мире // Мир России. Сер. Социология, этнология. Т. IX. 2000 № 4. С. 3-34.

УДК 329.069.070+071

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: КОНЦЕПТ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ИЛИ ПРОГРАММА «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

В.И. Головаченко

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: golovachenko@yandex.ru

В статье проанализировано крайне-теоретическое обоснование процесса позитивных преобразований 2000-х годов, сформированное в концепции «суверенной демократии», рассмотрено отношение к ней представителей различных политических сил и политологического сообщества, обозначившееся в последние годы в современной России.

«Sovereign Democracy»: a Concept of Common National Ideology or the Program of the «Power's Party»

V.I. Golovchenko

The paper analyses the ideological-theoretical substantiation of the political transformations in the 2000s, what has been identified in the concept of «sovereign democracy», the attitude to it and arguments of representatives of various political forces and the political community designated in the discourse in modern Russia are considered.

Важнейшим и противоречивым проявлением политической жизни в России в 2000-е годы стал вопрос об идеологическом обосновании проводимых общественно-политических преобразований, в частности, идеолого-политическое утверждение, институционализация и легитимация концепции «суверенной демократии».

По мнению О.Ю. Малиновкой, идеология «демократов» сложилась в процессе развития и дифференциации «вазальной демократической идеологии». В ее основе лежала идея реформ, призванных сделать Россию «нормальной цивилизованной страной» с рыночной экономикой, частной собственностью и демократическими политическими институтами¹. Однако проблемы и противоречия проводимых преобразований отталкивали значительную часть населения от ценности либеральной демократии.

Формально концепция «суверенной демократии» была впервые выдвинута заместителем руководителя администрации Президента РФ В. Сурковым и его выступлением перед актином «Единой России» в феврале 2006 г.² Однако вопрос о необходимости выработки и формирования идеологии государственной идеологии был обозначен В. Путиным еще при назначении его Председателем Правительства РФ в 1999 г. При этом подчеркивалось, что обозначенную и желаемую установку государственную идеологию нельзя

соединить с тоталитарной идеологией, которая превращает государство в императивское.

Особая роль в формировании и внедрении новой идеологии была отведена президентской партии. Процесс объединения «Единая» и «Отечествен» (прежних партийных прозвищ) доказал важность идеологического фактора в деятельности данных партий в постсоветской России. Тем не менее лидеры «Единая», в октябре 2000 г. определяя свою организацию как «партию либеральных консерваторов»³. Ориентировался, они при этом на программное выступление В. Путина, которое он сделал еще до отставки Б. Ельцина, начав, по сути, выполнять обязанности главы государства⁴.

Однако избирательная кампания 2003 г. продемонстрировала, что предвыборная программа партии не была оформлена как идеология. Для привлечения на свою сторону населения «Единая Россия» использовала, прежде всего, страх и сомнения граждан относительно неопределенности и нестабильности своего существования. Именно борьба с ними стала главной сюжетной линией политической деятельности партии власти и основой ее успеха на выборах в Госдуму. Естественно, что сыграла свою роль и постоянное апелляция к традиционным для большинства российского населения ценностям – патриотизму, коллективизму, славному государству, империализму, уравнительности и т.п. Но их успешное использование в ходе избирательной кампании лишь частично позволило конкур будущей главной государственной идеологии. Ее обоснование было представлено позже сторонниками концепции «суверенной демократии».

«Такая российская модель демократии называется «суверенной демократией», – заявил В. Сурков 28 июня на брифинге в Москве. – Мы стремимся открытое общество, не забывая о том, что мы свободны <...> Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым принципам, а не управляться ими»⁵. Эта модель созвучна противоположной модели «управляемой демократии», называемой некоторыми центрами глобального влияния всем паролем без разбора – силой и духавством – «вазальная модель неэффективных и, следовательно, управляемых нации эконимических и политических режимов».

«У нас есть все, что есть в любой демократической стране. Превосходи к России подготавливается интересом тех людей, которые радикально настроены (в плане поощрения демократических ценностей), это их право. Но почему должна учитываться только их точка зрения?»¹. — заявил он.

Из выступления руководителя администрации президента следует, что Россия не хватает национальной идеологии, и он подчеркивает, что она не будет по принципиальным моментам отклоняться от общезападных ценностей и моделей: «Конечно, российская версия европейской культуры специфична, но она не более специфична, чем германская, французская или британская версии. По мнению В. Суркова, Россия не хватает национальной идеологии и риторики, которая раздвигала бы эту идеологию, четко понимала цели и задачи, стоящие перед страной: «Наша задача должна объясниться сама с собой. Национальная идеология должна "обратиться" востроенную вертикаль власти. Необходимо удерживать, только административно то, что должно удерживаться образами будущего, идеалами, действительности»². Согласно идеологической парадигме «суверенной демократии», Россия как суверенное государство оставляет за собой право самостоятельно определять сроки, формы и методы движения к демократии.

Главным манифестом новой доктрины стала статья В. Суркова «Национализация будущего», в которой он суммировал размышления на тему «суверенной демократии», а также «ключевые аргументы «за» и «против» этого концепта. Его ключевой тезис — «суверенная демократия» есть *развивающаяся форма* политической организации нации в условиях глобализации. Россия не ищет эту форму в конце своего пути, а адаптирует ее к собственной специфике. И тогда, утверждает Сурков, «неудачно определить суверенную демократию как прообраз политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия избираются, формируются и воплощаются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благополучия, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими»³.

Согласно разделу официального интернет-сайта «Единой России»⁴, посвященному «суверенной демократии», свой вклад в формирование данной концепции кроме В. Суркова внесли также известные политологи и общественные деятели, как Я. Исаев, Г. Павловский, В. Фадеев, Н. Третьяков, А. Мигунов, А. Чалов, М. Соколов, И. Колдков, И. Радиховский⁵.

По мнению В. Исаева, несмотря на очевидное одобрение большинством населения самого понятия «демократия», ассоциирующегося с ренессансом и смутой 1990-х гг., и несмотря на подорожную в отношении авторитаризма Путина,

власть сверху измерена следовать по пути развития России как демократического государства: «глубокое демократическое государство гораздо лучше приспособлено к тому, чтобы встретить вызовы все более сложного постиндустриального общества, где индивиды самостоятельно действующих субъектов должны постоянно реагировать на маришды самых разнообразных импульсов, не дожидаясь решения какой-либо высшей инстанции. Без свободы предпринимательской деятельности, плюрализма мнений, уважения к праву меньшинства, свободы информации развитие в современном мире просто невозможно. При этом демократия — это не только у власти находясь люди, вызывающие себя демократией (часто по недоразумению), а когда обеспечиваются справедливое законы и ответственность власти перед теми, кто ее избирает, а не перед чуждой олигархией»⁶.

Введение данного понятия сразу вызвало неоднозначные отклики и критичку со стороны различных политиков и политологов. Проблему суверенной демократии обсудили представители всех крупнейших политических партий Российской Федерации, ведущие юристы, экперты-политологи. Это обсуждение раскрыло существенные различия во взглядах на суть и смысл понятия⁷. Особенно активизировалась дискуссия после лекции В. Суркова «Русская политическая культура. Взгляд от утопии»⁸.

Обсуждались несколько принципиальных позиций. Самую жесткую критику в различных вариантах представили сторонники либеральной трактовки демократии. Например, Н. Белых оценил сущностные основы «суверенной демократии как «ценные указания» «главного начальника по государственной идеологии»⁹. Более существенно и аргументированную позицию заняли представители *возникшего сообщества*¹⁰. По мнению политолога Г. Болта, «ответы на наши проклятые вопросы лежат не столько в сфере проклятого (мы все время норовим шагнуть вперед с головой, обернутой назад), сколько будущего. Нужно сделать шагиком много застоявшихся парадигм. Совершить в будущее именно интеллектуальный, духовный прорыв. Таковой невозможен на путях авторитарной модернизации»¹¹.

Председатель высшего совета партии «Гражданская сила», доктор юридических наук, профессор М.Ю. Барщевский, с одной стороны, согласен с утверждениями В. Суркова о том, что присутствующая «нашей политической культуре» примат целого, общего над частным, национальное над прагматическим принципом не однажды в нашей истории к пренебрежению такими «частностями» в «заблуждениях», как жизнь человека, его свобода, достоинство и права. А охранительские и интернациональные настроения, чрезмерно усиливаясь, обладавая активной общественной средой, приводит к диффузии институтов развития». С другой стороны, М. Барщевский категорически

но согласен с тем, что В. Сурков, по существу, предлагает справиться с данной ситуацией русской политической культурой и вводить лишь те реформы, которые будут ей, этой культуре, приемлемы. (То есть, между прочим, сохраняя за властью право на пренебрежение теми самыми «частностями» и «особностями», которые сам же и перечисляет.) Это, полагаю, концептуальная ошибка»¹⁷.

По мнению Н. Трубецкой, с помощью данной концепции идею «особого пути» не просто «впускают сверху», чтобы усилить авторитаризм и эклектицизм, герметично закрыть «резервацию». Этой идеей обременена сама «полная». Посредством ее легитимизируется власть: обеспечивая России «особый путь», она как бы встает над двумя «кладками» русской жизни, непосредственно не связывая себя ни с одним из них, но выполняя функцию посредника, модератора. Иначе говоря, она (символически) занимает то положение, которое и занимало русской власти. В результате формируется некое странное подобие (имидж) создаваемого единства, гарантирующего подобие (имидж) благополучия и прогресса¹⁸.

Примечательно, что даже Д.А. Медведев в интервью журналу «Эксперт» выступил с мягкой критикой данного термина, заметив, что понятия «суверенитет» и «демократия» — из разных понятийных категорий и сравнивать их нельзя. «Если же к слову «демократия» приоткрываются какие-то определения, это создает странный привкус», — считает Медведев. — Это приводит к мысли, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии»¹⁹. На Давосском форуме первый вице-премьер сообщает, что «в России существует реальная демократия». Однако тут же самокритично замечает: стране «еще есть куда двигаться». И пояснил при этом, что демократия «как общественное явление, как юридическая конструкция не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином». Поэтому вице-премьеру показалось недостаточным просто обозначение собственных позиций, и он поставил точку над «i»: «Человечество знает, что это такое, и способно отличить реальную политическую демократию от употребления этого слова всуеу»²⁰.

Представляется, что такая позиция Д. Медведева может быть объяснена с точки зрения задачи ненаправленного формирования его либерального имиджа в западном информационно-коммуникационном пространстве.

Среди защитников концепции «суверенной демократии», очевидно, следует отметить прежде всего лидеров «Единой России». По мнению Б. Прицова, в идеологической работе партии надло свое отражение философское и политическое наследие отечественных мыслителей — Ивана Ильина, Дмитрия Лихачева, Николая Мокшова, Льва Гумилева. В то же время Грозной подчеркивал, что партия изучает иностранные опыты, но

опирается прежде всего на исторический опыт России, особенно переходных периодов: «При этом мы не копируем практику какого-то пропагандного периода или какой-то ранее существовавшей партии. Никакой прямой заимствование в данном случае, разумеется, не бывает. У тех проблем, которые были свои особенности, свои проблемы, свои условия. Сегодня особая ситуация. Это и экономические условия глобализации, и последствия распада СССР, и десятилетиями имевший уровень террористической угрозы. Надо показать новый стиль на эти рамки не существование веховых. Мы можем найти его только сами»²¹.

По мнению Л. Волыкова, главным аргументом в пользу концепции «суверенной демократии» является ее реальная работоспособность и применимость к российской политической практике. Во-первых, идентификация России как «суверенной демократии» раз и навсегда закрыла вопрос о «множественности суверенитетов» в федеративном государстве. Во-вторых, понятие «суверенная демократия» выполняет важнейшую реабилитационную функцию, обозначая в контексте общественных дискуссий очевидно дискредитированное, но абсолютно базовое для России слово «демократия»²². На наш взгляд, это действительно один из самых сильных риторических идеологических ресурсов данной концепции. Функционально выполняющий в агитационно-пропагандистской деятельности «Единой России» в последние два года.

Одним из наиболее последовательных сторонников концепции «суверенной демократии» стал А. Дугин. Он не просто заявил о своей поддержке данной концепции, но и дал ее наиболее развернутое политологическое обоснование. По его утверждению, словосочетание «суверенная демократия» — это неологизм, созданный в современной России при осмыслении особенностей политического строя и политической системы, сложившейся в ходе прихода президента Путина. Путин пришел к власти, обладая двойным политическим мандатом — союзническая мандат возлагала на него ответственность за преемственность прежнему курсу, т.е. за продолжение «демократических реформ», а инициативы массы хотели чего-то совершенно иного, отчасти прямо противоположного — возращения величия России, восстановления справедливости и возврата к ценностям державности. Можно сказать, что элиты поручили Путину заботиться о «демократии», а вот массы, народ потребовали от него сохранения и укрепления национального государственного суверенитета, существование пострадавшего за годы либеральных реформ. Путину удалось выложить и то, и другое»²³.

По мнению А. Дугина, В. Путин сохранил в стране ценные демократические институты, но наполнил их новым патристическим, державным, национальным содержанием, как раз в духе «органной демократии» и

идей консервативного философа И. Наннин, на которого Путин часто любит ссылаться. С точки зрения исследователя, так сложилась предпосылка для появления «суверенной демократии», такой политической системы, где демократические процедуры и нормы являются критерием укрепления державности и государственности. Политическая система «суверенной демократии» дает народу шанс осознать себя главным политическим субъектом и действовать соответственно. При этой системе над народом больше нет высших ценностей, все ценности он порождает или принимает сам и отвечает за них перед самим собой. Это и есть, как нашей национальной свободе, предел образования самовласти, к которому мы шли на всех этапах нашей истории. И само государство в такой ситуации становится не бременем, не гарантом, не бескомпромиссным насилием, но нашим инструментом, нашим оружием, которое должно быть направлено острее вовне, а не вовнутрь – должно служить народу, а не наоборот. «Суверенная демократия» означает еще и конец доминирования государства, всевластия законодательства. Ведь теперь над государством, над административным аппаратом возмуждала высшая сила – народ и его политическое осознание²⁴.

Созерцание неожиданно концепция «суверенной демократии» получила поддержку со стороны автора «Культуры истории» Ф. Фукуямы: «Каждая страна будет вынуждена найти свое собственное решение в современном мире (...) Модернизация и развитие в конечном счете определяются людьми, которые живут в данном обществе, а не чужаками». Говоря же конкретно о термине «суверенная демократия», Фукуяма такни: «Изначальный смысл, который в нем содержится, состоит в том, что Россия будет искать свой собственный путь к демократическим изменениям»²⁵. Как представляется, такая позитивная реакция на концептуализацию особого пути России к демократии может быть объяснена негативными последствиями беззастенчивого внедрения западных либеральных ценностей и ценностей в 1990-е годы, которые существенно понизили жизненный уровень и соответственно веру российских граждан в демократические идеалы и принципы.

Оценивая результаты публичной дискуссии вокруг концепции «суверенной демократии», следует подчеркнуть, что принципиальная часть ее прозвучавших акцентов делал на исключительности самой поставленной проблемы о возможности выработать собственную уникальную модель демократического общества соответственно-индивидуального устройства, адаптированную к российским социальным, экономическим, географическим, политическим, транснациональным реалиям. Главным аргументом выступает идея, что, «иначе» невозможна действующая российская

власть либо консервирует сложившуюся систему отношений между властью и обществом, либо предлагает путь к авторитаризму и тоталитаризму.

Особенно негативно противниками концепции воспринимается само словосочетание «суверенная» и «демократия». По их мнению, демократия не пужается в реальных условиях управления, она либо есть как универсальная совокупность ценностей, привычек, институтов и механизмов, либо ее нет и она не может существовать в виде демократических национальных моделей.

На наш взгляд, несмотря на все издержки и противоречия, содержащиеся в данной концепции, ее можно рассматривать как базовую основу общенациональной российской идеологии. Дело не только в том, что она учитывает особенности политической культуры российских граждан и формулирует востребованную в обществе иерархию социальных ценностей (что подтверждается результатами выборов), но и в ее практической значимости и функциональности. Общество, утратившее веру в себя, обречено на деградацию и на историческую бесперспективность. Концепция «суверенной демократии» дает возможность вернуть людям социальный оптимизм, наполнить смыслом и целенаправленностью само существование российского общества как сложного единого организма, способного не просто выжить в условиях жесточайшей конкуренции, но и занять достойное место среди других народов.

Несмотря на то, что сама данная концепция представляет собой одну из идейных основ программы партии «Единая Россия»²⁶, широкое внедрение ее идей в российском информационно-коммуникационном пространстве уже приносит свои положительные плоды в находит отражение в массовом сознании. Тем самым происходит актуализация идеологического ядра, которое и представляет собой потенциальную основу общенациональной российской идеологии.

Примечания

- ¹ Мединский В.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // *Вопросы*. 2007. № 1. С. 17–38.
- ² Суров В. Суверенитет – это политический принцип конкурентоспособности. <http://medvedev.ru/ru/press/11148/>
- ³ См.: *Политическое Единство*, 2006. № 4. 4-ая стр. С. 1.
- ⁴ *Политическая Россия на рубеже тысячелетий* // *Независимая пресса*. 1999. 30 дек.
- ⁵ Такая российская модель демократии называется «суверенной демократией» // <http://www.sibmillernews.ru/ru/1114108>
- ⁶ Там же
- ⁷ Там же

- ³ Суров В. Национализация будущего. Параграфы для суверенной демократии // Эксперт. 2006. 30 июля. № 43(537). С. 102.
- ⁴ <http://www.ebivox.ru/news.html?id=354545>
- ⁵ Радское В. Россия и свобода: суверенитет и демократия // Независимая газета. 2005. 15 авг.; Урицкая В. О политический философии Павла Николаевича Пустына // Рунет. газ. 2005. 28 апр.; Чубов А. Пустына. Его наследие. М., 2006.
- ⁶ Митрохин В. Суверенная демократия в России // <http://www.ebivox.ru/news.html?id=335335>
- ⁷ Независимая газета. 2006. 6 июля
- ⁸ Суров В. Русская политическая культура. Путь к устойчивости // Независимая газета. 2007. 22 июля.
- ⁹ Белик Н. Идеология суверенной биодемократии // Независимая газ. 2007. 28 июля.
- ¹⁰ Сидерин А., Воронкина С. Суверенную демократию – как чему? Эксперты считают необходимым достижение нового уровня в правовых документах, избирательном законодательном законодательстве // Независимая газ. 2006. 28 авг.
- ¹¹ Белик Н. Владелец Сурова: практический идеализм // Независимая газ. 2007. 22 июля.
- ¹² Барковский М.Ю. Цивилизация и суверенная демократия // Независимая газ. 2007. 29 июля.
- ¹³ Глабова И. Облик новой русской нации в социальном расколе // Независимая газ. 2007. 12 июля.
- ¹⁴ В среду политическая жизнь демократии развилась лишь на одном уровне // Независимая газ. 2006. 31 авг.
- ¹⁵ Самарина А. Абсолютная свобода познания с Суровым // Независимая газ. 2007. 30 мая.
- ¹⁶ Интервью с В. Григорьевым // Независимая газ. 2007. 26 июля.
- ¹⁷ Павлова Л.В. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 67–68.
- ¹⁸ Давыд А. «Суверенная демократия» – признак современности у России идиологии // Время новостей. 2006. 20 сент. // <http://www.vestnik.ru/2006/12/14/16-1294.html>
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Цит. по Суров В. Новый русский век и суверенная демократия // Независимая газ. 2007. 13 июля.
- ²¹ Сильные и слабые стороны данной теории нуждаются в самостоятельном и непредвзятом исследовании. На наш взгляд, несмотря на ограниченность ее исходной базы, жесткую направленность и сдержанность в оценке, наличие укоренившихся и глубинных интересов у членов данной партии, тем не менее, некоторая скоординированная деятельность по поиску ответов и наущение общественным интересам

UDK 320.075.8

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Г.Н. Митрохина, М.В. Горбачев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: gorbach@yandex.ru

В рамках статьи осуществлен анализ российских политических трансформаций с позиции методологических подходов цивилизационного подхода в трех его вариациях – мировоззренческого подхода, теории переносной и центральной цивилизации. В исследовании обосновывается точка зрения, согласно которой российская общность как действующий культурно-исторический фактор «приращается» к национальной модели демократии.

Russian Political Transformations In the Light of Civilization Approach

G.N. Mitrokhina, M.V. Gorbachev

The article connected with problem, how civilization «code» influences the political structure of Russian democratic society. Some methods, such as civilization doctrine, world-system theory and central civilization conception, supported in the processes of solving this problem. This methods of political analysis is very actual. It allowed determine the potential of Russian democracy, is properly connected with Russian civilization developments. As a result, was taken some interesting results. Russian culture organization was moving to original democracy. This is not traditional type of democracy. It is a new generation of democratic regimes, which consist of associated political institute without wide scale election.

Ниболее масштабным уровнем анализа политических систем является цивилизационный подход, представляющий интерес как для теории политической науки, так и с практической точки зрения. Цивилизационная модель интерпретации политики использует собственный методологический «ключ к политическому хитродействию»¹, к пониманию и объяснению происходящего в политической сфере, механизмов ее регуляции, источников, этапов и динамику. Она дает возможность изучения соотношения культурных кодов общественного организма и его политического устройства. В конечном итоге, источником интерпретации политической организации являются культурные системы и их компоненты. Цель данного исследования состоит в изучении российских актуальных трансформаций в рамках цивилизационной объяснительной модели, которая чрезвычайно разнообразно представлена в современной науке. Под политическими трансформациями мы понимаем устойчиво воспроизводимые переходные процессы от авторитаризма к демократии и опять к авторитаризму в сфере функционирования

- ³ Суров В. Национализация будущего. Параграфы для суверенной демократии // Эксперт. 2006. 30 июля. № 43(537). С. 102
- ⁴ <http://www.obshch.ru/news/1141714.html>
- ⁵ Радзюк В. Россия и свобода: суверенитет в демократии // Независимая газета. 2005. 13 мая; Уртышева В. О политическом философии Павла Николаевича Путаева // Рос. газ. 2005. 28 мая; Майков А. Путевые. Его издательство. М., 2006.
- ⁶ Митрохин В. Суверенная демократия в России // <http://www.obshch.ru/news/1141714.html>
- ⁷ Независимая газета. 2006. 6 июля.
- ⁸ Суров В. Русская политическая культура. Путь к свободе // Независимая газета. 2007. 22 июля.
- ⁹ Белик М. Идеология суверенной демократии // Независимая газ. 2007. 28 июля.
- ¹⁰ Самарина А., Барышевский М.Ю. Суверенную демократию – как делу. Эксперты считают, что использование идеологии нового человека в политических дискуссиях неизбежно приведет к политическому коллапсу // Независимая газ. 2006. 28 июл.
- ¹¹ Белик М. Владислав Сурков: прагматический идеолог // Независимая газ. 2007. 22 июля.
- ¹² Барышевский М.Ю. Цивилизация суверенной не бывает // Независимая газ. 2007. 29 июля.
- ¹³ Глабова И. Облик новой русской нации в социальном расколе // Независимая газ. 2007. 12 июл.
- ¹⁴ В среду политическая жизнь демократов разочаровала их своим явкам // Итог. 2006. 31 мая.
- ¹⁵ Самарина А. Абсолютная свобода позорна // Сурковым // Независимая газ. 2007. 31 мая.
- ¹⁶ Интервью с В. Григорьевым // Независимая газ. 2007. 26 июля.
- ¹⁷ Пашков А. В «Суверенная демократия» – политический фетиш как теоретическая предметность // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 67–68.
- ¹⁸ Дубин А. «Суверенная демократия» – признак познания у России идеологии // Время новостей. 2006. 28 июля. <http://www.vremya.ru/2006/17/14/164794.html>
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Цит. по: Суров В. Новый русский век и суверенная демократия // Независимая газ. 2007. 13 июля.
- ²¹ Сильные и слабые стороны новой партии буржуются в самостоятельную и непредвзятую исследователь. На наш взгляд, несмотря на ограниченность ее социальной базы, жесткую авторитарность и сдержанную власть, наличие узкокорыстных личных и групповых интересов у членов новой партии, тем не менее, некое ее своеобразное демократическое начало не исключает и изначальную общественную ответственность.

УДК 320.075.8

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Г.Н. Митрохина, М.В. Горбанев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: gorn222@rambler.ru

В рамках статьи осуществлен анализ российских политических трансформаций с помощью методологического подхода цивилизационного подхода в трех его вариациях – мировоззренческого подхода, теории периферий и центральной цивилизации. В исследовании обосновывается точка зрения, сутью которой является обобщение над воздействием культурно-исторических факторов «примиряется» к национальному идею демократии.

Russian Political Transformations In the Light of Civilization Approach

G.N. Mitrokhina, M.V. Gorbachev

The article concerned with problem, how civilization «model» influences the political structure of Russian democratic society. Some methods, such as civilization paradigm, world-system theory and central civilization conception, supported in the processes of solving this problem. The methods of political analysis is very actual. It allowed determine the potential of Russian democracy, its properly connected with Russian civilization developments. As a result, was taken some interesting results. Russian culture origin was leading to original democracy. This is not traditional type of democracy. It is a new formation of democratically regimes, which consist of political system without wide scale election.

Наиболее масштабным уровнем анализа политических систем является цивилизационный подход, представляющий интерес как для теории политической науки, так и с практической точки зрения. Цивилизационная модель интерпретирует политику использует собственный методологический «ключ к политическому хаосу»¹, к пониманию и объяснению происходящего в политической сфере, механизмов ее регулирования, источников, этапов и динамику. Она дает возможность изучения соотношения культурных кодов общественного организма и его политического устройства. В конечном итоге, источниками интерпретации политической организации являются культурные системы и их компоненты. Цель данного исследования состоит в изучении российских политических трансформаций в рамках динамической объяснительной модели, которая чрезвычайно разнообразно представлена в современной науке. Под политическими трансформациями мы понимаем устойчиво воспроизводимые переходные процессы от авторитаризма к демократии и опять к авторитаризму в сфере функционирования

российской политической системы. Космополюс то в одну, то в другую сторону связаны, прежде всего, с функциями сферы публичной политики как взаимодействием самоактивизирующихся «элементов» российской цивилизации.

Одной из наиболее привлекательных объяснительных моделей является микроистемный подход (в литературе используется два варианта термина – «микроистемный» и «микросистемный», мы остановимся на втором, так как в русских переводах трудов И. Валлерстайна он используется чаще). Строителями этого подхода создан оригинальный методологический инструментарий, вполне пригодный для анализа российских политических трансформаций. В контексте данного исследования особенно важно заметить, что демократия по-прежнему определяется как некую систему политических институтов, действующих в определенной культурной среде, характерной чертой которой является сочетание права и свободы человека. При этом отмечается, что между демократией и рынком нет прямой зависимости. Общество может быть демократическим и без существования рыночной экономики как механизма производства. «Демократия же раньше, än сегодня не соответствовала и не соответствует интересам капиталистов. Исторический путь становления капитализма далек от легенды о свободной конкуренции свободных индивидов, из которой якобы вырастает капиталистическая экономика и политическая демократия западного типа»². Напротив, «капитализм формировался как производное экономическое и политическое движение ограниченных, но консолидированных групп, добившихся или добивающихся доминирующего положения в третьем слое экономической жизни (состоят из лиц, проживающих в городских поселениях безземельной, но не безземельной своей жизни)»³.

Осуществляя анализ политических трансформаций современной России с помощью методологических принципов теории мировых систем, мы исходим из ее основного положения: «отношения между обществами – важнейшее место социальных изменений внутри общества»⁴.

Россия, по мнению большинства авторов мирового подхода, стала принимать активное участие в мировой экономике только с XVIII века. В это же время принципиально экономический отсталости и оборачивалось стремление путем политических преобразований изменить свой «полупериферийный» экономический статус на «сервисный». Достижению этой цели были посвящены все крупные реформы XIX века. Однако экономические кризисы конца XIX века – начала XX века, а также последствия Первой мировой войны и революции 1917 г., привели к критическому сокращению уровня экономического производства. Заметилось ускоренное движение страны не к «центру» мировой экономики, а в сторону периферийного экономического положения⁵. В период

существования социалистической экономической системы, особенно во время Второй мировой войны, предпринимались попытки создания единой мировой экономики и соответственно политической организации общества, независимой от мировых экономических процессов. Эти попытки были достаточно успешными. Несмотря на это, зависимость российской цивилизации от мировой экономической системы оставалась достаточно значительной. Прежде всего, она проявлялась в ценах на энергоресурсы, которые стали доминирующим фактором макроэкономического климата страны с конца 70 – начала 80-х гг. XX века. Поэтому в результате снижения цен на нефть в 80-х гг. в России резко обострились социальные и политические ситуации. Дефицит экономики оказался не водилой предпринимать без помощи «нефтедолларов». Выход из сложившейся ситуации был найден в попытке сделать экономику более открытой (рыночной), а политическую систему – более демократичной, но политически реальность показала, что нет прямой зависимости между рынком и демократией. На первый план снова выдвинулись идеи связывания рывка демократических обществ. Но главу угла были поставлены другие ценности, такие как предсказуемость и управляемость в политике, стабильность в экономике.

Таким образом, мы видим, что Россия на протяжении всего исторического периода демократизации перманентную экономическую слабость. Частые, а главное инертные сдвиги то в сторону «центра» мировой экономики, то в сторону ее «периферии» были нормальным ритмом ее экономического развития⁶. При этом в политической сфере эта особенность получала также свое выражение. Государственная власть все время являлась «саморегулятором» неудачившихся экономических реформ, поэтому вполне закономерным является то, что демократические ценности, такие как основные права человека, независимость общества от государства, свободные выборы, реальное разделение властей, все время приносились в жертву борьбе за выживание политики в мировой экономической системе. Естественно, что демократия при таких условиях не рассматривалась как необходимая элемент политической жизни.

Можно предположить, что эта особенность стала возможной воспроизводиться, начиная с XVIII века, и сохранится до сих пор. Современное изменение политической системы несет в основе ту же цель, что и в предыдущие исторические периоды – сделать политические институты наиболее удобным инструментом для борьбы за выживание позиций в мировой экономике. «Изначально демократичность административной организации общества может этому только помешать»⁷. Таким образом, на первый план выходят неэкономические методы развития, т. е. политическая система отказывается от ряда демократических норм и ценностей и создает свою «равновесную» игру в экономике, игнорируя тем

своим потребностям собственными экономическими акторами. В результате в экономике достигается определенный уровень стабильности, а в политике поднимается место занимает административные, закрытые, недемократические варианты управления и реализации решений.

Теория «расколотой цивилизации»⁸ предлагает свой методологический инструментарий анализа. Она дает возможность проанализировать культурное многообразие российской макрообщности, а также выделить те его компоненты, которые наиболее активно действуют на организационно-губернаторской политической власти. Категория «расколотая цивилизация» появилась в западной политической науке в 90-е гг. прошлого века⁹. В отечественной политологической практике существует идентичное с ним понятие «вогнанный авторитаризм». И тот, и другой термин подразумевает преобладание многообразия над единством, гетерогенности над гомогенностью в рамках определенной макрокультуры. Эти особенности запрограммированы значительной территориальной протяженностью, т. е. как следствие, особым пространственно-временными рамками существования политической и экономической систем. Можно сказать, что монолитный временной и духовно-ценностный фундамент, на котором обстоит политическая жизнь общественного организма, отсутствует. Такая особенность не является отклонением или аномалией «неправильного развития». Это своего рода норма существования цивилизационных образований такого типа¹⁰, отмечают авторы, работающие в данной области политического анализа.

Предметом анализа современной российской политической системы с помощью методологического инструментария теории расколотой цивилизации также является состояние волатильности, возникающее на состоянии политической системы.

По мнению американского ученого С. Хантингтона, демократия включает в себя разделение светской и религиозной властей, представительство правительства, политический плюрализм, первенство закона, уважение к личным правам и свободам. Исследователь особо отмечает, что демократия является продуктом односторонней, многоликой цивилизации. При этом он подчеркивает, что мировое экономическое развитие и модернизация позволяют создать условия для развития демократии в любой стране¹¹. Другой американский теоретик макрокультурного подхода Э. Бжезинский пишет о том, что демократия есть определенный тип политической культуры целостного, высшего глубочайшего противоречий общества. По мнению автора, такое общество может быть основано на протестантской этике в духовной сфере и идее свободной конкуренции в экономике и политике¹². Таким образом, оба исследователя связывают демократию с монолитной цивилизацией, т. е. культурой, имеющей одну основу.

Российская макрообщность имеет в своем составе две содержательно-субкультурные группы, которые традиционно ведут борьбу за господство над сознанием людей. В научных работах это явление получило название западно-славянского дуализма¹³. Оно находит свое выражение в постоянных сдвигях то в сторону европейской универсальности, то в сторону славянской самобытности. В результате последовательность и введены политические реформ не происходили. Сначала предпринимаются попытки модернизировать политическую систему в соответствии с демократическими образцами и принципами, а затем осуществляется ряд мероприятий по укреплению авторитарной власти определенными политическими институтами и бюрократико-демократическими механизмами легитимации властных структур¹⁴.

Российские политологи, анализируя динамику политических институтов нашего общества, начиная с 1801 и заканчивая 1983 г., также отмечают цикличность политического развития. Исследователи утверждают, что волны относительной либерализации неоднократно сменялись волнами антилиберальной контрреформации, реформы – контрреформами, ориентации на переживание свою демократическую традицию Запада – воспроизведением политических традиций деспотизма Якобова¹⁵. Трансформация политической системы России в сторону ее наибольшей демократизации привнесла на период 1991 – 1999 гг. Она включала в себя политические действия, направленные на предоставление значительной степени свободы регионам и региональным политическим лицам, различного рода и характера бизнесструктурам, общественным организациям и политическим партиям, негосударственным СМИ. Однако в итоге закономерным стало восстановление бюрократии ряда демократических элементов и укрепление вертикали власти на следующем этапе политического развития. В связи с этим можно предположить, что, начиная с 2000 г., у политической власти доминирующей становится идея самобытности российской демократии и политической системы в целом.

Сторонники теории «беспристрастной»¹⁶ или «международной»¹⁷ цивилизации определяют демократию как ряд политических норм и правил, способных функционировать в качестве институтов, не ущемляющих права и свободы общественного организма. При этом авторы теории международной цивилизации отмечают, что демократия формируется посредством механизма переноса или заимствования одними макрокультурами политических норм и правил других общественных организмов¹⁸. Авторы сосредоточивают внимание на колебаниях государств между межгосударственными системами и всемирным государством¹⁹. Все крупные мировые культурные общности становятся частью центральной цивилизации, в результате чего история на земле

существует только одна единственная всемирная цивилизация «... Центральная цивилизация»²⁰. Остальные «макрокультурные образования являются периферийными перифериями»²¹. Однако понятие «периферия» в данном случае не тождественно «периферия» сторонников мирового рынка. В рамках теории центральной цивилизации категория «периферия» обозначает регионы, не включенные в центральное макрокультурное образование, причем эти регионы могут быть достаточно сильны как экономически, так и политически.

В центральной цивилизации, по мнению Д. Уякивасаки и К. Мидхара, никогда не было единства. Там постоянно шла борьба государств за лидерство. Во второй половине XX века «бесчисленные сферы авторитарного русского языка и русского рубля». Однако эта попытка «обеспечить стабильную валюту и язык в сочетании с высоким уровнем культуры потерпела крах»²². Поэтому Д. Уякивасаки пишет о том, что, начиная с середины XX века, Россия была лишь одной из нескольких господствующих держав в «центральной цивилизации». На множестве причин уже в 90-е гг. тогда же ставшая она потеряла этот статус, перестала производить и продвигать на мировой арене идеологические и культурные ценности, утрачивая свое стремление к лидерству. Как следствие, наша страна оказалась открытой проницаемостью в свою структуру ценностей западных цивилизаций. В результате, благодаря механизму «переноса цивилизации»²³, на Россию обрушился мощный информатизационный рывок, который ранее был закрыт для общества. Под его воздействием произошла демократизация российской политической системы. При этом авторами неоднократно подчеркивается, что «центральная цивилизация» всегда состояла из политических и экономических систем, имеющих относительно общее внешнее образование. Россия же на протяжении всей своей политической истории входила в «центральную цивилизацию», не имея с ней общих культурных ценностей. Эта особенность объясняется тем, что уровень влияния России на «центральную цивилизацию» был достаточно высок, а степень взаиморавновесия всегда оставалась незначительной²⁴. Поэтому ценности западной демократии, несмотря на их активное внедрение в отечественную политическую культуру благодаря информатизации, попали на «благоприятную» почву самобытной российской культуры. В связи с этим можно предположить, что генетический код российской цивилизации является открытым, трансформируемым для внедрения в него новых элементов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Цивилизационная парадигма, разнообразно представленная в современной политической науке, предлагает собственный методологический инструментарий для исследования специфики российских политических трансформаций, переходов от демократии к авто-

ригаризму и наоборот. Цивилизационный подход обеспечивает широкоформатное видение политических процессов, дает возможность выявлять метатренды цивилизационных трансформаций. Применение мирсистемной методологии позволяет сконцентрировать внимание на специфически-экономических факторах политических трансформаций, теории расколотой цивилизации дает возможность изучить воздействие культурных кодов на источники политической трансформации, теория периферийной цивилизации делает возможным анализ временных аналогов влияния на политику экономических и культурных факторов. Кроме того, в отличие от цивилизационного и мирсистемного подходов, последние позволяют выявить не только содержательные культурных и экономических «коды» российской макрокультуры, но и определить степень их открытости к воздействию извне. Данная особенность является очень важной, так как на современной этапе трансформации российской политической системы существенную роль играют внешние акторы, такие как локальные цивилизации, центральные цивилизации и мировые системы.

Доказано устойчивым является интерес российских политиков к институтам и процедурам западной демократии. Однако этот интерес соотносится с политико-экономической целесообразностью и корректируется под ее воздействиям. Трансформация современной российской политической системы в направлении «самобытной демократии» в различных вариантах стала возможной в результате действия и взаимодействия экономических, и культурных факторов. Политическая система с высокой степенью политического плюрализма оказывается непригодной для борьбы за ведущие экономические позиции. На становление «самобытной демократии» повлияли и цивилизационные особенности России. Они способствовали трансформации политической системы России, согласно законам цивилизационной динамики, которые заключаются в колебаниях маятника духовной культуры от европейской универсальности к европейской самобытности. Сочетание экономических и культурных особенностей развития российской макрокультуры дает основание предполагать, что «самобытность» есть естественное состояние развития российской политической системы. Мы считаем, что такая особенность стала возможной благодаря значимому методологическому к нововведениям характеру «культурного кода» российской цивилизации, который, несмотря на все попытки внести в него изменения, демонстрирует устойчивость.

Примечания

¹ Haski A. L. Do civilizations last? // Foreign Affairs. N.Y., 1993. Vol. 72. No. 4. P. 23.

² *Восточный мир*. Концы цивилизации мира. Социология XXI века. М., 2006. С. 44.

- ¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и культура XV–XVIII вв.: В 2 т. М., 1988. СПб.: Издательство «Лань», 2001. Т. 2. С. 499.
- ² Chase-Dunn K., Hall D. Historical evolution of world systems change // *Sociological Inquiry*, 1991, № 63(2). P. 35.
- ³ См.: Терентьев А., Хавкина Д., Виллерингтон Д. Зерцало и структурные трансформации // *Дневник Христианского университета. Томск*, 1989 // <http://www.tand.nsk.ru/> / просмотр от 10.09.07.
- ⁴ *On the Eve*. Америка и мир: сегодня, завтра и завтра // *Современная мысль*, 1995, № 4, С. 69–72.
- ⁵ См.: Виллерингтон Д. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире. СПб., 2003. С. 46, 43–44.
- ⁶ См.: Хантингтон С. Переходность культурно-исторических процессов и роль субъекта в динамике цивилизации // *Цивилизация*. М., 1999. Вып. 5. С. 129.
- ⁷ См.: Huntington S. What Civilizations? Paradigms of the Post-Cold War World // *Foreign Affairs*, 1993, Nov–dec, Vol. 72, № 5. P. 386–388.
- ⁸ См.: Шенкель Д.П. Россия и Латинская Америка: особенности «развитой» цивилизации анастасарского цикла в сравнительно-историческом переосмыслении // *Общественные науки и современность*, 1998, № 4. С. 39.
- ⁹ Ланге-Жан С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003. С. 17.
- ¹⁰ *Идеи*, под редакцией А. Урвандисовича // *Экспресс*. К., 2006, № 82, С. 2.
- ¹¹ См.: *Wallerstein I. Russia and Idea of Europe. A study in Identity and International Relations*, 1. N.Y., 1964. P. 216–224.
- ¹² См.: Уильямсон Д., Структурные цивилизации. М., 2003, С. 252.
- ¹³ Павлова В.П., Павлова В.В. Восток исторической модернизации в истории России // *Политические исследования*, 1996, № 2, С. 28; Павлова В.В. Восток памяти versus Структурная теория // *Политик*, 2002, № 4.
- ¹⁴ См.: *Wallerstein D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review*, 1987, № 17.
- ¹⁵ См.: *Abelaget K. Theories of civilization: Two paradigms, mechanisms and regulators*. Уильямсбург: Клуб Сети, Япония, <http://www.net.ru/> / просмотр от 16.05.07.
- ¹⁶ См.: *Abelaget K. Структура междуцивилизационной истории* // <http://www.net.ru/> / просмотр от 16.05.2007.
- ¹⁷ *Chase-Dunn K., Hall D.* Op. cit. P. 37.
- ¹⁸ *Wallerstein D.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁹ См.: *Wallerstein D. Decline Process of Civilizations, Regions and Empires // Comparative Civilizations Review*, 1995, № 4, P. 33, 34, 66–77.
- ²⁰ См.: *Abelaget K. Проблемы теории глобальной цивилизации* // <http://www.net.ru/> / просмотр от 23.04.07.
- ²¹ См.: *Abelaget K. Перелом цивилизации. Его признаки, механизмы и регуляторы* // <http://www.net.ru/> / просмотр от 16.05.07; *On the Eve*, Проблемы теории глобальной цивилизации // <http://www.net.ru/> / просмотр от 23.04.07.
- ²² См.: *Wallerstein D. Central Civilization*... P. 57.

UDC 342.527.7 (470+571)

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕТВЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

И.И. Кузнецов

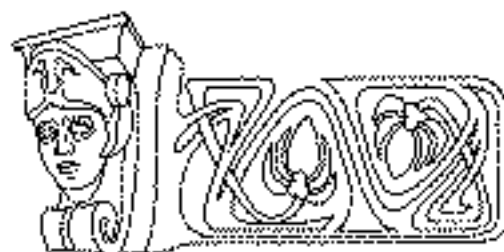
Саратовский государственный университет,
кафедра политологии и права
E-mail: iu57@yandex.ru

Статья посвящена анализу современных механизмов обеспечения единства в российской Конституции систем сдержек и противовесов. Автор обращается к новому для российской политики институту – парламентскому расследованию. На основании анализа Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания РФ» и также рассмотрены аналогичные практики зарубежных стран – делается вывод о тенденциях развития таких механизмов парламентского контроля.

Parliamentary Investigation as a Public-Legal Mechanism of Interaction Between the State Authority's Branches in Russia

I.I. Kuznetsov

The issue is devoted to analysis of the modern parliamentary mechanisms for the restraint & counterbalance system incorporated

in the Russian Constitution. The author pays attention to an institute new to the Russian policy, namely, to parliamentary investigation. On the basis of his analysis of the Federal Act «On parliamentary investigation by the Federal Assembly of Russian Federation» and his consideration of the practice of some foreign countries conclusions are made about the development tendencies of such mechanisms of parliamentary control.

Механизмы обеспечения эффективного функционирования государственной власти в современном демократическом государстве весьма разнообразны. Следуя конституционно закрепленному во многих государствах принципу разделения властей, государственные структуры, общество и другие общественные акторы вырабатывают целый ряд таких политических институтов, которые позволяют контролировать осуществление полномочий каждой ветви власти, создают условия для взаимного сдерживания их

- ¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и культура XV-XVIII вв.: В 2 т. М., 1988. СПб.: Еврейск. Т. 2, С. 409.
- ² Clavin-Dunn K., Hall D. Historical evolution of world systems change // *Sociological Inquiry*, 1993, № 64(3) P. 35.
- ³ См.: Терентьев А., Халилов Д., Вассерманов Н. Эволюция и структура трансформаций // Доклад Конференции университетов, ноябрь 1989 // <http://www.fond.nsk.ru/> // просмотр от 16.09.07.
- ⁴ Оливейра Америка и мир: взгляд извне и изнутри // *Современная мысль*, 1995, № 4, С. 69-72.
- ⁵ См.: Вассерманов Н. Анализ мировых систем и ситуаций в современном мире // *СВВ*, 2003, С. 48, 43-44.
- ⁶ См.: Ашмарин С. Переходность в культурно-историческом процессе и роль субъекта в динамике цивилизации // *Цивилизация* М., 1999, Вып. 5, С. 129.
- ⁷ См.: Huntington S. *Civilization: What? Paradigms of the Post-Cold War World* // *Foreign Affairs*, 1993, Nov-dec, Vol. 72, № 5, P. 386-388.
- ⁸ См.: Шенников И.Г. Россия и Латинская Америка: особенности «интеграционных цивилизаций» аналогового масштаба в сравнительно-исторической перспективе // *Общественные науки и современность*, 1998, № 4, С. 39.
- ⁹ Лангеланде С. Третья волна. Демократизация в конце XX века // *М*, 2003, С. 17.
- ¹⁰ Цит. по: Мельников А. Уроки демократии // *Экспресс* К, 2006, № 82, С. 3.
- ¹¹ См.: *Widinson D. Russia and Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*, 1., N.Y., 1969, P. 236-274.
- ¹² См.: Уайтманович С. Становление цивилизаций. М., 2003, С. 252.
- ¹³ Павлова В.П., Павлова В.В. Восток (латинской) модернизации в истории России // *Восточные исследования*, 1996, № 2, С. 38; Павлов М.В. Восток памяти и сути // *Современная мысль* // *Псков*, 2002, № 4.
- ¹⁴ См.: *Widinson D. Central Civilization // Comparative Civilizations Review*, 1987, № 17.
- ¹⁵ См.: Ашмарин С. Периоды цивилизации. Его признаки, механизмы и результаты // *Университетский курс* Святи. Ягоска, <http://www.pcu.ru/> // просмотр от 16.05.07.
- ¹⁶ См.: Ашмарин С. Структура междуцивилизационных взаимодействий // <http://www.pcu.ru/> // просмотр от 30.01.2007.
- ¹⁷ Clavin-Dunn K., Hall D. Op. cit. P. 37.
- ¹⁸ Widinson D. Op. cit. P. 13.
- ¹⁹ См.: *Widinson D. Decline Phases in Civilizations, Regions and Okkupancy // Comparative Civilizations Review*, 1995, № 4, P. 33, 34, 66-77.
- ²⁰ См.: Ашмарин С. Глобальная теория глобальных цивилизаций // <http://www.vostok.ru/> // просмотр от 23.04.07.
- ²¹ См.: Ашмарин С. Периоды цивилизации. Его признаки, механизмы и результаты // <http://www.pcu.ru/> // просмотр от 16.05.07; Оливейра, Проблемы теории глобальной цивилизации // <http://www.vostok.ru/> // просмотр от 23.04.07.
- ²² См.: *Widinson D. Central Civilization*, ..., P. 57.

УДК 342.537.7 (470+571)

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЕТВЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

И.И. Кузнецов

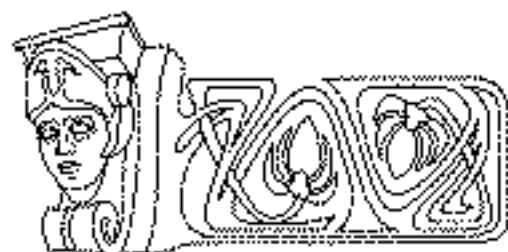
Самарский государственный университет,
кафедра конституционного права
E-mail: iku57@rambler.ru

Статье посвящен анализу современных механизмов обеспечения законности в российской Конституции системы сдержек и противовесов. Автор обращается к новому для российской политической конституции – парламентскому расследованию. На основании анализа Федерального закона «Об парламентском расследовании Федерального Собрания РФ» и также рассмотрев практики некоторых зарубежных стран, делается вывод о тенденции развития этих механизмов парламентского контроля.

Parliamentary Investigation as a Politico-Legal Mechanism of Interaction Between the State Authority's Branches in Russia

I.I. Kuznetsov

The paper is devoted to analysis of the modern mechanisms for the restraint & counterbalance system incorporated

in the Russian Constitution. The author pays attention to an institute new to the Russian polity, namely, to parliamentary investigation. On the basis of his analysis of the Federal Act «On parliamentary investigation by the Federal Assembly of Russian Federation» and his consideration of the practice of some foreign countries conclusions are made about the development tendencies of such mechanisms of parliamentary control.

Механизмы обеспечения эффективного функционирования государственной власти в современном демократическом государстве весьма разнообразны. Следуя конституционно закрепленному во многих государствах принципу разделения властей, государственные структуры, общество и другие общественные акторы вырабатывают целый ряд таких политических институтов, которые позволяют контролировать осуществление полномочий каждой ветви власти, создают условия для взаимного сдерживания их

управленческих амбиций. Особую роль в обеспечении процесса государственного управления играет институт парламентского контроля.

Парламентский контроль (в широком смысле) предполагает осуществление دولتот ряда функций законодательного органа власти страны: финансовый контроль (составление и утверждение государственного бюджета, формирование специального контрольного органа, выполняющего функции бюджетного контроля¹); контроль кадровых назначений, вопросы к высшим должностным лицам, постановка вопросов доверия правительству, право парламента задавать вопросы правительству и др. К процедурам парламентского контроля относятся особое внимание со стороны международного сообщества, поскольку они играют весьма заметную роль в регулировании внутрисоциальных отношений и выполнении международных обязательств страны².

В последнее время среди других форм парламентского контроля выделяется институт парламентских расследований. Такие расследования являются широко распространенной практикой в ряде зарубежных стран, демонстрируют высокую эффективность контрольной деятельности. В международной практике эти расследования иногда именуются анкетами, а само право расследования – анкетным правом³. Характерно, что данный институт всегда отражен в текстах конституций зарубежных стран, и «даже в регламентах не всегда содержится соответствующая норма»⁴. Несмотря на это, институт парламентских расследований получил широкое распространение, и принятие российского Федерального закона № 277 «О парламентском расследовании» в декабре 2005 г. демонстрирует следование этой сложившейся тенденции. Так, право проводить собственные расследования имеют парламенты некоторых постсоветских стран – Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина, Узбекистан, Армения.

Примечание парламентских расследований в современных демократических государствах – явление достаточно частое. В Великобритании, например, процедура парламентского расследования была впервые применена еще в 1720 г. в связи с крахом финансовой компании «Компания южных морей», построенной при участии депутатов и членов правительства. Сегодня британский парламент вправе создавать специальные комитеты, расследующие деятельность основных министерств. Специальный комитет свободен в выборе предмета расследования, имеет право вызывать в качестве свидетеля любое лицо и требовать предоставления необходимых документов (как известно, комитет, расследовавший «крах Южного моря», пытаясь для лачи поклявшийся премьер-министр Т. Блэра).

В США также существуют специальные комитеты по расследованию, но большее внимание публике привлекают назначения специальных

прокуроров для расследования деятельности президента. Так, например, деятельность этих прокуроров при расследовании Уотергейтского дела получила дальнейшее развитие и привлекла много хаотот президенту Б. Клинтону, который стал объектом внимания прокурора К. Старра в первый срок своего президентства (скандалы по поводу неэтичности в сексуальных домогательствах). Клинтон был привлечен Палатой представителей в качестве обвиняемого по делу Левински в результате голосования, которое произошло в палате республиканцев демократам⁵.

Парламент Франции – Национальное собрание и Сенат – вправе создавать комитеты по расследованию и одной из целей конституционных поправок, внесенных президентом Ф. Миттераном, было стремление облегчить образованию комиссий по расследованию, позволив парламентскому меньшинству в любой палате создавать такие комитеты. В ФРГ (тогда существовали четверть депутатов нижней палаты – Бундестаг – может быть создан следственный комитет. Примером здесь может послужить так называемое «дело Г. Коля» о взыскании акк-континентом ФРГ в 1999 г. для ХДС миллионов пожертвований в размере 2 млн марок наличными и вправлении их в «черную кассу» своей партии. Кроме этого, стало известно о комиссиях, полученных ХДС от Саудовской Аравии за укрываю ее немощных таинков, и от Франции – за «уступку» ей в 1992 г. нефтеперерабатывающего завода французской нефтяной компании «Эльф Акуэна» (Elf Aquitaine). Так, согласно докладу следственного комитета Бундестага в 1992 г., «Эльф Акуэна» и правительство ФРГ заключили сделку, в результате которой французская фирма купила нефтеперерабатывающий завод в городе Вейна и сеть заправочных станций Mobil, расположенных на территории бывшей ГДР. Эксперты Бундестага пришли к заключению, что реальная цена завода составляла 2,8 млрд марок, в то время как компания «Эльф Акуэна» заплатила за него в пять раз меньше – 550 млн марок. Сеть бензоколонок приобрели за 301 млн марок вместо предложенных 900 млн марок. В немецкой прессе появилась информация, что за столь высокую цену компания перешла на счета партии Г. Коля ХДС 16 млн долларов. Эти деньги пошли на поддержку предвыборной кампании федерального кандидата. Более того, вся операция проводилась при участии Ф. Миттерана, который хотел помочь переизбранно другу Гельмуту. 3 января 2000 г. бернская прокуратура официально начала расследование по делу Гельмута Коля. Никогда еще Бундестаг не расследовал деятельность лица, занимающего столь широкий пост в государстве. Интересная деталь – Г. Коля был тогда главой ХДС, в то время как большинство в парламенте принадлежало Социал-демократической партии Германии (СДПГ), сформировавшая коалицию с правительством с «зелеными»⁶. Из этих связей, здесь действительно проводились работы

механизма разделения властей, который позволяет осуществлять эффективный парламентский контроль за исполнительной властью.

Использование института парламентского расследования предусмотрено и в рамках видоизменяемых структур Евразийского сообщества. Так, в договоре, учреждающем Европейское сообщество (ст.193) содержится положение о возможности создания в Европарламенте временного комитета по расследованию «для рассмотрения предполагаемых нарушений или плохого применения права Сообщества». Согласно нормам данной статьи, «в порядке выполнения своих обязанностей Европейский парламент может по запросу четвертой части своих членов учредить временный Комитет по расследованию, без ущерба возможностям, которыми наделены, согласно Договору, другие институты и органы, для рассмотрения предполагаемых нарушений или плохого применения права Сообщества, за исключением случаев, когда обнаружены факты, которые будучи проверенными до суда, все же остаются объектом судебного разбирательства⁵. Временный комитет по расследованию прекращает свое существование после представления отчета парламенту, который может принять решение о его публикации. Примечательно, что предметом расследования этого комитета могут быть действия (бездействия) не только органов и должностных лиц Сообщества, но в любого «публичного административного органа государства-члена», что предусмотрено «Детальными положениями о реализации Европейским парламентом права на расследование», утвержденными совместно Европарламентом, Советом и комиссией⁶.

Отчетливая политическая и правовая практика демонстрирует весьма своеобразную ситуацию, сложившуюся в связи с возникновением данного института. Так, хорошо известно, что действующая Конституция РФ не содержит норм, позволяющих парламентскому расследованию, поэтому разработка и принятие закона «О парламентском расследовании»⁷ стало вопросом о разграничении острой дискуссия по широкому кругу вопросов: от обсуждения необходимости такого института вообще до реализации конкретных его форм и обеспечения политической ответственности.

Спор сторонников и противников принятия указанного закона интересен прежде всего аргументацией обеих сторон. Сторонники, среди которых также известные юристы, как А.Л. Александров, Е.Н. Кошечка, И.В. Вазарен, политики С.М. Миронов, И.И. Палкин и др., считают, что принятый закон не противоречит Конституции РФ. Возможность расширительного толкования ст. 103 Конституции РФ⁸, считают они, позволяет создавать специальные органы для проведения расследований в рамках контрольных функций российского парламента. Кроме того, указанные авторы отмечают наличие обширного зарубежного опыта таких расследова-

ний. В частности, на основе анализа конституций зарубежных государств выделяется несколько тенденций конституционного регулирования парламентских расследований и процессуальных особенностей, возникающих в связи с парламентским расследованием⁹.

Аргументация противников закона «О парламентском расследовании» основывается на том, что Конституция РФ, по их мнению, устанавливает исчерпывающий перечень полномочий палат Федерального собрания и не содержит положений, предоставляющих палатам возможность непосредственно осуществлять контрольные полномочия, включая право на проведение каких-либо расследований. Среди сторонников данной позиции также известны политики и юристы, как И.И. Ключкин, В.И. Черешков, А.И. Торшин, Е.Д. Цивилева и др. Они, например, отмечают, что в Конституции РФ предусматривается только один вид парламентского контроля – бюджетный контроль, ни о каком другом в ней не говорится. Таким образом, эти авторы полагают, что принятый закон расширяет полномочия палат Федерального Собрания РФ и тем самым вступает в противоречие со ст.103 и 104 Конституции РФ, в которых четко обозначены все полномочия и Совета Федерации, и Государственной Думы РФ. Как один из вариантов выхода из сложившейся ситуации они предлагают внести поправки в Конституцию РФ, дополнившей полномочия парламента контрольной функцией. Кроме того, во мнении российского сенатора А.И. Торшина, возглавляющего комиссию по расследованию последствий террористического акта в Беслане, данный закон является законом неэффективным в связи с недостаточным уровнем зрелости гражданского общества в России.

Стоит отметить, что политическая практика российского парламента демонстрирует, что Государственная Дума достаточно часто использует предоставленное ей право образования временных комиссий, цель которых заключается в проверке тех или иных фактов, исследовании обстоятельств какого-либо инцидента. Так, например, еще в рамках Государственной Думы 1-го и 2-го созывов неоднократно формировались разные временные комиссии для проверки тех или иных фактов (например, комиссии по проверке фактов нарушения прав человека в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах и колониях временного содержания, комиссия по анализу итогов приватизации в 1992 – 1996 гг. и ответственности ана за ее негативные результаты, комиссия по проверке фактов нарушения избирательного законодательства при подготовке и проведении выборов на должности главы администрации (губернатора) Ростовской области и др.¹⁰ Хорошо известен факт публичного заявления фракцией Государственной Думы РФ о необходимости проведения взаимного парламентского

расследования причин аварии атомного реактора на крейсере «Курск» в августе 2000 г.¹⁵ Зачастую создание таких комиссий только декларировалось, но сама работа по разным причинам не велась. Исключением является работа совместной парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств теракта в Беслане, организованной в сентябре 2004 г., а также парламентской комиссии по расследованию причин энергетического кризиса в Москве, Московской, Тульской и Калужской областях. Опыт деятельности этих комиссий лег в основу нового закона.

Таким образом, можно предположить, что принятие закона о парламентском расследовании связано с необходимостью урегулирования важных политических и правовых вопросов, возникающих в условиях какого-либо политического кризиса с тяжелыми последствиями, затрагивающего интересы значительного количества людей. В подобных условиях возникает ситуация, когда необходимы, с одной стороны, решительные действия по преодолению негативных последствий кризиса, а с другой – требуется тщательный анализ причин и обстоятельств, приведших к нему. И если с первой задачей призваны справиться, как правило, органы исполнительной власти государства, силовые структуры, судебная система, то вторую задачу, на наш взгляд, эффективнее решать с помощью взаимодействия законодательной власти с двумя другими.

Согласно Федеральному закону «О парламентском расследовании Федерального собрания РФ», целями парламентского расследования являются прежде всего защита гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина (статья 2, п. 1), а также выявление причин и условий возникновения фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, информирование о них общества, а также оказание содействия в устранении таких причин и условий» (ст. 2 п. 3). Кроме того, закон строго фиксирует, что парламентское расследование не подменяет собой дознание, предварительное следствие и судопроизводство, а также что «принятием парламентского расследования не может быть установлено виновности конкретных лиц в совершении преступления» (ст. 4 п. 3). Тем самым определяется место данной процедуры в правоохранительной деятельности, декларируется ее публичная сущность как института сдерживания и контроля за деятельностью исполнительной власти.

Палаты Федерального Собрания на парламентских началах формируют комиссию, состоящую из членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, и избирают ее председателей. Закон устанавливает, что группа членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, независимо же менее одной пятой от общего числа, направляет председателю соответствующей палаты внесеманное обращение о возбуждении

парламентского расследования, в котором должны быть изложены факты и обстоятельства, подлежащие расследованию, и обоснованы необходимость и возможность его проведения. Основанием для возбуждения парламентского расследования может являться и предложение Уполномоченного по правам человека в РФ. Высказывается мнение и о том, что было бы целесообразно включить в число инициаторов рассматриваемой процедуры и Общественную палату РФ¹⁶. На наш взгляд, данное предложение имеет свои плюсы и минусы. Во-первых, Общественная палата РФ не является законодательным органом власти, создана на основании предложения Президента РФ и формируется на парламентских началах одной государственной и представителями общественных организаций страны. Это дает ей возможность осуществлять общественную экспертизу законопроектов, влиять на процесс законотворчества в России. Но в то же время в состав Общественной палаты не должны входить государственные чиновники и члены политических партий. Во-вторых, Общественная палата ведет распределением средств, выделяемых для поддержки институтов традиционного гражданского «института гражданского общества», т.е. общественных организаций, движений и некоммерческих организаций. Поэтому в случае появления оснований для проведения парламентского расследования Общественная палата или ее отдельные члены, получившие возможность инициировать процедуру, могут попасть в ситуацию конфликта интересов. И, в-третьих, Общественная палата, получив право инициативы, по сути становится парламентской структурой с правом участия в процедуре, отнесенной в компетенцию Федерального Собрания. А это уже совершенно иной статус данного органа, требующий, во-первых, законодательного и, возможно, конституционного закрепления. В то же время мы полагаем, что участие в ходе парламентских расследований Общественной палаты вполне возможно, а обсуждение итогового доклада парламентской комиссии по расследованию было бы необходимо.

Российским законом о парламентском расследовании предусматривается, что обе палаты Федерального Собрания должны высказать единое мнение о целесообразности такого расследования. Если одна из палат Федерального Собрания не приняла такого решения, то парламентское расследование не проводится (ст. 8 п. 6). Тем самым на уровне закона закреплена принцип солидарности палат российского парламента, который может служить мощным рычагом парламентского контроля прежде всего над исполнительной властью. Стоит отметить, что существует и мнение, согласно которому палаты российского парламента должны обладать равными возможностями в создании самостоятельных комиссий в случае получения отказа от другой палаты¹⁷. Аргументация данной позиции основана на опыте парламентских расследований в Итальянской Республике, Корзель-

стве Илоаэция в ФРГ. На наш взгляд, такой порядок вполне возможен в будущем, если институт парламентских расследований станет эффективным, продемонстрирует позитивные контрольные возможности российского парламента и в то же время не станет средством решения узко политических задач отдельных политических групп и фракций внутри законодательного органа.

Существенный интерес представляет такой аспект парламентского расследования, как установление законодателем его сроков. В ст. 5 Федерального закона «О парламентском расследовании» фиксируется, что данный срок не может превышать один год со дня создания комиссии. При этом в п. 2 данной статьи указывается, что «расследование должно быть завершено до окончания срока полномочий Государственной Думы Федерального Собрания соответствующего созыва». Это положение твердо закрепляет хронологические рамки самого расследования, не давая ему стать постоянно действующим фактором политической жизни страны, ставящим под угрозу стабильность государственной власти. Стоит упомянуть, что в том же законе есть положение относительно возможности возбуждения расследования и создания комиссии по расследованию. В нем четко определен коридор возможностей – инициировать не может быть выдвинуто, комиссия не может быть создана во время исполнения власти месячной полномочий Президента Российской Федерации или Государственной Думы, а также в период избирательной кампании по выборам Президента РФ или по выборам депутатов Государственной Думы (ст. 9 п. 5)¹⁶. Таким образом, законодатель исключил данное положение в целях страховки от излишней политизации института парламентского расследования – в условиях подготовки и проведения избирательной кампании у многих политических сил возникает соблазн использования этого рычага весьма специфическим образом (в целях дестабилизации конституционного строя, возможности сделать популистские заявления при минимальной ответственности за них и т.п.).

Процедура самого парламентского расследования детально не прописана в действующем российском законе, и это дает основание некоторым исследователям для его критики (с указанием на необходимость корректировки). На наш взгляд, подобный подход не является проблем законодательства в силу широкого ряда обстоятельств. Во-первых, организация работы парламента – вопрос, относящийся к внутренним процессам самих палат, и решается он в соответствии с регламентом (ст. 101 п. 4 Конституция РФ). Поэтому было бы целесообразно закрепить полномочия членов парламентской комиссии по расследованию в самих регламентах палат. Такой механизм применен законодательством Французской Республики: депутаты Национального Собрания Франции могут

создавать следственные комиссии, полномочия которых определены внутренним регламентом французского парламента. Во-вторых, конкретный расследуемый комиссией факт потребует, по-видимому, особой организации процесса работы, отличной от предыдущих (целью смысла парламентского расследования задается как раз в том, чтобы не было повторения судебного опыта). Поэтому, видимо, детализация в законе всех элементов процедуры могла бы затормозить или даже остановить работу комиссии по фактальным соображениям.

Парламентарии, входящие в состав комиссии по расследованию, имеют весьма обширные полномочия: приглашать для объяснений, связанных с расследуемым фактом и обстоятельствами должностных лиц и экспертов, обладающих специальными знаниями и информацией, запрашивать необходимую информацию от Правительства РФ и других федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, учреждений и организаций. Однако определяя обязанности граждан в должностных лицах, привлеченных к участию в парламентском расследовании, предоставляя необходимую информацию (ст. 23 п. 1, 2, 3), закон не исключает возможности возмездного оказания деятельности парламентской комиссии. По-видимому, в дальнейшем, по мере реализации этого закона, будет усовершенствован механизм привлечения к ответственности лиц, препятствующих осуществлению функции парламентского контроля.

Покадуй, наиболее важным для политической практики является вопрос о значении итогового доклада парламентской комиссии. В нем должны быть сделаны выводы по рассматриваемым фактам и обстоятельствам. Поскольку целью расследования не является установление виновности конкретных лиц в совершении преступления и/or не подменяет собой дознание, то вопрос о предельной ответственности¹⁷ итогового доклада не стоит. Несмотря на это, здесь могут содержаться весьма важные положения, касающиеся взаимоотношений органов власти, обеспечивая динамичность и эффективность процесса государственного управления. Среди них выделяется прежде всего конкретные предложения о принятии нормативных правовых актов, направленных на устранение причин и последствий событий, послуживших поводом для проведения парламентского расследования (ст. 25 п. 3). В этом случае заметна стремление законодателя определить возможности именно законодательного плана, которые позволят изменить недостаточно корректную нормативную базу, ликвидировать какие-то пробелы и недостатки. Кроме того, в итоговом докладе могут содержаться конкретные кадровые рекомендации, которые позволят обеспечить действенный контроль за работой

соответствующим должностным лицам, чьи действия или бездействия стали объектом внимания комиссии. Эти рекомендации, выраженные в форме заключения о совершенствовании деятельности федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов РФ, иных государственных органов, а также органов местного самоуправления (ст. 24 п. 4), по-видимому, носят характер наиболее действенных средств обеспечения итогов работы комиссии. Однако, на наш взгляд, однозначно оценивать эту процедуру пока рано – российский парламент еще не продемонстрировал на практике ее реализации. В то же время можно предположить, что закрепленные в вышеуказанной норме возможности могут остаться неиспользованными, поскольку в законе не закрепляется обязанность органов исполнительной власти следовать предложениям комиссии. В каких-то случаях действительные инструменты контроля могут остаться весьма декларативными.

Итоговый доклад парламентской комиссии должен быть утвержден обоими палатами Федерального Собрания РФ, деятельность комиссии прекращается. Такое положение в законе указывает вновь на необходимость соблюдения принципа солидарности Государственной Думы и Совета Федерации РФ при проведении парламентского расследования. Признать результаты расследования недействительными из-за существенных нарушений при формировании парламентской комиссии как при реализации ее своих полномочий может только Федеральное Собрание, но не суды РФ. Здесь мы видим строгое следование конституционному принципу самостоятельности всех ветвей государственной власти.

Таким образом, институт парламентского расследования, складывающийся в новейшей истории России как своеобразная политико-правовая практика, получил законодательное закрепление. Несмотря на дискуссии, ведущиеся как юристами, так и учеными, необходимость такого закона очевидна (российская Конституция, действительно, не содержит специальных положений о парламентских расследованиях). Можно отметить некоторые недостатки данного закона, которые, несомненно, будут оказывать серьезное воздействие на его применение: недостаточное четкое регулирование механизма обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за противоправные акты парламентского расследования; неопределенный статус рекомендаций, выраженных в итоговом докладе парламентской комиссии. Однако хочется надеяться, что реализация несовершенного закона все же лучше, чем его отсутствие. Время покажет, насколько правильным был выбор российских законодателей, оформивших еще один политико-правовой инструмент взаимного контроля ветвей государственной власти.

Примечания

- 1 В России данную функцию выполняет Счетная палата РФ, которая согласно ст. 103 «ix Конституции РФ формируется Государственной Думой РФ, назначаемой председателем Счетной палаты и половину состава ее избирает».
- 2 В настоящее время все большее значение приобретает парламентское регулирование деятельности ООН. В частности, подписаны «Соглашения о сотрудничестве между ООН и Межпарламентским союзом (МПС)». В соответствии с ними Генеральный секретарь ООН ежегодно представляет Генеральной Ассамблее доклад в различных аспектах сотрудничества между ООН и МПС и в процессе каждой сессии Генеральная Ассамблея выражает пункт, озаглавленный «Сотрудничество между ООН и МПС». В указанных документах подчеркивается взаимное сотрудничество – ООН и МПС. В частности, в п. 5. доклада А/55/996 в качестве одной из функций по укреплению сотрудничества между ООН и МПС обозначено оказание поддержки парламентам и иным организациям тех возможностей, которые имеются на национальном уровне в выполнении и контрольных функций в отношении корпораций, относящихся к международному сотрудничеству (см.: Сидор А. А. Национальные парламенты мер: Энцикл. справочник М., 2005. С. 8-9).
- 3 Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Под ред. В. В. Стрыгина. М., 2000. С. 534.
- 4 Там же.
- 5 Жакс Ж. А. Конституционное право и политический институты М., 2002. С. 141-144.
- 6 См.: Давид М. В Европе вводят судей // Российский правовой журнал. 16 дек.; Розыбабаев Р. Господни Козы как следствие // Дуванская неделя. 2000. 20 кин.; Зингер М. EIA Aquitaine: управление Г. Казя // Коммерсант. 2001. Казя.
- 7 Действие указанного процедуры расследования осуществляется в рамках Европейского парламента, Совета и Комиссии от 19 января 1995 г., принятом и развитом ст. 193 указанного Договора (примечание № 4) (см. Аналитическая записка к проекту Федерального закона № 217901-4 «О парламентском расследовании». М., 2005).
- 8 Писание в праве Европейского Союза, Учеб. пособие / Под ред. С. Ю. Кавриной. М., 2005. С. 246.
- 9 Закон «О парламентском расследовании Федерального собрания Российской Федерации» вступил в силу 27 декабря 2005 г. (см.: СЗ РФ. М., 2006, № 1. Ст. 7).
- 10 Часть 3 ст. 101 Основного закона России гласит: «Совет Федерации и Государственная Дума образуют комитеты и комиссии, проводят по вопросам своего ведения парламентские слушания».
- 11 Сурин В. Парламентские расследования // Финансовый контроль. М., 2005. № 6(45).
- 12 Парламентское право России / Под общ. ред. Ю. И. Булахова. М., 2006. С. 157.
- 13 Зингер А. П., Крылова М. Е. О создании института парламентского расследования в РФ // Право и политика. 2005. № 10. С. 39-43.

¹⁴ См., например, Федюков А.Г. Парламентские расследования как направление совершенствования действующего механизма правового регулирования парламентского контроля в России // Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы. Междунар. науч. конф. Тел. докл. Москва, 22-23 ноября 2007 г. М., 2007. С. 313.

¹⁵ Там же. С. 312.

¹⁶ Это положение тесно связано с другим, аналогичным нормам конституции и федеральных законов. Например в ст. 109 в 3. Конституции РФ ограничена полномочия роспуска Государственной Думы РФ в течение года после ее избрания; Федеральным конституционный закон «О референдуме

Российской Федерации №3-ФКЗ от 28.06.2004 (в ред. от 18.12.2006 с изменениями от 21.03.2007) в ст. 7, п. 3 фиксирует, «референдум не проводится в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации на основании решения уполномоченного федерального органа».

¹⁷ Президиальность (от лат. *praesidialis* – относящийся к президенту) суверенное решение – обязательность для всех судов, равноправность дела, прivity без проверки и доказательств факта, ранее установленные властями и являющую силу судебным решением по другому делу.

УДК 32:316:375:664

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

А.Ю. Царлик

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: dca2002@yandex.ru

Статья посвящена вопросам теории информационного общества. Рассмотрена роль информации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в политической сфере. Показаны особенности социально-политического взаимодействия в информационном обществе, отличия от политической организации традиционного общества.

Political Characteristics of Information Society

A.Y. Tsarlik

The article is devoted to the issues of Information Society Theory. The role of information and information and communication technologies (ICT) in political sphere was studied. We showed features of social-political interaction in the information Society and differences from political organization of traditional society.

Современное общество существенно отличается от традиционного индустриального, которое существовало 40–50 лет тому назад. Изменялась его традиционная структура, форма коммуникации, информационно-компьютерные технологии все глубже и глубже проникают в политическую и социально-экономическую жизнь. Модернизация традиционных общественно-политических отношений и институтов ставит массу вопросов теоретического и прикладного характера. Один из них касается политических особенностей формирующегося общества. Какой должна быть политическая сфера согласно футурологическим концепциям и какой она является в действительности? Какой должна быть социально-политическая организация общества и власти, чтобы оно развивалось информационным?

Впервые тема информационного общества стала разрабатываться в 60-х гг. прошлого столетия усилиями М. Пората, Й. Масуды, Т. Стоунера, Р. Киза и постепенно сблизились с концепциями постиндустриализма Д. Белла, сувериндустриализма Э. Тоффлера, сетевого общества М. Кастельса.

Как отмечалось многими авторами, изменения вызываются с экономическими взаимоотношениями и потом распространились на социальную, культурную и политическую сферы общества. Происходит сдвиг в каком-то смысле – знания, то есть к капиталу, состоящему из символов. Как отметил Э. Тоффлер, если в индустриальном обществе инвесторы капитала требуют «обеспеченности имуществом» в виде заводов промышленного оборудования, то в новом обществе такими гарантиями являются способность компании продавать свою продукцию, качество маркетинга, эффективность менеджмента, научно-технические разработки их сотрудников¹.

По прогнозам Д. Белла, в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает значение нового социального уклада, основанного на телекоммуникациях². Причем электронно-вычислительная техника в постиндустриальном обществе рассматривалась им лишь как одна из наукоемких отраслей и необходимые средства решения сложных задач.

Э. Тоффлером одним из первых было отмечено, что вна современном этапе знания и информация стали важнейшими ресурсами власти. Они

¹⁰ См. например: Фидельтово Ю.Г. Парламентские расследования как инструмент современного правового регулирования парламентского контроля в России // Трансформации гражданского общества России: проблемы и перспективы: Междунар. науч. конф. Тез. докл. Москва, 22-25 ноября 2007 г. М., 30/07. С. 311.

¹¹ Там же, С. 312.

¹² Это возможно тесно связано с другими конституционными нормами российской конституции и федеральных законов. Например в ст. 109 и 3 Конституции РФ ограничена возможность роспуска Государственной Думы РФ в течение года после ее избрания, Федеральная конституционная норма об референдуме

Российской Федерации №8-ФКЗ от 28.06.2004 (в ред. от 30.12.2006 с изменениями от 23.03.2007) в ст. 7, и 1 фиксирует: «Референдум не проводится в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации на основании решения уполномоченного федерального органа».

¹³ Представительность (от лат. *praesentatio* — отношение к реальному судебному решению) — обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без промедления обязательный факт, ранее установленный истинным и законным судом судебным решением по другому делу.

УДК 32.016.326:004

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

А.Ю. Цаплин

Саратовский государственный университет,
факультет политических наук
E-mail: tsaplin2002@mail.ru

Статья посвящена парадигмам теории информационного общества. Рассмотрена роль информации в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ) в политической сфере. Показаны особенности социально-политического взаимодействия в информационном обществе, отличия от политической организации традиционного общества.

Political Characteristics of Information Society

A.Y. Tsaplin

This article is devoted to the issues of Information Society Theory. The role of Information and Information and Communication Technologies (ICT) in political sphere was stated. We showed features of social-political interaction in the information society and differences from political organization of traditional society.

Современное общество существенно отличается от типичного индустриального, которое существовало 40-50 лет тому назад. Изменилась его традиционная структура, формы коммуникации, информационно-компьютерные технологии все глубже и глубже проникают в политическую и социально-экономическую жизнь. Модернизация традиционных общественно-политических отношений и неизбежной ставит массу вопросов теоретического и прикладного характера. Один из них касается политических очертаний формирующегося общества. Какой должна быть политическая сфера согласно футурологическим концепциям и какой она является в действительности? Какой должна быть социально-политическая организация общества в плане, чтобы оно называлось информационным?

Впервые тема информационного общества стала разрабатываться в 60-х гг. прошлого столетия учеными М. Поразом, Й. Масузом, Т. Стэннером, Р. Каши и постепенно слезлась с концепциями постиндустриализма Д. Белла, супериндустриализма Э. Тоффлера, сетевого общества М. Кастельса.

Как отмечалось многими авторами, изменения начинаются с экономических взаимоотношений и потом распространяются на социальную, культурную и политическую систему общества. Происходит сдвиг к новому типу капитала — знаниям, то есть к капиталу, состоящему из навыков. Как отметил Э. Тоффлер, «если в индустриальном обществе недостаток капитала требовал "обеспечение омуществом" в виде закона промышленного оборудования, то в новом обществе такими гарантиями являются способность компании продавать свою продукцию, качество маркетинга, эффективность менеджмента, научно-технические разработки их сотрудников»¹.

По прогнозам Д. Белла, в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового социального уклада, основанного на телекоммуникациях². Причем электронно-вычислительная техника в постиндустриальном обществе рассматривалась им лишь как одна из наукоемких отраслей и необходимое средство решения сложных задач.

Э. Тоффлером одним из первых было отмечено, что уже современным этане знания и информация стали важнейшими ресурсами власти. Они

возможны достичь неких целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; преаргитить противников в союзники. Уже сегодня в ведущих европейских странах знания и сила своих преимуществ – безконечности, общедоступности, демократичности – подчинили славу и богатство и стали определяющим фактором функционирования власти. В ходе общественного развития такие традиционные ресурсы власти, как сила и богатство, утрачивают свое былое значение, хотя и не исчезают полностью. Истинную власть приобретают знания и информация². По его мнению, контроль над знаниями – суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества. Отсюда следует, что необходимой предпосылкой является наличие развитой, стабильно функционирующей экономики, с доминированием наукоемких отраслей. В свою очередь, этого не может быть без демократической системы управления и конкуренции за власть, осуществляемой открыто, в интересах всех слоев населения и исключительной административно-финансовой власти.

Преградой развитию информационного общества являются не только тоталитарные и авторитарные режимы различных видов (олигархические, теократические и т.д.), но и либеральные демократии. Последние при помощи информационных технологий создают угрозу тоталитарного волюнтаристского управления, а также тоталитарного управления частной жизнью с использованием психотехнических средств программирования личности. Информация становится законом власти – чем совершеннее технология, тем потенциально больше власть.

В целом, информационное общество отличается от общества, в котором доминирует традиционная промышленность и сфера услуг тем, что информация, знания, информационные услуги и все отрасли, связанные с их представлением (телекоммуникационные, компьютерная, телевизионная), растут более быстрыми темпами, являются источником новых рабочих мест, способствуют экономическому развитию. Переход к такому обществу предполагает преобразование производства и использования информации, знаний в важнейший продукт социальной деятельности, причем основой труда является информационные технологии. Соответственно экономика общества будет ориентирована на производство, прежде всего продуктов информационной и интеллектуальной деятельности, связанных с выработкой новой информации в новых знаниях, преобразованием их в вид, удобный для потребления другими людьми, и реализацией (в частности, продаж) этих продуктов.

Почти сбылся прогноз Э. Тоффлера, заключавшийся в том, что противостоит различием электронной интерактивности, с помощью которых граждане могут проводить свои собственные вопросы общественного мнения и создавать свои

собственные «электронные партии», «электронных доблестей», а также группы давления для самых разных целей³. Сегодня такое положение вещей стало критично важным благодаря широкому распространению Интернета и информационных технологий коммуникации – ICQ (общение в реальном времени), электронной почты (e-mail), IP-телефонии, сетевых видеоконференций. Существуют специализированные интернет-сайты, предлагающие всем желающим принять участие на всевозможных форумах и чатах. В них группы людей собираются по интересам, для общения и передачи информации, обсуждения актуальных политических и социальных проблем.

Как выразился М. Кастельс, формируется сетевое общество, которое во многом является синонимом информационного. В качестве отправной точки своих построений исследователь использует глобальную экономику и международные финансовые рынки⁴. Исходя из того, что сама природа информации позволяет ей легко проникать через любые преграды и границы, он характеризует информативную эру как эпоху глобализации общества. По мнению Кастельса, сети составили новую специфическую морфологию наших обществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. В результате, власть структуры оказывается сильнее структуры власти, а ее важнейшим источником выступает принадлежность к той или иной сети плюс с доминированием одних сетей над другими.

Таким образом, как вытекает из рассуждений Кастельса, информационное общество имеет глобальный характер и характеризуется транснациональным характером культур. Необходимым условием благополучия становится знание, а обмен информацией не имеет ни пространственных, ни физических, ни временных границ. В таком обществе с целью улучшения качества жизни принимаются более продуманные решения с помощью обработки данных и поддержки знаний. Это означает, что к признакам информационного общества добавляется формирование единого информационного пространства и углубление процессов культурной, информационной и экономической интеграции стран и народов.

М. Кастельс не остановился на констатации глобальных характеристик информационного общества – по его мнению, оно, в свою очередь, существенно меняет политические процессы. Лидерство становится все более периферизированным, а путь к власти лежит через создание миджя – политические деятели вовлекаются в игру, ведущуюся своими СМИ и через них. Кроме того, в условиях глобализации рынков и капиталов модифицируется роль государства. Протворотие между глобальностью деятельности трансна-

циональных корпораций и лоббизмство нано-геообъектами лишает национальное государство пространства для маневра, а следовательно, и реальных рычагов управления. Одновременно падает значение в жизни людей институтов и организаций гражданского общества, которые все больше утрачивают свою «дезинформационную ценность».

В формирующемся обществе происходит трансформация отношений власти, что связано с кризисом национального государства и традиционной формы политической демократии. Преобладают, а также децентрализуются власти автономной и переход к рациональным правительствам создают новую геометрию власти, подготавливая условия для рождения новой — сетевой формы государства. Политика постепенно становится театром, а политические институты — агентствами по заключению сделок. В результате возрастает политическая реинволяция граждан, которые перестают воспринимать голосование как средство достижения своих интересов. Политическая же система, сохраняя влияние, по Кастельсу, в некотором смысле лишена власти. Однако власть не исчезает. В информационном обществе она оказывается описана в культурные коды, на основе которых люди и институты организуют жизнь и принимают решения, то есть реальная власть становится нематериальной³.

Современные тенденции трансформации политической системы и, в частности, системы управления отчасти отвечают прогнозу Кастельса. Все современные демократические режимы озабочены формированием электронного правительства, которое несет характер целой концепции. Она направлена на повышение эффективности деятельности государства путем внедрения информационно-коммуникативных технологий в систему управления.

Взаимодомогательная модель электронного правительства состоит из трех частей (правительство — правительство; правительство — бизнесу; правительство — гражданам) и включает в себя многоцелевые прикладные элементы: свободу доступа граждан к государственной информации, перевод государственных органов на электронное делопроизводство, установление для всех государственных органов показателей эффективности работы на год и регулярный их контроль, введение в государственных органах электронных карт для идентификации госслужащих, перечисление им зарплат, расчетов за командировки, перенесение в сеть большинства стандартных транзакций между государством и гражданами или бизнесом и т.п.

Концепция электронного правительства находит свое реальное выражение в политике различных государств. В настоящий момент национальная программа США по информатизации правительственных учреждений реализуется в рамках проекта *FirstGov*, имеющего целью созда-

ние внутренней (гражданственной) и внешней (панматериальной с гражданами и организациями) сетевой информационно-коммуникативной инфраструктуры, поддерживающей процесс выполнения федеральными органами исполнительной власти своих функций в обществе. В Великобритании реализуется программа «E-citizen, e-business, e-government. A strategic framework for public service in the Information Age». С 2001 г. в России началась разработка федеральной целевой программы «Электронная Россия на 2002–2010 годы», которая охватывает все сферы информатизации, в том числе и вопросы «электронного правительства»⁴.

Другая характеристика информационного общества связана с зарождением и удержанием власти. Как пишет М. Кастельс, фактически, борьба за политическую власть сегодня — это борьба не партийных организаций или программ действий, а политических команд, где ведущую роль играют менеджеры, известные люди шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний. Следствием этого становится модификация режима массовой демократии. Выборы уже не ведут к существенным изменениям в составе чиновничьи-экспертов, осуществляющих рутинную работу по управлению. Меняются только публичные политики. Замена реальных политических позиций и действий их образам обеспечивает успех тем кандидатам, чей имидж в большей степени соответствует востребованным обществом ценностям⁵.

Можно сказать, что процессы информатизации формируют эпоху политики образов и образов политики. Идет процесс виртуализации институтов массовой демократии и общества, что способствует превращению информационно-коммуникативных технологий в средство и среду политической борьбы. Политизация киберпространства названо демократизирует, что ковал политика строится на компенсации дефицита реальных ресурсов и поступков избиратель виртуальных⁶. Таким образом, еще одной важной чертой информационного общества является как виртуализация отношений и институтов самого общества, так и взаимоотношений с властью.

К этому нужно добавить особую роль СМИ, которые являются главным источником информации о политике. Собственно, с их помощью и происходит ее виртуализация и создание образов. Именно они являются инструментом создания в общественном сознании политической картины мира. Можно полностью согласиться с Кастельсом, что современные СМИ с применением мультимедийных и интерактивных технологий образуют коммуникационную систему, в которой реальность погружена в виртуальные образы, — виртуальный мир, в котором образы становятся уже не средством передачи опыта, а собственно опытом.

Кроме этого, как пишет Э. Тиффлер, в формирующемся обществе происходит «демассификация СМИ». «СМИ третьей волны изготавливают свою образную продукцию по специальным заказам и раскрывают различные образы, идеи и символы крупным заказчикам, подобранным в соответствии с каким-либо общим признаком, определенным возрастным категориям, лицам со схожей профессией или близким образом жизни, этническим группам»¹⁰.

Более того, как отмечает М. Кастельс в своем выступлении на семинаре «Медиа: между гражданами и властью», сегодня бурно развиваются и приходят на повестку средства массовой индивидуальной коммуникации (через Интернет и мобильную телефонку). Это новая форма общения, которая производится, получается и ощущается индивидуально¹¹.

В современном понимании главной целью информационного общества является обеспечение политических, правовых и социальных гарантий того, что каждый гражданин общества, находясь в любом месте и в любое время, сможет получить всю необходимую для решения текущих проблем информацию. Это означает открытость общества и власти, касающуюся самых разнообразных вопросов: политических, правовых, экономических, культурных и т.д.

Отсюда следует, что важным критерием информационного общества служат количество и качество информации и обработка информации, а также ее эффективная передача и переработка. Одновременно с этим должна быть обеспечена доступность информации для каждого человека, которая достигается масштабной информатизацией общества, всемасштабным внедрением новых информационных технологий. Без свободного доступа всех людей к информации вообще не имеет смысла говорить о развитии информационного общества или, как еще говорят, «общества всеобщего интеллекта планетарного масштаба».

Согласно довольно распространенному в отечественных научных кругах мнению, информационное общество – это такой этап истории человечества, когда коллективный разум становится не только опорой развития человечества, но и объектом целенаправленных усилий по его совершенствованию¹².

Часто развитие информационно-коммуникативных технологий отождествляется с революцией, которая выражается в качественных сдвигах организационного и управленческого плана, связанных с применением новых возможностей сбора, хранения и обработки информации. Вследствие этого оказывается воздействие на политический, культурный, экономический и внешне-стратегический аспекты жизни общества. В конечном счете подтверждается узкая взаимосвязь гипотезы Белла – информатизация сегодня рассматривается как новый этап в развитии производственных сил, при котором обмен информацией, ее оперативная обработка и эффективное

применение являются определяющими условиями двустороннего развития общества¹³. Происходит увеличение объема информации, необходимой для обеспечения систем жизнедеятельности общества, совершенствуются технологии ее создания и распространения. Информационная сфера становится не просто локальным сегментом общественной жизни общества, а материей, пронизывающей все социально-политическое пространство, от состояния которой зависит личная жизнь человека, характер общественных отношений, положение государства на международной арене и т.д. Однако процесс информатизации протекает неравномерно в разных регионах. Он часто тормозится из-за технологических и экономических барьеров – низкого уровня телефонизации и компьютеризации, плохой качества связи, недостаточной платежеспособности населения и т.д.

Рискуя быть обвиненным в технолобическом детерминизме, все же можно предположить (и этому существует много доказательств), что информационное общество – это новый этап в развитии социально-политических и экономических отношений, в основе которых лежат новые информационно-компьютерные технологии, но никакого скачкообразного перехода, то есть революции, не произошло. Информационное общество только формируется и имеет четкую выраженную связь с развивающейся эпохой. Как можно заметить, происходит постепенное преобразование, скорость которых детерминирована многими факторами и является переменной величиной.

Исходя из рассмотренных концептуальных оснований, прогнозов, касающихся формирующегося информационного общества можно говорить о наличии его интегративной футурологической модели. В этой модели информационное общество обладает следующими качественными характеристиками.

1. Знание, информация и средства ее распространения являются одним из главных источников и ресурсов политической власти. Обладание информационно-компьютерными технологиями, достоверной и полной информацией дает преимуществу в политическом процессе.

2. Система общественно-властных отношений носит открытый характер, подразумевающий наличие большого количества доступной информации по вопросам организации политической системы и функционирования органа власти.

3. Происходит виртуализация власти и политических отношений. В результате этого политическая борьба за власть сводится в конкурентные команды, а государство и другие политические институты становятся сетевыми, гибкими – нематериальной, виртуальной в культурные коды.

4. Создаваемое единое информационно-коммуникативное пространство не имеет границ, обладает мощным потенциалом воздействия, способным трансформировать политические и культурные ценности. Происходит размытие

национально-культурной и гражданской идентичности и формирование гражданского мира и глобальной ориентации.

5. Прогнозительно меняются формы политической коммуникации, основу которых составляет электронная интерактивность. С ее помощью можно решить наиболее важные вопросы функционирования систем жизнедеятельности общества.

6. СМИ выступают в качестве инструмента, конструирующего политическую реальность в сознании граждан, формирования общественного мнения. Кроме того, СМИ становятся демаскифицированными, т.е. транслативными не только образуя продукты всему обществу в целом, а само для каждой общественной группы в отдельности.

Поряду признаков современная общественно-политическая система отвечает критериям информационного общества. Ключевыми темпами развиваются информационные технологии, совершенствуются системы коммуникации и увеличивается объем информационной сферы. Существует масштабные единые интегрированные информационно-коммуникативное пространство - Интернет. Информации и СМИ стали важнейшим ресурсом власти. Более того, СМИ сделали политику полностью виртуальной. Трансформируется система государственного управления. В то же время говорить об информационном обществе как сформировавшемся нельзя. Причины этого велика. Для нашей страны одной из них является недоступность для многих социальных групп новых информационно-компьютерных технологий, со многими вытекающими отсюда последствиями, в частности, отсутствием возможности оперативно получать необходимую информацию; информационная закрытость власти, поскольку процесс формирования электронного правительства находится в начальной стадии; преобладание

традиционных форм общественной коммуникации, то есть без электронной интерактивности и т.д. Для нашей страны информационное общество - это общество будущего.

Примечания

1. Тюрингов Э. Метафоры на власти // М., 2004. С. 87
2. См.: Бата Д. Социальный рынок информационного общества // Новая технология: новая форма жизни / Петербург: В.С. Гуреева М., 1988. С. 78.
3. См.: Тюрингов Э. Два измерения власти // Философия истории М., 2004. С. 87
4. Тюрингов Э. Метафоры на власти. С. 443.
5. См.: Коротков М. Специальные общества: сетевые структуры // Новая технология: новая форма жизни. Деловая М., 1999.
6. См.: Киселева М. Информационный рынок: становление общества и культура. М., 2000. С. 301-302.
7. См.: Сивухин И. В. Электронное правительство, транзакционные и управленческие основы // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество. Тр. V Востра. международной конф. Санкт-Петербург, 25-29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 302-305.
8. См.: Мухомов А. В. Перспективы развития в России информационного общества // Вестник, 2002, № 5. С. 130.
9. Павлов А. В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 51-53.
10. Тюрингов Э. Метафоры на власти. С. 424-425.
11. См.: Коротков М. Новые индивидуальные масс-медиа // Свободная мысль, 2006 № 5. С. 65.
12. См. напр.: Агасиев Н. Информационное общество как транснациональная история // Свободная мысль, 1996 № 1. С. 81-83.
13. См.: Котов К.С. Параллели информационного общества и становление информационного права // Право и информатизация общества. М., 2002. С. 36.

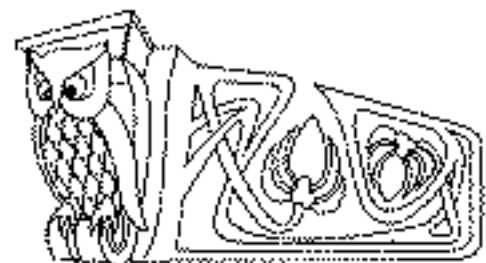
УДК 32.070.004.056

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

А.В. Россихинский

Саратовский государственный университет,
институт политических наук
E-mail: avr@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности СМИ как института информационной безопасности, проанализированы основные механизмы реализации данной функции, даны оценки особенностей деятельности СМИ в контексте становления демократии в современной России.

Mass Media as an Institute of Information Security System

A.V. Rossikhinskiy

The article covers Mass Media features as an institute of informational security system. Main mechanisms of this function realization were analyzed. Mass Media activities in the context of democracy development in contemporary Russia were evaluated.

национально-культурной и гражданской идентичности и формировании «гражданского мира» с высокой проницаемостью.

3. Прогнозируемо меняются формы политической коммуникации, основой которых составляет электронная интерактивность. С ее помощью можно решать наиболее важные вопросы функционирования систем жизнедеятельности общества.

4. СМИ выступают в качестве инструмента, конструирующего политическую реальность и сознания граждан, формирующего общественное мнение. Кроме этого СМИ становятся демассифицированными, т.е. транслирующими не панорамную образную продукцию всему обществу в целом, а только для каждой общественной группы в отдельности.

Поряду признаком современной общественно-политической системы отвечает критериям информационное общество. Колоссальными темпами развивается информационные технологии, совершенствуя системы коммуникации и увеличивая объемы информационной сферы. Существует масштабное единое информационно-коммуникативное пространство - Интернет. Информация и СМИ стали важнейшим ресурсом власти. Более того, СМИ стали политично значимы виртуальной. Трансформируется система государственного управления. В то же время говорить об информационном обществе как сформированном нельзя. Причины этого несколько. Для нашей страны одной из них является недоступность для многих социальных групп новых информационно-компьютерных технологий, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности, отсутствием возможности оперативно получать необходимую информацию, информационная закрытость власти, поскольку процесс формирования электронного правительства находится в начальной стадии, преобладание

традиционных форм политической коммуникации, то есть без электронной интерактивности и т.д. Для нашей страны информационное общество - это будущее будущее.

Примечания

1. Тейффер Э. Метафоры власти. М., 2004. С. 82.
2. См.: Белл Д. Социальное разделение информацииального общества // Новая технологическая революция. Занятия / Пер. ред. В.С. Гуревича. М., 2004. С. 78.
3. См.: Тейффер Э. Два измерения власти // Философия истории. М., 2001. С. 87.
4. Тейффер Э. Метафоры власти. С. 441.
5. См.: Костык М. Становление общества открытой структуры // Новая историко-культурная антропология. Лодзь. М., 1999.
6. См.: Костык М. Информационная власть: политическое общество и культура. М., 2000. С. 501-502.
7. См.: Смирнов Д. В. Электронное правительство: этапы становления и стратегические задачи // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество. Тр. V Всерос. объединенной конф. Санкт-Петербург, 25-26 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 302-305.
8. См.: Юсупов А.В. Виртуальные реальности и Россия информационного общества // Вестник, 2002, № 5 С. 149.
9. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 51-53.
10. Тейффер Э. Метафоры власти. С. 424-425.
11. См.: Костык М. Понятие индивидуальной массмедиа // Свободная мысль, 2006, № 5 С. 65.
12. См. автор: Мельниченко Н. Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль, 1996, № 1, С. 81-83.
13. См.: Белл Д.Т. Парадигма информационного общества и становление информационного права // Право и информатизация общества. М., 2002. С. 36.

UDK 32:070.004.056

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

А.В. Россошанский

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: a657@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности СМИ как института информационной безопасности, проанализированы основные механизмы реализации данной функции, даны оценки перспектив деятельности СМИ в контексте становления демократии в современной России.

Mass Media as an Institute of Information Security System

A.V. Rossoshanski

This article covers Mass Media institutes as an institute of Information Security System. Main mechanisms of this function realization were analyzed. Mass Media relation to the context of democracy development in contemporary Russia were mentioned.

Деятельность СМИ как инстигута системы информационной безопасности связана с массовым информированием и состоит в распространении объективных, достоверных сведений о наиболее важных для граждан и правополучателей событиях, происходящих в сфере политики, экономики, финансов, культуры, здравоохранения, экологического обеспечения и т.д. В политической сфере главная их задача – это защита конституционных прав гражданина на получение достоверной информации.

Одной из функций СМИ является формирование когнитивности сознания граждан, их ценностных ориентаций и образцов поведения. Различные виды СМИ (традиционные и интернет-издания) позволяют гражданину выйти за рамки индивидуального опыта и делится общими всем миром политикой.

Влияние в роль СМИ резко возрасают в период избирательных компаний. В современных условиях средства массовой коммуникации позволяют усердно заниматься политической деятельностью без непосредственного контакта с аудиторией. Избиратели зачастую по объективным причинам не могут быть лично знакомы с кандидатом, поэтому судить о его способностях, политических намерениях они могут в основном за счет информации, поступающей от СМИ. Таким образом, важная задача СМИ как субъекта информационной безопасности заключается в публикации мониторинга деятельности депутатов. Кроме того, они выполняют просветительскую функцию, обучая избирателей способам реализации своих прав в ходе выборов. Еще одной функцией является обеспечение прозрачности избирательного процесса, это прежде всего публикация результатов выборов, освещение деятельности избранных кандидатов, информирование общественности о нарушениях в ходе избирательного процесса. Согласно закону о референдуме в основу деятельности избирательных комиссий положен принцип *открытости*. Он означает, что решения комиссий по проведению референдума публикуются в печати и передаются другим СМИ. Комиссия должна до сведения граждан внести обоснование и результаты референдума¹.

Другой аспект информационной безопасности, тесно связанный с информативной функцией, заключается в том, что современное СМИ обеспечивается *открытостью политическим партиям*, предоставляющим различные политические связи, возможность выступать и добивать друг с другом. Доступ к СМИ, предоставляемый политическим партиям, может быть как платным, так и бесплатным. Общим объектом государственной и частных СМИ является информационная система платной политической рекламы. Специфика же государственных СМИ в том, что они обеспечивают партиям свое и бесплатной прямой доступ. В основу такого подхода может быть положено два принципа: равенства и справедливости. Ра-

венство означает, что каждая партия или каждый кандидат получает равный доступ к эфиру, и выбор способен сделать сами избиратели, а не радио- и телевизионная компания, и не орган, регулирующий выборы. Такая система эффективна на тех выборах, когда определены всевозможные пределы масштаб поддержки партии. Но в дальнейшем возникли расхождения. Преимущество принадлежит у власти партии, у которой в без того много возможностей донести свою политическую платформу до избирателей. Равенство также обеспечивает продвижение оппозиционных партий, не имеющих никакой надежды проиграть, за счет тех, кто действительно в состоянии занять место в правящей партии. Одной из задач этого принципа является то, что на выборах срабатывается слишком большой поток информации, который избирателям в полной мере не может быть объективно осмыслен.

Принцип справедливости означает, что партия, имеющая большую поддержку населения, получает больше эфирного времени по сравнению с той, которая такой поддержки не имеет. Это гарантирует всем партиям возможность доступа к СМИ, который примерно соответствует степени популярности. Таким образом, избиратели будут слушать аргументацию, представленную основными претендентами на пост, тогда как партии, не обладающие значимой поддержкой, будут иметь хотя и меньшую, но все же гарантированную возможность донести свои идеи. Однако данная система является предвзятым для новых, зарождающихся партий, так как их развитие всегда основывается на той поддержке, которую они получили на предыдущих выборах².

Принцип равенства отражен в двух законах: «О политических партиях» и «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В первом законе устанавливаются основы государственной поддержки политических партий, а именно: «обеспечение органами государственной власти и органами местного самоуправления районов условий и гарантий доступа к государственным и муниципальным средствам массовой информации»³. Непосредственно условия предоставления предвыборной агитации в СМИ фиксируются в законе о выборах. Так, условия доступа к электронным СМИ определяются следующим образом: «Зарегистрированные кандидаты, политические партии, избирательные блоки, зарегистрированные федеральные списки кандидатов, имеют право на предоставление им бесплатного эфирного времени на каналах государственных организаций теле- и (или) радиовещания, осуществляющих теле- и (или) радиовещание на территории соответствующего избирательного округа, на равных условиях (сроки, продолжительность, предоставляемое эфирное время, время выхода в эфир и другие условия)»⁴.

Как нам представляется, принцип равенства доступа к СМИ соответствует сегодня реали-

судебным характеристикам российской политической системы. Процесс формирования партийной системы еще не завершился и продолжает включать появление новых партий. В этом смысле они выйдут в *Бразилию* (то есть, условия для укрепления своих позиций и расширения электоральной базы).

Таким образом, при условии необходимости высокой ответственности кандидатов в депутаты и политических партий в период избирательного компания государственные СМИ является гарантом информационной безопасности избирательного процесса. Негосударственные СМИ с этих позиций играют вторичную роль, обеспечивая ответственность только за счет финансовых ресурсов субъектов избирательного процесса. Однако такое положение невозможно не учитывать их роли – они в совокупности с государственными обеспечивают альтернативность доступа к аудитории политиков и информационных источников для электората.

Информационная безопасность личности тесно связана с информационной безопасностью общества и наоборот, так как безопасность общества подразумевает обеспечение интересов личности. С этим связано одно из главных направлений обеспечения информационной безопасности общества – *достижение и поддержание общественной сплоченности*, чего трудно добиться без укрепления демократии. Приемлем этот процесс напрямую зависит от деятельности СМИ.

Демократия подразумевает участие народа в политическом процессе и принятие им решений, влияющих на стратегию государственного управления, определяющих пути развития общества. При демократии политическая деятельность носит характер специализированной формы объединения всех слоев населения по поводу реализации групповых целей и интересов, затрагивающих все общество. Это носит коллективный характер, и должна быть осуществляться всеми разделенными в пространстве членами общества. При этом для поддержания целостности процесса взаимодействия должна проходить координация этой деятельности. Решение этих задач невозможно без использования средств политической коммуникации, в том числе и СМИ, обеспечивающих целостность и единую направленность действий множества людей.

Таким образом, СМИ, выполняющая функцию информирования граждан, является фактором информационной безопасности общества, способствуя демократизации общественных отношений и гармоничности общественного развития.

Демократическая форма государственного правления характеризуется постоянным взаимодействием государственной власти и гражданского общества, основанном на взаимном уважении, доверии и равноправном ведении партнерства. Таким образом наличие такого взаимодействия может быть обеспечено соответственно государственного

управления таким федеративным и полицентричным демократическим государством, как *Аргентина*, то есть, реальность, адекватная реальным условиям внешней среды, т.е. восприимчивость).

В правовом демократическом государстве происходит взаимодействие и взаимная ответственность между властью и обществом или соответствующей организацией его информационно-коммуникационной сферы, включая информационное обеспечение деятельности структуры органов государственной власти, способно стать необходимым условием его устойчивого развития.

Информационное обеспечение является одним из важнейших и необходимых условий устойчивого развития взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Фактически информационное обеспечение является фактором формирования гражданского общества, его политического и институционального структурирования.

При общему и ответственном взаимодействии государства и гражданского общества система политической власти строится на соблюдении прав и защите интересов граждан, а каждый гражданин понимает закон и уважает власть, обеспечивая полную неукоснительное исполнение закона всеми без исключения гражданами. В таком государстве власть и общество связаны общими интересами развития. Власть формируется и контролируется обществом, а общество осознанно подчиняется правилам и ограничениям, разработку и практическую реализацию которых осуществляет власть. При этом обе стороны ясно понимают, что нарушение подобного равновесия, стремление власти подчинять общество или общества пренебрегать властью приведут к нестабильности и конфликтам и будут препятствовать устойчивому развитию. Поэтому в демократических странах с эффективной развивающейся экономикой, стабильной социальной обстановкой и устойчивой политической системой государственная власть всегда уделяет большое внимание проблеме взаимопонимания и взаимодействия с гражданским обществом, рассматривая ее как одну из своих важнейших задач. В свою очередь, гражданское общество заинтересовано в диалоге с властью. Для реализации такой модели на практике необходимо отлаженная работа механизма взаимодействия, обеспечивающего информационный обмен во взаимосвязи от государства к обществу и наоборот – от общества к государству.

Демократическое государство призвано максимально удовлетворять интересы и потребности граждан. Однако такие интересы столь многообразны и дифференцированы, что государству практически не способны обобщать информацией обо всех этих интересах. Устойчивому развитию такой проблемы могут помочь СМИ, которые в условиях формирования информационного общества становятся главным выразителем интересов граждан,

вытесняя их области публичной политики традиционные организации, в том числе и партия⁶. СМИ как институт политических коммуникаций способствует преобладанию групповых интересов и эмоций, обладая широкими возможностями в распространении информационных продуктов. Одним из инструментов взаимодействия общества и государства является государственная информационная политика, представляющая такую же специализированную государственного управления, как экономическая, социальная политика и т.д.

Информационная политика в общем виде представляет собой деятельность субъекта по актуализации и реализации своих интересов в обществе посредством формирования, преобразования, хранения и передачи всех видов информации⁷. Отсюда следует, что сущность государственной информационной политики состоит в реализации интересов государства в информационной сфере, в упорядочивании информационного пространства, управлении процессами по формированию в различных формах интегрированной информационной среды. Однако это не означает монопольного господства государственных интересов. В демократических политических системах существует паритет интересов государства и общества. При этом государственная информационная политика в той степени удовлетворяет и защищает интересы государства, в какой степени государство реализует и защищает интересы гражданского общества, каждой личности.

Роль и значение государственной информационной политики как основополагающей составляющей государственного управления особенно возрастает при проведении осуществляемых в настоящее время в России глубоких социально-экономических и политических реформ с целью перехода от авторитарного государства к административно-общественно ориентированному демократическому государству с развитой элитарностью.

В этих условиях роль должна приращиваться открытой информационной политике, обеспечивать которую призваны СМИ.

Информационная открытость как принцип системы информационной безопасности демократической системы отношений всегда сочетается с ограничением на доступ к информации. Причем ограничение является формой демократических отношений.

Составные СМИ в системе информационной безопасности должны соответствовать ряду принципов.

Все социальные субъекты (прежде всего, различные социальные группы и отдельные граждане), независимо от образованности, языка, места жительства и других факторов, равны в общедоступных и субъективных претензий, всякий быть должен обеспеченной полной, достоверной, оперативно поступающей информацией, всякий каждому из социальных субъектов возможность

предоставлять достоверные и максимального объективно и соответствия со своим потребностями, положением в обществе и т.д. ориентироваться в действительности (факты, цифры, термины, идеалы) и принимать оценочные и повелительные решения, адекватные ситуации в конкретной сфере (мира, региона, страны, города, района, вплоть до межличностных отношений на работе, в семье и проч.)

Должно действовать столько и таких каналов массовой информации, чтобы это позволяло сделать соответствующий выбор социального субъекты выбор необходимых для обеспечения информированности СМИ.

Информационная безопасность определяется тем, насколько каждый из социальных субъектов в соответствии со своей позицией и целями имеет возможность распространять от собственного имени и в своих интересах массу информации, в том числе создавать (учреждать, соучреждать, соучреждать) СМИ и иметь для этого юридические, экономические и другие возможности, чтобы свободно искать, получать, возмездно или безвозмездно информацию в номера (выпуски, программы). Каждый социальный субъект вправе рассчитывать на получение в ходе конструктивной информационной борьбы возможности отстаивать свою позицию, опровергать взгляды оппонентов, искать компромиссы: свобода критики должна иметь определенные правовые и этические рамки, критика должна быть свободна от пошлости, демагогии и других дезориентирующих приемов⁸. Дан этого необходима максимальная открытость источников информации – доступность самим СМИ для посетителей, возможность знакомиться с государственными документами, в том числе архивами в соответствии с законодательством, материалами хранения документов, в том числе частных (на что нужна добрая воля владельцев), развитие пресс-служб различных учреждений, ведомств и т.д.

Потребители массовой информации (и социальные институты, и отдельные граждане) должны, в свою очередь, выработать навыки работы с потоками массовой информации разной направленности. В последнее время все чаще говорят об информационно-панкратической безопасности – защищенности граждан и населения в целом от негативных информационно-психологических воздействий. Риск в этой сфере часто связан с незрелостью личности, незрелостью личностно-самоопределения, внушаемостью, установкой на информацию, ошибками восприятия и интерпретации информации⁹.

Решающая роль в состоянии аудиторной принадлежности самим СМИ, которые, с одной стороны, демонстрируя свои ошибки в общедоступных из критикуют оппонентов, лишь через диалог решения общедоступных проблем, тем самым учат аудиторию разбираться в хитросплетенных информационных противоборства, а с другой – показывает

возможные средства защиты от негативных информационных воздействий. Именно СМИ несут основную ответственность за формирование общественного мнения и гражданских этических, этических, этических информационных установок¹⁷.

Таким образом, мотивом для рассмотрения СМИ как фактора обеспечения информационной безопасности служат следующие основания.

Во-первых, они обеспечивают необходимым количеством для противодействия угрозам нарушения конституционных прав граждан и информационной безопасности, то есть прав человека и гражданина на получение достоверной информации.

Во-вторых, с помощью СМИ обеспечивается анализ, оценка, демократическая составляющая политических партий и различных политических сил.

В-третьих, СМИ обладают большим потенциалом по достижению и поддержанию общественного согласия, по демократизации общественных отношений и гармоничности общественного развития.

В-четвертых, в условиях открытого общества СМИ способствуют поддержанию прямой связи государства с гражданским обществом и обратной - гражданского общества и государства. Кроме этого СМИ являются центральным элементом механизма информационной политики государства.

При широком диапазоне возможностей и прав СМИ в демократическом обществе существуют ограничения их информационного статуса, связанные

с наличием в информационной сфере конфиденциальной информации, с введением специального или чрезвычайного положения.

Примечания

1. Федеральный закон «О государственном референдуме Российской Федерации» от 10.10.1995 г. о СМИ в связи М., 2004.
2. СМИ и выборы // Журнал СВ. Доклад С.С. Козлова М., 2004, С. 35.
3. Федеральный закон «О политических партиях» от 22.07.2001 г. // Рос. газ. 2001, 13 июля.
4. Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 08.12.2003 г. // Рос. газ. 2003, 23 дек.
5. Св. Монастырь М. Государственное управление в демократическом обществе. СПб., 1998. С. 33.
6. Соловьев Л.И. Политический анализ медиакартин: проблемы информационной войны // Полит. 2001. № 2. С. 129.
7. Лавин В.А. Информационная и информационная политика. М., 2001. С. 24.
8. Прохоров Е.И. Проблемы СМИ в сфере информационной безопасности // Глобальная информатизация и безопасность. Ростов. М., 2004. С. 207.
9. Сироткин А.А. Информационная безопасность духовной жизни общества // Вестн. рос. Об-ва информатики и вычислительной техники. 1996. № 4. С. 50.
10. Савица Г.В. Информационно-коммуникационная безопасность. Определения и анализ предметной области. М., 1997. С. 9-10.

УДК 373.202

МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

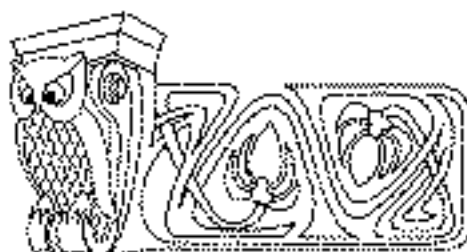
Саратовский государственный университет
Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynova@mail.ru

Статья посвящена анализу современного политического дискурса. В частности, в ней рассматривается роль метафоры в политическом тексте русских и англоязычных средств массовой информации. Подчеркивается особенность метафоры в качестве когнитивного феномена влиять на восприятие человеком тех или иных социальных событий или событий и формировать их оценку.

Metaphor in Modern Political Discourse

Yu. A. Martynova

This article is devoted to the analysis of the modern political discourse in particular. It considers the role of metaphor in Russian and English

media political texts. The study of metaphor as a cognitive phenomenon in influence a person's attitude to different social events and form the evaluation of them is outlined.

В современном мире динамо властных и гражданских структур реализует себя в политических текстах, которые трансформируются с помощью информационных технологий. Традиционные носители политического вестника и общества - партии - уступают ведущее место СМИ, которые в последние два-три десятилетия переживают настоящую революцию, освоив новые методы общения с гражданами: электронные, полиграфические редакции, виртуальное общество с ро-

болезненно средства защиты от негативных информационных воздействий. Именно СМИ несут основную ответственность за формирование личностей и гражданских качеств, способных противостоять информационным угрозам¹⁷.

Таким образом, мотивом для рассматривания СМИ как фактора обеспечения информационной безопасности служат следующие основания.

Во-первых, они обладают необходимым потенциалом для противодействия угрозам нарушения конституционных прав граждан и информационной безопасности, то есть прав человека и гражданина на получение достоверной информации.

Во-вторых, с помощью СМИ обеспечивается анализ общественных, демократическая сбалансированность политических партий и различных политических сил.

В-третьих, СМИ обладают большим потенциалом по достижению и поддержанию общественного согласия, по демократизации общественных отношений и гармоничности общественного развития.

В-четвертых, в условиях открытого общества СМИ способствует поддержанию прямой связи государства с гражданским обществом и обратной - гражданского общества и государства. Кроме этого СМИ являются центральным элементом механизма информационной политики государства.

При широком возможностях и правах СМИ в демократическом обществе существует ограничение их информационного статуса, связанные

с активном в информационной сфере идеологизацией информации, с активностью истинного или фиктивного населения.

Примечания

- ¹ Федеральный закон «О референдуме Российской Федерации» от 16.12.1995 г. о СМИ в закон М., 2004.
- ² СМИ и выборы / Издательство СМ. Издатель, С.П. Казанов М., 2001, С. 85.
- ³ Федеральный закон «О политических партиях» Ст. 32 п. 3. Увед. от 2003, 14 июля.
- ⁴ Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Ст. 66 п.1. Увед. от 2002, 23 дек.
- ⁵ Ст. *Михайлова М.* Государственные гарантии в демократическом обществе. СПб., 1998. С. 33.
- ⁶ *Соловьев А.И.* Политический дискурс мультикультурных проблем информационный аспект // *Полит.* 2004. № 2. С. 129.
- ⁷ *Лавин В.Д.* Информационная и информационная политика М., 2001. С. 24.
- ⁸ *Прозоров Е.И.* Проблемы СМИ в сфере информационной безопасности // *Глобальная информатизация и безопасность России.* М., 2003. С. 207.
- ⁹ *Сироматов А.А.* Информационная безопасность: уровень жизни общества // *Вестн. рос. Об-ва информат. и вычислительной техники.* 1996. № 4. С. 50.
- ¹⁰ *Савина Е.С.* Информационно-исследовательские возможности. Определение и анализ предметной области. М., 1997. С. 9-10.

УДК 373.722

МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

Иркутский государственный университет
Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynova@iitn.ru

Статья посвящена анализу современного политического дискурса. В частности, в ней рассматривается роль метафоры в дискурсивном тексте русских и английских средств массовой информации. Подчеркивается особенность метафоры в качестве когнитивного феномена вникать на восприятие человеком тех или иных социальных событий или событий и формировать их смыслы.

Metaphor in Modern Political Discourse

Yu. A. Martynova

This article is devoted to the analysis of the modern political discourse in particular. It considers the role of metaphor in Russian and English

mass-media political texts. The study of metaphor as a cognitive phenomenon is believed to influence a person's attitude to different social events and help the evaluation of them is discussed.

В современном мире дилемма властных и гражданских структур реализуется себя в политических текстах, которые трансформируются с помощью информационных технологий. Традиционные институты политического влияния и общества - партия - уступают ведущее место СМИ, которое в последние два-три десятилетия переживает настоящую революцию, осваивая новые методы общения с гражданами: теле- и радиотелевидение, политическую рекламу, виртуальное общество с во-

мощные всемирной сети и т.п. Средства массовой информации настолько активизировали свою деятельность, что с полным основанием рассматриваются как источник социальной власти. При этом важнейшую роль продолжает играть политический дискурс, который является основным средством выражения уставочных идей и программ различных ветвей власти.

Идеи, теории и взгляды, которые отражают и оценивают действительность с точки зрения интересов определенных политических сил, составляют основу деятельности этих сил, стремящихся изменить действительность соответственно своим потребностям. Неудачи политических сил делают все возможное, чтобы собрать как можно больше чисел своих сторонников и привлечь на свою сторону бывшие козлы. Диск становится инструментом влияния на массовое сознание и манипулирования им.

В силу указанных причин политический дискурс в последние годы все больше интересует исследователей, так как анализ политический текстов позволяет составить мнение о состоянии общественного сознания, выявить актуальные социально-политические проблемы и преобладающие политические установки. Развитие политического дискурса относится к сфере деятельности многих наук, поэтому его изучают представители социологии, социальной психологии, культурологии, социологии до теории массовой коммуникации, теории воздействия и политологии.

Особый интерес в актуальность в настоящее время приобретает и сравнительное изучение политических дискурсов разных национально-культурных общностей. Процессы глобализации, охватывающие современную мир, ставят все новые проблемы, касающиеся межкультурной коммуникации, международного сотрудничества и взаимопонимания. Сопоставление же английского и русского политических языков представляется немаловажным и с этой точки зрения, что английский и русский – это языки сверхдержав, во многом определяющих мировую политику.

В рамках научения языка средства массовой информации, а именно текстов политической информации, проблема метафорического толкования понятий не может не привлекать к себе внимания исследователей. Как отмечает Д. Маккофф и М. Джонсон¹, этот феномен относится не только к области формы выражения мысли, но и к когнитивной сфере, к способам обработки мыслей. Это особенность метафоры позволяет при ее использовании в речи входить на содержание тех или иных событий или явлений, а также формировать их смысл². Другими словами, метафоры способны структурировать мышление человека, создавать его модель мира, что активно используется в процессе политической пропаганды.

Механизм действия метафоры состоит в том, чтобы осуществлять процедуру обработки знаний, превращая неизвестное в известное, либо изменяя онтологический статус знания: «метафора позволяет нам воспринимать довольно абстрактные идеи по природе своей неструктурированные сущности и терминных более конкретные идеи, по крайней мере, более структурированные сущности»³. Изначально метафорически свое название, можно представить человека вступающего в процесс переработки знаний, т.е. принять иное знание, существенно изменив или вообще отказавшись от имеющегося раньше.

Другими словами, при метафорическом осмыслении действительности возможны два варианта. В первом случае редуцируются старые, привычные представления о каком-либо фрагменте действительности и строится новое, соответствующее текущему моменту. Для наглядности приведем примеры, хронологически разделенные почти десятилетиями, начала эпохи перестройки и цитаты из современных газет: «Во всяком случае, новые руководители МВД СССР впрягались и железную телегу, причем в то время, когда наш расстрелявшийся по дорогам строительства коммунизма обез пытался перебраться через бурный поток переходного периода в неведомый рынок» (И. Майдикова). Или там же: «Они будут строить свой социализм с человеческим лицом, патристический – у него будет столько лиц, сколько будет лиц у президента и генеральных директоров кооперативных концернов и СЧ» (И. Радиковский)⁴. Видно, читая эти строки, вряд ли кто-либо убежденным, что то, что они должны в прежние годы – правильно, только теперь, под воздействием новых обстоятельств, нужно не-что-то изменить курс, но продолжать делать то же самое: строить тот же социализм, но не другим лицом, и через бурный потока нужно не самим перебраться, а переосмыслить все тот же объект социализма. Сравним с вышеприведенными примерами метафоры, занимающие широкую прессу в сегодняшние дни: «А может, Путин просто политическую систему страны Австралия». Сверху. Все ведь мечтали в начале 90-х построить цивилизованное общество с нормальной политической (читай партийной) системой. Не... думали, само вырастет. Общество-то. Как дерево. На ровном месте. Даже поливать не надо. Было в желание.

Не получилось.

Не выросло само⁵. Общество сравнивается с растением, с деревом – тем самым подчеркивается процесс становления его, неопределенность и неопределенность и то же время – если не ужаснать за растением, не поливать его, то оно может погибнуть.

Было такую же роль – корректировка объектов – метафоры используются в других языках, в частности в английском, говоря о трудностях в недавних референдуме, которые происходили при нем же американцами Джеймса Картера, цитата

«Нью-Йорк Таймс» писали: «He, Carter, is still not ready to admit that some of these things – like a porous inflation and a balanced budget – are unobtainable. It's terribly painful for him... There's a reluctance on his part to *lose the battle* (судя по далее хурдачой – Ю.М.) and make the hard choices» (То, Картер, все еще не хочет признать, что некоторые из этих вещей – «бюджетный дефицит» и «балансированный бюджет» – невозможно приобрести. И это очень болезненно для него... – «Он сопротивляется необходимости сделать трудные и неприятные решения»).

В двух следующих примерах прослеживается развитие образа *balance of power* (равновесие сил). Например, в речи У. Черчилля, который призывал Англию объединить силы с США, встречаем: «There will be no quivering, precarious *balance of power* to offer its temptation to ambition or adventure. On the contrary there will be an overwhelming assurance of security» (Не будет шаткого, сомнительного *равновесия сил*, своеобразного шаткого поощрения удовлетворения амбиций или авантюризма. Напротив, это будет всеобъемлющая гарантия безопасности). Черчилль выиграл войну. Две Кеннеди снова сыграли выражение «баланс сил» в своей «интуитивной игре»: «In his 1961 inaugural, John F. Kennedy called on both sides in the Cold War to "join in creating a new endeavour – not a new *balance of power*, but the weak secure and the peace preserved» (Во время своей инаугурации 1961 года Джон Ф. Кеннеди призывал обе стороны в холодной войне: «соединиться» усилиями во создании нового существования – не добиваться нового *равновесия сил*, а объединиться хрупкую безопасность и мир»⁷. Образ, создаваемый метафорой в сознании человека, позволяет примирить старое и новое знание, приспособить новое к уже известному и значимому, лишь видоизменив его.

Во втором типе употребленной метафора служит для оформления еще не структурированного сознания, которое еще не подверглось категоризации и исходно воспринималось как абстрактная сущность. Эпоха перестройки, вторая множественность точек зрения, дана различием в мнениях людей метафорич: «пути преобразований», «перезагрузка истории страны», «сплох каннибал», «великая говорильня» и пр. Авторы сегоднешней англ. которые беспокоятся о сохранении демократических принципов, пишут: «Российское общество еще очень молодо. Ему надо учиться ходить, причем другими дорогами – дорогами западной цивилизации. Уже появилось новое поколение молодых людей. Но они «беспамятны», что очень опасно: они могут не заметить зятка наизусть, который может сделать общество, не достигнув опасности заполнения галки. Им будет казаться, что это просто стабильность, а не начало тоталитарного режима»⁸. Здесь российское общество сравнивается с ребенком, который только учится

ходить. Подчеркивается его новизна, отличие от старшего общества.

Другая вынужденная ситуация – передача неопределенной, «болтающей» информации – находит отражение в политических текстах современных речей. «Есть надежда, что в 2008 году англо-американские отношения не будут. Два великих поста государств займут единомышленники, соратники, главы одного интересного «соединения». Метафора «главы одного интереса» настраивает читателей на то, что впереди в это предвещая – величина одного порядка, а должны появиться положительные моменты.

И в английском языке метафора помогает осмыслить новые явления общественной жизни в эпоху кризисов и общественных катаклизмов. Так, отсылая дебаты между демократии и республиканцами, писатель употребил выражение «бить в барабаны», что означает «поднимать шумиху этого вопроса, хвастаться»: «Democrat Senator Patric Leahy from Vermont was *beating the drum*. "We can enforce our environmental laws or ignore them", he called. "Thus far, the Administration has done every possible to ignore them"» (Сенатор от демократической партии Патрик Ли из Вермонта поднимает шум по этому поводу: «Мы можем усилить наши законы по охране окружающей среды или игнорировать их, – предлагает он, – в таком обрывке аллюзии сделать все возможное, чтобы игнорировать их»)⁹. Отсутствие взаимодействия между различными поколениями, классами, политическими группировками связано с помощью метафоры «communication gap» (пропасть, разрыв в общении): «... our modern Technological society is now so complex that its problems can only be managed by intomorable cadres of specialists. As a result there is a growing gap – a widening "communication gap" – between the governors and the governed» (... наше современное технологическое общество сейчас настолько сложное, что его проблемы могут решаться лишь бесчисленными кадрами специалистов. В результате мы имеем растущую пропасть – растущий разрыв «коммуникационный разрыв» – между теми, кто управляет, и теми, кем управляют)¹⁰. Современный английский политический текст также не обходится без метафоры: «Many of the critics of the Bush administration's handling of the war have pointed fingers at Mr. Bremer's tenure at the C.I.P.A., asserting that his early missteps <...> set the stage for the turmoil in Iraq today» (Многие из тех, кто критикует внешнюю деятельность администрации Буша, особенно выделяют роль м-ра Бремера, пребывавшего в должности экономического эксперта, указывая на то, что его «ошибочные шаги» (...) привели Ирак к тому состоянию беспорядка, в котором он находится сегодня)¹¹. Такие выражения, как «указывать пальцем», «мечерить языком», «настраивают читателей на отрицательное восприятие деятельности описываемого политического деятеля.

Сравнение политических текстов, разделенных некоторым временным промежутком, демонстрирует повторяемость образов. Как двигаться тридцать лет назад, так и сейчас журналисты, аналитики и политологи эксплуатируют метафорические модели *орнитолог*, *рифменител*, *война*, *спросония* и другие. Как показывают исследования, билингвистность метафор очень важна, так как она задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку. Упоминание знакомых образов, оформленных привычными словосочетаниями, мгновенно вызывает в сознании адресата определенную политическую ситуацию. Вот, например, как комментирует политический обозреватель АНФ сегодняшнюю обстановку в России: «Идеи, сколько бы ни говорили про стабильность, российская реальность заставляет верить уже постре. Партийная система еще не вышла из младенческого возраста и нуждается в поддержке. Оппозиция хитра и ослаблена, но временами "кусается". Олигархи (как убежавшие за границу, так и приехавшие на родине) живут с булыжником за пазухой. Ни в в кругу соратников, ни в деле возникает стычки — аресты генерала А. Булыгина и министра финансов С. Сторчак стали сигналами безусловных разборок внутри властных элит»¹². Здесь «партийная система» — «младенец», «коллапс» — «зверь, возможно, собака, которая кусается», «олигархи» — «булыжники, которые держат камень (булыжник) за пазухой», а «соратники», т.е. люди, стоявшие у власти, ведут себя как балдыги девичьих годов: устраивают стычки и разборы. Метафора, с помощью которой построена лаячий текст, создает обстановку тревожности и опасности.

Такую же роль играет метафора *warlike* в английском политическом тексте (*warlike* — *warlike*, *threat* — *warlike*, *to unite* — *объединять*, *alliance* — *союз*, *to be provoked* — *provocировать*). «Actually, this time there are reasons to worry. For one, life just isn't the same without a common enemy to unite us. <...> But the greatest threat to the Atlantic alliance today comes not from American unilateralism but rather European disarray and resentment» (фактически, на этот раз есть причины для беспокойства. Во-первых, жизнь теперь совсем не такая, когда *we are united*, чтобы *объединить нас*. ...Но самая большая угроза для Атлантического союза исходит сегодня не от американской односторонней политики, а скорее от европейской разобщенности)¹³.

Напротив, метафора *peace*, например, направляет читателя на позитивный лад, говорит о необходимости самостоятельной деятельности и сотрудничестве: «Нравно суток в новом качестве власти Медведеву, чтобы поздравить его, как бы не переборщил! Так, не ровня час, можно и спалить потерей». И не только от внезапно обрнувшейся на все слани. Вот и потерей он? Тутна лониче, оправдано, сам же доверие. И очень приятною сделал. Не сомневаться одному с таким огромным и

таким сложным хозяйством, с множеством мудро переплетенных нитряг-интересов»¹⁴.

В качестве другой позитивной метафоры часто выступает метафора *справляемость*, как в следующем английском примере: «In a speech on Aug. 2, Gephardt accused the administration of unilateralism and warned that it was being isolated in the world. <...> Gephardt declared that Bush had violated "a simple yet profound fact of international relations. One nation, acting alone, cannot possibly build a lasting strategic framework to which all other nations submit"» (В своем рече от 2-го августа Гепфард обвинил администрацию в односторонней политике и предупредил, что это ведет к изоляции в мире. <...> Гепфард заявил, что Буш нарушил простейший, но очень важный закон международных отношений. Одна нация, действуя в одиночку, не сможет выстроить долговременную стратегическую линию, которой бы подчинились все остальные нации)¹⁵.

Однако, несмотря на определенное восторжество набора базовых метафорических моделей (*справляемость*, *орнитолог*, *война*, *металител* и т.д.), члечиваюность, релитация той или иной из них меняется в зависимости от конкретной ситуации в обществе. Так, А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов отмечают значительное снижение частотности военной метафоры, занимающей главенствующее положение в советском политическом дискурсе (ер. «бегство за урожай», «защитил крепость», «бастыноа пуган» и т.д.). Исследованиями этими учеными политический текстот 1990-х годов доказано, что на предварительным оценкам военная метафора в думских речах занимает не более 6-7% (против 90-95% в ораторских Сталина). Анализируя характер употребляемых политиком метафор, можно сделать вывод об их соотноении с различными событиями общественной-политической жизни и решениях, которые они могут принять, так как набор той или иной метафорической модели отражает выбор способа действия в проблемной ситуации.

Как, делая проларизированные выводы, можно отметить, что метафора представляет собой важный объект исследования в составе политического дискурса. Набор метафор, регулярно употребляемых той или иной общественной политической силой при проведении своей деятельности, может выявить ее истинные намерения и долгосрочную стратегию. Отношение общественного сознания к различным социальным проблемам также проявляется в выборе метафорических моделей, избираемых для описания члечной деятельности. Все это делает метафору важнейшим инструментом лингвистических исследований, который наряду с другими используется для выявления основных целей любых управленческих структур: удержания власти и обеспечения ее функционирования.

Сопоставительное исследование метафоричности политических текстов различных языков представляется интересным с точки зрения выявления

оригинальных установок разных национально-культурных общностей, это может служить существенно взаимопонимания и межкультурной коммуникации.

Примечания

- 1. См. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
- 2. См. Баранов А.Н., Мухоморова О.В., Савицкая Е.А. и др. Национально-культурные методы анализа политической структуры и метафорика. М., 2004. С. 39.
- 3. Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought*. Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993. P. 243.

- 4. Баранов А.Н., Карачун В.Н. Русские национальная методология гуманитарных исследований. М., 1991. С. 47.
- 5. *Журнал «Новое время»*, 2007. 19-25 декабрь (№ 51).
- 6. *New York Times*, 1978, November 16.
- 7. *Saibes P. Saibes's Political Dictionary*. L., Oxford, 1988.
- 8. *Аргументы и факты (АиФ)*, 2007, № 51.
- 9. *Там же*.
- 10. *Там же*, 1983, February 21.
- 11. *New Scientist*, 1986, May 26.
- 12. *Financial Times*, 2007, February 6.
- 13. *Аргументы и факты (АиФ)*, 2007, № 51.
- 14. *Newsweek*, 2003, June 18.
- 15. *Журнал «Новое время»*, 2007. 19-25 дек. (№ 51).
- 16. *Newsweek*, 2001, 10 Sept.

УДК 327.501.5

**ФАКТОР СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
ДЛЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ
(на примере Нагорного Карабаха)**

А.Г. Большаков

Самарский государственный университет,
кафедра Политологии факультета международных отношений
и дипломатии
E-mail: bolshakov_andrey@mail.ru

Статья посвящена проблеме непризнанных государств европейской периферии, которые появляются в регионе как результат арсенальных вооруженных конфликтов. Фактор наличия сопредельных территорий имеет двойственное значение. С одной стороны, сопредельные территории относятся бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами пытается вернуть потерянные в конфликтные границы своего государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором выживания непризнанных государств, поскольку, где фактически, являются основным ресурсом позволяя функционировать их в важной сфере.

Adjacent Territory Factor for the Unrecognized States of the European Periphery (with Nagorny Karabakh as an example)

A.G. Bol'shakov

The paper is devoted to the problem of unrecognized states in the European periphery, which have appeared in the region as a result of ethnic armed conflicts. The factor of the presence of adjacent territories has a dual meaning. On the one hand, a former mother country which tries to return the rebels into the legal frontiers of the state by peace and military means take into an adjacent territory. On the other hand, the adjacent territories are a survival factor of an unrecognized state because, as a rule, it is the external support which allows its major spheres to function.

Современная актуализация проблемы непризнанных государств поставила перед научным сообществом задачу поиска адекватных

методологических и теоретических оснований исследования феномена. Комплексный анализ и прогнозирование развития различных форм квазигосударственных образований на постсоветском пространстве особенно важен для отечественных ученых в овладении стратегиями национальных интересов России¹.

Теоретико-методологической рамкой исследования непризнанных государств и политической науке может быть институциональный подход в своих современных разновидностях². Как известно, «старый институционализм» прекратил свое существование в 50-х гг. XX века, «новый институционализм» получил свое развитие только через тридцать лет в начале 80-х гг.³ Длительный период существования институтов компенсировался отставкой теорией международных отношений, где господствовал такой методологический подход как реализм, фокусирующий внимание на анализе главного политического института – государства. Национальные (государственные) интересы, борьба за их осуществление – это основа реалистической традиции⁴.

В 1980-е гг. сама из множественности институционализма – неоинституционализм стал очень популярным. Основным постулатом данного подхода: а) институты рассматриваются как политические акторы политического процесса, потому что они имеют свои собственные, особые интересы; б) институты оказывают

приоритетных установок разных национально-культурных общностей, это может служить стимулом взаимопонимания и межкультурной коммуникации.

Примечания

- 1 См. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
- 2 См. Воронин А. И., Мухоморова О. В., Савиных Е. А. и др. *Надписьский дискурс: методы анализа в лингвистической структуре и метафорике*. М., 2004. С. 19.
- 3 Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony*. Cambridge, 1993. P. 245.

- 4 Боринин А. И., Карасина Ю. И. *Русское лингвистическое исследование метаязыка «дискурс»*. М., 1991. С. 47.
- 5 *Жизнь в 2007 году*. 2007. 19-23 декабря (№ 51).
- 6 *New York Times*. 2008. November 16.
- 7 Sabie P. *Sabie's Political Dictionary*. L., Oxford, 1998.
- 8 *Аргументы и факты* (АиФ). 2007. № 51.
- 9 Там же.
- 10 Там же, February 21.
- 11 *New York Times*. 1986. May 30.
- 12 *Financial Times*. 2007. February 6.
- 13 *Аргументы и факты* (АиФ). 2007. № 51.
- 14 *Newsweek*. 2003. June 18.
- 15 *Жизнь в 2007 году*. 2007. 19-23 дек. (№ 51).
- 16 *Newsweek*. 2001. 10 Sept.

ISSN 1070-015

**ФАКТОР СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
ДЛЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ
(на примере Нагорного Карабаха)**

А.Г. Большаков

Саратовский государственной университет,
кафедра Политологии факультета международных отношений
и регионоведения

E-mail: bolsheviks_andre@rambler.ru

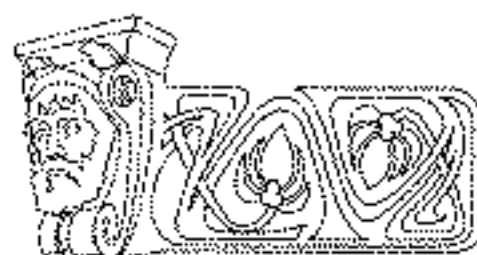
Статья посвящена проблеме непризнанных государств европейской периферии, которая проявляется в регионе как результат анклавы вооруженных конфликтов. Фактор наличия сопредельных территорий имеет двойственное значение. С одной стороны, сопредельными территориями являются бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами пытается вернуть себе границы в соответствии с границами распада государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором выживания непризнанной государственной структуры, поскольку, с ее помощью можно повлиять на курс, определяющий функционирование их важнейших сфер.

Adjacent Territory Factor for the Unrecognized States of the European Periphery (with Nagorny Karabakh as an example)

A.G. Bol'shakov

The paper is devoted to the problem of unrecognized states in the European periphery, which have appeared in the region as a result of ethnic armed conflicts. The factor of the presence of adjacent territories has a dual meaning. On the one hand, a former mother country which tries to return the rebels into the legal frontiers of the state by peace and military means take into an adjacent territory (in the other hand, the adjacent territories are a survival factor of an unrecognized state because, as a rule, it is the external element which allows its major spheres to function.

Современная актуализация проблемы непризнанных государств побуждает перенести научным сообществом задачу поиска адекватных

методологических и теоретических подходов к исследованию феномена. Комплексный анализ и прогнозирование развития различных форм квазигосударственных образований на постсоветском пространстве особенно важен для отечественных ученых в определении стратегии национальных интересов России¹.

Теоретико-методологическая рамка исследуемой непризнанных государств и политическая наука может быть институциональный подход в своих современных разновидностях². Как известно, «старый институционализм» прекратил свое существование в 50-х гг. XX века, «новый институционализм» получил свое развитие только через тридцать лет в начале 80-х гг.³ Длительный период отечественная институтов комплексировался отчасти теорией международных отношений, где господствовал такой методологический подход как реализм, фокусирующийся в основном на анализе главного политического института – государства. Национальные (государственные) интересы (борьба за их осуществление – это основа российской традиции⁴.

В 1980-е гг. один из разновидностей институционализма – неоинституционализм стал известен очень популярным. Основное постулат данного подхода: а) институты рассматриваются как повлиятельные акторы политического процесса, потому что они имеют свои собственные, особые интересы; б) институты оказывают

основной и определяющее воздействие на поведение человека, устанавливая рамки индивидуального выбора через формирование и выражение предпочтений; ii) способность субъектов политики осознать свои цели отчасти определяется институциональным контекстом, в котором они действуют⁵.

Одним из важнейших трендов процесса глобализации является постепенное уменьшение роли национальных государств, но этот процесс противоречив и неоднозначен⁶. Суверенитет государства, например, является безусловной ценностью и ряде стран европейской периферии. Если рассмотреть только страны, являющиеся участниками «замороженных конфликтов» в данном регионе, то можно констатировать, что все ветви метрополии (Азербайджан, Грузия, Молдавия, Сербия) могут претендовать на статус несостоявшегося государства, поскольку они не имеют возможности полностью контролировать свою территорию. Политические институты непризнанных государств очень часто являются более эффективными и демократичными, чем обычные образования в бывших метрополиях. На современном этапе можно, скорее, говорить об уменьшении автономности государств в мире, если под автономией понимать способность принимать решения без учета интересов другой мировой политики.

Создание и существование непризнанных государств – яркий пример малой эффективности региональных и международных институтов по регулированию конфликтов. В современном мире тенденции региональной и мировой интеграции сосуществуют с трендами сепаратизма, который возникает как стремление к отделению, обособлению какой-либо территории, этнической группы и протекционизма, который трактуется как приспособление к какому-либо государству спорной или сепаратистской территории, этнической группы. Все это является для неопозитивистского анализа. Институционализм можно использовать и для исследования ресурса определенных территорий для непризнанных государств, поскольку действия людей определяются во многом существующими институтами национального масштаба.

Само понятие «непризнанное государство» достаточно условное и может использоваться в научном плане лишь с определенными допущениями и оговорками. Юристы с успехом могут оспорить целесообразность такого термина с точки зрения норм международного права, политологии и международных отношений на реальности феномена непризнанных государств, однако, помня о научной историческости категории, образованной через описание факта. На деле говоря, непризнанным может быть некое государственное образование, лишнее международного правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности.

Понятие «признанное государство» может быть точнее при обозначении реальных феноменов региона европейской периферии, чем широко употребляемые термины: «европейские территории», «самопровозглашенные государства», «самопровозглашенные республики». Последние имеют, скорее, символический и публицистическое звучание и указывают на один из существенных признаков государства – территориальность, непризнанность, самопровозглашение.

Можно утверждать, что непризнанные государства являются определенной переходной стадией государственности, возникающей в процессе сепаратизма или протекционизма различных территорий, рывка государства. Непризнанные государства могут стать полноценными независимыми государствами, могут быть поглощены метрополией после определенного периода независимости, а могут надолго сохранить свой переходный статус. До сих пор в Западной Европе классическим (и практически единственным) примером успеха сепаратизма, а затем ирредонтия непризнанного государства к этнически близкой Германии остается регион Сaarland⁷.

Перевод непризнанных государств в научных публикациях практически во всех случаях остается неизменным⁸. В него объективно входят Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика (Арцах, НКР), Китайская Республика (Тайвань), Турецкая Республика Северного Кипра и Косово. Последнее в 2008 г. получило признание 38 государств мира, что создает неплохой фундамент для финансовой поддержки экономики края, но не имеет больших перспектив с точки зрения членства ООН, Европейском Союзе, ряде других международных организаций, поэтому в обозримом будущем Косово может претендовать лишь на статус «частично признанного государства», которое традиционно классифицируют как разновидность «непризнанных государств». Часто к данной категории из семи непризнанных государств добавляют Республику Сомалиленд, Тамиль Илам и в последнее время Независимое Государство Ватиканстан, независимость которого была провозглашена в феврале 2006 г. (большими-пуштунами (сторонниками Талибана) на территории северо-западного Афганистана). Нарядом в этом же контексте упоминаются Южная Судан, Кашмир, Западная Сахара, Палестина, Курдистан и некоторые другие территории (например, Чеченский Сиплов), которые можно отнести к разряду непризнанных государств. Закономерно, что в вышеприведенный перечень входят все антиимпериалистические государства европейской периферии и многие непризнанные государства постсоветского пространства.

Существование непризнанных государств европейской периферии напрямую связано с процессом распада Советского Союза. Ключевым в ряду этнических вооруженных конфликтов

1990-х гг., которые не получили своего законного урегулирования до сих пор. Непризнанные государства европейской периферии достаточно малы территориально, их население намного меньше даже по европейским меркам. Так, например, юным государем среди непризнанных государств по этим параметрам является Косово, контролируемое на сегодняшний момент территорией в 11 000 км² и имеющее население около 2 млн человек¹⁰. Этнические албанцы составляют здесь большинство. Сербия, хорваты, боснийцы, турки, болгары и другие этнические меньшинства насчитывают до 100 тысяч человек¹¹. Южная Осетия располагает территорией в 1 900 км², с населением – 70 тыс. человек¹² и представляет собой наименьшее (по территории и населению) непризнанное государство европейской периферии. Приднестровье контролирует территорию в 4 163 км², на которой проживает 555,3 тыс. человек, Абхазия занимает территорию в 8 600 км² с населением 250 тыс. человек, а Нагорном Карабахе проживает всего 146,6 тыс. человек, которым удается удерживать территорию в 11 000 км² с учетом шести оккупированных районов Азербайджана¹³.

Отметим, что размер контролируемой территории и число жителей имеют для непризнанных государств большое военное и политическое значение. Многие из них смогли завоевать и удерживать значительные пространства лишь благодаря военной и экономической помощи сопредельных стран, союзников, вмешательства международного сообщества.

Фактор сопредельных территорий для непризнанных государств имеет двойственное значение. С одной стороны, к ним относятся бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами, экономической блокадой и т.п. пытается вернуть «мятежников» в юрисдикцию границ своего государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором возникновения независимого государства, поскольку, как правило, именно наличие ресурс (опора на сильное независимое государство или государства) позволяет функционировать экономике мятежной территории, развиваться властным институтам и государственному аппарату, вооруженным силам и т.п.

На современном этапе наличие «больших территорий», по меркам непризнанных государств, позволяет им в ряде случаев вести многообразный политический торг в сфере урегулирования этноконфессиональных конфликтов. Такое положение характерно для Абхазии, Косово, Нагорного Карабаха. В Приднестровье большое значение имеет плотность населения и компактность контролируемой территории (преимущественно Левобережье Днестра). Положение Южной Осетии в территориальном плане наиболее уязвимо, не способствует увеличению позиций и численности населения. Печальным итогом обращения беженцев на территории непризнанных государств может

стать только изменить картину их этнической однородности. Речь идет о четырех из пяти таких территорий: Абхазии, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, части Косово. Поэтому при любом развитии ситуации вопрос о беженцах является одним из самых трудноразрешимых.

Непризнанные государства европейской периферии по многим параметрам являются полунезависимыми государствами. Можно говорить о разных сформированных и функционирующих институтах публичной власти, механизмах ее формирования (прежде всего, выборы), целом ряде политических и правовых институтов, которые участвуют в любом независимом государственном, социальных и правовых порядках, собственной системе права, гражданства и т.п. На периферийных типах территорий существуют свои законодательные системы, исполнительные органы, судебные органы и т.п.

Непризнанные государства могут быть типологизированы по различным основаниям. Так, ключевой критерий для них – контроль над своей территорией – позволяет выделить четыре идеальных типа: во-первых, независимые государства с полным контролем своей территории (например, Восточная Приднестровье, Сомалиленд, Северный Кипр); во-вторых, – с частичным контролем своей территории (например, Абхазия, Нагорный Карабах, Газа, Илам, Южная Осетия); в-третьих, неформальные квазигосударства (неполноценное право на самоопределение этносы), контролируемые территория лишь в местах компактного расселения этнической группы (например, Курдистан, расчлененный на территории четырех государств: Турции, Ирана, Ирака, Сирии, насчитывающий 30 млн человек).

Понятие «независимое государство», как уже было отмечено выше, очень условно. На самом деле, к данной категории государственных образований обычно относят и частично признанные государства. Поэтому по критерию признания суверенитета можно выделить собственно независимые государства (например, Приднестровье) и частично признанные государства (например, Тайвань), некоторые из которых реально находятся под военной оккупацией (Западная Сахара, Палестина). Известно, что Тайвань имеет дипломатические отношения с двадцатью шестью странами мира, Северный Кипр признан лишь Турцией, Ичкерия была признана тремя государствами, но на сегодняшний день вообще прекратила свое существование.

Разумеется, эта и ей подобные типологии достаточно несовершенны, но без них трудно представить аналитическое изучение феномена непризнанных государств. Исходные типы очень часто не совпадают с динамикой реальных процессов, иногда носят сугубо условный характер. Так, например, в типологии по критерию контроля над своей территорией Южная Осетия может быть отнесена в к четвертому типу, если рассмотреть

данную ситуацию как стремление к объединению унию в рамках одного государства¹².

Непризнанность государств в международном сообществе является правовой характеристикой его статуса. Подобное государство лишено возможности активной экономической деятельности, заключения выгодных торговых контрактов, реализации совместных инвестиционных и инфраструктурных проектов. Непризнанное государство рассчитывает только на гуманитарную помощь международного сообщества, соплеменные и культурные связи, сотрудничество с различными странами и регионами остального в значительном составе, поскольку внешне-правовое признание какой-либо территории напрямую обеспечивает ее существование и развитие.

Непризнанные государства европейской периферии существуют достаточно давно: Косово – восемь лет, Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия – пятнадцать лет, Палестина – семнадцать лет. Перспективы изменения статуса (притягивая независимости, признания, статусе провинции метрополии, интеграции в состав одного государства посредством урегулирования конфликта) у всех территорий различны.

Наименьшие шансы на изменение своего статуса, очевидно, имеет Нагорный Карабах. Основными причинами неподвижного положения является равная военная вовлеченность конфликтующих сторон (с учетом фактора России и Организации договора коллективной безопасности); заинтересованность всех геополитических акторов в этом регионе (США, ЕС, Россия, Иран, Турция) в сохранении статус-кво; политическая невозможность территориального обмена, который может открыть путь к политическому урегулированию конфликта.

Подобное положение НКР делает внешне ресурс-стратегическим для обеспечения данного ключевого фактора спорных территорий для всероссийских государственных образований имеет место и в этом случае.

Угрозы для Нагорного Карабаха военного и экономического характера со стороны сопредельных пространств существуют от Азербайджана в частности – Турция (важно дипломатической и военной поддержкой азербайджанцев, данная страна осуществляет экономическую блокаду Армении). Рост ВВП в Азербайджане составляет до 40% в год и является самым высоким в СНГ¹³. Экономика НКР и Армении даже при стабильном и устойчивом росте не могут удержать темповых сверхвысокими темпами роста. В результате военные расходы Азербайджана в 2008 г. превысили 1 млрд долларов¹⁴. Подобные расходы экономики приводят к неоправданно высоким темпам инфляции.

Сопредельные территории являются важнейшим ресурсом для существования и развития НКР. Во-первых, за счет них осуществляется во-

енная и экономическая помощь, так как экономика Нагорного Карабаха в значительной степени не самостоятельна. Во-вторых, географическое положение НКР таково (горные хребты фактически полностью отделяют данную территорию от Армении), что развитие социально-экономических, в том числе инфраструктурных, связей с Азербайджаном сопряжено с меньшими экономическими издержками, чем с Арменией.

Экономическая помощь Нагорному Карабаху оказывается, прежде всего, Арменией из бюджетных средств, армянскими диаспорами США и стран Европейского Союза (очень часто по родственным каналам). Многие жители Карабаха первоначально уезжали на заработки в родственникам в Россию. Принципиально важным для экономического и торгового партнерства Армения является сотрудничество с Ираном, особенно в сфере энергетики. Вовлеченность НКР кроме собственных беспомощных подразделений обеспечивают Армения и Россия как члены ОДКБ.

Нагорный Карабах осуществляет внешне связи с различными странами мира, хотя количество подобных государств ограничено. Жители НКР имеют армянские, французские и американские паспорта, что предоставляет возможности для экономической и образовательной мобильности.

Во-вторых, сопредельные территории позволяют осуществлять проекты экономического и инфраструктурного сотрудничества НКР местного масштаба. Реализация региональных и международных проектов на территории Нагорного Карабаха пока невозможна, поскольку не определен официальный статус данной территории. Азербайджан постоянно удерживает Армению за разработку золоторудных рудников на оккупированных территориях. Тем не менее часть проектов местного масштаба реализованы или получают свое экономическое обоснование, они преимущественно связаны с гуманитарной помощью и развитием инфраструктуры. Так, часть средств диаспор, поступивших с территории Армении, была направлена для улучшения дорожной инфраструктуры в НКР, например, построена автомобильная дорога высокого качества Горне – Степанакерт – Мардакерт стоимостью 46 млн долл.¹⁵

Большую важность для НКР представляет разведка и разработка месторождений полезных ископаемых, в частности, в Мартунинском районе есть месторождение меди, полиметаллов и золота, в Мардакертском районе – угля. Для развития преимущественно аграрной экономики непризнанного государства важным является институционализация сельскохозяйственного бизнеса и сотрудничество в этой сфере с Арменией, Грузией и Азербайджаном.

Перспективными с миротворческой точки зрения будут проекты объединения всего регион

Южного Кавказа. Так, существует важный инфраструктурный проект, объединяющий Армению, НКР и Азербайджан. Речь идет о строительстве транспортного коридора Агдам - Степанакерт - Шуша - Спитякский район Армении - Нахичевань¹⁷. При использовании этого обмена сторонами ни одна из них не будет заинтересована в бойкот, а для реализации проекта не понадобится большие средства, так как в основном необходимо соединить уже имеющиеся коммуникации.

В четвертых, сопредельные территории используются как «полюс безопасности», элемент торга в обмен на мир. НКР сегодня является относительно самостоятельным политическим актором в регионе Южного Кавказа. Интересы республики по некоторым вопросам не совпадают даже с интересами родственных Армении (армяки, как известно, являются субэтносом). В частности, Нагорный Карабах выступает на своем собственном участке в международном процессе. В первые годы конфликта речь шла только о присоединении к Армении.

Оккупированные районы и отрезанная от Азербайджана территория Армении (нахичевань) являются тем козырем, который используются Арменией и НКР на переговорах. Нагорно-Карабахская Республика готова отдать оккупированные территории в обмен на признание собственной независимости. Армения соглашается на изменение анклавного положения Нахичевана (создание вывозных условий транзита товаров и грузов, коридора за счет территориального обмена и т.д.). Обмен территориями является, пожалуй, единственной перспективой мирного урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

В пятых, сопредельные территории способствуют экстраполированию демократических ценностей на территорию НКР — европейские стандарты распространяются преимущественно благодаря влиянию Армении. Нагорный Карабах является наиболее продвинутым из непризнанных государств европейской периферии с точки зрения развития демократических институтов и процедур. Речь идет не только о процедуре выборов, демократических практиках взаимодействия между населением и государственными лидерами, различными ветвями власти, но и о поведении членов политической элиты, которые минимально подвержены коррупции, добровольно отказываются от власти. При этом необходимо понимать, что эта демократия — продукт развития гражданского общества, а возвращение азербайджанцев в НКР и соблюдение по отношению к ним демократических стандартов существует пока лишь в мифологических планах.

Таким образом, провозглаждаемое по времени существование непризнанных государств является нормой для современной европейской периферии и других регионов мира. Подобная ситуация возможна во многом благодаря неиспользованию ресурса сопредельных пространств.

Примечания

1. Наиболее широкое дискуссия касательно участия в территориальных государственных демонстрациях доказали бытующей версией является в мировой, национальная интереса России представляется в данной проблеме часть независимости и целостности территории государства, например: Независимые государства: политическая и правовая XXI века // Мирская эволюция в международном отношении. 2006, № 12. С. 64-81.
2. См.: March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. N.Y., 1989; Hall P.A., Knicker B.C. *Political Science and the Three New Institutionalisms of Political Science*. 1996, Vol. 21, 22.
3. См.: Kiser K.S. *The Institutional Approach of Theory and Methods in Political Science* (Ed. by D. Marsh, G. Soberg S. L., 1995; *The C. Political analysis*. Hampton, N.Y., 2002.
4. См., например: Kiser R.O., Aye J.S. *Power and interdependence: World politics in transition*. Boston. 1977; *State S. N. Man, the state and war*. N.Y., 1959.
5. См.: Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гуринца, А.Л. Дроздова, Э.П. Якушиной. М.: ИСП РАН, 1999. С. 314.
6. См. по этому поводу: *Leopoldo H. Почему мир не складывается? Про et Contra*. 2007. № 3 (37). Май-июль, С. 96-105; *Александр В.С. Государство в условиях глобализации*. Уфе, издательство ИМ, 2007.
7. *Будылин И.М. Политическая регионализация*. Уфе, издательство, М., 2006. С. 301.
8. См.: *Kaplan C. Independence for Kosovo // Foreign Affairs*, 2003, Vol. 84, № 6; *Fall B. Coalition in the South Caucasus // Asian Affairs*, 2006, № 7 (2) P.199-209; *Fall M. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and Indivisibility of Territory*, S. L., 2001. Европейская и российская конфликты, конкретные исследования европейской периферии (Пер. с англ. М., 2005; Независимые государства: возможности и вызовы XXI века С. 64-81; Независимые государства Южного Кавказа и транзитивные процессы на Юге России // Южнокавказские обозрения, 2005. № 28; Политические конфликты // Pro et Contra, 2006. № 5-6 (34); *Степанов И. Американский режим: конфликт на самоопределение в Восточной Европе // Международные процессы*, 2006, Том 4, № 2; III, *Май-июль; Степан В. «Степные сапожки» исторические корни Приднестровья, Нагорно-Карабахская, Абхазского и Южно-Осетинского конфликтов // Сравнительное международное обозрение*, 2006, № 4 (57), С. 128-138 и др.
9. Косово и Метохия // Свободная энциклопедия Википедия // <http://ru.wikipedia.org/> // просмотр: 30.09.2007.
10. Там же.
11. Южная Осетия // Свободная энциклопедия Википедия // <http://ru.wikipedia.org/> // просмотр: 30.09.2007.
12. Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика // Свободная энциклопедия Википедия // <http://ru.wikipedia.org/> // просмотр: 30.09.2007.
13. Например, точка зрения российского историка А. Удальцова (см.: *Приднестровские государства: необходимость в начале XXI века*, С. 73).

- ¹⁴ Экономика Азербайджана выросла на год на 40% // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/news/11/11/30/09/2007>
- ¹⁵ Сит. Мухомов С., Железин А. Азербайджан увеличивает экспорт нефти // Независимая газ. 2007. № 136. 9 января.

- ¹⁶ Ethnic Nationalism and Regional Conflicts: The Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by G. P. Robson. N.Y., 2005. P. 159.
- ¹⁷ Ibid. P. 23-274.

УДК 327.74+167+671

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: ОТ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ К ОБЩИМ ИНТЕРЕСАМ

С.М. Михалева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
E-mail: galina2503@yandex.ru

История изменений отношений Европейского Союза и России в ходе российской трансформации — это путь, связанный с ошибками и заблуждениями, противоречивым воздействием рыночной и патристической практик, периодическим возвращением к алгоритму отношений союзных времен.

Так же, как во времена начала партнерства и той же другой стороны все более ясно осознается взаимная зависимость. Как справедливо замечает Х. Тинниндальен, как европейский ориентированный и открытый к сотрудничеству партнер, определивший себя в прошлые времена, Россия может внести свой вклад в создание стабильности и процветания на континенте. Но если в прошлом было очевидно жертвенно-заботливо и не уверено в своих ориентациях, существует риск, что Россия может воспринять нестабильность из Восточной Европы в Западную¹⁴.

На всех этапах российской трансформации в той или иной форме присутствовала европейская планка, однако пока оно не привело к желаемому результату — преобразованию России в членского и равноправного партнера ЕС.

The European Union and Russian Transformation

G.M. Mikhaleva

The history of changes in the relations between the European Union and Russia during the period of Russian transformation is a road full of mistakes and errors, essential differences in rhetoric and political practice repeatedly relating to the algorithm of relations as they were used during Soviet times and the Cold War on both sides. Nevertheless, since the beginning of Partnership both parts have begun to realize their mutual dependence more and more clearly. However, it obviously has not yet led to a desirable result: the transformation of Russia into a stable democracy with a market economy still a reliable and equal partner.

The potential of political talks on rapprochement of Russia and Europe is already exhausted, if possible negotiations are made. The main argument is that while from the EU only innovations in foreign policy are required, Russia has a number of radical changes inside the country for deepening these relations. These changes demand much more resources, efforts and time.

Рассмотрение взаимоотношений Европейского Союза и России, очевидно, необходимо начать с определения и анализа их целей. Для Европейского Союза приоритетными целями в 1990-е гг.

в первой половине 2000-х гг. были укрепление демократии, интеграция России в общее экономическое и социальное пространство, сотрудничество, направленного на усиление стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами, реакция на общие «вызовы» на континенте (терроризм, миграция и т.д.).

Формулируемые в настоящее время европейские цели имеют в среднемсрочной перспективе, скорее, утопический характер: создание единого экономического пространства по типу ЕС, что предполагает не только свободный обмен капиталами, товарами и рабочей силой, но, что значительно важнее — выравнивание институциональных характеристик, включая правовые нормы и судебную практику.

Для России цели были связаны с экономической модернизацией страны и достижением конкурентоспособности на мировом рынке. Более того, отношение к глобализационным вызовам и Западу в целом воспринималось и воспринимается как вызов не столько в соотнесении с практикой использования любой западной финансовой поддержки.

Несмотря на декларативный выбор России в 1994 г. («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве») в пользу евроинтеграции, Россия не собиралась, поскольку ее реальные интересы находились в сфере финансов, а не вопросов демократии, и не могла вынуждать политические соглашения из-за несовершенства законодательной базы, а Запад этого и не требовал.

До последнего времени Россия проводила двусторонние соглашения, а после событий 11 сентября — многостороннюю игру в треугольнике: Россия — США — ЕС. Для России важно было сохранить роль «мировой державы» (что позволяет сохранить потенциал, размеры территории и энергоресурсы) и соответственно членство в престижных международных организациях.

Запад и делом, как и ЕС, в 2000-е гг. преследует значимые и значимые цели, поставив на первый план приоритетных (безопасность, энергетический сектор) над же локальных, но значимых вопросов (Кавказ, миграция, терроризм).

- ¹⁴ Организация Азербайджана выросла за год на 40% // ИТА-Новости. URL: <http://www.itar-tass.ru> // 30.09.2007.
- ¹⁵ См.: Александр С., Жданов А. Азербайджан увеличивает военные расходы // Независимая газ. 2007. № 156. 9 июня.

- ¹⁶ Ethnic Nationalism and Regional Conflicts: The Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by G.P. Noble. N.Y., 2005. P. 159.
- ¹⁷ Ibid. P. 171-174.

УДК 327.3(4) + 470 + 071

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: ОТ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ К ОБЩИМ ИНТЕРЕСАМ

Г.М. Михалева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
E-mail: gmls2523@yandex.ru

История изменения отношений Европейского Союза и России в ходе российской трансформации – это путь, связанный с политикой и идеологией, существованием институциональных и политических практик, периодическим сотрудничеством и алгоритму отношений советских времен.

Так же много он привнес идею перестройки и той и другой стороной все более ясно осознается взаимная зависимость. Как справедливо замечает Х. Зиммерманн, «как европейцы принимают и готовы к сотрудничеству партнер, определяющей себя в европейском терминах, Россия может начать свой производный путь к созданию стабильности и процветания на континенте. Но если власти не балансируют маргинализировано и не уверено в своих ориентациях, существует риск, что Россия может эксплуатировать нестабильность из Восточной Европы в Западную».

На восходе российской трансформации в той или иной форме производного идеологического понимания, однако пока она не привело к желаемому результату – превращение России в надежного и равноправного партнера ЕС.

The European Union and Russian Transformation

G.M. Mikhalava

The history of changes in the relations between the European Union and Russia during the period of Russian transformation is a road full of lessons and errors, essential differences in culture and political practice, repeatedly referring to the algorithms of relations as they were used during Soviet times and the Cold War on both sides.

Nevertheless, since the beginning of Perestroika both parts have begun to realize their mutual dependence more and more clearly. However, it obviously has not yet led to a desirable result, the transformation of Russia into a stable democracy with a market economy and a reliable and equal partner.

The potential of political steps on improvement of Russia and Europe is already exhausted. All possible declarations are made. The main argument is that while from the EU only resolutions on foreign policy are required, Russia has a problem of radical changes inside the country for deepening these relations. These changes demand much more resources, efforts and time.

Рассмотрение взаимоотношений Европейского Союза и России, очевидно, необходимо начать с определения и анализа их целей. Для Европейского Союза приоритетными задачами в 1990-е гг.

в первой половине 2000-х гг. были укрепление демократии, интеграция России в единое экономическое и социальное пространство, сотрудничество, направленное на усиление стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами, реакция на общие «вызовы» на континенте (терроризм, миграция и т.д.).

Формулируемые в настоящее время программные цели имеют в среднесрочной перспективе, скорее, утопический характер: создание единого экономического пространства по типу ЕС, что предполагает не только свободный обмен капиталами, товарами и рабочей силой, но, что значительно важнее – выравнивание институциональных характеристик, включая правовые нормы и судебную практику.

Для России цели были связаны с экономической модернизацией страны и достижением конкурентоспособности на мировом рынке. Кроме того, отношение к глобализационным ценностям в Западе в целом носило невинный и неосознанный характер и сочетался с практикой использования любой западной финансовой поддержки.

Несмотря на декларативный выбор России в 1994 г. («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве») в пользу евроинтеграции, Россия не собиралась, поскольку ее реальные интересы находились в сфере финансов, а не вопросы демократии, и не могла выработать политические соглашения из-за несовершенства законодательной базы, а Запад этого и не требовал.

До последнего времени Россия предпочитала двусторонние соглашения, а после событий 11 сентября – политическую игру в треугольнике: Россия – США – ЕС. Для России важно было сохранить роль «мировой державы» (что позволяет ядерный потенциал, размеры территории и энергоресурсы) и соответственно членство в престижных международных организациях.

Завис в целом, как и ЕС, в 2006-е гг. проследить значимые и неизменные цели, вставая на решение задач приоритетных (безопасность, энергетический сектор) или же локальных, но значимых вопросов (Кавказ/прикавказье, транзит,

эквивалент, касавшиеся поставок сельхозпродукции из Польши), включившая демократическую ратушку, исходя в ответ того же самого.

Для понимания и системе международных сетей «информатизма» форм и институтов (формальное разделение властей, декларация формальной демократии государства и прав человека) при наличии возможностей экономического взаимодействия и взаимодействия в сфере общественной безопасности оказывается логично недостаточны, чтобы страна рассматривалась как полноценный международный партнер. Таким образом, наличие реально функционирующих демократических институтов играет второстепенную роль уже с самого начала взаимоотношений и котировалось на второй план в условиях усилившейся авторитарности.

Глобализационные процессы, включающие экономическую, военную, гуманитарную и социально-культурную составляющую представляются заданным акторам неким естественным процессом, требующим минимального регулирования. Они стремились заставить трансформирующиеся страны «хотеть того же», что и Запад. Эта тенденция усилилась после событий 11 сентября, активно использовались военные действия для включения Афганистана и Ирака и числе стран, позволивших осуществлять поставленные Западом, прежде всего, экономические цели.

Этим и объясняется форма и содержание зарубежного влияния на российские трансформационные процессы, используемая в них обманчиво сторонами риторика отличается от реальных целей и практических действий, которые также меняются со временем.

Последние тенденции в развитии российско-европейских отношений обуславливаются изменениями российской внутренней и внешней политики с начала второго президентского срока Владимира Путина. Усиливаются имперские тенденции во внутренней политике и стремление России усилить влияние на евроатлантическое пространство привели к «сверхоэкономике», переходу к прагматичному и ультимативному стилю в внутрироссийских тенденциях со стороны ЕС². Одновременно все громче с обеих сторон звучат голоса призывающих перейти от «политики общих ценностей» к «политике общих интересов», поэтому имеет смысл сосредоточиться на базовых документах и этапах взаимоотношений России и ЕС.

В советский период отношения Европейского Союза и СССР с переменным успехом развивались в двух сферах: торговой и международной безопасности.

Первые решения, связанные с готовностью финансово поддерживать трансформацию в России, были приняты на высшем уровне ФРГ в 1990 г. В результате договоренностей ЕС и США заданную формулировку требований к России было решено возложить на Мировой валютный фонд (МВФ) и Мировой банк.

В рамках «американского консенсуса»³ были разработаны направления поддержки всех трансформирующихся стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран без учета специфики России. Идеология «американского консенсуса» была идеологией «политического слова» для трансформации экономики. Основные направления поддержки всех трансформирующихся стран были определены как «стабилизация денежного, макроэкономического бюджета, налоговая реформа, оптимизация и либерализация потоков капиталов и товаров».

Главной задачей экономики в трансформации была либерализация экономики, которая должна была посредством рыночных реформ сделать экономические институты соответствующими западному рынку и открыты, закрытые социализмом географические зоны для завозимых товаров и инвестиций, одновременно обеспечить экономический рост в этих странах. Это был механизм, неоднократно апробированный в Латинской Америке. Существование новых глобальных правил, охраняющих интересы капитала от возможных рисков за пределами безопасных границ, была основой выбранной стратегии. Как и при предыдущей волне трансформации, критические экономические решения принимались не непосредственно властями административной внутри страны, а технократическими комитетами в ВМФ, Всемирном банке и Всемирной торговой организации (ВТО)⁴.

После решений Большой семёрки ЕС в 1990 г. в Риме принята программа технической помощи, которая должна была содействовать советской трансформации. Первая программа ТАСИС (программа технического содействия странам СНГ) стартовала в 1991 г. Цель была определена как «переход к рыночной экономике» со следующими основными направлениями:

- подготовка менеджеров для общественного и частного сектора;
- финансовая помощь;
- сотрудничество в области энергетики и транспорта;
- предоставление помощи.

Во всем отношении с Россией были основаны на понимании еще с СССР в 1989 г. соглашения о торговле и сотрудничестве. Июнь в 1992 г. председатель Еврокомиссии Ж. Делор предложил заключить новое соглашение – уже с Российской Федерацией. Концепция, учитывавшая специфику применения политической в экономической системе, не говоря уже о распаде СССР, отсутствовала. Предполагалось, что «рынок урегулирует все», тем самым поддерживался ельцинский курс рыночных реформ.

После распада СССР и демократических деклараций Россия уже не представляла военной опасности, а экономические трансформации являлись вынужденным главным заданием, связанным с ее включением в систему мировой торговли.

Российские руководители в этот период неоднократно заявляли о желании России вступить в ЕС⁴. При всей противоречивости внешнеполитического курса России в этот период, политика, проводимая Б.Н. Ельциным, связанная с большим объемом внешних займов, с одной стороны, и показанием обязательств, невыполненной мажоритарно-парламентскую и коммунистическую риторику – с другой, вполне устраивала западных партнеров.

В России не могло возникнуть и импортированное западных партнеров мнение⁵ на начальном этапе демократизации⁶. Политические конфликты, связанные с завоеванием власти Ельциным, воспринимались как конституционный протестовый процесс, поэтому прямое вмешательство западных экспертов в разработку базовых норм государственного права на этом этапе вряд ли было возможно.

Разгром оппозиции в 1993 г. и конституциональное закрепление победы Ельцина сначала никак не повлияло на характер взаимодействия ЕС и России. Принятие Конституции, закрепляющей доминирование полномочий президента, несмотря на некоторую критику со стороны западной общественности и научных кругов, воспринималось как создание базы для политической стабильности и, следовательно, возможности расширения контактов с Россией.

Следующим этапом развития отношений России и ЕС стал период президентства Б.Н. Ельцина – 1993–1999 гг.

Только в 1994 г. между Российской Федерацией и ЕС было подписано «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве». В ходе переговоров о соглашении являлись различными приоритетами сторон, однако в текст были включены требования для РФ соблюдать нормы ОБСЕ. В дипломатических кругах этот документ считается основополагающим в российско-европейском диалоге, так как он достаточно конкретичен, потому что Россия сделала выбор в пользу Европы, а Европа не отвергла стремление России участвовать в европейских процессах⁷.

Главная идея этого соглашения заключалась в создании необходимых условий для будущего укрепления зоны свободной торговли. При разработке программы взаимодействия не игнорировались российские внутренние конфликты, поэтому война в Чечне стала неактивным спорным для западных политических кругов. В связи с началом первой войны в Чечне в 1994 г. вступление в силу соглашения было отложено, отношения между ЕС и РФ вошли в фазу заморозки и взаимных претензий. Россия не импортировала позицию ЕС по Чечне, а документно не расширяла ЕС принимаясь без учета российских интересов.

В это время было заключено временное соглашение, не требующее ратификации, что позволило продолжать работу европейских дочерних программ, включая ТАСИС. С 1994 до 1997 г. Россия получила в рамках ТАСИС 2,7 млрд евро⁸.

После окончания боевых действий в Чечне, в ходе президентской кампании 1996 г. и достижения неформального согласия по вопросу расширения НАТО, решивши о вступлении России в Совет Европы в 1997 г. скорее всего в силу и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Новый алгоритм сотрудничества предполагал отказ от империалистического консенсуса, расширение военного взаимодействия и переход к концепции партнерских отношений. Однако это соглашение не предусматривало механизмов его реализации, поэтому решения о поддержке тех или иных шагов России принимались руководством ЕС в рамках ТАСИС и часто навряд ли не были связаны с основными декларируемыми целями ЕС в России, в отличие, например, от программы ФАРЕ (программа ЕС «Южная и Восточная Европа и реструктуризация экономики») для стран-кандидатов на вступление в ЕС, которая предполагала набор жестких и измеримых критериев. Таким образом, страны, стремившиеся вступить в ЕС, попросту принимали навязываемые им правила игры и получали в обмен на это существенную экономическую помощь⁹. В отношении России, конечно, такие требования не могли быть предъявлены, поэтому алгоритм взаимодействия был другим.

Необязательность СПС было системной ошибкой, во всяком случае со стороны ЕС: оно задумывалось как инструмент расширения традиционного объединения ЕС и России, однако вопрос вступления России в ЕС и практической реализуемости не рассматривался. Российские экономические реформы осуществлялись в несообразующем с европейской моделью направлении. Принятие политических институтов предполагали быстрый переход к авторитарной модели¹⁰, а во внешней политике все чаще стали проявляться несомнительно-националистические тенденции.

Таким образом, сознательные взаимоотношения в качестве регулярного политического диалога и культурного сотрудничества. Все остальные положения остаются неизменными¹¹. До 1999 г. финансировались прежде всего направления, связанные с созданием рыночной инфраструктуры, и действующим в сфере экономики коллективные и индивидуальные экономические акторы. Программы ЕС были направлены на более эффективное ведение бизнеса в рамках доктрина «экономического глобализма».

С 1996 по 1999 г. ТАСИС выделена 2 224 млн евро на поддержку российских проектов, связанных с политическим консультационным, охраной окружающей среды и ядерной безопасностью. Но сравнительно с периодом 1991–95 гг. несколько сократилась поддержка проектов, связанных с приватизацией.

Финансовый кризис 1998 г. негативно сказался на экспортных доходах и поступлениях в Россию, однако не являясь существенного влияния

на формулирование ЕС целей и задач отношений с Россией. В это время Комитет экспертов и представителей ЕС позитивно looked в результате, достигнутых в формулировании всеобъемлющей позиции по отношению к России, в котором учитывались и последствия финансового кризиса для ЕС. Основной вывод доклада – проблемы России многогранны, поэтому такой же должна быть и стратегия ЕС. Тем самым был оставлен без ответа вопрос о том, каким образом необходимо взаимодействовать с Россией.

Неадекватная оценка происходящего в России как перехода к демократии привела к тому, что на весь заданный период в стратегических документах ЕС задачи демократизации не ставились. Запад исходил из представления, что в России укрепляют демократические институты, в программы, направленные на «выдавливание» экономических уловок, создает базу для этого. Внутророссийские конфликты не воспринимались как дефекты системы, а лишь как отклонения от общего направления трансформации к рыночной экономике и демократии.

Сравнение с социалистическим Советским Союзом было в пользу России, так как явная военная угроза Западу исключена, есть возможность ответить на глобальные вызовы, которые угрожают России так же, как и Западу¹⁴. На первом плане стояла задача влияния на российскую трансформацию с целью создания договороспособного партнера в экономической, экологической областях, сферах ядерной безопасности и борьбы с международной преступностью.

Следующим периодом взаимодействия России и ЕС стало время президентства В.В. Путина. Важнейшими факторами изменения европейской политики по отношению к запад стране были:

- изменение конфигурации сил в мире и создание антитеррористической коалиции;
- вступление в ЕС новых стран-членов;
- увеличение энергозависимости от России;
- осознание угроз, связанных с сочетанием сверхвысокой демократической интентивной в России, военных конфликтов и терроризма;
- признание приоритета стабильности над демократическими ценностями в российских условиях;
- увеличение числа дипломатических кризисов, связанных с разрывом традиционным руководством различных европейских стран роли России.

Практически до начала второго президентского срока Владимира Путина сохраняется рынок равноправного партнерства

В 1999 г. ЕС был принят документ «Общая стратегия ЕС для России», определяющей совместную внешнеполитическую и политическую безопасность. Россия, как и США, участвовали в разработке его концепции. Однако общий документ не был опубликован, вместо этого российское правительство приняло документ «Стратегия развития отношений Российской Федерации с

Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000-2010 гг.)

Сравнение этих документов приводит к выводу об асимметричном партнерстве, так как включает документацию целей партнеров и исключает взаимодействие¹⁵. Поставка передовых идей в стратегических программах ЕС скрывалась из мнимой российской неадекватности, с отсутствием политической заинтересованности Европы и полномочным руководством.

В документе ЕС, как стратегическая цель обозначено достижение стабильности и твердые в такой форме и отчетливой форме демократии, правового государства и социальной рыночной экономики в России. В концепции документа ЕС заложено представление о том, что российская трансформация - длительный процесс, который может быть реализован при широкой поддержке и партнерстве на всех уровнях: политической, экономической, институциональной и культурной.

Направленность российского документа совершенно иная. «Основными целями стратегии являются обеспечение национальных интересов и повышение роли и авторитета России в Европе и мире путем создания надежной общеевропейской системы коллективной безопасности, выравнивание хозяйственного потенциала и управленческого опыта Европейского Союза для содействия развитию социально ориентированной рыночной экономики России, беззастенчивой на принятии справедливых конкурентных, и дальнейшее строительство демократического правового государства. При этом в переходный период реформ в определенных секторах экономики остается охраняемой жизнь отечественного производства с учетом международного права и опыта»¹⁶. Преамбула этого документа - единственное место, где используется термин «демократическое правовое государство». Содержание же определяется представлением, что, «как мировая держава, расколоченная на двух континентах, Россия должна сохранять свободу определения и реализации своей суверенной и независимой политики, свой статус и преимущественно суверенитетное государство и крупнейшей страны СНГ, независимость позиций и деятельности в международных организациях»¹⁷.

В документе ясно отмечено, что Россия должна стремиться к максимальному получению выгоды от расширения ЕС, а развитие партнерства с Европейским Союзом должно содействовать укреплению России и качестве ведущей силы формирования новых политических и экономических отношений в СНГ.

Вторая война в Чечне вновь назвала кризис со стороны ЕС. В 1999 г. Европейский Совет принял «Заявление по Чечне», в связи с которым было принято решение пересмотреть конвенцию сотрудничества с РФ и предоставить программу ТАСИС. Впервые ЕС решил применить средства

экономического давления для оказания на политический курс страны. Изменчивы не должны были оставаться только проекты, связанные с правами человека, приватизацией, поддержкой гражданского общества и поддержанием ядерной безопасности. Но бойкот практически не был реализован.

Задачи, поставленные в европейском документе, в значительной их части не были решены из-за логических противоречий и несогласованности документа с другими, включая ТАСИС¹⁸.

В 2000 г. начался энергетический диалог, и была подписана декларация о сотрудничестве по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе. В марте 2001 г. Россия впервые участвовала в саммите ЕС, при этом обсуждались вопросы демократии и энергетических поставок в Европу, а также конфликты на Балканах и в Чечне. В мае 2003 г. ЕС и РФ договорились ежегодно заседать при Совете по сотрудничеству заменить постоянно действующим партнерским советом, который должен определять поля совместных интересов и ресурсы для их реализации с обеих сторон.

Декларируемые задачи эффективного партнерства практически не могут быть реализованы. Существоют как объективные, так и субъективные препятствия для этого. Объективными являются различия в политических системах и сложности институционального взаимодействия, субъективными – различия в понимании «партнерства». РФ видит в ЕС партнера, способствующего модернизации экономики. Еврокомиссия в последних документах связывает модернизацию в экономике с требованиями демократизации. Алгоритмные тенденции в РФ противостоят объективным уже реализованным и реализующимся соглашениям.

Политика ЕС в отношении России возмущает западные общественные политики, изменяясь в процессе реализации, хотя название и терминология документа сохраняются¹⁹. При этом наблюдается озабоченность «глубоко авторитаристский характер обычных стратегий» ЕС, касающихся не только России, но и других регионов и стран, трудности формулирования жестких приоритетов и единой политики по отношению к ним²⁰.

Различия в стратегических документах и реальных целях существенно различаются, однако сохраняется риторика «партнерства». Эта диффузная ответственность и бизнес-практика имеет, естественно, свои пределы, реальные политические практики и складывающиеся правила взаимодействия политических и экономических лидеров позволяют только частично использовать предлагаемые России импортные нормы и институты. Они используются во внешнем взаимодействии – в контактах с зарубежными партнерами, экономическими или политическими, но «приворачиваются» внутреннюю политику по привычке. Требования демократизации остаются лишь риторической фигурой.

Как пример «саморазвивающихся стратегий», все дальше уходящих от действительности, стоит упомянуть и концепцию *Общего европейского экономического пространства*, главный элемент которого – постепенное снятие экономических барьеров²¹. А в 2003 г. в ходе Санкт-Петербургского саммита была провозглашена идея построения четырех пространств: экономического, внешней безопасности и правосудия, науки и образования, включая культурные аспекты. Эта задача пыталась решаться на фоне происходящего в России не всегда восторго.

На практике приоритетами могут быть следующие направления сотрудничества России и Европы, в которых практически заинтересованы обе стороны, – энергетический диалог, институциональное выравнивание условий экономического взаимодействия и поддержание безопасности.

По мнению Х. Мухалы, если сравнивать два направления ведения переговоров о едином экономическом и социальном пространстве, составными частями которых являются энергетический диалог и создание европейского общеэкономического пространства, то энергетический диалог был более конкретным и более успешным²². При этом оба направления основаны на «оглашении о партнерстве и сотрудничестве» и направлены на гармонизацию экономики и улучшение нормативно-законодательных баз. Парадокс заключается в том, что главную роль в этом процессе играет вовсе не ЕС, а перспективы вступления России в ВТО. Без этого шага дискуссии о едином экономическом пространстве остаются беспочвенными, но для вступления в ВТО необходимо не только существенно пересмотреть российское законодательство, изменив около тысячи законов и нормативных актов²³, но и смириться со значимыми экономическими потерями.

В мае 2004 г. были достигнуты договоренности, завершающие двусторонние переговоры по доступу на рынок – еще один этап подготовки России к вступлению в ВТО. Россия взяла на себя обязательства по снижению тарифов на энергоносители, включая в цену добычи и инвестиции, необходимые для разведки новых месторождений. На этой же встрече была продемонстрирована готовность решить вопросы по отмене ветоного режима²⁴. Однако по-прежнему вступление в ВТО отодвигается, сейчас, в начале 2008 года, уже – на 2009 год.

Европа знает и еще длительное время останется зависимой от российских поставок нефти, газа и электроэнергии, поэтому заинтересована в стабильных отношениях и длительных контрактах. При этом акцент в энергопотреблении смещается от угля и нефти к газу, а мировая экономика в эпоху глобализации требует все больше энергоресурсов. За последние десятилетия потребление газа в Европе выросло на 20%, а к 2030 г. импорт газа в ЕС возрастет по оценкам экспертов, с 260 млрд кубометров до 500 млрд.

Сейчас 2/3 российского газа и половина нефти идет в Европу. Но эти страны нуждаются в инвестициях, а крупные фирмы, работающие в этой области, сталкиваются с существенными проблемами. Стабилизация ситуации в этой области важна для предмета международного диалога», инвентаризированного Еврокомиссией в 2006 г. Главная задача в этой области – переход России к европейским правилам и стандартам, включая правовые нормы, предпринимательные и инвестиционные в энергетическую сферу²⁵. Это условия базовых инвестиций, необходимых для строительства трехсторонней инфраструктуры – сетей газопроводов – кроме того, необходима либерализация газового рынка и свобода доступа разных компаний к системе газопроводов. Но все это не устраивает «Газпром», на который приходится более 40% суммарного импорта европейского газа в Европу²⁶, поэтому столь важный для Европы, да и для России энергетический диалог продвигается очень медленно²⁷.

Одно из самых значимых направлений европейской «Стратегии...» – сотрудничество, направленное на укрепление стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами, не определяя, какую конкретно роль должна играть Россия в этом процессе. По мнению Х. Тиммерманна, сложности, возникающие у России с ЕС, связаны со сдвигом большей плотностью отношений и необходимостью долгосрочного планирования. Сравнительная простота отношений с США – с упором на узкую сферу борьбы с терроризмом и международную безопасность²⁸.

Отношения России с ЕС и США после 11 сентября 2001 г. – это интенсивный диалог. При этом Россия предпочитала иметь дело не со структурами ЕС, а с отдельными странами, особенно в связи с разногласиями по поводу войны в Ираке, провозглашения суверенитета Косово и размещение баз ПРО vicino российских границ. Здесь мы также сталкиваемся с различным видением своей роли и обеспечении безопасности: для Европы важно, чтобы Россия стала фактором европейского мира на континенте, другими словами, чтобы она перестала быть угрозой. Россия же стремится усилить свои позиции в качестве международного актора и участвовать в принятии решений, включая право вето на спешные операции.

Для ЕС развитие сотрудничества с Россией – это, в первую очередь, и второе – определение степени собственной безопасности, уменьшение риска экологических и ядерных катастроф, борьбы с международной организованной преступностью. Но и для России такое сотрудничество представляет стратегический интерес. Особенно интенсивно развивается эта работа в приграничных областях, а здесь нередко используются стратегия, отличные от применяемых в центрах²⁹. Наблюдается также отмечать слабую координированность и сильную бюрократичность при реализации этих программ. Усложняет ситуацию включенность в

эту программу множество государственных и субгосударственных акторов³⁰.

С мая 2004 г. когда в ЕС вступили 10 новых стран, в целом к ним приспосабливался еще один, возникла новая ситуация. Во-первых, обострилась борьба, с которой сталкивался ЕС в связи с предположимым многообразием стран-участниц и существенно различающимся уровнем их экономического развития³¹. Во-вторых, усложнились отношения приехавшей Россией в рамках Барселонки, Нишанки, из-за удаляемых границ и вступления в ЕС бывших республик СССР возникла совершенно новая геополитическая ситуация. Страна, ранее ориентировавшаяся на Россию, пыталась вывести режим и изменить условия торговли сейчас ориентирована на страны ЕС и, более того, имела новые члены ЕС вступают в качестве самых жестких критиков России и инициаторов возможных санкций.

Основные препятствия на пути партнерства России и ЕС, провозглашаемого во всех документах, связаны с изменением международной политической ситуации в целом. Во-первых, возникли сложности во взаимодействии с исламским миром, исключившим отношение к мусульманам, проживающим в Европе, и стремление Турции вступить в ЕС. Во-вторых, это практическая реализация задач борьбы с терроризмом. Наконец, это вопросы, связанные с последствием расширения ЕС на Восток. Экономическое сотрудничество России с ЕС, по мнению экспертов, сейчас достигло предела³², и переговоры о вступлении России в ВТО и энергетический диалог пока развиваются очень медленно, а без решения этих вопросов расширение экономического сотрудничества вряд ли возможно.

Политический диалог строится до сентября второго президентского срока Владимира Путина, исходя из «презумпции демократических деклараций» России. Затем критическое возмездие в отношении внутреннего развития России стало звучать все чаще, в связи с делом ЮКОСА, убийством Анны Политковской, новым законом о некоммерческих организациях, разногласиями маришеских несогласных, «старой войной» с Украиной, размещением систем ПРО vicino границ России и, наконец, провозглашением суверенитета Косово призывом к протекторату ЕС. Так критика, связанная с дефицитом демократии, уже не только со стороны оппозиции в СМР, но и со стороны глав государств приехала на думские и президентские выборы 2007–2008 гг. Они были оценены представителями НАТО как недемократические. Именно в этот период Россия в лице главы избранного президента Дмитрия Медведева меняла риторику, во видимость, реагируя на западную критику.

Резко критическое отношение к требованиям документов ЕС, связанных с дефицитом демократии, возможными действиями в Чечне и т.д., вызывает скептическое отношение к доку-

ментам и программам ЕС в России: «У Европы нет потребности в каком-либо "российском выборе"». Поэтому считать там с Россией будут в той мере, в какой ее «европейский выбор» будет не императивом, а одним из направлений активности²¹.

Целевая адаптация шагов по обязательству России и Европы уже начата, все возможные заявления и со стороны ЕС, и со стороны России сделаны, однако совершить практические шаги оказалось значительно сложнее.

Проблема отношений Европы и России – в асимметрии величин и ресурсов партнеров. Но главное – другое, в то время как от ЕС требуются только новшества во внешней политике, перед Россией стоит задача радикальных изменений внутри страны для углубления этих отношений, что требует гораздо больших ресурсов и усилий²².

Очевидно, что усиливается озабоченность ЕС связями с режимом, что российская трансформация не была демократизацией, однако стратегические задачи Европы и ЕС могут решаться и во взаимодействии со стабильным авторитарным государством. Именно поэтому все сильнее становится призыв к прагматизму и «горизонтальной интеграции». В этой ситуации отношения России и ЕС должны определяться прагматизмом и новым реализмом. Оба партнера не должны выдвигать нерешительные требования друг к другу, но должны стараться искать возможности преодолеть противоречия между риторикой и реализмом. ЕС должен видеть себя как партнер и, если необходимо, как противоядие, если Россия дома и за рубежом будет ориентироваться на риторику с европейскими партнерами или интересами, как, например, в Чечне. Надо признать, что возможности влияния ЕС на развитие в России ограничены²³.

Реальная политика (*realpolitik*) – доминирующая сейчас линия в отношениях России и ЕС, которой предпочитают придерживаться обе стороны, эта политика обусловлена взаимной зависимостью в сфере энергетик. Это сотрудничество расширяется. Но оно зависит от ситуаций и личных договоренностей, а не принципов. Именно поэтому вопрос восточного газа из Украины или сырья/продукции из Мьянмы становится главным предметом дискуссий и камнем преткновения для дальнейшего развития отношений.

Долгосрочная стратегия, основанная на сопоставлении принципов в отношении России и Европейского Союза, несмотря на огромное количество подписанных бумаг и существующие различные рода абстрактных переписанных документов, по-прежнему отсутствует. Поскольку, что это международное образование играет все большую роль в Европе, новому руководству России неизбежно придется решать эту проблему в ближайшем будущем.

Примечания

- ¹ *Timoshenko H. From Visions to Actions. The Future of EU-Russian Cooperation – Policy Paper 2008, № 22, P. 2.*
- ² *См.: Бордюк Т. Россия и Европейский Союз: поиск и анализ нового формата. Миссиями Фонда Карнеги, октябрь 2004 г., М., 2004. Вып. 10. *Timoshenko H. Op. cit.**
- ³ «Валютно-финансовый кризис – тип макроэкономической ситуации, которую ряд эмпирических исследований приводит в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис».
- ⁴ *Сандберг Л. Перспективы глобализации: три возможных будущего для Европы и мира // Европа. Журнал правового института международных дел, 2005. № 3. С. 36–37.*
- ⁵ *An Evaluation of the FACS Programme in Russia, Moscow, 1993, P. 15.*
- ⁶ *См.: Арутюн К. Отношения России и Европейского Союза // Россия и Европейский Союз. Переосмысление стратегической интеграции / Под ред. А. Мисака М., 2003. С. 19.*
- ⁷ «Об изменении правовых норм» см. работы Георга Фриштера, например: *Вангер С. Die neue Verfassung der Republik Ungarn // Jahrbuch für Politik, 1991. № 1, P. 297–319, Verfassungs- und Vwverwaltungsrecht der Staaten Osteuropas. Bonn, 1993.*
- ⁸ *Merkel H. Systemtransformationen. Opáted, 1999. P. 141.*
- ⁹ *Дипломатический вестник, 1994, № 15–16, С. 29–59; Тарасов Н. Россия и страны Восточной Европы и интеграция многоконтинентальной интеграции // Вестник, 2004, № 7, С. 56–63.*
- ¹⁰ Для сравнения, за этот же период – от МВФ было получено 18 миллиардов долларов.
- ¹¹ *Borkowski T. В облатках civilian power // Pw of contra № 8, № 1, зима 2005, С. 54.*
- ¹² Там же, С. 2.
- ¹³ *Борис Р. Европейскому Союзу и России необходимо соглашение о стратегическом партнерстве. М., 2004, С. 14.*
- ¹⁴ *Лунин А.Г. Стратегические позиции безопасности Европейского Союза // International Politik, 2004, № 3 Май-июнь, С. 15.*
- ¹⁵ *См.: Кандова В. С Европой – во-европейски? // Платон, 2004. № 2, С. 66–67.*
- ¹⁶ <http://www.dcelus.net/ru/introduction.htm>
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *См.: De Saeger K. The Implementation of the EU's Common Strategy on Russia // Learning the Grammar of the CIS? / Ed. H. Haackala, S. Medvedev, Helsinki, Berlin, 2001.*
- ¹⁹ *См.: Мусышев А. Возможность или активная реализация общей стратегии ЕС по России. // Переосмысление стратегической интеграции // Под ред. А. Мисака М., 2003. С. 36–37.*
- ²⁰ *Spencer C. The EU and Common Strategy: The Revolving Gate of the Mediterranean // European Foreign Affairs Rev. 2001. Vol. 6 (1) P. 31–51; 38–39, Spence G. The EU Common Strategy on Ukraine: A Response to Ukraine's*

- Pro-European Choice of The EU & Ukraine: Neighbours, Friends, Partners? Ed. A. Leites, L., 2002; *Maailma H. The Making of the European Union's Strategy on Russia* / Ed. H. Haakkola, S. Medvedev. *Learning the Contours of the CEE*, Helsinki: Berlin, 2001.
1. См. *Самсонова Е.* От империализма к космополитизму? // *Российский Вестник*. 2003. Т. 8. Вып. 3. С. 7-24.
2. *Александр У.* Указ сою. С. 51.
3. *DeGandía S., Pacheco J.* Problems and Prospects of Russia's Accession to WTO // *Danish-European Centre for Economic Policy*, 2003, Sept. P. 15.
4. *Самсонова Е.* Вектор интеграции // *Европа*. 2004. № 6. С. 24.
5. См. *Frider J.* The Union's Economic Policy toward Russia // *The EU & Russia: The Promise of Partnership*, Ed. J. Frider, Ju. Shohat, L., 2002, P. 19-28.
6. *Шохатова А.* Энергетический диалог: переход и конструктивную фазу // *Европа*. 2003. № 35. С. 11.
7. См. *Дружинин Ф.* Не мой объект буржуазии // *Европа*. 2003. № 5. С. 5-15.
8. *Тютчевская И.* *Мир, война...* - 2-95.
9. *Алексеев Д.* Transient security and regionalism // Ed. D. Held, A. Ales, *Russian Regional and Regionalism: Strength through weakness*, L., 2003, P. 63-81.
10. *Михайлов К.* The Northern Dimension: A Policy in Need of an Institution // *The Baltic Area Studies*, 2001. № 1.
11. См. *Тютчевская И.* Россия и страны Восточной Европы в процессе формирования новой архитектуры // *Европа*, 2004. № 7. С. 56-63.
12. *Худяков К.* Указ сою. С. 24.
13. *Самсонова Е.* Указ сою. С. 6.
14. *Тютчевская И.* *Ор-ин*. P. 110.
15. *Ibid.*, P. 11.

Слово молодым политологам

УДК 37.013.78

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.А. Самсонова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: samsonova.elena@yandex.ru

В статье обоснована актуальность исследования ценностей ориентаций современной российской молодежи, сформировавшаяся в результате радикальных преобразований общества в 1990-е гг. и являющаяся основой «поколенческого разрыва». Осуществлен анализ методов исследования структуры ценностей современной российской молодежи, наиболее эффективным среди которых является факторный анализ или «метод главных компонент».

Methods of Russian Young People's Value Orientations Research

E. A. Samsonova

The author of the article proves the topicality of appealing to the research of Russian present-day young people's value orientations that were shaped as a result of the fundamental changes that took place in the 90s of the last century and provided a basis for «the generation gap». The analysis of Russian present-day young people's value orientations research methods has been put into context. Factor Analysis or Principal Components Analysis method is thought to be one of the most effective among others.

«Конфликт отцов и детей, «поколенческий разрыв», «импроброкретический раскол между возрастными группами» – в таких терминах определяется один из наиболее универсальных социаль-

ных конфликтов, устойчиво воспроизводящийся во все времена и во всех обществах. Основу конфликтов этого вида составляют индивидуальные и групповые различия в убеждениях, установках, представлениях молодежи и старших возрастных групп. Обострение поколенческих конфликтов способствует радикальному изменению социальнo-экономических условий, политические катаклизмы, порождающие различия в политических поведении, целях и мотивах. Радикальные преобразования нарушают преемственность поколений, культур, процесс социализации, определяющий формат ценностей и их трансляцию.

Основу поколенческого разрыва составляет различие ценностных ориентаций различных поколений. Чем они сугубственнее, тем острее различия, наиболее ярковыражены, взаимная критика, неприязнь и враждебность, поколения. Ценностные различия в наибольшей степени проявляются именно в возрастных группах. Исследованиям таким центрами устойчиво фиксируется полюс ценностей, связанные с возрастным критерием «младость – старшее поколение». Если же среднего возраста во всем параметрам относятся к молодежи, по другим – к людям старшего возраста¹.

- Pro-European Choice // *The EU & Ukraine: Neighbours, Friends, Partners?* Ed. A. Lewis, L., 2002; *Мировая Н.* The Making of the European Union's Strategy on Russia // Ed. H. Haakkola, S. Medvedev, *Learning the Grammar of the CIS?* Helsinki: Berlin, 2001.
1. См.: *Лавров В.* От империализма к империализму // *Российский Вестник* 2001. Т. 8, Вып. 5. С. 7-24.
2. *Александр У.* *Уютная Россия*. С. 51.
3. *Розинштейн С., Рашкин В.* Problems and Prospects of Russia's Accession to WTO // *Russian-European Centre for Economic Policy*, 2001, Sept. P. 23.
4. *Самсонова Е.* Вектор интеграции // *Вестник* 2004. № 6. С. 19.
5. См.: *Буднев Ю.* The Union's Economic Policies toward Russia // *The EU & Russia: The Promise of Partnership*, Ed. J. Pridler, Ju. Shishov, L., 2002, P. 19-26.
6. *Шинкаревская О.* Энергетический диалог: переход и конструктивный диалог // *Вестник* 2003. № 35. С. 11.
7. См.: *Давыдов Ф.* *Вопросы интеграции* // *Вестник* 2003. № 5. С. 5-20.
8. *Тришневичев В.* *Визия*. С. 95.
9. *Авдеев В.* Transient security and regionalism // Ed. O. Henri, A. Aidi, *Russian Empire and Regionalism: Strength through weakness* - L., 2003. P. 63-81.
10. *Майоров Г.К.* The Northern Dimension: A Policy in Need of an Institution // *The Baltic Area Studies*, 2001. № 3.
11. См.: *Тарасов В.* Россия и страны Восточной Европы в процессе мультилатеральной интеграции // *Вестник* 2004. № 7. С. 50-63.
12. *Худяков В.* *Уютная Россия*. С. 24.
13. *Ковалева Н.* *Уютная Россия*. С. 6.
14. *Тришневичев В.* *Организм*. P. 120.
15. *Там же*, P. 11.

Слово молодым политологам

УДК 37.013.78

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.А. Самсонова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: samsonova.elena@yandex.com

В статье обоснована актуальность исследования ценностных ориентаций современной российской молодежи, сформировавшаяся в результате кардинальных реформированных общества в 1990-е гг. и являющаяся основой «поколенческого разрыва». Осуществлен анализ методов исследования структуры ценностей современной российской молодежи, наиболее эффективными среди которых автором выделены факторный анализ и метод главных компонент.

Methods of Russian Young People's Value Orientations Research

E.A. Samsonova

The author of the article proves the topicality of appealing to the research of Russian present-day young people's value orientations that were shaped as a result of the fundamental reforms that took place in the 90s of the last century and provided a basis for «the generation gap». The analysis of Russian present-day young people's value orientations research methods has been put into context. Factor Analysis or Principal Components Analysis method is thought to be one of the most effective among others.

«Конфликт отцов и детей», «поколенческий разрыв», «импроброкарестический раскол между возрастными группами» – в таких терминах определяются черты из наиболее универсальных социаль-

ных конфликтов, устойчиво воспроизводящихся во все времена и во всех обществах. Основу конфликтов этого вида составляют индивидуальные и групповые различия в убеждениях, установках, представлениях молодежи и старших возрастных групп. Обострение поколенческих конфликтов способствует радикальному изменению социаль-но-экономических условий, политические катаклизмы, порождающие различия в политических позициях, целях и интересах. Радикальные преобразования нарушают преемственность поколений, культуру, процесс социализации, определяющий формы ценностей и их трансляции.

Основу поколенческого разрыва составляет разрыв ценностных ориентаций различных поколений. Чем они существеннее, тем острее различия, наиболее критично проявляясь, взаимная критика, неприязнь и враждебность поколений. Ценностные различия в наибольшей степени проявляются именно в возрастных группах. Исследованиями автором выявлено устойчиво фиксируется наличие ценностей, связанных с возрастным критерием «молодежь – старшее поколение». Если же среднего возраста во одним параметром постоит к молодежи, по другим – к людям старшего возраста¹.

Разрыв ценностных ориентаций имеет несколько аспектов: социальный – характеризует отношение государства к поколениям, акты поддержки и заботы; экономический – включает уровень и профессиональную структуру занятости поколений в различных сферах трудовой деятельности; бытовой – отражает различия в условиях повседневной жизни поколений; культурный – касается различий в уровне образования, стилях поведения, культурных наследиях и, наконец, политический – характеризует отношения между поколениями в свете власти, участие в работе партий и политических движений, симпатии и антипатии, проявляемые по отношению к политическим лидерам, идеологам, отношению к реформированию государства⁷.

Проблема поколенческих и ценностных разрывов наиболее актуальна для российского общества, пережившего в 1990-х гг. революционные трансформации всех сфер общественной жизни. Если в западных обществах фиксируется «межпоколенческий сдвиг в структуре ценностей», основанный на процессах постепенной замены ценностей, то в России имеет место «межпоколенческий разрыв», возникающий в результате революционных изменений в обществе. Индивидуально-групповые ценности представляют собой надежный индикатор социально-политических трансформаций, особенно в периоды обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев общества. Устойчиво воспроизводимые ценностно-поколенческие разрывы в обществе связаны с его кризисами и бифуркациями⁸. В процессе реформирования в постсоветский период многие институты социализации были разрушены, трансформировался характер информационного воздействия на молодежь со стороны государства. Однако социально-политическая ситуация в стране во многом будет определяться тем, воспримет ли молодежь ценности и идеалы.

Под «ценностями» понимаются социально и культурно значимые для личности или группы явления действительности. Ценности, являясь важнейшими элементами внутренней структуры личности, закрепляются жизненным опытом, отграничивают личное для данного человека от несущественного. Ценности определяют «как глубоко укоренившиеся в сознании инстинктивные мотивы и ориентации, определяющие установки, нормы и мысли, которые, в свою очередь, регулируют или направляют человеческое поведение или, по крайней мере, «ветят ему»⁹. Совокупность устойчивых ценностей абстрагирует определенную тип поведения, интентурует деятельность человека. Непротиворечивая совокупность ценностей обеспечивает целостность и целостность личности. Противоречивые друг другу ценности порождают непоследовательность в поведении¹⁰.

В силу того, что в выборе личного поведения участвуют не только ценности, но и другие

определив, и это понятие. Политические ценности могут быть определены как транзитивные идеи, служащие руководящими принципами в практической деятельности¹¹ или «обобщенные представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в восприятии политической действительности, влияют ориентацию их действиям и поступкам во всех сферах жизни и в значительной мере формируют «жизненный стиль» общества. Система или совокупность доминирующих ценностей в конкретизированном виде выражает особенности культуры и исторического опыта данного общества¹². Под политическими ценностями мы понимаем совокупность идей, представлений, установок, стереотипов, переживаний, чувств, определяющих целесообразные, выбор средств и методов деятельности¹³. Классическим является определение системы политических ценностей, как глубоко укоренившихся в сознании мотиваций, или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике, – как политической культуры¹⁴.

В контексте данного исследования более приемлем термин «ценностные ориентации», с помощью которого обозначают систему индивидуально-групповых установок, убеждений, предпочтений, выраженных в поведении¹⁵. Во всех приведенных определениях присутствует эвристическая связь политических ценностей и поведения в политике.

Существуют большие трудности в определении структуры индивидуально-групповых политических ценностей. Определение и структурирование политических ценностей – это область разнообразных субъективно-высказанных исследовательских стратегий. В 1950-х гг. Т. Парсонс и С. Шпиз, а в 1960-х гг. Е. Алмонд и С. Верба исследовали систему политических ценностей в соответствии с когнитивными, аффективными и оценочными ориентациями¹⁶. Ценности авторитарного и демократического типа в структуре характера с помощью факторного анализа в 1950-х гг. изучал Э. Асерио. Он пришел к выводу, что основу каждого типа характера составляет определенный набор ценностей, определяющих поведение личности в политике. Анализ делится на разработку методов латентного измерения структуры характера¹⁷.

Универсальным способом измерения политических ценностей остается техника опроса, которая на сегодняшний день разнообразно представлена в работе различных исследовательских центров. Именно стандартные опросные процедуры представляют собой наиболее эффективный способ измерения количественных показателей, убеждений, установок, характерных для общества в целом или отдельных групп. Иногда авторам предлагается довольно архаичный набор ценностей, позволяющий

которых является, по их мнению, молодежь. Такие исследования представляют интерес, как экспериментальные, предлагаемый набор ценностных признаков в сочетании с портретом современной молодежи, может концептуально обобщивать системы. Однако реже структурирование представляется в соответствии с теоретически разработанными моделями ценностей. Именно эти исследования представляют наибольший интерес. Итак, в случае концептуального измерительного анализа измерение ценностей предполагает разработку методики их измерения. Социологическое исследование ценностей предваряет теоретически разработанным модель.

С этой точки зрения представляется интерес модель измерения ценностей молодежи Ш. Ингарта. В результате отбора ценностей из различных культур и на основе анализа разнообразных портретов автором было выделено 57 ценностей личности, в дальнейшем структурированных в 19 мотивационных типов в соответствии с общностью целей: власть, достижение, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность. Далее, в рамках теории динамических отношений, система ценностей концептуально организуется в бинарные оси измерения.

Первое измерение включает, с одной стороны, открытость изменениям (самостоятельность и стимуляция), а с другой стороны, консерватизм (безопасность, конформность и традиции). Второе измерение включает, с одной стороны, власть и достижение, а с другой – универсализм и доброту. На основе теоретической модели ценностей был разработан опросник, пригодный для исследования как групповых, так и индивидуальных ценностей. Опросник представлял собой набор слов, характеризующих каждую из 57 ценностей. Respondентам предлагалось по семисеальной шкале оценить степень значимости ценностей как руководящего принципа их жизни¹⁴.

Для российской молодежи, например, наивысшей ценностью оказалась самостоятельность молодежи и выбора способов действия в творчестве и исследовательской деятельности. Второе место в рейтинге заняла безопасность для себя и для других, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Третьей по значимости оказалась доброта или благоволение и общечеловеческое общение с близкими людьми, включающая лояльность, симпатичность, честность, ответственность. Четвертое место в ранговой структуре ценностей российской молодежи заняла достижение, трактуемое как личный успех через проявление символической компетентности. В числе наименее значимых оказались достижение контроля над людьми или ресурсами и соблюдение гражданства¹⁵.

Интересно известны исследования Р. Ингелхарта, основанные на данных проектов под названием

«Всемирные сферы ценностей». Его техника измерения ценностного пространства включена в определение соотношения традиционной власти и ее социально-романтистические формы, с одной стороны. Различия между иерархичностью, авторитарностью, являются факторами, определяющими отношение к государству, власти, национализму и т.д. с другой стороны. Базовым фактором является соотношение между ценностями самосохранения и личностными самовыражения, которые определяют отношение личности к общественному порядку, борьбе с инфляцией, коррупцией, индивидуальному благосостоянию, межличностному доверию, личностную активность, толерантность. Во всех постсоветских странах коммунизм оставил глубокий отпечаток на системе ценностей тех поколений, кто жил при нем. Молодежь более свободна от «какой-либо» идеологии, хотя именно в молодежьей среде фиксируется возврат к традиционным ценностям¹⁶.

По мнению Р. Ингелхарта, характер и развитие политических систем в стране тесно связаны с состоянием ряда социально-психологических характеристик общества, которые он обозначил как «базисный стержень взаимосвязанных установок». Он имеет три измерения: «удовлетворенность», «доброе» и «поддержка изменений». Удовлетворенность жизнью, согласно исследованиям автора, достоверно коррелирует в первую очередь с экономическим положением и практически не связана с типом политической системы и режима. Доверие складывается из политического и межличностного. В первом случае речь идет о доверии к существующей власти, ее институтам, лидерам. Во втором случае – о межличностном доверии. Отношение граждан к революционным изменениям общественного порядка составляет треть измерения синдрома. Массовая поддержка или революционных изменений свидетельствует о неблагоприятной ситуации в стране. Отсутствие такой поддержки означает привязанность существующему общественному порядку. В совокупности три измерения отражают позитивное или негативное отношение человека к окружающему миру, поддержку или сопротивление установленному и развитию демократической или авторитарной системы¹⁷.

В России модели, аналогичные вышеописанным, разработаны В. Рукавицниковым. Согласно его модели, факторная структура ценностей представлена в виде пяти измерения. Анализ распределения по наиболее важным параметрам позволяет судить о наличии в обществе ценностного согласия или раскола. Ценности для автора – это прежде всего теоретический концепт. Он определяет их как «доступные для наблюдения, глубоко скрытые общие привычки, лежащие в основе мотиваций, установок или ориентаций, направляющих действия»¹⁸. При этом реальное поведение может быть результатом взаимодействия нескольких ценностей. Их не столько сложно

выделить, эмпирически, сколько сложно интерпретировать на теоретическом уровне. Методы факторного и многомерного анализа позволяют выделить группы взаимосвязанных переменных и заменить их одной комплексной, специально сконструированной, называемой фактором или главной компонентой.

Первая ось упорядочивает группы по характеру их идеологических ориентаций и отношению к социально-политическим изменениям в стране. У одного полюса ось располагается сторонами порядка стабильности и равенства, группы людей с ориентацией на традиционные русские и коллективистские ценности, «левый» коллективизм и коммунизм, а у второго - стороны перемены и свободы, группы с либеральными установками, индивидуальности, «правый идеология». В центре находятся национал-патристические ценности.

Второе измерение упорядочивает группы на основе психоэмоциональных оценок происходящего. На одном полюсе находится то, что не удовлетворяет переменам, разочарован. На втором - группы, благожелательно воспринимающие перемены, tolerantные. Между центром и полюсами «поддержки» располагается молодежь. Наибольшие ценностные различия фиксируются в позициях молодых и пожилых людей по проблемам политики, морали, национальной безопасности. Двухмерно-среднеполюсовым образом оценивают прошлое, настоящее и будущее группы, различающиеся возрастом. Авторы приходят к выводу о том, что носителями либеральных ценностей и созидательного настроения относительно и происходящему чаще всего являются молодые люди. Наиболее значимым является идеологический ценностный конфликт по линии - новая и старая система ценностей. Характерными особенностями новой системы ценностей является индивидуализм, утрата чувства долга - связанная с другими людьми, патристизм и гедонизм, личностная ориентация, доминирование частных интересов над общественными. Элементами старой системы ценностей являются тоска по старым добрым временам, увеличение ответственности и ответственности государства за благополучие граждан, разочарование, фрустрация и неудовлетворенность эклектикой¹⁵.

Центром социального прогнозирования на протяжении ряда лет проводится обзорное исследование структуры молодежных ценностей: мировоззрения, правового сознания, молодежных субкультур, влияния религий, экстремистских настроений¹⁶. В результате исследования были выделены пять ценностей, в наибольшей степени мотивирующих поведение современной молодежи. Система молодежных ориентаций находится в переходной социальной ситуации. Мотивационной основой поведения большинства молодежи является мораль (80%). На втором месте по значимости оказалась религиозно-этическая толерантность (48%). Третье и четвертое место в

рейтинге заняли чувство долга и стремление сделать карьеру (по 26%). Самой низкой по значимости оказалась фактор единства-правовой культуры (17%). Идеологически свое отношение мотивирует лишь 37% молодежи. Их можно отнести к числу людей неустрашенных, определивших свой жизненный путь самостоятельно. При этом на первом месте оказались такие ценности, как семья, дружба и близкие (24%), на втором - желание сделать карьеру и раскочевать (7%) и лишь 6% руководствуется такой ценностью, как служение Отечеству¹⁷.

Таким образом, в каждом исследовании характер структурирования ценностей организуется и субъективен. Изучение ценностей предполагает создание модели, важнейшим элементом которой является именно структурирование ценностного пространства личности или группы. Общим для всех методов является невозможность применения классификации, редукции и факторного анализа. Классификация применяется для группировки личностей по одному или нескольким ценностям. Однако в силу их большого количества и разнообразия, используется факторный анализ, смысл которого заключен в поиске ценностей или групп ценностей, которые можно было бы объединить в «факторы». Объединение происходит на основе принципа редукции¹⁸. Таким образом, факторы представляют собой совокупность ценностей и не могут быть измерены напрямую. Они позволяют объяснить различные социально-политические явления и поведенческие реакции на события¹⁹. Проблема сочетания ценностей, образующих «факторы», решается в каждом исследовании своеобразно. Общим является лишь то, что «факторы», или главную компоненту можно понимать как группу тесно взаимосвязанных индивидуально-групповых ценностей, формально представляемых в виде всей измеренной, посредством которых упорядочивается и структурируется ценностное пространство российской молодежи.

Примечания

- 1 См.: Урнов М., Касьянов В. Современная Россия: жизнь и смерть. М., 2005. С. 111.
- 2 См.: Социологическая анкета: декабрь 2003 г. С. 310.
- 3 См.: Касьянов В. Постмодерн: возможные ценности в постмодернистском обществе // Вестник. 1987. № 4. С. 6.
- 4 См.: Шамахова Н. В. Социология молодежи: методология организации социологии современного российского общества. Саратов, 2000.
- 5 Бухаринцев В. О., Лещин Н., Утегов И. Политическая культура и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 92.
- 6 См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765.
- 7 См.: Касьянов В. Российские и американские ценности личности: сходство и различие (на примере

студентов // Россия: евроамериканские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 81.

1) *Добсон В., Дэвис В.* Эволюция личности: предсказаний личности в 1990-е годы. М., 1997; *Дэвис В.В.* Массовый анализ личности: личность россиян // Социал. 1996. № 5.

2) См.: *Психология. Энциклопедический словарь.* М., 1996. С. 391.

3) См.: *Алексеев С., Верби С.* Традиционная культура // Академия гуманитарных наук. 1997. № 3. С. 594.

4) См.: *Балабанов Энциклопедический словарь.* М., 1997. С. 1336.

5) См.: *Васильев Т.* Социальная психология. М., 1998; *Алексеев С., Верби С., Ушаев С.*

6) См.: *Абдурашидов Т.* Исследования авторитарной личности. М., 2001. С. 9.

7) См.: *Карпачевская В.И.* Механика Шерри для изучения личности личности: концепция и методические рекомендации. СПб., 2004.

8) См.: *Карпачевская В.* Россияне и американцы: концеп-

ция личности. // *St. Schwann S.H. Values: Handbook of Cross-Cultural Psychology.* Boston, 1997.

9) См.: *Ильин Е.П., Ильин Е.К.* Милитаризм, милитаризация личности и устойчивость традиционных ценностей // *Безопасность демократии.* М., 2006. С. 144.

10) См.: *Ильин Е.П.* *Идеализм.*

11) См.: *Давыд В.И.* Коллективизм в общественном сознании // *Социал.* 1996. № 7. С. 807-815; № 10. С. 141-152.

12) См.: *Бухаринцев В.О., Алексеев В., Давыд В.* *Уши сов.* С. 262.

13) См.: *Ильин Е.П.* *Принципы воспитания молодежи.* // *Государство молодежи, проблемы и решения.* М., 2005. С. 217.

14) Там же. С. 214.

15) *Принципы воспитания молодежи* собой записанные процедуры следения занятию в более престижных формах выражения, обобщенными по Ильину.

16) См.: *Климова И.И., Бухаринцев В.О.* *Вопросы прикладного этнопсихологического анализа.* М., 1987.

ЖУР. 326

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Аржаев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: eab@yandex.ru

В статье рассмотрены понятие и сущность институционального имиджа и технология их использования на примере политических партий и легитимация института «президентства» в современной России.

Political Institute Image as a Factor for Authority Legitimation in Modern Russia

E.V. Arzhaev

The paper considers the concept and specificity of institutional image and technology of their use with political parties and legitimation of the presidency institute in 2000 and now in Russia.

Преобразование политической системы России в 2000-е гг. актуализировало проблему образа власти в массовом сознании и его формирования и поддержания информационно-коммуникационными технологиями. Отмечается, что специфическое восприятие российскими гражданами феномена власти и ее отдельных институтов активно и целенаправленно использовалась действующей законодательной властью в ходе создания благоприятной социальной среды для политический реформ и укрепления «вертикали власти».

Формирование положительного имиджа государственных властных институтов (прежде всего, Президента Российской Федерации), как и позитивного образа эволюционных преобразований в целом, стали важными процессами в условиях для информационно-коммуникационного воздействия на российское общество с целью повышения уровня доверия и легитимности трансформируемых политических институтов. Институциональный имидж приобрел также особое значение в связи с многопартийной системой и изменением места и роли институтов партий и политической жизни современной России.

Безоговорочная победа «Единой России» на выборах 2 декабря 2007 г. еще раз подтвердила значимость имиджевых технологий для повышения рейтинга и легитимации партий как основных участников избирательного процесса и других политических институтов избирательной системы: выборов, парламента, правительства, судебных органов).

Институциональный имидж часто трактуется исследователями как образ, целенаправленно формируемый институтом власти, трансформируемый на общественное сознание и артикулируемый обще-

судитории // Восточно-американские отношения в условиях глобализации. М., 2015. С. 83.

⁶ Давыдов В., Давыдов В. Эволюция половых ориентаций россиян в 1990-е годы. М., 1997. *Литература* // И.И. Модераторова. *Безопасность личности россиян в XXI в.* СПб., 1999. С. 3.

⁷ См.: Давыдов В. Психологический словарь. М., 1996. С. 391.

⁸ См.: Давыдов В., Давыдов В. Гражданская культура // Авторитет политический власти. Вып. 1. М., 1997. Т. 2. С. 594.

⁹ См.: Бонифаций. Франкоязычный словарь. М., 1997. С. 1539.

¹⁰ См.: Давыдов В. Социальное униформирование. М., 1998. *Литература* // Давыдов В. Указ. соч.

¹¹ См.: Давыдов В. Исследования авторитарной диктатуры. М., 2004. С. 9.

¹² См.: Карповичев В.И. Методика Шварца для изучения ценностей, ценностей, мотивации и методического руководства. СПб., 2004.

¹³ См.: Карповичев В. Россияне и интернациональные ценности

или авторитет. СПб., *Литература* // В.И. Карповичев. *Handbook of Cross-Cultural Psychology: Boston, 1997.*

¹⁴ См.: Давыдов В., Давыдов В.И. Мотивация, устойчивость личности и устойчивости транзитивных ценностей // *Теория и практика демократии*. М., 2009. Т. 1, №4.

¹⁵ См.: Давыдов В., Давыдов В.И.

¹⁶ См.: Давыдов В.И. Конфликт и общественное мнение // *Социал.* 1991. № 7. С. 147-149, 16-10. С. 144-152.

¹⁷ См.: Рудоминская В.О., Давыдов В., Давыдов В. *Указ. соч.* С. 263.

¹⁸ См.: Шварц Ш. Э. Приемы воспитания молодежи // Российские молодежь: проблемы и решения. М., 2004. С. 212.

¹⁹ Там же. С. 214.

²⁰ Принцип результатов представляет собой конкретные факторы, связанные с личностью и более широкими формами поведения, объективным результатом.

²¹ См.: Карповичев В.И., Рудоминская В.О. *Указ. соч.* Формирование сплоченности лидера. М., 1982.

ЭЖ ВЕК

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Аржаев

Самарский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: arzhayev@rambler.ru

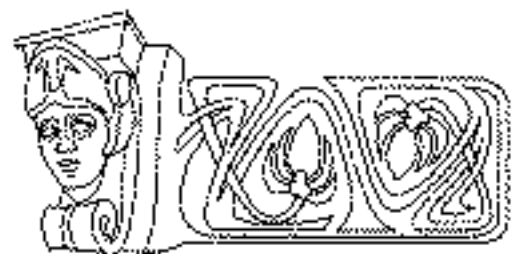
В статье рассмотрены понятия и специфика институциональных имиджей и технологии их использования на примере политической партии и легитимации институтов «сверхличности» в современной России.

Political Institute Image as a Factor for Authority Legitimation in Modern Russia

E.V. Arzhaev

The paper considers the concept and specificity of institutional images and technologies of their use with political parties and legitimation of the successorship institute in 2007 and now as an example.

Преобразование политической системы России в 2000-е гг. актуализировало проблему образа власти и миссию создания в его воспроизведения в имиджевых информационно-коммуникационных технологиях. Очевидно, что специфическое впечатление российских гражданками феномена власти к ее отдельным институтам активно и целенаправленно осуществляется действующей исполнительно-властной в ходе создания благоприятной социальной среды для политических реформ и укрепления «вертикали власти».

Формирование положительного имиджа государственных властных институтов (прежде всего, Президента Российской Федерации), как и позитивного образа провозглашенных преобразований в целом, стали важнейшей предпосылкой и условием для информационно-коммуникационного воздействия на российское общество с целью повышения уровня доверия и легитимности трансформируемых политических институтов. Институциональный имидж трансформации также особое значение в связи с двойной партийной системой и изменением места и роли института партии в политической жизни современной России.

Безоговорочная победа «Единой России» на выборах 2 декабря 2007 г. еще раз подтвердила значимость имиджевых технологий для повышения рейтинга и легитимации партий как основных участников избирательного процесса и других политических институтов (избирательной системы, выборов, парламента, исполнительной, судебных органов).

Институциональный имидж часто трактуется исследователями как образ, целенаправленно формируемый институтом власти, транслируемый на общественное сознание и артикулируемый обще-

ствояным мнением¹. На наш взгляд, данное определение требует уточнения, так как в нем не учитывается, что информационно-коммуникационное формирование образа какого-либо конкретного политического института происходит в конкурентной политической среде и сталкивается с множеством другой информации, которая несет разновекторный характер и влияет на формирование образа.

Другая трактовка образа представляет его как целенаправленно созданную или стихийно появившуюся форму отражения объекта в сознании людей². В этом случае речь идет именно об актуализированном имидже, сформированном в результате конкурентного информационно-коммуникационного воздействия сторонников и оппонентов данного политического института, а также стихийно действующих факторов внутренней и внешней среды (внезапных политических событий, экономических процессов, социальных конфликтов, природных катаклизмов, катастроф и т.д.). Не остается открытым вопрос о соотношении поставленных целей и полученных результатов.

Наиболее адекватным определением институционального имиджа является его трактовка как специально проектируемого, основанного на особенностях деятельности, внутренних закономерностях, свойствах, достоинствах, качествах и характеристиках образа, который целенаправленно инсценируется в сознание (подсознание) целевой аудитории, соответствует ее ожиданиям³. Но при этом институциональный имидж, так же как и персональный, не является чем-то однажды заданным и неизменным – он динамичен, его атрибуты преобразуются, взаимодействуют в соответствии с изменениями в самом носителе и во внешней среде⁴.

Любой институциональный имидж представляет собой более сложное структурное образование, нежели персональный имидж. Например, имидж Президента Российской Федерации В.В. Путина – это не просто имидж, имеющий определенные физические, социальные и психологические характеристики. Кроме того, он включает в себя достаточно сложную правовую, инфополитическую, символическую и символическую составляющие – Дина государства, Гарант Конституции, Верховный суд, Верховная власть, гарант общественной стабильности, гарант единства России, общеполитический лидер, представитель России за рубежом, «спаситель людей», «высшая инстанция», «коллегиальное высшее звено», «высший судья», «барьер коррупции» и др.

Подобному созданию устойчивого имиджа – обязательной и долговременной процесс, особенно с учетом решения задачи по формированию отрицательной репутации. Важное место в этом процессе занимает задача формирования репутации института. В связи со сложностью структуры институционального имиджа имеют место все

три уровня легитимации: персонализированный, идеологический и собственно институциональный. Процессы легитимации на всех трех уровнях являются важнейшей составляющей агитационно-пропагандистской деятельности любого политического института.

В целом, образы власти складываются не только под влиянием комплекса политических событий, в результате информационно-коммуникационного воздействия, но и на основе традиций национальной политической культуры, тех архетипов, которые существуют в массовом сознании. Следовательно, работа по формированию институционального имиджа направлена прежде всего на поддержание или, если это необходимо, корректировку оценки деятельности института – субъекта формирования имиджа, выражаемой в общественном мнении. Например, за последние несколько лет огромная количество политических и информационно-коммуникационных ресурсов власти было потрачено на легитимацию такого неофициального, но значимого и вполне эффективного политического института, как «пресмищество». Причем его содержательные начала в 2007–2008 гг. приблизительно отличаются от ситуации 1999–2000 гг. Стратегическими и ответственными легитимация «пресмищества-2000» осуществлялась на контрасте с В.И. Ельциным, на отрицании не только его политического курса, но и образа. В тех условиях внедрение самого института «пресмищества» осуществлялось на достаточно медленном (в основном, пассивном) социальном уровне. Предшествующий период вырочкой и всемерной политической конкуренции, деавторизации свободных выборов как основы формируемой демократии противоречил самому существу данного феномена, который предполагает централизованное управление процессом переизбрания властных институтов и прежде всего Президента России. Населению в этом случае с помощью процедуры выборов отводится роль формального «утвердителя» конституции, отобразившей действующим главой государства.

Внедрение данного института стало успешным лишь на основе достаточно быстрого формирования имиджа В.В. Путина, основанного на контрастном противопоставлении различных его качеств в отставку президентом: «старый – молодой», «интерактивный – выдержанный», «аксакал – свободный и независимый», «несколько языков», «парламентаризм – разделение», «ответственный за результаты реформ 1990-х гг. – лидер новой волны», «царь всея Руси – барьер с коррупцией», «архидиакон – СССР – государственный», «идея – консерватор» и т.д. По сути, процесс легитимации «пресмищества» представлял собой формальное отражение нового уровня легитимности В.В. Путина.

«Пресмище-2008» авторитетизируется и легитимируется не только на подтверждении им-

неданного курса действующего президента, но и в прямом сопоставлении (или развитии) его основных политических, экономических и социальных характеристик: «младой» – «старый молодец», «функциональный лидер» – его ближайший соратник, «индивидуатор» – «институционализатор» – ответственной за конкретные направления, «государственник», «деревенщик», «патрист», «сторонник укрепления единства России», «сторонник украинских армий» и т.д. В массовом сознании укрепляется стереотип «кремника» в полном смысле этого слова. Для этого выстраивается четкая структура атрибутов действующего президента: «Вы доверитесь мне и моей политике. Свидетельством тому стало голосование за «Единую Россию» в декабре 2007 года. Но я не могу найти в этот срок, как как выступить за необходимость основных конституционных норм. Поэтому я предлагаю вам проголосовать за моего кремника, которому я доверяю как своему соратнику и единственному человеку, как человеку, который уже продемонстрировал свои высокие профессиональные и человеческие качества». Тем самым используется самая простая, но высокоэффективная технология институционализации и легитимации данного политического феномена. Его общественная полезность и эффективность объясняется для рядового гражданина как единственно возможный способ обеспечения общественной стабильности, преемственности политического курса, доведения до конца экономических и социальных программ. Для этого в информационно-коммуникационном пространстве на массовое сознание стремится к тому, чтобы информация о функционировании кремника и результатах его деятельности была простой, доступной, соответствовала уровню политической знаний большинства населения.

По мнению исследователей, необходимо учитывать, что институциональный имидж, чтобы быть успешным, должен отвечать ряду условий². Во-первых, он должен формироваться не по конкретную сиюминутную задачу, а под широкую политическую перспективу (обеспечение преемственности власти в решении важнейших внутренних и внешнеполитических задач).

Во-вторых, он должен быть прозрачным, фрагментарно-реалистичным, т.е. содержать черты, одновременно воспринимаемые как принадлежащие реальному миру. Его характеристики должны быть оптимально построены под конкретные слои общества. Лучшее всего, когда в имидже власти одновременно присутствуют «хорошие слова» (которые гарантируют стабильность, строгости, но справедливости, готовности взять на себя ответственность, навести порядок) и «хорошие материалы» (которые гарантируют защиту, социальные гарантии, заботу об обездоленных).

В-третьих, такой имидж должен соответствовать социальным ожиданиям масс, которые проявляются двояко: как право ожидать соответствующего поведения и как обязанность власти

себя в соответствии со статусом субъекта власти. Данная характеристика является особенно значимой для деятельности любого политического института. Социальные ожидания формируются на базе восприятия того, что есть, с тем, как хотелось бы». Чем больше это восприятие, тем меньше степень легитимности и тем сильнее желание иметь новую власть.

Результаты деятельности институтов власти являются одним из самых значимых объективных факторов формирования институционального имиджа. В зависимости от того, насколько эти результаты соответствуют ожиданиям и ожиданиям населения (или вступают с ними в противоречия), этот фактор может оказывать положительное или отрицательное влияние на процесс формирования и изменения имиджа институтов власти. Следует учитывать, что имиджевое воздействие даже самой высокой интенсивности будет давать только краткосрочный эффект, если формируемый образ не подкрепляется конкретными действиями и результатами деятельности субъекта формирования имиджа. При наличии широкого спектра положительных результатов институт получает в большее количество информационный поводок для связи с населением через средства массовой информации или любым другим способом, посредством которых и осуществляется имиджевое воздействие. В результате, информационное преподнесение успехов представляет собой лучшее средство для легитимации. Кроме того, институциональный имидж должен характеризоваться динамичностью и изменчивостью. Власть воспринимается способной реагировать на проблемы населения тогда, когда она доступна, когда к ней можно свободно обратиться, высказать, рассказать о своих проблемах и получить не только сочувствие, но и содействие в их решении.

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что в отношении политических институтов институциональное имиджевое воздействие является решением две стратегические задачи: достижение (удержание) власти и обеспечение ее функционирования. В зависимости от конкретных характеристик институционализированных субъектов политик, наделенных в своих действиях на различные органы власти, меняются инструментальные цели исполняемых ими имиджевых технологий.

Например, в зависимости от классификации партий с точки зрения их целей и задач, внутренней организации партийной жизни, идеологических и иных характеристик разнятся и стратегии формирования соответствующего образа легитимной власти в ее основных институтах.

Для оппозиционных субъектов политика главной задачей будет формирование позитивных образов существующих институтов власти в тех формах и методах, которые данные институты исполняют в реализации своих функций. Деятельность такой союзнической значимости и

возможности действующей власти возмущены задачей ее делегитимации в массовом сознании для того, чтобы обосновать претензии оппозиции на власть. Степень радикальности в формировании таких контртенденций определяется степенью и характером оппозиционности. Крайний случай – когда общественно повергается не только действующие органы государственной власти, но и вся политическая система в основообразующие нормы и принципы, на основе которых она действует. В этом случае формируется образ власти как «инструмента зла», которому нужно устранить любыми способами и заменить новой системой общественно-политических отношений. Важнейшую роль в данном процессе играет критика процедурных и нормативно-правовых оснований легитимности действующих политических институтов. Институт и процедура выборов представляются как демократическая «декорация», реально представляющие собой механизм прихода к власти «внутренних кандидатов» и партий. Главным условием победы в этом случае выступает фактор, обеспечивающий политические интересы крупных олигархов. Свобода слова трактуется как инструмент манипулирования массовым сознанием и формирования заранее подготовленного общественного мнения для целенаправленного информационно-коммуникационного воздействия на избирателей и достижения необходимого результата.

Конкурирующие субъекты политики, ориентированные конституционно-правовые основы существующей политической системы, акцент делают на неопределенности (и соответственно не-

легитимности) отдельных действий и программ своих конкурентов, не подвергая при этом делегитимации сами политические институты.

Действующим политическим институтам акцент делают на соответствии своей деятельности и своих программ интересам широких социальных групп. Практика последних лет указывает, что в современной России в условиях неопределенности пресловутого административного ресурса, в том числе и в сфере информационно-коммуникационных отношений, данная стратегия осуществляется довольно успешно. Однако надо признать, что этот успех был невозможен без стабилизации социально-экономической ситуации в стране, без достижения определенных успехов в ряде сфер жизни общества.

Примечания

1. Румянцев В.Р. Социфика формирования имиджа власти и государства: социологический аспект: Дис. ... канд. социол. наук, Екатеринбург, 2004. С. 16.
2. См.: Селевко Л.В., Александр Е.А. Политология и этика менеджмента и бизнеса, М., 2000. С. 86–87.
3. См.: Давыдов А.В. О существе понятия «политический миф». Ежегодник Российского политологического общества, 2002. Том 9, вып. 2, С. 76.
4. См.: Понтевич Г.Г. Профессия имиджмейкер Киев, 2001. С. 98.
5. См.: Власов С.В. Имиджевые технологии на выборах регионального уровня в современной России: Дис. ... канд. полит. наук, Саратов, 2006. С. 45–54.

УДК 32.016.51

ИНСТРУМЕНТЫ САКРАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ

Т.М. Захарова

Саратовский государственный университет,
кафедра политической науки,
E-mail: tml@yandex.ru

Сакрализация политической власти зачастую опирается на политический миф, используя его в качестве одного из основных инструментов взаимодействия с массой. В рамках этой статьи рассматривается проблема представления как в политическом, так и в антропологическом дискурсе.

The Instruments for Sacralization: Political Myth

T.M. Zakharova

The sacralization of political authority often takes its root in political myth using it as one of the main instruments for interaction upon the masses. In this paper the problem is attacked not only from a standpoint of political science, but from an anthropological standpoint too.

Прежде чем перейти к рассмотрению данной проблемы, следует четко определить, что же мы понимаем под словом «сакрализация». Этот термин по своему происхождению не лингвистический, а заимствован из теологии, в смысле, который он обретает при применении его в политическом дискурсе, поскольку означает от вероисповедания. Сакрализация (лат. – sacer) – священное, святое, посвященное безвестности, неприкосновенное, неприкасаемое, священство (ср. лат. sacerdos – священник), нечто, относящееся к области религии, тайное, запретное, в благом смысле почитаемое, наделяемое нравственным совершенством; священное и неприкосновенное профанному (лат. profanus – несвященный) – непочтительно-

возможности действующей власти вочленив задачу ее делегитимации в массовом сознании для того, чтобы обосновать претензии оппозиции на власть. Степень радикальности в формировании таких контрмифов определяется степенью и характером оппозиционности. Крайний случай – когда сомнению подвергается не только действующие органы государственной власти, но и вся политическая система в основополагающие нормы и принципы, на основе которых она действует. В этом случае формируется образ власти как «внутреннего врага», которого нужно устранить любыми способами и изменить новой системой общественно-политических отношений. Важнейшую роль в данном процессе играет критика процедурных и нормативно-правовых оснований легитимности действующих политических институтов. Институт и процедура выборов представляются как демократическая «декорация», реально представляющая собой механизм приведения к власти «лучших» кандидатов и партий. Главным условием победы в этом случае выступает финансовый фактор, обеспечивающий политические интересы крупных олигархов. Свобода слова трактуется как инструмент манипулирования массовым сознанием и формирования мнимого подконтрольного «общественного мнения» для целенаправленного информационно-коммуникационного воздействия на избирателей и достижения необходимого результата.

Конкурирующие субъекты политики, признающие конституционно-правовые основы существующей политической системы, акцент делают на непопулярности (в соответствии не-

легитимности) отдельных действий и программ своих конкурентов, не подвергая при этом делегитимации сами политические институты.

Действующие политические институты акцент делают на соответствии своей деятельности и своих программ интересам широких социальных групп. Практика последних лет показывает, что в современной России в условиях пересмотра пресловутого административного ресурса, в том числе и в сфере информационно-коммуникационных отношений, данная стратегия осуществляется довольно успешно. Однако надо признать, что этот успех был бы невозможен без стабилизации социально-экономической ситуации в стране, без достижения определенных успехов в ряде сфер жизни общества.

Примечания

1. Рувалько В.Р. Социальная формирование мифа в политических власти в Удмуртии: социологический аспект: Дис ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004. С. 16.
2. См.: Селезов А.В., Мосолов Е.А. Политология и этика менеджмента в бизнесе, М., 2009. С. 86–87.
3. См.: Давыдов А.В. О сущности мифа в политической парадигме // Ежегодник Российского политологического общества, 2002. Том 9, вып. 2. С. 26.
4. См.: Пончев Г.С. Профессия: журналист. Киев, 2001. С. 98.
5. См.: Винова С.В. Информационные технологии на выборах различного уровня в современной России: Дис ... канд. полит. наук. Саратов, 2006. С. 45–54.

УДК: 32.019.51

ИНСТРУМЕНТЫ САКРАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ

Т.И. Захарова

Саратовский государственный университет,
кафедра сравнительных наук,
E-mail: tzh@yandex.ru

Сакрализация политической власти зачастую сводится к политическому мифу, являющемуся в качестве одного из главных инструментов воздействия на массы. В рамках этой статьи уделено внимание представлению как в политическом, так и в антропологическом измерениях.

The Instruments for Sacralization: Political Myth

T.I. Zakharova

The sacralization of political authority often takes its root in political myth, being it one of the main instruments for influence upon the masses. In this paper the problem is studied not only from a standpoint of political aspects, but from an anthropological standpoint too.

Прежде чем перейти к рассмотрению данной проблемы, следует четко определить, что же мы понимаем под словом «сакрализация». Этот термин по своему происхождению не политологический, а заимствован из теологии, в смысле, который он обретает при применении его в политологической сфере, несколько отличается от первоначального. Сакрализация (лат. – sacer) – священное, святое, посвященное богу, священный, неприкосновенное, неприкосновенное, священство (образ наивысшей, нечто, относящееся к области религии, тайны, сверхъестественного, возвышенного, мажорельное, повелеваемое современностью: идеальное и прикладное, идеальное профанное (лат. profanus – несвященный) – несвященно-

му, бессознательному, нечистому, нравственно несовершенному, светскому, мирскому. Соответствие сакрализации – вознесению в сферу религиозного ритуализации различных форм общественного и индивидуального сознания, социальных отношений, деятельности учреждений и людей. Однако же нельзя поставить знак равенства между политикой – сакрализацией и политическим. И поскольку для нас акцентирован непереносное местное сознание в его политическом аспекте, политическое сознание масс, сакральное и сакрализация мы будем рассматривать несомненно шире, уделяя внимание не религиозному аспекту, а «естественным» характеристикам и механизмам, позволяющим воздействовать на массовое сознание, а также проявлениям и применению в политике этих политий. Применительно к сфере современной политики понимание сакрализации как объективного отходит на второй план: «сакрализация» по отношению к власти определяется прежде всего как наличие ряда свойств, которые вытекают из вышесказанного убеждения в том, что некоторые группы или категории людей, а также социальные институты действительно обладают сверхъестественными знаниями и средствами воздействия на людей. Основными инструментами сакрализации и элементарными сакральными являются миф, культ и ритуал. Отдельно остановимся на политическом мифе.

При помощи мифа можно повысить эффективность манипулирующей обиденным сознанием, а через него – и сознанием обидеваемых. Наиболее лаконичное определение мифа как «орудия интерпретации действительности» представлено в книге «Политическая мифология» А. Цуладзе². Миф, отмечает он, позволяет упорядочить картину мира, создавая особую, мифологическую реальность, и, будучи доступным обиденному сознанию, становится эффективным орудием политической борьбы. Исследователь рассматривает политический миф как средство, используемое для реализации политических целей: борьбы за власть, деполитизации власти, осуществления политического сотрудничества³.

Н.И. Шестов определяет социальнопсихологический миф (в общем смысле) как устойчивый и эмоционально окрашенный стереотип восприятия политических реалий прошлого и настоящего, порожденный потребностью ориентации личности в общественных структурах в культурном процессе, а также как форму политической творческой деятельности, содержанием которой является конструирование стереотипных предположений о политических реалиях прошлого и настоящего⁴.

Ж. Леза-Сиренс заявляет, что сущность мифа составляет «рассказанная в нем история»⁵, а М. Эпшало – что «миф излагает сакральную историю, возмещает и сообщает, произведшим в доскопаяемые времена времена всех начал»⁶.

Мифология базируется на отношении человека к миру, системе ценностей, механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах жизни мира. В этом контексте представляется интерес не миф

как набор определенных представлений, как повествовательные тексты или верования, а то, как мифы воплощаются в ритуальных практиках, религиозных или морально-этических системах мифа и ритуализации человека. Сферу реально объекта под воздействием предположений о нем может трансформировать в форму, образку, которая порождает первоначальный смысл и приобретает новый. Таким образом политический миф может изменять политическую реальность. И. Полосин под политическим мифом понимает «миф, ориентированный на конкретный период народа или связанный с определенным этапом его самоорганизации и управления и направленный на укрепление суверенитета власти»⁷ и выделяет его функции:

хранение совокупного политического опыта в этнокапитальной форме, соответствующей его с. структурам об абсолютной стабильности;

воспроизводство данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах;

сознательное желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп и корпораций, народа в целом с совокупным опытом, объединенным во уроне архетипов⁸.

Кроме того, можно выделить ряд элементов мифологического мышления, составляющих его структуру:

эсхатологическое запугивание масс;

иррациональное массовое персонализация «образ врага» как объяснительной модели трагических и повела для снятия ответственности;

персонализация «образ героя»;

использование архаической символики (триада-формированные образы отца и матери, образ самости в виде образа государства, России и тому подобное);

апелляция к прошлому как к «золотому веку»⁹.

Как уже было сказано, политический миф является одним из основных инструментов сакрализации. Также известно, что сакральное персонафицируется в конкретных носителях, в современном мире этими носителями чаще всего становятся политические лидеры. М. Эпшало отмечает, что в душе народа укоренилась надежда на «исходное, универсальное обновление, совершаемое новым героем, в одной из новых форм: он может быть реформатором, революционером, мучеником (по пути свободы народов), руководителем партии»¹⁰. Но нельзя сказать что-либо сакральным само по себе: черты сакрального человек (жизнь и наступит, действия, явление) приближает в сознании масс или отдельных индивидуумов. В ряде случаев выдвигая первоначальное отсутствие сакральной силы ее возможно искусственно подменить или же обрести.

Политические события и процессы в рамках данной темы интересно будет рассмотреть с точки зрения политической мифологии. Мы увидим, что аналогии политические действия, события, процессы по схеме развития соответствуют также вышесказан-

известных мифологических сюжетов. К примеру, в период очерковой смены главы государства уместно будет вспомнить, как это происходило в предыдущий раз, проследить рождение и постепенные формирования мифологических образов, которые в дальнейшем могут быть неоригинально использованы в современном визуальном процессе.

Итак, обратимся к событиям 1990-х гг. и дальнейшему их развитию, приводя «сюжетный элемент мифа с экранификацией» в виде соответствующих ему событий, личностей, явлений.

Часть I.

1. *Милый «серый»* – Б.Н. Ельцин. В 1987 г. Ельцин выступил на пленуме ЦК КПСС, требуя более радикального проведения перестройки. Вскоре после этого он был выведен из Политбюро, что в совокупности с его частыми призывами к «борьбе с привилегиями», способствовало созданию образа «перезагруженного» и отстраненного музейности. Популярность его быстро возросла.

2. *Борьба со старым Лем* – КПСС, М. Горбачевым.

3. *Побеждает «удавище»* – подписан указ о приостановке деятельности Коммунистической партии в России, а в декабре 1991 СССР перестаёт существовать.

4. *Наградой становится «царство», возмещение на престол»* – занимает пост президента.

Часть II.

1. *«Герой» на седьме лет – трансформация образа «наградной грамоты, лауреата-осужденного». С трудом удерживает баланс проклевывая, но от власти отказывается не может – некому доверить государство. «Жизнь царя, и не было у него детей...» – политическая, разумеется – избирательная кампания на выборах президента 1996 г. прохлещет все возможные выборы из двух лет и «Госусой, или армиярейсы».*

Интересно то, что эта кампания строилась в первую очередь не на агитации «за», а на агитации «против», целью которой было убеждение избирателей не в том, что Ельцин «важненько хоронит», что следует перенести его на второй срок, но в том, что альтернативой ему нет. Сам Ельцин практически не появлялся в рекламных роликах, на плакатах в магазинах – и если учитывать состояние его здоровья в то время, что не только объяснимо, но и более чем оправдано. Его агитация «за» была относительно нейтральной. Зато агитация «против» пролила его основную содержание: Эоганова, перакала своим масштабом и разнообразием форм, начиная от телевизионных сюжетов о «крахе коммунистическом режиме» и заканчивая красочным фотомонтажем и слогане «На дай Бог!» В. Аветисян в своей книге «Теория и практика политического манипулирования в современном обществе» писал: «В агитационных материалах метабо Ганюкова, а также в формально нейтральных (информационного) материалах, поддерживавших Ельцина СМИ. Коммунистическую партию Российской Федерации и ее лидера Геннадия Зюганова (хотя он шел на выборы

не от КПРФ, а от Союза нарбесто-национальных сил), представляли как людей, жаждущих «всех посадить и расстрелять». Также ходило слухи о том, что в случае победы Зюганова немедленно начнется гражданская война. Иронично, подобные сообщения постоянно опровергались, варьируясь, «добавляя камень в огонь» названию во всех крупнейших СМИ».

2. *После десяти леток диктатура»* – провозглашает неодолеваемая сила таян Правительства.

3. *Явление нового мифологического «серого» – «составительница, авторитет традиционной логике исполнения, первый этап которого «серый» является выдерживает, доказывая тем самым, что «серый» доверяет «серому-осужденному»* – В. Путин занимает пост премьер-министра, становится (учитывая состояние здоровья президента) как бы «заменяем».

4. *Происходит первая, временная передача власти. Социальная составляющая этого процесса – общественная потребность в переменных – в конце 1999 г. (в рамках выборов, который символизировал обновление, перемены, надежды на лучшее) Б. Ельцин добровольно покинул свой пост. При этом он предложил избирателям поддержать на выборах кандидатуру Путина, уже занимающего пост премьер-министра (в автоматическом становилось исполняющим обязанности президента в случае досрочного ухода президента в отставку)*

Возник прецедент преимущественности «первого» в истории постсоветской России – и образ «ароматика».

5. *Финальное испытание – выборы.*

Практически власть нельзя передать сразу, необходимо соблюсти ритуал, процедуру демократических выборов. Всячески подчеркивается, что ритуал – формальность, и тем самым закладывается определенное противоречие, с одной стороны, как бы отрицается важность ритуала до финала (тем самым уменьшается значимость момента «герой, прощальной нежностью»), а с другой – подчеркивается его же важность, после, по факту успешного завершения (52,94% проголосовали «за» при явке избирателей 59,50%). Но важность ритуальности презента гораздо меньше, чем была бы после «тажелой битвы» если же с превосходящим, то хотя бы с равнозначным противником.

6. *Заканчивается цикл: завершается история первого героя, образ «ароматика» обретает все название. Он приобретает черты Духа-трибы, «жестокости» – смерть и пыльные похороны первого президента. Прямую трансляцию этого события по федеральным телеканалам имела возможность увидеть вся страна. Особо подчеркивалось, что Б. Ельцин стал первым государственным деятелем за его с ливаном лет, президентом в котором происходило в храм, а также выделялись некоторые «мистические совпадения»: например, тот факт, что отпевание состоялось в Храме Христа Спасителя, который был открыт в день добровольного ухода первого президента со своего поста, а также то, что он был одним из инициаторов восстановления этого*

краю. Перемена стала дополнительным поводом для выделения пикантных, светлых черт «оттавочности» и была возможна в спорной ситуации чередовать предметность. На туруском архиве в Кремле Президент РФ Владимир Путин заявил: «Борис Николаевич, как бы тяжело ему не было в конце бы тяжелое время не переживали страна, всегда верны и вероучение и ориентирование России, уживая талант и силу российскому народу. И нехорошо пытаться сделать все, чтобы жизнь миллионов россиян была достойна своей родной страны. ...» Н. Борис Николаевич не только останется и нашей память, мы будем идти в этой линии¹².

Мы знаем, что человеческое общество может существовать как единое целое лишь при условии, что существуют определенные общие для членов этого общества представления, идеи, образы и ритуалы. В современном мире эти идеи сформировались в виде политических мифов, которые оказывают существенное влияние на развитие и жизнь общества. Следует отметить, что повсеместная активность мифотворчества, равно как и мифотворчества, приближается к перелому, критические моменты истории. Отчасти это объясняется тем, что именно в такие моменты чрезвычайно важно и многократно в поведении людей (в первую очередь – массовом поведении) существенно преобладает над рациональным (хотя и в периоды стабильности оно не исчезает).

У каждого народа есть собственная мифологическая традиция и новые национальные мифы, приходящие на смену друг другу, как правило, наследуют от прежних какие-то основные черты. И далеко не всегда политические мифологии возникают спонтанно¹³. Политический миф, как и большинство целенаправленно создаваемых манипулятивных методов и приемов производится и работает на уровне массового сознания. Продукты манипулятивной системы фиксируются в сознании на среднем уровне, который существующая социальная, экономическая, политическая, культурная реальность уже подготовила для их восприятия. И в этой точке политический миф наиболее сопрягается (а иногда происходит и взаимотрансформация) с политической рекламой.

По сути своей реклама является исследованием: миф способен зародиться в массовом сознании лишь тогда, когда сознание отдельных индивидов, которые затем распространяют его, в те время как реклама приходит к нему, рассчитана на реакцию со стороны объектов воздействия и ставит перед собой вполне определен-

ные цели и задачи. К. Поппенгарт так характеризует их отличие: «В мифе политическом есть сосредоточенное сосредоточенной историей значение, а в рекламе – Сами образы мифа рождаются лишь при условии выделения выделенного сосредоточенности. В рекламе – политическая сосредоточенность на чьем-то субъективном (не политическом) выделенном объектом) выделенной истории – такое сосредоточенное у других чужих общества изначально отсутствует, а потому его выделение является главной целью регулирующей действия самой рекламы. Если данное сосредоточенное выделение, то именно по мере пожеланий ему истории и при этом участие в предложении ему соответствующем ритуале (полосовании за нужного кандидата или покупке товара)¹⁴. И действительно, разница между рекламой товарной и мифом и агитационным масс-рекламой заключается в разном предвыборной тенденции так уж сложна. Но со временем даже те, кто по своему этнокультурному бытию лишь очередным рекламным ходом или же совокупностью обычных политических действий, способно преобразиться, трансформироваться в явление более высокого порядка, становится мифом.

Примечания

- ¹ *Мурдов А.* Политическая мифология. М., 2003.
- ² Там же С. 22, 23, 56.
- ³ *Шестаков Н. Н.* Политический миф: теория и практика. Саратов, 2003. С. 79.
- ⁴ *Левин-Строг К.* Структурная антропология. М., 2007. С. 218.
- ⁵ *Давид М.* Аспекты мифа. М., 2005. С. 7.
- ⁶ *Попова В.* Миф. Религия. Государство. М., 1999. С. 169.
- ⁷ Там же С. 169.
- ⁸ *Русин С. А.* Современный политический миф: теория и практика // Всероссийская ассоциация прикладного политологии (ВАПО). 1994. www.vapo.ru
- ⁹ *Давид М.* Указ. соч. С. 166.
- ¹⁰ *Алехина В.* Теория и практика политического манипулятивного в современной России // Библиотека «Нера-фактор» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Нера-фактор>
- ¹¹ Путин: Елизавета не стала достойной женой для России // РИА Новости от 25 апреля 2007 г. <http://www.ria.ru/news/20070425/64593649.html>
- ¹² См.: *Алехина М.* Миф XXI века, социальное рождение национальной мифологии // Зеркало недели. 2004. 24–30 января. № 3 (478).
- ¹³ *Попова В.* Указ. соч. С. 68.

УДК [316.75:323.1]:616+617]

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Р.В. Базаров

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: BazarovRV@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые ключевые вопросы политической коммуникации. Выделяются основные свойства информационного политического пространства, анализируется статус государства в современных информационных условиях, а также обосновывается положение о национальной идеологии как основе информационной политики государства.

National Ideology as a Basis of the State's Information Policy

R.V. Bazarov

The paper discusses some key questions of political communication. Basic properties of the information political space are highlighted, the status of the state in modern information conditions is analyzed, and the statement about national ideology as a basis of the state's information policy is proved.

Политика сегодня все в большей степени проявляет себя как динамичное информационно-коммуникационное пространство, представляющее собой – всю совокупность информации, инфраструктуры, субъектов, способов и технологий организации информационных коммуникаций. С позиций синергетики, политическую сферу можно представить как открытую самоорганизующуюся систему, включающую в себя огромное разнообразие информационных потоков и информационных связей, находящихся во взаимодействии.

Кратко обобщая выводы исследователей, занимающихся данной проблематикой, можно выделить следующие основные характеристики информационного политического пространства:

- непрерывная динамика. В нем не бывает завершенного состояния, достаточно трудно достичь постоянного информационного доминирования;
- относительная структурированность. При определенных условиях она может быть трансформирована в систему с выходящими за пределы и организационно-координируемыми информационно-коммуникационными связями субъектов, функционирующих с помощью механизмов саморегуляции, формализации и способов обобщения;
- сетевые принципы и формы организации власти;
- синергичность и виртуальность. Политические процессы неизбежно сталкиваются с временными и пространственными ограничениями. При этом виртуальные образы и повторы все чаще

вытесняют действительность и подчиняют политические интересы. Обсуждается угроза того, что реальная демократия окончательно уступит свои позиции виртуальной манипулятивной политической игре;

- крайняя сложность прогнозирования реакций субъектов информационного пространства и их взаимодействия. В информационном пространстве много скрытых объектов и связей, выявление и учет которых в процессе информационной активности затруднен, а иногда и невозможен²;

- неопределенность, размытость, двусмысленность, фрагментарность, конструкционизм, предпологающий непрерывную генерацию множеств противоречивых интерпретаций и др.³

Конечно, названные выше характеристики складываются в информационной сфере политики далеко не исчерпывают всю сложность ее природы. И, несмотря на высокую актуальность данной проблематики, многие ключевые вопросы все еще остаются без ответа. Необходим глубокий анализ и поиск всех основных закономерностей и системных качества политического информационного пространства, поскольку решение этих проблем лежит в основе дальнейших исследований прикладного характера.

Очевидно, что в информационно-коммуникационном пространстве рождаются новые политические принципы и механизмы – качественно преобразуются формы организации, перераспределяются и реализуются власти, исторически сложившиеся статусы и роли многих традиционных политических субъектов кардинально меняются. Однако государство все-прежнему стремится быть главным актором политического пространства, в его новых информационных условиях. И это стремление оправдано, поскольку именно государство должно обеспечивать все гражданские права и свободы населения, защиту персональных данных, сохранять единство национального информационного пространства и защищать национальную безопасность, гарантируя собственное существование.

Государство продолжает оставаться центром базовых политических коммуникаций, одновременно выступая в основном производителем массовой информационной продукции, в основном источником общественного значения политической информации, а также единственными властным

субъектом, способным надзирать общую систему информационного взаимодействия. Только государство может в целях формирования нормативных границ информационных обмена⁴. Тем не менее, многие традиционные основы государства, такие как его вертикально-иерархическая структура, оборона из принудительно-силовой аппаратуры управления, идеология, территориальный и правовой суверенитет и др. в современных политических информационных условиях претерпевают значительные изменения. Оно уже не является абсолютной компетенцией на производство и распространение всей политической продукции и вынуждено конкурировать с другими политическими субъектами за влияние и власть, при этом максимально активно используя все информационные возможности. В новых политических условиях государству необходимо постоянно повышать свою информационную мобильность, накапливать интеллектуальные ресурсы и совершенствовать технологии информационного сопровождения своих политических проектов, овладевать новыми способами и каналами поддержания политического дискурса, усиливать адресные контакты со своими политическими контрагентами, все более улавливать общеполитические цели с информационными задачами, активно встраиваться в мировые информационные потоки, усиливая свое позиционирование, совершенствовать техническую инфраструктуру, соответствующую тенденциям глобализации и всеобщего стандартизации застарелого уравнильства. Таким образом, для сохранения своего доминирующего положения в политической сфере государство сегодня должно быть максимально информативно активным. Основным видом такой информационной активности лучше считать информационную политику, и ученые начали разрабатывать теоретико-методологические основы. Сформулированы концептуальные и прикладные направления ее формирования, уточнены существенные черты содержания. Информационная политика стала осмысливаться как один из важнейших факторов реализации государственной политики в целом, социального управления, обеспечения связи власти и народа, формирования его общественного сознания. Признавая, что в условиях реформирования социальных отношений, в условиях формирования информационного общества государственное управление невозможно без создания опережающего информационного эффекта в формировании общественного сознания⁵.

Концепт «информационная политика государства» имеет очень широкий интерпретационный потенциал. Государственная информационная политика как сложное многогранное явление может быть оценена в различных теоретических системах координат, и ее содержание может быть дифференцировано по различным параметрам.

С субъектно-инициативной точки зрения государственная информационная политика может быть

представлена как совокупность взаимосвязанных действий, действий различных информационных уровней государства, направленных как на реализацию различных общественных проектов, так и на решение специфических задач информационной сферы⁶.

На наш взгляд, ключевым моментом в определении государственной информационной политики является ее способность и возможность воздействовать на сознание и волю людей, их поведение и деятельность в интересах личности, государства и всего общества.

Как отмечает В. Д. Грозов, для того чтобы иметь информационный характер в лучшую сторону, необходима психокоррекционная составляющая информационной и информационной политики. Нет ничего сильнее, чем сила народного духа. Но эта сила может при помощи СМИ обесцелиться или уменьшиться. Для этого и нужна только и только маэстрированная информационная политика государства⁷.

Для реализации целей и последовательной информационной политики необходимо наличие концептуальной основы, которая будет связывать ее с другой системой ориентиров и принципов. Такой роль основы должна обеспечивать связь между основополагающими принципами традиционного режима и его задачами в информационной сфере, улавливать краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные цели, задавать основания для формирования нормативно-законодательской базы в данной области, служить уточнению критериев информационной безопасности страны. На наш взгляд, этой основой может быть только национальная идеология. Именно она должна наполнять смыслом все информационное политическое пространство. Ведь, несмотря на процессы информатизации, политическая сфера продолжает оставаться прежде всего ценностно-смысловой, где значение идей очень велико. Идеология как совокупность определенных идей, ценностей и представлений является основной матрицей политики как нормативно-смысловой сферы.

Существует мнение, что идеология в информационных условиях показывает малоэффективность, ее функциональный потенциал исчерпан себя. На наш взгляд, идеология по-прежнему остается главной формой организации смыслового пространства политики, а тем более в информационных условиях. Главнейшую роль сегодня отводится не материальным ценностям, а духовным – у человека формируется иное мировоззрение, он начинает страдать от «информационного голода». И особенно это актуально для Российского государства, которое находится в состоянии перехода к процессу модернизации.

После распада СССР и крушения коммунистической идеологии российское общество и государство долгое время находилось в состоянии идейного вакуума – отсутствию содержательное наполнение информационно-коммуникативного

ISSN 2297-79

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 2000-е ГОДЫ (на примере Саратовской области)

Д.С. Карпухин

Саратовская академия государственной службы
им. П.А. Столыпина
Е-mail: ksh@yandex.ru

В статье рассмотрены проблемы политической культуры и активности российской молодежи в 2000-е годы и основные факторы, определяющие их эволюцию на региональном уровне в последние восемь лет.

Political Activity Evolution of Russian Youth in 2000s (With the Saratov Region as an Example)

D.S. Karpuhin

The paper considers instances of the political culture and activity of the Russian youth in the 1990s and major factors determining their evolution at a regional level for the last eight years.

Современное развитие России невозможно без достаточного уровня политической культуры. Это обусловлено многими факторами и прежде всего тем, что процессы демократических преобразований объективно предполагают активное участие в них широких слоев населения. Практика развитых демократических государств показывает, что именно политическая культура является основой стабильности общества и динамичного функционирования всех его важнейших сфер.

В современных российских условиях в процессе формирования политической культуры одновременно взаимодействуют две тенденции: с одной стороны, осуществляется стимулирование индивидуализма, творческих начал личности, индивидуальности, независимости, критичности, а с другой – в массовом сознании сильны тенденции авторитаризма, равенства, коллективизма, социальной справедливости. Перспективы разрешения этих противоречий в формировании единого общепризнанного ценностного фундамента политической культуры российских граждан во многом зависят от воспитательной социализации современной молодежи. В рамках данной статьи остановимся на основных факторах эволюции политической культуры и активности российской молодежи в 2000-е гг.

Одним из результатов политических, социально-экономических и духовных преобразований 1990-х гг. стало отлучение молодежи от политики. Процессы дестабилизации образования, прекращения деятельности ВЛКСМ, комсомольской и октябрятской организаций создали дилеммо-организационный вакуум, который не

смог полностью сформироваться идеологической платформой и многопартийностью.

В середине 1990-х гг. начался формирование отделений молодежных общественно-политических организаций в Саратовской области. Проводя этот чаще всего инициативно-политический процесс партиями и объединениями и обуславливаясь потребностями привлечения молодежи к участию в избирательных кампаниях. Так был сформирован «Молодежный демократический союз», ориентированный на поддержку СПС, Саратовская региональная общественная молодежная организация «Союз молодых регионов», Саратовское региональное отделение общероссийской общественной организации «Российский коммунистический союз молодежи», Региональная общественная организация «Саратовское молодежное объединение «Конгресс Русских Общин», Саратовское областное отделение Межрегионального общественного движения «Антифашистское молодежное движение», Саратовское региональное отделение общественной организации «Молодежный союз юристов Российской Федерации», Саратовская региональная молодежная общественная организация «Центр поддержки молодежных инициатив»¹. На рубеже тысячелетий была сформирована Саратовская региональная общественная организация «Союз Молодежи Саратовской области»; Саратовская региональная молодежная экологическая общественная организация «Строитель Белого Дома»; Саратовское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России»².

Наиболее активно при создании таких организаций проявила себя студенческая молодежь. В 1996–1997 гг. на территории области действует Совет по делам студентов при Правительстве области. Объединив представителей администрации области с профсоюзными организациями вузов, с наиболее инициативными студентами, этот орган до этого способствовал активизации молодежных политических движений.

Тем не менее оценивая результаты деятельности данных организаций в 1990-е гг., можно сказать, что реальная политическая практика этого периода, основанная в значительной степени на партизанстве, демагогии и информационно-

коммуникационном маневрировании, не смогли убедить молодых людей в том, что, принимая участие в политических движениях и организациях, они могут что-то изменить в жизни в лучшую сторону. По мнению исследователей, в эти годы сформировалась устойчивая группа – более 60% – так называемых «эконормистов», т.е. людей пассивных, созавислых с властью, которые представляются и со средствами их достижения. «Взвешивая на то, что эти люди впадают в заплетом стабильности общества, борются за свои права или время не ставят. А из оставшихся 40% лишь незначительная часть захочет участвовать именно в политической деятельности»³.

Исследователи констатировали, что в молодежной среде усилась недоверие к институтам власти и ее представителям. В сознании молодых людей сформировался образ криминального государства, в котором преступность выступает как новый центр власти. По мнению директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) профессора Ю. Левады, молодежь свободна не только от прошлых страхов, но также и от прошлых интересов, она в основной своей массе апатична: «Такое равнодушное объявление обвиняется различным отношением молодых ко всему, что пришло им не касаясь. Даже жизни для определения этого явления грубо говоря, но очень точное слово – профитизм»⁴. В этом отношении интересны данные опроса, проведенного Центром общественных связей «Саратов» в 2000 г. На вопрос *какие организации, предприятия и учреждения саратовские студенчеством, тебе известны?* 83% опрошенных ответили – никаких или не отметил вообще (из ответивших 12% назвали профком или профсоюз, 0,4% – Министерство по делам молодежи, спорту и туризму области)⁵.

Приход к власти В.В. Путина и проведенные политические преобразования определенным образом изменили ситуацию. По мнению И.И. Губовой, в ситуации кризиса или непримерного, атакантисистемного характера взаимосистемный основный субъект власти именно верхняя власть скрепляет общество, удерживает вместе его составляющие. Власть, несомненно, делает власть (как реальность и воображаемое явление) абсолютна необходимой социуму, воспроизводит традиционный принцип социальной интеграции «сверху вниз». Для самой же власти реальное значение приобретает ее внутренние проблемы – легитимация и транзитивность⁶. Все эти последние задачи и определяют содержание власти в молодежи.

Увеличивая роли партий объективно потребовалось расширение их социальной базы, в том числе и молодежной? Началась активизация существующих и выстраивание структурных новых молодежных общественных-политических организаций. Особливо активно действовали единороссы. За счет реорганизации и организационно

студентам трех близких к партии вузов – академий права, госслужбы и экономического университета 28 февраля 2003 г. произошло учредительное собрание молодежной организации при Саратовском региональном отделении партии «Единая Россия». Впоследствии назвали студенты этих вузов составили большую часть участников митингов, организованных «Единой Россией» в декабре 2005 г. против мэра г. Саратова Ю. Аксентьева⁷.

3 февраля 2006 г. в Саратове прошла конференция по формированию регионального отделения Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России». Главной задачей, стоящая перед «Молодой Гвардией», была определена словами В.И. Левина: «Учиться, учиться и учиться». Другими словами, это включение нового поколения в активную политическую жизнь, преобразование организации в отдел кадров для будущей политической элиты⁸.

Студенты не только из областного центра, но и из других районов создают свои объединения. Так, в Волжском муниципалитете начал свою работу Молодежный общественный совет (МОС). В него вошли учащиеся и студенты Волжских учебных заведений, которые уже зарекомендовали себя в качестве молодежных лидеров, а также представители управлений здравоохранения, образования, культуры, социальной защиты, религиозных конфессий и др.⁹

Саратовское региональная общественная молодежная организация «Молодежь Поволжья» была создана 10 марта 2006 г. на базе Молодежного общественного совета при главе администрации Энгельсского муниципального района. Главная ее цель – участие молодежи в решении своих проблем, осуществление своих идей, проектов и инициатив. Основными задачами являются повышение активности молодежи, внедрение лидерских программ, формирование гражданской культуры и правового сознания, воспитание гражданственности и патриотизма, содействие формированию здорового образа жизни среди подростков и молодежи.

«Молодежь Поволжья» была активным участником всех молодежных муниципальных дел, успешно участвовала и в областных мероприятиях. Среди них – Областной молодежный форум, молодежные патриотические акции «Молодежь – ветеранам», «Агаринские поля». Наглядно результатом стала экологическая молодежная акция «Чистый город», победа силами молодежи очистили дамбу, Полтавскую улицу и другие социально значимые объекты города. На базе данной организации проведена в летняя оздоровительная кампания по обеспечению деятельности восточных трудовых бригад подростков.

В целом, на конец 2006 г. лишь в Саратове функционировало 115 объединений, зарегистрированных в органах юстиции¹⁰. Кроме того, проблемы молодежи и молодежной политики в Саратовской области первоначально сфокусиро-

и центр внимания областного правительства. В области не только существовали отдельные инициативы, затрагивавшие проблемы молодежи, спорта и туризма, но и осуществлялась работа по координации молодежной политики между муниципальными образованиями и областными центрами. Среди них – мероприятия, обеспечивающие учебно-методическое, информационное и кадровое обеспечение деятельности отделов по молодежной политике при муниципальных образовательных комитетах, поддержке талантливой и творческой молодежи и др.

17 октября 2001 г. Саратовской областной думой был принят закон «О молодежной политике в Саратовской области». Под молодежной политикой понимается система мероприятий органов государственной власти области и органов местного самоуправления, направленных на достижение таких целей, как создание условий для полноценной молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества; обеспечение активного участия в политической жизни области¹². В этом законе прописаны методы развития политической культуры и поддержки талантливой молодежи. Они осуществляются благодаря организации и проведению конкурсов, выставок, фестивалей, семинаров, конференций с целью выявления и распространения творческих достижений молодых граждан, организации научно-практических семинаров¹³. Формы повышения молодежной активности разнообразны: самые разнообразные, например, в Саратове в 2000-е гг. регулярно проводятся городские молодежные форумы: «Патриотизм – основа государственности», «Знания, энергия, силы – развитию городу», «Дню воинской славы России». В их рамках проводятся семинары, круглые столы, конференции¹⁴.

В качестве еще одной формы, способствующей развитию политической культуры студенчества, можно назвать мероприятия, проведенное в Саратове Национальным демократическим институтом международных отношений США. При его участии 23 декабря 2002 г. в Пензенском региональном институте законодательской деятельности состоялся шестидневный семинар, посвященный проблемам повышения общественно-политической активности молодежи. На семинаре обсуждались проблемы создания организационных и тематических предпосылок, направленных на повышение общественно-политической активности молодежи в регионе; и семинаре принимали участие представители молодежных некоммерческих организаций, правительства Саратовской области, Избирательной комиссии и мэрии Саратова, депутаты областной и Саратовской городской думы, политические партии, средства массовой информации, а также эксперты¹⁵. В ходе работы участникам семинара была представлена возможность ознакомиться с имеющимся опытом работы по повышению общественно-политической актив-

ности молодежи; обсудить методы воздействия на молодежную общественно-политическую активность; определить приоритетные направления деятельности с учетом реалий Саратовской области.

Областные активисты в области действовали «малозаметными», проводившие различные проекты и акции. В частности им принадлежит организация благотворительной акции «Я – ДО-БРО!» (Саратов), проведенной под девизом «Делай добро!»¹⁶. Кроме того, в Саратовской области активно действовал Молодежный парламент при Областной думе – группа представителей муниципальных образований, представителей молодежи и детских объединений областного, предельно полной утверждений высшего профессионального образования. Его члены участвуют в законодательской деятельности, экспертизе и проходят профессиональную подготовку, работая совместно со структурными подразделениями законодательного органа власти.

Подводя итогов, можно констатировать, что изменение актора государственной молодежной политики изменило ситуацию в молодежной среде в вопросе об отклонении к участию в политической жизни. Программы социальной жизни для молодых семей, помощи на рождение ребенка, общие улучшения социально-экономического положения населения увеличили уровень доверия молодежи к власти, политике и ее отдельным институтам.

Изменение роли государства в регулировании информационно-коммуникационных процессов существенно повлияло на социализационную функцию СМИ. Воспитание патриотизма, гражданственности, морально-нравственных качеств, ответственности за настоящее и будущее страны, внедрение базовых политических ценностей стало важнейшей задачей СМИ и не могла не сказаться на повышении политической активности молодежи. Подобные изменения коснулись и социализационной деятельности системы школьного и высшего образования.

Несмотря на определенные издержки политической социализации, обусловленные использованием административного ресурса на местах, очевидно, что российская молодежь обрела активнее возможности в политике, имеет больше желаний и возможностей для разнообразного участия в общественно-политической жизни.

Примечания

¹ Уже в 1995 году в Саратовской области было зарегистрировано 33 молодежных объединения.

² «У Федеральной регистрационной службы по Саратовской области // http://www.frs.gov.ru/show_article.php?id=25924&mid=1

³ *Игров В.Н., Давыд Ю.А., Урманц К.* Молодежь и общество. М., 2001. С. 81.

² Портрет молодого поколения россиян в зеркале социологии // Труд. 2001. 17 окт. С. 1-2.

³ Велишевская Е. А. Российский студент сегодня. М., 2002. С. 58.

⁴ Дубовицкая Н. П. Педагогическая культура современной России: опыт и ценности русской культуры и цивилизации России // Педагог. 2006. № 1. С. 44-45.

⁵ На юбилей 2000 г. в Саратовской области аржантино съезд 608 тысяч молодых людей, что составило пять процентов от общего числа жителей области (см.: Дарюхина В. И., Михайлов Д. В. Педагогическое участие молодежи в условиях транзитивности российской общины (региональные аспекты) // Известия Саратовского университета. Пензенский филиал. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 75).

⁶ Сельвинский А. «Язык России» разработаны резервы // Комсомол. 2006. 16 февр. № 6 (1364). С. 2.

⁷ Галкин

⁸ Гурьянов Т. В родку единороссов прибыло // Саратовский мир. 2004. 16 сент. № 37 (229) С. 2.

⁹ См.: Митрошинник политика в Саратовской области. Саратов. 2006. С. 2.

¹⁰ Закон Саратовской области «О молодежной политике в Саратовской области» от 24 октября 2001 г. № 50-ЗСО. Принят Саратовской областной Думой 17 октября 2001 г. // Собрание законодательства Саратовской области. 2001. № 10. Октябрь. С. 1144.

¹¹ Копылов Н. Весенне-молодежная политика // Пензенская область. 2006. 22 марта. № 12 (237). С. 2.

¹² Кабанов С., Фереж «Знания, мастерство, силы – ресурсам города» // Саратовские вести. 2005. 7 дек. (1.)

¹³ Студенческая молодежь в гражданском обществе Саратова. 2003. С. 29.

¹⁴ Давыдов С. Девять добрых // Саратовские новости. 2006. 26 апреля-2 мая. № 21 (518). С. 16.

УДК 316.304.0305.334 (0)001571

РОЛЬ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ БИЗНЕСА

А.В. Вайтенюк

Доктор-примечательница педагогической области Саратовской области
E-mail: Vaytenok@tut.ru

В статье анализируется деятельность общественных организаций по защите интересов бизнеса, рассматриваются наиболее перспективные проблемы, способные повлиять его развитие, определяется роль органов промышленности и предпринимательства в создании и поддержке предпринимательства.

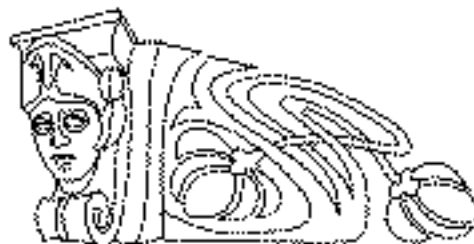
The Role of the Infrastructure of the Social Organizations in Business Problems Solving

A.V. Vaytenok

In the article the author analyzes the activity of the social organizations in the protection of business interests, studies the most actual problems that can impede the business development, determines the role of the chambers of commerce and industry in the processes of business support.

К настоящему времени в Российской Федерации сформировалась достаточно развитая инфраструктура по защите интересов бизнеса. В этой системе существуют как государственные, так и негосударственные (общественные) и коммерческие объединения и организации. Все они в той или иной мере обеспечивают доступ субъектов делового сообщества к информационным, финансовым, консалтинговым, образовательным и маркетинговым ресурсам.

В связи с тем, что доля малого бизнеса составляет более 99% (малыми предпринимателями

считаются те, численность которых менее 100 человек и с годовым оборотом менее 5 млн руб.) и крупный бизнес является гораздо более зависимым по сравнению с малым, структура общественных организаций в основном защищает интересы последнего.

Поддержка предпринимательства осуществляется на основании федерального закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» (№ 88-ФЗ) по федеральным, региональным и муниципальным программам развития и поддержки малого бизнеса. Система поддержки малого бизнеса состоит из федерального фонда и 78 региональных фондов.

Региональные и муниципальные программы представляют собой отражение федеральных программ и, как правило, повторяют их в соответствующих регионах. Региональные и муниципальные фонды формально входят в число основных исполнителей программ всего многообразия мероприятий, которые ее содержат.

Вместе с финансовой поддержкой, оказываемой малым предприятиям, различны: прямое финансирование; кредитование малого бизнеса; вывозка грантов (бесплатных или субсидий); директивное управление; выдача гарантий¹. Параллельно с государственными структурами поддержкой малого бизнеса заняты его

⁴ Портрет молодого поколения россиян в зеркале социологии // Труды. 2001. 17 окт. С. 1–2.

⁵ Велишевский Е. Д. Российский студент сегодня // М., 2002. С. 58.

⁶ Сабовик Н. Н. Молодежная культура современной России: анализ явлений русской души в климатическом развитии // Наука. 2006. № 1. С. 44–45.

⁷ На юбилей 2006 г. в Саратовской области армянские школы 608 тысяч молодых людей, что составляет почти четверть от общего числа жителей области (см.: Дарьялова В. И., Мокшаров Д. В. Политическое участие молодежи и условия взаимодействия российской общины (региональные аспекты) // Известия Сарат. ун-та. Сер. Социология. Математика. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 75).

⁸ Савицкий А. «Едвиги России» саботируют реформы // Коммерс. 2006. 16 февр. № 6 (736) С. 2.

⁹ Гемлес.

¹⁰ Гурьянов Т. В родку единороссов прибыло // Саратовский мир. 2004. 16 сент. № 37 (229) С. 2.

¹¹ Сел. Молодежная политика в Саратовской области, Саратов, 2006, с. 2.

¹² Закон Саратовской области «О молодежной политике в Саратовской области» от 24 сентября 2001 г. № 50-ЗСО. Истреб. Саратовской области. Думой 17 октября 2001 г. // Собрание законодательства Саратовской области. 2001. № 10. Октябрь. С. 1144.

¹³ Копылов Н. Весенне-молодежная политика // Наука области. 2006. 22 марта. № 12 (737) С. 2.

¹⁴ Кобылкин С. Форум «Диалог. Иерархия. Сила – росту или миру?» // Саратовские вести. 2005. 7 дек. 1. 1.

¹⁵ Студенческая молодежь и гражданское общество, Саратов, 2003. С. 29.

¹⁶ Давыдов С. Диалог добро! // Саратовская провинция. 2006. 26 апреля–2 мая. № 27 (518) С. 36.

УДК [316.354.0:316.334.2]60+679

РОЛЬ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ БИЗНЕСА

А.В. Вайтенюк

Доктор-принципалное палата Саратовской области
E-mail: Vaytenko@yandex.ru

В статье анализируется деятельность общественных организаций по защите интересов бизнеса, рассматриваются наиболее острые проблемы, способные помешать его развитию, определяется роль торговых-промышленных палат в процессах поддержки предпринимательства.

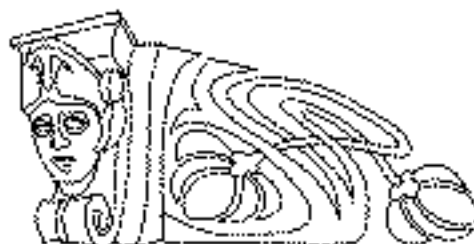
The Role of the Infrastructure of the Social Organizations in Business Problems Solving

A.V. Vaytenok

In the article the author analyzes the activity of the social organizations in the protection of business interests, studies the most essential problems that can impede the business development, determines the role of the chambers of commerce and industry in the processes of business support.

К настоящему времени в Российской Федерации сформировалась достаточно развитая инфраструктура по защите интересов бизнеса. В этой системе существуют как государственные, так и негосударственные общественные и коммерческие объединения и организации. Все они в той или иной мере обеспечивают доступ субъектов делового сообщества к инфраструктурным, финансовым, консультационным, образовательным и маркетинговым ресурсам.

В связи с тем, что доля малого бизнеса составляет более 99% (малыми предприятиями

считаются те, численность которых менее 100 человек и с годовым оборотом менее 5 млн руб.) и крупный бизнес является гораздо более развитым по сравнению с малым, структура общественных организаций в основном защищает интересы последнего.

Поддержка предпринимательства осуществляется на основании федерального закона «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» (№ 18-ФЗ)¹ по федеральным, региональным и муниципальным программам развития и поддержки малого бизнеса. Система поддержки малого бизнеса состоит из федерального фонда и 78 региональных фондов.

Региональные и муниципальные программы представляют собой отражение федеральных программ и, как правило, повторяют их в соответствующих областях. Региональные и муниципальные фонды формально входят в число основных исполнителей программ всего многообразия мероприятий, которые их содержат.

Виды финансовой поддержки, оказываемые малым предприятиям, различны: прямое финансирование; кредитование малого бизнеса; выдача грантов (безвозмездных сумм, субсидий); микрофинансирование; выдача гарантий². Параллельно с государственными структурами поддержкой малого бизнеса занимаются

интересов в большинстве субъектов Российской Федерации осуществляется различное предпринимательское объединение. Приведенная схема разнообразия инфраструктуры, системы не способна в состоянии оправдать ожидания предпринимателей. Одной из главных причин является то, что многие структуры по заданию бизнес-инноваций часто сами являются малыми предприятиями и существуют на основе деятельности на коммерческой основе. В результате этого предприниматели несут все финансовые расходы, связанные с оказанием информационно-консалтинговых, маркетинговых, образовательных услуг; при этом материальная ответственность за конечный результат лежит на заказчиках³.

Данные о развитости инфраструктуры поддержки бизнеса и количестве организаций, выполняющих такую деятельность, не позволяют оценить эффективность поддержки бизнеса в конкретном регионе. Выводы аналитического исследования о проблемах малого бизнеса в Южном федеральном округе и эффективности усилий по его поддержке (на примере Ростовской областной комиссии статистики) свидетельствуют о том, что не существует прямой зависимости между степенью развитости малого бизнеса в регионе и количеством созданных для оказания ему поддержки организаций⁴.

Несмотря на то, что в каждом из регионов имеются свои особенности, проблемы, затрудняющие развитие бизнеса во всех федеральных округах, оказываются одни и те же. Поэтому с полным основанием можно предположить, что заключение авторов вышеупомянутого исследования вполне справедливо и в отношении всей России, следовательно, можно сделать вывод, что степень защиты интересов предпринимательства зависит не от количества организаций, осуществляющих эту защиту, а от эффективности деятельности их и от успешности решения этими организациями проблем бизнеса.

Какие же наиболее серьезные проблемы стоят перед предпринимательством? Можно выделить несколько таких проблем.

1. *Несовершенство нормативной базы и слабая юридическая защищенность бизнеса.* Основными причинами возникновения проблем развития бизнеса являются несовершенство, а также отсутствие нормативных правовых актов по вопросам регулирования предпринимательства. Действующая в настоящее время нормативно-правовая база неспособна обеспечить поддержку бизнеса в полном объеме. Законодательство, регулирующее предпринимательство, носит противоречивый и довольно часто коррупционный характер. Большая часть нормативных актов имеет нечеткий механизм реализации. Все эти факторы порождают уровень коррупции, снижает уровень активности населения, подталкивают предпринимателей к уходу от налогов.

Наиболее остро стоит вопрос о законе, регулирующем малый бизнес. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» так и не смогли принять в 2006–2007 гг., хотя над ним уже несколько лет работает депутат Государства, представитель ЮФО РФ, «ОМЮРА России» и многие другие. Крупный бизнес крайне не заинтересован в реализации этого закона, при этом он неопределяет своих достижений и региональных чиновников⁵.

Свой вклад в законодательное регулирование предпринимательской деятельности вносит и исполнительная власть. Практически во всех субъектах Федерации в отношении к существующей единой федеральной нормативной базе сформировалась собственная региональная. Довольно часто регион начинает увеличивать многомерностью, что приводит к бюрократизации аппарата, затруднительно распоряжениями и внутрисубъектными инструментами, в которых очень сложно ориентироваться.

2. *Отсутствие фискалов.* С 2004 по 2005 г. средства, находящиеся в кредитном обороте, увеличились только в два раза. При этом лишь 15% предпринимателей смогли воспользоваться кредитами, хотя в увеличенны финансируются нуждается более 90% малого бизнеса. Главной проблемой остается зачет под кредит, а не льготная ставка и срок получения кредита.

Ограниченные возможности бюджетов субъектов Российской Федерации не позволяют государственным структурам решить эту проблему путем применения таких финансовых технологий, как гарантированная кредитно-капитальной поддержка малого бизнеса и компенсация разницы процентных ставок по кредитам. Кроме того, решение проблемы нехватки финансовых средств стимулирует неразвитость кредитных потребительских кооперативов в системе микро-предпринимательства.

3. *Высокий уровень налогообложения.* За последние годы все пытаются снизить налоговое бремя предпринимателей но принесли результатов. Второй год подряд Министерство финансов РФ не снижает налог на добавленную стоимость с 18 до 13%. Общий объем налогов для предпринимателей составляет не менее 60%. По мнению экспертов, при налогообложения свыше 27% предпринимателю становится невыгодно платить налоги, и он уходит в теневую. Так как Россия относится к развивающимся странам, можно вспомнить китайский опыт, когда при первом Пятого пятилетия реализовала эффективная налоговая система, состоящая из одного только налога на добавленную стоимость в размере 20%. Простота и прозрачность этой системы позволяла освободиться от классовой коррупции. Конечно, почему трехлетняя российская налоговая система является неэффективной и ставается причиной коррупции, производящих коррупцию. Результатом этого является

низкая собираемость налогов в стране – менее 60%, поэтому снижение налоговой ставки до корытовой величины может вывести бизнес из «теневого экономики» и способствовать оздоровлению морального климата в обществе.

4. *Множество административных барьеров.* Реальные проблемы административных барьеров на основании Федерального Закона «О государственной регистрации юридических лиц» (№ 129-ФЗ)⁶ сводятся к многократным и зачастую необоснованным проверкам. Сложность борьбы с проверками заключается в том, что большинство контролирующих органов имеют двойное подчинение, поэтому попытки ограничить количество проверок решениями, принимаемыми на региональном уровне, не достигают цели, поскольку та же самая организация имеет право провести проверку, руководствуясь указаниями федерального ведомства. К таким организациям относятся пожарная служба, ведомство Роспотребнадзора, транспортные службы и ряд других. Правда, в существовании большого числа проверок виноваты не только госструктуры, но и от 50 до 70% предпринимателей, скрывающихся от налогов и затрудняющих взаимодействие с государственными органами.

5. *Архивная плата и отсутствие информации.* Развитие малого бизнеса серьезно осложняют высокие арендные ставки и отсутствие системы информирования о сдаче в аренду или продаже площадей и имущества нерентабельных государственных и муниципальных предприятий. В результате этого предприниматели своевременно не получают информацию о продажах государственных торгах, объектах, выставленных на продажу, их местонахождении, качестве.

Все эти проблемы заложены как на региональном, так и на федеральном уровнях. Решить эти проблемы все равно только самым крупным общественным организациям, например, Торгово-промышленной палате Российской Федерации, объединяющей сеть территориальных и местных палат, а также предпринимательским союзам, созданным по инициативе органов власти – «ОПОРА России» и «Деловая Россия»⁷.

Разумеется, попытка «обязательная» проблемой не ограничивается весь их круг, с которыми сталкиваются предприниматели. Специальным Министерством по активизации и поддержке предпринимательства считают, что реальная помощь малому бизнесу не может сводиться только к выделению финансовых средств, созданию режима «льготного» налогового благоприятствования и снижению количества контролирующих органов и проверок. Государство должно обеспечить разумный контроль малого и крупного бизнеса, создать условия для формирования общей культуры предпринимательства, что позволит создавать продуктивный, жизнедеятельный бизнес. При этом инфраструктура поддержки

малого бизнеса должна быть негосударственной и функционировать на договорной основе, чтобы существование каждой из организаций этой инфраструктуры напрямую зависело от качества оказываемых услуг⁸.

В настоящее время, в условиях рыночной экономики, ситуация в России такова, что можно с полным основанием считать как о нарушении интересов государства коммерческими структурами (осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или лицензии, сокрытие доходов, уклонение от уплаты налогов и т.д.), так и об умещении прав предпринимателей властью (несовершенство законов, административные барьеры, коррупция и бюрократия). Разумеется, в таких условиях государственная инфраструктура поддержки малых предпринимателей не может быть эффективной. Достоинство веским доказательством справедливости этого утверждения является низкая жизнеспособность малого бизнеса, несмотря на то, что этот сегмент экономики имеет для государства очень большое социально-экономическое значение. Поэтому создание реальных негосударственной инфраструктуры поддержки бизнеса так называемого «третьего сектора» в урегулировании отношений между властью и бизнесом и защите интересов малого бизнеса особенно важна. «Третий сектор» образует сфера, находящаяся между рынком и государством, где прибыль и государственное управление не играют главной роли⁹. Он обеспечивает гражданам возможность реально участвовать в решении социальных и иных проблем. «Организации третьего сектора сегодня играют все более важную роль внутри страны и на международном уровне»¹⁰. При этом деятельность общественных объединений, оказывающих поддержку предпринимателям, не должна сводиться только к решению проблем глобального характера. Предприниматели должны иметь возможность получить:

- дополнительное бизнес образование;
- консалтинг в области менеджмента, бизнес-планирования, маркетинга;
- участвовать в выставочной деятельности и деловых миссиях;
- альтернативную рекламную поддержку;
- постоянный доступ к информационным ресурсам.

Авторитет у предпринимателей завоеует только такая организация, которая сможет предложить спектр всеобъемлющих видов поддержки и помощи, при этом услуги должны оказываться на высоком профессиональном уровне и на доступную для предпринимателей плату¹¹.

Примечания

⁶ «О государственной регистрации юридических лиц» и Российской Федерации», Закона РФ от 14.04.1995 № 43-ФЗ, 1995. № 25. Ст. 2343.

- ¹ Давыдовская Е.В. Возможности банкротства юридического субъекта и методы преобразования общества. Справочник. 2002. С. 36.
- ² Бизнес-структуры объединения юридических лиц (Business Association). Журнал «Юридический мир». 2005. № 3-6.
- ³ Доклад о состоянии и развитии малого предпринимательства в Ростовской области в 2008 году и мерах по его государственной поддержке // <http://www.mvsn.ru/> анализ: ЮрИнформСистема, LLC
- ⁴ Малый бизнес – это национальное богатство // *Корпоративное управление в России* ТНТИ ЮФ. 2007. № 5 (157). С. 6-7.
- ⁵ О государственной регистрации юридических лиц Закон РФ от 08.08.2001 г. СЗ РФ. 2001. № 33. ч. 1 Ст. 1431.
- ⁶ Рыжков Л.В., Фадеева В.В. Доклад о состоянии предпринимательства. Справочник. 2006. С. 6-7.
- ⁷ Доклад Министерства Российской Федерации по развитию малого предпринимательства и поддержке предпринимательства в Ростовской области // <http://www.mvsn.ru/> анализ: ЮрИнформСистема, LLC
- ⁸ Воронцов А.В. Юристы-предприниматели. Справочник. 2006. Ч. 2. С. 42-46.
- ⁹ Воронцов А.В. Информационно-правовые системы образования. 2007.